

Саратовская государственная консерватория
имени Л.В.Собинова
Международный Центр
комплексных художественных исследований

Диалог искусств и арт-парадигм

Статьи. Очерки. Материалы

Том 59

*По материалам XI Международного форума
«Диалог искусств и арт-парадигм»
«SCIENCEFORUM PAN-ART XI»*

2 апреля 2023 года

Время Шаляпина и Рахманинова

Саратов, 2023

ББК 85.03(0)
Д 44

Печатается по решению Совета по НИР
Саратовской государственной консерватории
имени Л.В. Собинова

Д 44 Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. Том 59: по материалам XI Международного научного форума «Диалог искусств и арт-парадигм» «SCIENCEFORUM PAN-ART XI». Время Шаляпина и Рахманинова. 2 апреля 2023 года / Редактор-составитель А.И.Демченко. – Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2023. – 346 с.

ISBN 978-5-94841-609-0 (Т. 59)

ISBN 978-5-94841-314-3

В пятьдесят девятом томе предлагаемого альманаха представлен третий блок статей российских и зарубежных участников X Международного научного форума «Диалог искусств и арт-парадигм» («SCIENCEFORUM PAN-ART XI»), который проводился 2 апреля 2023 года Международным Центром комплексных художественных исследований Саратовской государственной консерватории имени Л.В.Собинова. Ведущая тема форума была сформулирована следующим образом: «Великие ровесники и их время. К 150-летию со дня рождения С.Рахманинова и Ф.Шаляпина». Содержание данного тома определяется его дополнительным названием «Время Шаляпина и Рахманинова», что предусматривало возможность исследовательских инициатив в пространстве самого широкого исторического и общехудожественного контекста времени конца XIX и первой половины XX века.

ББК 85.03(0)

ISBN 978-5-94841-609-0 (Т. 59)
ISBN 978-5-94841-314-3

© Саратовская государственная
консерватория имени Л.В. Собинова, 2023

Александр Демченко (Саратов)

Пять десятилетий трудов Максима Горького

Эволюция творчества Алексея Максимовича Горького (1868–1936) с достаточной планомерностью следовала смене пройденных им десятилетий писательского труда: 1890-е, 1900-е, 1910-е, 1920-е и 1930-е годы.

Этот почти полувековой творческий путь выдающегося представителя отечественной культуры начинался в *1890-е годы*, и его «старт» вошёл в историю русской литературы как явление необычайное.

Необычайным был уже тот факт, что с первых шагов в писательском мире так громко сумел заявить о себе юноша, пришедший из социальных низов, не получивший в сущности никакого образования и поднявшийся к большой культуре собственными усилиями.

Но сразу же приходится признать, что подобное происхождение пришлось очень ко времени – на волне всколыхнувшегося тогда жгучего интереса к положению тех самых низов общества и на волне активных поисков путей их раскрепощения. Чеховское «*так жить нельзя*» (или в другом варианте – «*больше так жить невозможно*») получило с появлением молодого литератора совершенно своеобразное наполнение, да и сам несомненно огромный Божий дар, данный Алексею Пешкову, был знамением времени.

Он вошёл в литературу со своей темой, которую поистине выстрадал, с отроческих лет изведавший тяжёлую жизнь «*в людях*» и многое повидавший в странствованиях по Руси. Это давало ему право в рассказах, очерках и фельетонах 1890-х годов бичевать «*хозяев жизни*», не жалую и интеллигенцию. Так, в новелле «Кирилка» (1899) ей адресована подспудная мысль: ругаете мужика, обсуждаете и поучаете его и едете на нём, объедая его самым безбожным образом.

Не жалуется молодой писатель и саму закабалённую массу. Так, в рассказе «Двадцать шесть и одна» (тот же 1899) с болью и беспощадной правдивостью повествуя о тёмной, забитой жизни простонародья, о тяжёлом, пригибающем и принижающем труде, делающем из чело-

века животное, тупой механизм, он с неменьшей беспощадностью показывает, как эти люди из дурных побуждений могут погубить самое светлое в их проклятой жизни.

Главными героями своего раннего творчества Горький избирает не просто бедноту, а голь перекатную: бродячий люд, уличные женщины, беспризорные дети, всякого рода *«бывшие люди»*, как гласит название одного из его произведений той поры.

Он без прикрас рисует юдоль задавленных нуждой, отверженных парий, которых существующий порядок загнал на самое «дно» жизни. В невыносимых условиях их прозябания уродство действительности того времени являло себя с особой очевидностью.

Показывая подобные «дебри» народной России, писатель не только сострадает тем, кто вынужден обретаться в них, но и страстно порицает пассивность, духовное рабство обездоленных. И он настойчиво выискивает в них крупницы того, что способно изменить порядок вещей: внушающие оптимистическую ноту ростки осмысленности, вызревающее неприятие укоренившегося уклада, просыпающаяся мечта об иной жизни, построенной по законам справедливости.

И тогда высвечивается мысль о том, что в бедственном положении повинен не только окружающий мир с его ущербностью, но и сам человек, безвольно склоняющийся перед лишениями. Увидеть причину своей подневольности в самом себе, подняться на бунт против неё и вырваться на просторы нового жизнечувствия – такой очерчивается траектория раскрепощающейся личности в рассказе «Супруги Орловы» (1897). И тот путь, на который вступает в конце повествования Григорий Орлов, виделся Горькому до поры до времени едва ли не единственно возможным.

Имеется в виду путь босячества, что в известном смысле стало культовым знаком раннего творчества писателя. Не случайно его самого поначалу воспринимали прежде всего как *«певца босяков и анархиста»*. Обрисованные им босяки представляли носителями новой морали, порывающей с условностями привычного существования, стремившиеся к полной независимости, понимаемой как свобода от общества.

Их индивидуалистическое бунтарство, не лишённое привкуса ницшеанства (разумеется, в его «простонародной» метаморфозе), вырастает у писателя в апологию сильных, гордых, широких натур, сбросивших оковы заурядного существования, что особенно явствен-

но в случае их противостояния к жадной, корыстной стяжательской психологии собственников.

Подобных персонажей он находит не в обыденной, рядовой массе (особенно крестьянской, которую ранний Горький заметно недолюбливал), а среди «особых» людей, которых он ставит в ситуации заострённые, на переломных моментах судьбы. При заведомой сомнительности их нравов автор видит в идеале «босяцкой вольности» стремление к жизни ясной, честной, красивой, безбоязненной. Поэтизируя этих диких детей человеческого естества, он временами отмечает их жажду сблизиться, соединиться, слиться с природой, жить на приволье, *«идти гулять по полям и дорогам»*.

Целая галерея таких натур в их всевозможных гранях предстаёт в таких рассказах, как «Дед Архип и Лёнька» и «Емельян Пиляй» (оба 1893), «Челкаш» (1894), «Коновалов» (1896) и «Мальва» (1897). Остаётся добавить, что всё сказанное выше отмечает несомненно романтическую подоплёку образов подобного рода.

Совершенно в ином ключе романтические устремления молодого Горького нашли своё выражение в группе произведений фольклорно-легендарного и аллегорического плана с примыкающими к ним композициями поэмого типа. И сразу же заметим, что эта линия частично протянулась по начало 1900-х годов («Песня о Буревестнике» 1901, «Человек» 1903).

В отличие от «расхристанности» босяков контуры вольнолюбия предстают здесь в плоскости возвышенной героики. И именно этот возвышенный строй жизнечувствия побуждал писателя обращаться на данном этапе к поэтическим формам выражения. Наиболее естественным способом такого выражения стала для него ритмическая проза (к слову, и во всей литературе этого времени получил распространение жанр стихотворения в прозе).

Основополагающие истоки этого, выдвинутого Горьким типа романтики приходится на один и тот же 1892 год – это был год его первых публикаций: «Чиж», «Макар Чудра», «Девушка и Смерть».

«Чиж» («Сказка о Чиже») утверждал право человека на мечту об иной, лучшей жизни. В «птичьем» иносказании Чиж-идеалист зовёт сородичей в *«новый мир неиспытанных наслаждений, в страну счастья, где нас ждёт великая победа, где мы будем владыками всего»*. И в ответ на скепсис Дятла-прагматика с его прозаической трезвостью Чиж оправдывает свою жизненную позицию следующим образом: *«Я хотел пробудить веру и надежду. Дятел, может быть, и*

прав, но на что нужна его правда, когда она камнем ложится на крылья».

Завершающим «аккордом» всего массива романтических вещей раннего Горького стала философско-лирическая поэма «Человек» (1903), выдержанная совсем в другом тоне. Без всякой иносказательности и без малейших сомнений она прокламирует то, что впоследствии прозвучит в одной из песен советского времени: *«Мечтать! Надо мечтать...»*. Преодолевая скуку, пошлость, ложь и злобу, здесь на максимуме утвердительности провозглашается вера в творческие силы человека, вера во всемогущество его разума и высокий смысл жизни в её неостановимом движении *«вперёд! и – выше»*.

Другой исток романтики Горького был ярко обозначен в самой первой его публикации – рассказе «Макар Чудра», центром и сутью которого становится легенда о Радде и Лойко. Она вырастает в подлинный гимн жизни, свободной от оков. Обыденному, заурядному, рабскому существованию противопоставляется жизнь гордых, исключительных натур, утверждающих своё право на свободу и красоту.

Гиперболизм этого повествования получил прямое продолжение в рассказе «Старуха Изергиль» (1895) с введёнными в него легендами о Ларре и Данко. С их вымыслами сопоставлены реалии вольной, гордой, *«жадной»* судьбы самой Изергиль, и в её уста вложена фраза, ставшая крылатой: *«В жизни всегда есть место подвигам»*.

Глубинный смысл легенд состоит в антитезе трактовок жизненного подвига: Ларра с его самоцельной игрой сил и своей исключительности по законам вседозволенности и Данко, отдающий своё сердце во благо людей, чтобы вывести их из смрада к солнцу.

Третий исток, изливающийся из 1892 года – сказка в стихах «Девушка и Смерть». Среди всего прочего здесь есть тонкие наблюдения, высказываемые от лица Смерти. Она, которая *«Занята неблагодарным делом // На земле и грязной, и недужной»*, наивно удивляется тому благодущию и благочинию, с каким люди отправляют на тот свет как правого, так и неправого.

*Беспощадною рукой
Люди ближнего убьют,
И хоронят, и поют:
«Со святыми упокой!»
Не пойму я ничего!
Деспот бьёт людей и гонит,*

*А издохнет – и его
С той же песенкой хоронят!
Честный помер или вор –
С одинаковой тоской
Распеваает грустный хор:
«Со святыми упокой!»
Дурака, скота иль хама
Я убью моей рукой,
Но для всех поют упрямо:
«Со святыми упокой!»*

Свежий и даже дерзкий строй стиха в конечном счёте нацелен здесь на то, чтобы пропеть гимн Девушке, побеждающей силой своей юности и воинствующим утверждением жизни во что бы то ни стало. Её поведение – это своего рода «безумство храбрых», одерживающее верх над всем и вся.

Любопытнейшим образом то же «безумство храбрых» высвечено в рассказе «Ошибка» (1894). В некотором роде являя собой парадраз на чеховскую «Палату № 6» (1892), он содержит в воззваниях одержимого идеей мессианства блёстки неслыханного энтузиазма.

Я – могуч! Во мне пылает бессмертный огонь желания подвига!.. Мы придём в обетованную страну... Там я напою моих братьев из кастальского источника свободы, и воспрянут их души к жизни творчества.... «Твори, ибо ты человек!» – прикажу я каждому.

Романтика подвига кульминировала у Горького в двух поэтических шедеврах: «Песня о Соколе» (1895) и «Песня о Буревестнике» (1901). Обе «песни» символизировали категорически выраженное размежевание жизненных позиций. С одной стороны, рабски приниженное существование, прячущееся в серой, заурядной обыденности.

Чайки стонут перед бурей – стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут – им, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах...

И рядом с ними Уж из «Песни о Соколе», афористически пригвождённый к столбу позора: *«Рождённый ползать – летать не может!»*.

По другую сторону «баррикад» находятся те, кто готовы на всё во имя жизни яркой, вольной, истинно дерзновенной, о которой с чувством удовлетворения и душевной отрады вспоминает умирающий Сокол: *«Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо...»* И гибель его оправдана: *«В бою с врагами истёк ты кровью... Но будет время – и капли крови твоей горячей, как искры вспыхнут во мраке жизни...»*.

Ещё более могучей и отважной предстаёт другая символическая птица. В исключительных вздыманиях своего духа она провидит горизонты чаемого грядущего.

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, чёрной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и – тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике – жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Как возвещает этот «пророк победы», «*Буря! Скоро грянет буря!*» То был глас близящихся эпохальных событий – и не только революционных в России, как это обычно истолковывалось, но и вообще тех социальных бурь, которые вызревали в мире на рубеже XX столетия. В том числе предвещающая яростные катаклизмы, которым предстояло сотрясать новый век. Отсюда появление строк, подобных приводимым.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятыем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утёсы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

Изъяснение метрической прозой и приподнятость речений служат великолепным средством возвышения, подчёркивая исключи-

тельность описываемого. К этому в обеих поэмах-аллегориях добавляется зримо-осязаемая картинно-изобразительная палитра, что ставит их в ряд самых уникальных живописных полотен. Сказанное, вместе с певучестью слога и звучной мажорной нотой, делает эти вдохновенные строки куда более сильными, чем многое в наследии «присяжных поэтов».

Подводя итог раннему творчеству Горького, можно утверждать, что в его произведениях этого времени получили яркое выражение особенности общественного подъёма 1890-х годов. Постепенно складывалась картина «потревоженной» России, в глубинах которой начинались большие сдвиги. Раскрывая «свинцовые мерзости» закосневшего уклада, писатель показывал зреющий протест против сложившегося миропорядка и стихийные попытки вырваться из его оков. Тем самым намечалось провозвестие рождения нового человека с «солнцем в крови», способного к подвигу и самопожертвованию во имя высокой идеи.

Субъективно-романтическое восприятие назревающих перемен порождало в литературном почерке раннего Горького повышенную эмоциональную напряжённость и порой исключительно горячий запал высказывания. Многие построены на острых, подчас кричащих противопоставлениях света и тьмы, когда мир либо ослепительно прекрасен, либо уродливо безобразен. То же и на уровне столкновения резко контрастных персонажей: дед Архип и Лёнька, Мальва и Яков, Челкаш и Гаврила, Сокол и Уж.

Антитетичность обнаруживает себя даже в самой жанровой структуре творчества тех лет. При абсолютном господстве малых форм находим, с одной стороны, тяготение к очерковости, что усиливало ощущение достоверности воспроизводимых ситуаций и характеров, а с другой – самобытные «стиховые» опыты. В качестве несомненной черты романтического мышления можно отметить и факт широких включений в тексты идущего от «я», всякого рода авторской речи и авторских отступлений.

1890-е были для молодого писателя этапом очень ярких дебютов, даже в определённом смысле триумфального вхождения в большую литературу. Его трёхтомное собрание «Очерков и рассказов» (1898–1899) вызвало в России и за рубежом небывалый отклик. Героико-романтические поэмы приобретали порой значение революционной прокламации.

Особенно это коснулось «Песни о Буревестнике», которую перепечатывали во всех городах страны, распространяли в распечатках на пишущей машинке и на листах, переписанных от руки, так что её «тираж» к середине 1900-х годов превосходил несколько миллионов экземпляров.

Именно ранним произведениям писателя принадлежали симпатии большинства читателей начала XX века. Ф. Гладков писал Горькому: *«Мы, идущие в массы и работавшие над собой, воспитывались на Вас. Те времена были связаны с Вашим именем. Не только интеллигенция, но и широчайшие массы жили Вашими образами. Это было неудержимое стремление живых сил к действию, к борьбе, к подвигу... Мы жили страданиями Данко. Недаром эти буйные образы созданы Вами в те времена. Вы горели огнём своей эпохи»* [12, 98].

Примерно о том же вспоминал и А.Макаренко: *«Мы старались понять, почему “Челкаш” забирает нас за живое. Мы чувствовали, что Горький искренней и горячей рукой лезет в нашу душу и выворачивает её наизнанку... Мы поняли, что наша жизнь действительно гнусная, что вся наша история – сплошная мерзость. Так началось новое моё сознание гражданина. Я не могу отделить его от имени Горького»* [14, 402].

Можно верить в то, что, помимо неувядаемой художественной ценности, лучшие создания молодого Максима Горького будут время от времени заново приобретать и свою социальную актуальность. И тогда с прежней гражданственной силой будут для нас звучать вещи строки *«В жизни всегда есть место подвигам»* и *«Безумству храбрых поём мы славу»*.

* * *

К концу 1890-х годов ярко выраженные романтические тенденции снижают свою значимость, усиливается реалистическая составляющая, что до поры до времени проявлялось не столько в тематике, сколько в манере высказывания. В формальном отношении самым явственным показателем эволюции художественной системы Горького в **1900-е годы** был переход к большим повествовательным жанрам и к драматургии. Сам писатель в 1901 году говорил о наступлении века *«духовного обновления»*, что означало для него выход к качественно новым проблемам и к масштабной их разработке.

Выше говорилось о том, что отдельные произведения Горького начала 1900-х ещё поддерживали тематический диапазон и стилисти-

ку предыдущего десятилетия («Песня о Буревестнике», «Человек»). Теперь, переходя к рассмотрению созданного писателем в 1900-е, находим, что предвестием обновляемой манеры оказался роман «Фома Гордеев», создававшийся в 1898–1899 годах. С этим произведением он вышел на тему, которая стала для него, пожалуй, наиболее магистральной и которую он разрабатывал до конца жизни: мир собственников, «деловых людей», «хозяев» жизни – по преимуществу в формах утверждавшегося тогда российского капитализма.

Здесь ещё весьма ощутим «след» 1890-х годов с характерным для них максимализмом писательской позиции. Персонаж, давший название роману – бунтарь, пытающийся противопоставить себя породившей его собственнической среде. Его внутреннее влечение к полнокровному бытию, его жажда живых чувств и искреннего общения, его тяга к красоте, любви, мудрой мысли оказываются совершенно несовместимыми с тем, что может предложить реально существующий мир.

В силу этого он предпринимает мучительный поиск в дебрях самого трудного вопроса человеческого существования – вопроса о смысле жизни. Этот поиск, а также сопутствующие ему чувство неудовлетворённости сущим и неизбежная противоречивость душевного тонуса частично были заложены в натуре отца Фомы – Игната Гордеева, который основал большой купеческий капитал. В его натуре как бы сосуществовали противоположные души.

Одна из них, самая мощная, была только жадна, и, когда Игнат подчинялся её велениям – он был человек, охваченный неукротимой страстью к работе. Эта страсть горела в нём дни и ночи, он всецело поглощался ею и, хватая всюду сотни и тысячи рублей, казалось, никогда не мог насытиться шелестом и звоном денег...

И вдруг – Игнат Гордеев как бы чувствовал, что он не хозяин своего дела, а низкий раб его. Он задумывался и, пытливо поглядывая вокруг себя из-под густых, нахмуренных бровей, целыми днями ходил угрюмый и злой, точно спрашивая молча о чём-то и боясь спросить вслух. Тогда в нём просыпалась другая душа.

Эту, «вторую» душу как раз и унаследовал Фома, что развилось у него в главное, определяющее. Постепенно он всё более мрачно расценивает жизнь людей, в том числе и тех, кто по внешности занят так называемым делом.

– Какое дело? Что оно, дело? Только звание одно – дело, а так, ежели вглубь, в корень посмотреть – бестолочь! Какой прок в делах?.. Обман один – дела эти все... Река течёт, чтобы по ней ездили, дерево растёт для пользы, собака дом стережёт... всему на свете можно найти оправдание! А люди – как тараканы – совсем лишние на земле... Всё для них, а они для чего? В чём их оправдание?

Сознание Фомы становится всё более сумрачным, в том числе и от кутежей, от шального разгула. Когда он начинает швырять направо-налево деньги, нажитые отцом, и однажды находит сильные обличительные слова в адрес своего купеческого сословия, его вяжут и отправляют в сумасшедший дом, после которого он ведёт самую плачевную жизнь юродивого, и в лицо ему насмешливо бросают: *«Эй ты, пророк!»*

Вот во что вылился бунт против заведённого порядка вещей и вот чем закончился для главного героя поиск смысла жизни. Объективности ради надо признать, что рядом с Фомой, изверившимся и потерявшим почву под ногами, писатель показывает среди людей его поколения и того же сословия типажей с крепкой хваткой и твёрдой волей.

Один из них – Яков Маякин, выступающий идеологом поднимающейся русской буржуазии. Он из тех, кто осознал свою экономическую силу и рвётся к политической власти.

Другой из таких типажей – когда-то одноклассник Фомы по гимназии, деловой человек новой формации. В ответ на вопрос *«А о каком ты проценте мечтаешь?»* он отвечает обстоятельно и внушительно: *«Я не мечтаю, я высчитываю со всей точностью. Производитель должен быть строго трезв, как механик, создающий машину... Нужно принимать в расчёт трение каждого самомалейшего винтика, если ты хочешь делать серьёзное дело серьёзно».*

И не лишена любопытства сентенция о деньгах, которая звучит из уст крутого, опытнейшего старого купца на вопрос Фомы *«Какая от них радость человеку?»*

– Деньги? Это, парень, много! Ты разложи их перед собой и подумай – что они содержат в себе? Тогда поймёшь, что всё это – сила человеческая, всё это – ум людской... Деньги пускают в дело... около дела народ кормится... а ты надо всем этим народом хозяин.

Но как бы ни были сильны названные противовесы безысходным исканиям Фомы, итогом повествования о его судьбе оказывается беспросветный пессимизм, что определяет полный крах жизни главного героя и что позволяет причислить первый роман Горького к категории трагического.

Примерно в том же проблемном плане решён и следующий роман – «Трое» (1900). Художественное исследование судьбы человека, ищущего правду жизни, проведено на примере трагической участи бедняка, ставшего собственником. Илья Лунёв, как и Фома Гордеев – характер исключительный по силе отрицания, по напряжённости внутренней жизни, по обострённой реакции на происходящее вокруг. Этим образом завершалась горьковская галерея бунтарей, жаждавших иной жизни, но не знавших пути к ней.

Завершая рассмотрение «следов» максималистской эстетики, восходящей к 1890-м годам, присоединим к названным выше произведениям пьесу «На дне» (1902). Завершая разработку темы голытьбы, босячества и разного рода «*бывших людей*», выбитых из жизненной колеи, Горький подаёт эту тему в совершенно новом развороте. Он добивается исключительной силы обличения общественной системы, обрекающей многих, подобно обитателям ночлежки, на столь плачевное и ужасающее прозябание.

Кардинально трансформируя традиционные каноны жанра, писатель выдвигает тип социально-философской драмы, где внешнее действие перестаёт играть ведущую роль, а движущей силой конфликта становится борьба идей. Узел их противостояния завязан на столкновении душеспасительных иллюзий божьего странника Луки и страстных сентенций Сатина о высоком назначении человека, о его праве на свободу и труд (знаменитое «*Человек!.. Это звучит гордо*»).

Пьеса «На дне» с наибольшей остротой передавала ярко выраженную социально-критическую настроенность, характерную для всей драматургии Горького первой половины 1900-х годов («Мещане» 1901, «Дачники» 1904, «Дети солнца» и «Варвары» – обе 1905). Она была обращена по преимуществу к жизни «среднего» класса, в том числе к интеллигенции, и в разных ракурсах поднимала самые животрепещущие вопросы того времени. Самый ходовой из них, созвучный настрою чеховских пьес тех же лет, был сформулирован в тираде из «Дачников»: «*Разве можно так жить, как мы жи-*

*вём? Яркой, красивой жизни хочет душа, а вокруг нас проклятая су-
ета...».*

Шлейфу обывательщины и закоснелого консерватизма в этих пьесах противопоставлен энтузиазм здоровых сил, готовых принять участие в коренных преобразованиях. И сам автор находился в деятельном поиске путей обновления России. С этой целью он предпринимает поездку за океан, результатом которой стала книга публицистических очерков «В Америке» (1906).

То, каким он воспринял сконденсированный опыт капиталистической цивилизации, оказалось для него под сплошным знаком «минус» и категорически неприемлемым. Как посланец аграрной и патриархальной в своей сущности страны он отнёсся к увиденному в зарубежной жизни с нескрываемым отвращением.

Квинтэссенцию этого неприятия даёт памфлет «Город Жёлтого Дьявола», где главная цитадель заатлантического континента предстаёт как крошечный ад, уготованный современному человечеству. Воссоздавая гротесковую картину в сгущённо мрачных тонах, Горький находит в своём пафосе отрицания всевозможные ресурсы изобличения. Благодаря этой заведомой и демонстративной тенденциозности авторского взгляда удаётся в призме обличья Нью-Йорка, словно скальпелем, вскрыть язвы урбанизированного существования, о котором писатель говорит с ненавистью, ужасом и болью.

Как огромные черви, ползут локомотивы, крикают, подобно жирным уткам, рожки автомобилей, угрюмо воеет электричество, душный воздух напоен тысячами ревущих звуков. Скользят по воде океана, как допотопные чудовища, огромные железные суда, мелькают, точно голодные хищники, маленькие катера.

Город дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением. Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа – в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их.

И повсюду «дикий вой, визг, рёв, дрожь камня стен, дребезг стёкол в окна». А главным персонажем этого вертепа выступает железо как определяющий синоним урбанизма: «Оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосёт кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растёт, растёт, опираясь на безмолвный камень, всё шире раскидывая звенья своей цепи».

Другой паутиной, в плену которой оказываются обитатели Нью-Йорка, становится сам город, сотканный из камня, стекла и железа и, на взгляд выходца из России, убивающий *«безобразием домов, мерзостью узких улиц»*. В этих «джунглях» днём и ночью мельтешит толча снующих, как насекомые: *«Люди, маленькие, чёрные, суетливо бегут... Вокруг кипит, как суп на плите, лихорадочная жизнь. И вертятся, исчезают в этом кипении, точно крупинки в бульоне или щепки в море, маленькие люди»*.

Определяя это как *«хаос безумия»*, писатель воссоздаёт образ таинственного чудовища, управляющего обесчеловечиванием жизни. Имя этого монстра вынесено в заголовок памфлета – *Жёлтый Дьявол* (разумея золото, власть денег), который, *«хитро усмехаясь, строит для всех одну огромную, но тесную тюрьму»*. Здесь люди обречены на жизнь *«без солнца, без песен и счастья, в плену тяжёлого труда»*.

И, если довериться писателю, то это, действительно, *«проклятый, несчастный город»*, от которого исходят *«гнойные язвы и ядовитые испарения»* и где *«грязь пропитала собою всё: стены домов, стёкла окон, одежды людей, поры их тела, мозги, желания, мысли»*.

Отталкивающие впечатления от положения дел в одной из лидирующих стран капиталистического мира укрепили Горького в мысли, что для отсталой, горемычной, «лапотной» России плодотворное обновление и преобразование должно быть связано с социалистическим движением. В этой мысли писателя поддерживало и сильнейшее нарастание освободительной борьбы, вылившееся в Первую русскую революцию, в которой он принимал непосредственное участие.

Когда Горький утверждал в известном письме Чехову *«Настало время нужды в героическом»*, он уже подразумевал не стихийный бунт мятежных одиночек с их романтическим ореолом, а организованное движение масс, ставящее перед собой совершенно конкретные и реальные задачи. И в массе этой в качестве главного действующего лица он начинает выделять фигуру пролетария.

Впервые подобное произошло в романе «Фома Гордеев», а в следующем за ним романе «Трое» изверившемся главному герою уже весьма отчётливо противопоставлен рабочий Грачёв, нашедший правду в социалистическом кружке. Затем в первой горьковской пьесе «Мещане» последовал машинист Нил – так и на сцену впервые

был выведен русский рабочий как активный герой, жаждущий переделать мир.

Свою кульминацию эта линия обрела в двух произведениях 1906 года, которые нередко причисляют к вершинным созданиям Горького 1900-х – пьеса «Враги» и роман «Мать».

Что касается пьесы, то её впервые в русской драматургии отличает открыто политическая направленность. В лице Скроботовых показана буржуазия, стремящаяся к диктатуре, в образах Бардиных выведены либералы, которые пытаются пробиться к власти путём соглашения с самодержавием. И чётко осознаётся противостояние господ и простого люда – это *враги*.

Автор с большой симпатией рисует рабочих и социалистов. Им сочувствуют лучшие из среды интеллигенции. Перспективой столкновения двух социальных лагерей видится грядущее торжество масс – в конце пьесы дважды звучит реплика «*Эти люди победят*».

В романе «Мать» Горький заведомо тенденциозен. Он концентрирует мрачное, тяжёлое, отталкивающее в обрисовке прежнего, застоявшегося жизненного уклада и в немалой степени идеализирует идущее ему на смену. Хотя следует признать, что сквозь призму видения старой Ниловны подмечаются недостатки носителей нового и прежде всего нехватку человечности, доброты в их чисто житейских поступках. В этом писатель безусловно прозорлив, уже угадывая авторитарность и командный тон будущих правофланговых Советской власти.

Тем не менее, он приветствует молодые побеги иной жизни, упорно прорастающие на почве революционного подполья. И более всего его радует процесс духовного выпрямления рядового человека, преодолевающего былую темноту и подавленность. Это для Горького – самое главное, потому всё основное в романе вращается вокруг матери Павла Власова, всё увидено её глазами, всё проведено через её сознание.

Пробуждение народа в целом – вот что занимало Горького в первую очередь. Поэтому такой силой наполнен превосходно написанный очерк «Девятое января» (1907) и веет оптимизмом от повести «Лето» (1909), где по-новому изображено крестьянство, к которому он всегда относился с большой насторожённостью.

Отмеченное выше обращение Горького 1900-х годов к крупным литературным формам (роман и драма) носило не просто количественный характер – это знаменовало совершенно иной масштаб его

писательского кругозора и неизмеримо более широкий охват реалий окружающего мира. Ему удалось в полной мере передать взрывчатую атмосферу времени и ритм стремительно обновляющейся действительности.

Выдвинутые им новаторские типы романного повествования и драматургии вызвали бурный резонанс в демократической аудитории. Так, пьеса «На дне» триумфально обошла сцены мира. В России исполнение отдельных его пьес приводило к демонстрациям против царского правительства.

Магистральной темой начала XX столетия стало противоборство старого и нового, и Горький связал её с процессами классовой поляризации. Утверждая неизбежность крушения прежнего уклада и уже неостановимое нарастание роли социалистических идей, он предугадывал ближайшее будущее страны.

Сделав героем трудовую массу и вырастающую из неё фигуру борца за другое жизнеустройство, писатель закладывал фундамент той литературы, которую впоследствии стали соотносить с понятием *социалистический реализм*, и что важнее – той литературы, которой предстояло со временем перерасти в литературу советской эпохи.

* * *

В *1910-е годы* Горький явственно тяготел к цикличности творческих замыслов. Это обнаруживает даже серия новых пьес, где во всевозможных ракурсах показывается процесс распада буржуазного класса («Чудаки», «Дети», «Васса Железнова», «Фальшивая монета», «Зыковы», «Старик», «Яков Богомоллов»).

Дилогия повестей «Городок Окуров» (1910), «Жизнь Матвея Кожемякина» (1911) и примыкающие к ним «Записки доктора Ряхина» (1912) составили так называемый окуровский цикл, в котором писатель во многом отталкивался от впечатлений времён своей ссылки в Арзамас. Здесь сплелись разные нити отношения к уездной жизни.

С одной стороны, заметно стремление автора с пониманием всмотреться в пёстрый мирок «малой» России, оторванной от культуры, оценить своеобразие ущербных и вместе с тем колоритных типажей. С другой – желание показать одуряюще однообразное существование в «звериной глуши», где гнездится косная власть мещанства, которая душит всякое проявление живой мысли и за внешним благообразием которой может таиться жестокость, насилие.

И ещё одна антитеза: провинциальное прозябание, «дремучий» застой порождают пассивность, неспособность человека распорядиться своей судьбой, что оборачивается трагедией бессмысленно прожитой жизни. Но, тем не менее, оказывается, что под влиянием революционных событий даже здесь начинается брожение и возникает смутная тяга к неведомому.

Одновременно с окуровским циклом начинала создаваться большая серия реалистических повествований «По Руси» (1912–1917). Она выростала постепенно. Первые одиннадцать рассказов были опубликованы в 1912–1913 годах, остальные восемнадцать появились в печати в 1915–1917, и все вместе писатель объединил в цикл в 1923 году.

Их могло быть и больше, и меньше, они различаются по складу – чаще всего это не столько рассказы, сколько очерки, зарисовки, наброски, эпизоды, впечатления, воспоминания о судьбах и характерах людей или просто о случаях из жизни. Так что в целом перед нами скорее мозаика, но в пёстрой череде частных формирется объёмная картина российской реальности начала XX века.

В этой картине присутствуют два полюса: желаемое и действительное. С *действительным* связана главная, господствующая магистраль повествования, и действительное это поистине удручающе. «Расея» сплошь и рядом предстаёт у Горького грязной, нищей, оборванной, перебивающейся как попало в холоде, голоде, тряпье, в дрязгах и бессмысленности. Отсюда *«безысходная, бестолковая тоска русской жизни, разогнанной по глухим лесным уездам, покорно осевшей на тонких берегах тусклых речек, в маленьких городах, забытых счастьем»* (рассказ «Губин»).

Обсуждая на разные лады это серое, угрюмое, неприглядное существование русского человека, писатель весьма критически расценивает и некоторые особенности его натуры. Перечень порочного начинается с хрестоматийного *«... беда наша, водочка эта!»*, когда *«обезумев от пьянства и тоски поражают друг друга дикими выходками»*.

Но есть и худшее зло. Усомнившись в расхожих суждениях о душевности и доброте русского народа, Горький обнаруживает в национальном характере безразличие к чужой беде, неспособность откликнуться на несчастье другого.

Подобное бессердечие может обернуться тем, что и сама жизнь человеческая не ставится ни в грош. О загубленных душах здесь го-

ворят как о бытовых мелочах и убивают друг друга легко, чуть ли не с весельем («В ущелье»). Бывает и такое, что красивая молодая баба только ради своего жизненного удобства без малейших угрызений совести подбивает окружающих отправить на тот свет свёкра («Ералаш»).

«Непонятно грубая и жестокая, убийственно скучная, грязная, нищенская и больная жизнь... её ненужность, бессмыслие, безобразия» («Нилушка») – вот такой, донельзя неприглядной виделась писателю картина России начала XX века. И по этой причине в качестве абсолютно необходимого среди мрака и скверны возникал в сознании человека мираж желаемого.

Среди беспредельно скучной, однообразной, постылой жизни рождается мучительная жажда просвета в ней. И пусть изредка, но мелькнёт порой в круговерти людской чистое, доброе, разумное существо, светлая голова с мечтой об ином, лучшем.

Или среди всяческой гнили и смрада объявится вдруг *«лёгкий человек»* (это название одного из рассказов), который может хорошо сказать об одном из желанных чувств: *«Разве есть что лучше любви? Ты только подумай – что такое ночь? Все обнимаются, целуются – эх ты, брат! Это – такое, знаешь... этого даже и не назовёшь никак! Действительно, послал нам Бог радость»*.

Возвышая над серой обыденностью, взывает подчас «солнечным зайчиком» весёлое, шумное сборище провинциальной интеллигенции, блистающее умом, образованностью («Вечер у Шамова»). Но главное для Горького – Россия *«маленьких великих людей»*, где таится сила несметная, где есть ширь, размах, простор, где встречается *«здоровый, литой народ... бородастое, доброе зверьё»* («Едут...»). И наперекор тусклому унынию вскипает там временами безоглядная радость жизни.

В раскрытии национального характера Горькому присуща внутренняя диалектика. Допустим, в рассказе «Ледоход» его русский мужик отнюдь непрост, вороват, изворотлив и говорит про себя: *«Что ни делай, как ни кружись, ну – без хитрости, без обману никак нельзя прожить, такая жизнь»*.

Но он же при желании может быть дельным, мастеровитым, искусным, а в трудных обстоятельствах способным на поступок. И вот, собрав в кулак волю-силу, из обычного мужичка вырос *«воевода-человек, который, идя впереди людей, заботливо, умно и властно вёл их за собою»*.

Эта диалектика ярко высвечена в рассказе «Рождение человека», который стал зачином цикла и который сам писатель больше всего любил из своих вещей. Как сплетаются здесь контрасты обездоленности и отрады, убогого и прекрасного, суетного и возвышенного!

Кульминацией становится момент, когда ничем не примечательная, грешная русская баба, только что обезображенная нечеловеческой болью родовых схваток, разрешившись младенцем, испытывает великое просветление. И свидетель происшедшего видит как *«насквозь промытые слезами страданий удивительно расцветают, горят её бездонные глаза синим огнём... она улыбается всё ярче – так хорошо и ярко, что я почти слепну от этой улыбки»*. И вот женщина склоняется над новорождённым.

– Господи, Боженька! Хорошо-то как, хорошо! И так бы всё шла, всё бы шла, до самого аж до краю света, а он бы, сынок – рос, да всё бы рос на приволье, коло матерней груди, родимушка моя...

Из сопричастия с подобным в жизни рождается звучное авторское резюме: *«Превосходная должность – быть на земле человеком!»*

В цикле «По Руси» часто поминается категория *«неудавшихся людей»* – людей с задатками, выделяющихся из серой массы, но по разным причинам не сумевших реализовать свой потенциал. Один из них стал героем повести «Хозяин» (1913), которую во многих изданиях достаточно правомерно присоединяют к рассмотренной выше серии рассказов.

Здесь совершенно в том же роде обрисована низовая Россия начала XX века с жизнью скудной, подневольной и донельзя тусклой, лишённой смысла и цели. В толпе работников проблески хорошего, доброго тонут в грязном цинизме и злобном кураже: *«Все какие-то невспаханные души: густо и обильно поросли́ они сорной травой, а занесёт случайно ветер пшеничное зерно – росток его хиреет, пропадает»*.

Центральный персонаж повести – собирательный тип сермяжного русского предпринимателя, который старается всех держать в кулаке: работников – палкой и грубостью, начальство – пряником, то бишь звонкой монетой. Горький с брезгливостью набрасывает его портрет: разъевшийся, напоминал огромного, уродливого цыплёнка, говорил визгливо да ещё *«от него исходили душные, жирные запахи,*

как от помойной ямы в жаркий день». Не лишённый ума, этот крутой самодур отличался завидным самомнением и жаждал заправлять большими делами.

– Разве я для такого дела? Я – для дела в десять тысяч человек! Я могу так ворочать – губернаторы ахнут!.. Показал бы я дело – на всю губернию, на всю Волгу.

Автор, узнав о его бегстве после сфальсифицированного банкротства, делает такой вывод: *«Живёт некто, пытается что-то создать, стягивает в русло своих намерений множество чужих сил, умов и волю, пожирает массу человеческого труда и вдруг – капризно бросает всё недоделанным, недостроенным, да часто и самого себя выбрасывает вон из жизни».*

И этот «неудавшийся человек» в некотором роде становится синонимом России, которую Горький воспринимал «неудавшейся» страной. К ней, как и к тому самому хозяину, относится печальное *«Жалко его до боли – всё равно, кто б он ни был, жалко бесплодно погибающую силу».*

В «Хозяине» и цикле «Русь» очень важную роль играет фигура рассказчика. Он активно «вмешивается» в происходящее, самым непосредственным образом реагирует на него. Донося жестокую правду жизни народа, всей душой печалась о нём, так что его *«сердце угрюмо сжимается великой, неизбывной, на всю жизнь данной тоскою»* (рассказ «Женщина»), ему представляется, как, глядя на души человеческие, Богородица скажет Христу: *«Вот до чего запуганы люди Твои на земле и как непривычна им радость! Хорошо ли это, Сыне мой?»* («Покойник»).

Более того, получается так, что рассказчик постоянно живёт с тем, о чём повествует, и с ним в сюжеты часто входит то новое, чего так недостаёт окружающей жизни – безусловно позитивные задатки, чуткость к людским несчастьям и бедам, отзывчивость на страдания и красоту мира. Он ищет доброе, разумное и всячески поддерживает это в других.

Следовательно, в данном случае речь должна идти не просто о значимости авторского начала – это открытый автобиографизм, что стало отличительной чертой писательской манеры Горького 1910-х годов (примечателен в данном отношении подзаголовок повести «Хозяин» – *Страница автобиографии*).

Отмеченная тенденция своё прямое выражение получила в знаменитой автобиографической трилогии повестей «Детство» (1913), «В людях» (1914), «Мои университеты» (1922). В них поэтапно запечатлён путь человека из низов к высотам культуры. Способный к духовному саморазвитию, он пробивается к ним сквозь густой слой мерзостей жизни, в преодолении неисчислимых внешних препятствий и противоречий собственного сознания.

Рассматривая этот цикл, пока что обратимся к его двум первым частям, так как последняя, создававшаяся после перерыва в семь-восемь лет, во многом принадлежит следующей фазе творческой эволюции Горького.

Плохое, неприглядное в жизни, окружавшей детство и отрочество писателя, господствовало и подавляло. Повести пестрят эпизодами скверны людской, исходившей и от близких людей. Дикие нравы и просто зверства царили в семье деда, который особенно часто рукоприкладствовал в отношении любимой бабушки Алексея.

Однажды она рассказала мальчику о его отце. Когда-то он жил в семье деда, дядья Алексея невзлюбили его и однажды надумали погубить. Шли зимой из гостей вместе с ним, заманили на пруд и столкнули его в прорубь.

– Ну, столкнули они его в воду-то, он вынырнул, схватился руками за край проруби, а они давай бить его по рукам, все пальцы ему растоптали каблуками. Счастье его – был он трезвый, а они – пьяные, он как-то, с Божьей помощью, вытянулся подо льдом-то, держится вверх лицом посереде проруби, дышит, а они не могут достать его, покидали некоторое время в голову-то ему ледышками и ушли – дескать, сам потонет!

Отец Алексея выжил и не выдал обидчиков. Звали его Максим – может быть, памятуя о его добросердечии, писатель ввёл это имя в свой псевдоним.

Как и память об отце, в сознании мальчика откладывались редкие мгновенья светлого, отрадного. Более всего это было связано с образом бабушки.

До неё как будто спал я, спрятанный в темноте, но явилась она, разбудила, вывела на свет, связала всё вокруг меня в непрерывную нить, сплела всё в разноцветное кружево и сразу стала на всю

жизнь другом, самым близким сердцу моему, самым понятным и дорогим человеком. Это её бескорыстная любовь к миру обогатила меня, насытив крепкой силой для трудной жизни.

Повзрослев, отрок на своё удивление порой обнаруживал, что в некоторых грубоватых душах таится чувствительная струна. Один такой, повар Смурый, больше похожий на зверя, заставлял служившего ему Алёшу читать книги. После прочтения гоголевского «Тараса Бульбы» он *«взял у меня из рук книгу и внимательно рассмотрел её, окапав переплёт слезами. – Хорошая книга! Просто – праздник!»*

И сам Алёша, читая книгу за книгой, находил в них не только отдушину от тягот и дрызг пакостного существования, но и, сравнивая его с прочитанным, в своём нравственном становлении приходил к выводу о необходимости переделать и собственную жизнь, и всю жизнь вокруг.

И так хочется дать хороший пинок всей земле и себе самому, чтобы всё и сам я завертелось радостным вихрем, праздничной пляской людей, влюблённых друг в друга, в эту жизнь, начатую ради другой жизни – красивой, бодрой, честной...

Но это оставалось только мечтой, благим пожеланием. Реальность, когда-то пережитая ребёнком и подростком, побуждала автора и в 1914 году, году завершения второй повести, во всеуслышание заявлять: *«Подлой и грязной жизнью живём все мы!»* От неё в ясное утро хочется бежать в поля, поскольку *«уж я знаю, что люди, как всегда, запачкают светлый день»* и поскольку царит то гнусное прозябание, где повсюду суесловие, зависть, злоба, пьянство и драки, где *«лаются друг с другом, как злые псы»*.

Таков печальный сказ о вопиющей нескладности русской жизни и русского человека. И как можно заключить, ареал этого сказа выходит далеко за пределы двух первых повестей автобиографической трилогии, распространяясь на весь основной массив произведений писателя 1910-х годов.

В отмеченном можно усмотреть чуть ли не склонность к мизантропии. На самом деле, резко критический взгляд писателя был обусловлен глубоко выношенной болью за Отечество и соотечественника. И именно эта боль побудила его в своё время взять для себя псевдоним *Горький*.

1920-е годы стали для творчества Горького временем перепутья. Их первая половина так или иначе прошла под знаком дления того, что было характерно для предыдущего десятилетия. Дление это начиналось с момента Октябрьской революции, которую писатель воспринял с большими вопросами для себя.

Казалось бы, он был её Буревестником, и в согласии с его мечтаниями всё и вся в жизни страны менялось коренным образом и менялось для народа, о котором он так радел. Но писатель неожиданно усомнился и в публицистической книге «Несвоевременные мысли» (1918) резко критиковал взятый Лениным курс радикальных преобразований, говорил об их преждевременности, об опасности анархии и разрушительных последствий (к слову, невзирая на авторитет Горького, новая власть вскоре запретила эту книгу).

Растерянность перед лицом происходящих событий, осознание огромных трудностей времени и множества различного рода отрицательных явлений, пессимистическая оценка кардинальной ломки получили проекцию в его лучшем произведении первых послеоктябрьских лет – мемуарном очерке «Лев Толстой» (1919, окончательная версия – 1923).

Написанный в трудную пору идейных исканий писателя, он воссоздаёт портрет до крайности противоречивой натуры, и всё здесь подчинено тому, чтобы раскрыть драматизм фигуры Толстого, всячески акцентируя «*борение двух начал в духе его*» (тому же по-своему служит и структура сложной «мозаичной» композиции).

Во многом проекцией острого духовного кризиса тех лет стала и последняя книга автобиографической трилогии – «Мои университеты» (1922). Её герой находится в мучительных поисках смысла жизни, напряжённо вглядывается в окружающий мир, переполненный противоречиями, пытается преодолеть «*трагический хаос*» существования, вырваться из идейного тупика. Тяжёлый пресс зигзагов и козней судьбы, нарастающее чувство одиночества и беспомощности приводят на драматической кульминации к попытке самоубийства.

Повесть «Мои университеты» с предыдущими частями трилогии объединяют мотив нравственного становления и характерное для мирозерцания Горького весьма насторожённое отношение к низовой массе. На этот счёт можно привести эпизод, когда, вращаясь в кругу

студентов народнического толка, он не мог согласиться с их представлением о народе.

Я с изумлением и недоверием к себе чувствовал, что на эту тему не могу думать так, как думают эти люди. Для них народ являлся воплощением мудрости, духовной красоты и добросердечия, существом почти богоподобным, вместилищем начал всего прекрасного, справедливого, величественного.

Я не знал такого народа. Я видел плотников, грузчиков, каменщиков, знал Якова, Осипа, Григория, а тут говорили именно о единосущном народе и ставили себя куда-то ниже его, в зависимости от его воли. Мне же казалось, что именно эти люди воплощают в себе красоту и силу мысли, в них сосредоточена и горит добрая, человеколюбивая воля к жизни, к свободе строительства её по каким-то новым канонам человеколюбия.

И всё тем же остаётся выношенное на собственном многострадальном опыте представление о скверных повадках этого народа. Клеймящая фраза о русской жизни, которая неоднократно звучала прежде, повторяется и здесь – «свинцовые мерзости». Одно из наблюдений, ходовое в литературе под знаком вывода «человек добр, люди злы», изложено у Горького так.

Да, я видел, что в каждом из этих людей, взятом отдельно, не много злобы, а часто и совсем нет её. Это, в сущности, добрые звери – любого из них нетрудно заставить улыбнуться детской улыбкой, любой будет слушать с доверием ребёнка рассказы о поисках разума и счастья, о подвигах великодушия.

Но когда на сельских сходах или в трактире на берегу эти люди соберутся серой кучей, они прячут куда-то всё своё хорошее и облачаются, как попы, в ризы лжи и лицемерия, в них начинает играть собачья угодливость пред сильными или охватывает волчья злоба. Ощетинясь, оскалив зубы, они дико воют друг на друга, готовы драться из-за пустяка. В эти минуты они страшны и могут разрушить церковь, куда ещё вчера шли кротко и покорно, как овцы в хлев.

На тот же этап творчества приходится расцвет жанра, который получил обозначение *литературный портрет*. Его истоки восходят к

очерку «А.П.Чехов» – примечательно, что написанный в 1905 году, свой окончательный облик он обрёл в 1923-м.

Второе рождение этого жанра приходится на 1919 год, когда появился упоминавшийся выше очерк «Лев Толстой», где был обозначен уровень, до которого прежде русская литература не поднималась.

В перечне из 29 произведений подобного рода преобладают фигуры литераторов (Леонид Андреев, Александр Блок, Сергей Есенин и т.д.), но одной из самых больших удач должен быть назван очерк «В.И. Ленин» (1924, вторая редакция 1931).

Каким бы ни было в посткоммунистические времена наше отношение к этому историческому лицу, нет оснований для отнесения сказанного Горьким к области мифопоэтики. И потому, что он был из тех, кто близко знал Ленина, и говорит он о нём очень искренне, с убеждающей правдивостью. И потому, что перед нами подлинный шедевр эссеистики в ранге большой литературы, а это с точки зрения искусства делает его истиной в последней инстанции.

Возможно, долю тенденциозности можно усмотреть в единственном. Писатель был недоволен первоначальным текстом, опубликованным в год смерти Ленина. Работая над окончательной версией уже в начале 1930-х, он интуитивно или осознанно привнёс в текст завуалированное противопоставление того, за кем закрепили формулу «самый человечный человек» (В. Маяковский), новоявленному «вождю народов».

По смысловой плотности текста с обилием событий и характеристик перед нами настоящая повесть. Этот внутренний масштаб позволил обрисовать личность исключительно одарённую, сумевшую подчинить все силы главной цели – революционному преобразованию мира. Поразительную целеустремлённость своего героя Горький подчёркивает неоднократно.

Трудно передать ту естественность и гибкость, с которыми все его впечатления вливались в одно русло. Его мысль, точно стрелка компаса, всегда обращалась остриём в сторону классовых интересов трудового народа.

При всём том писатель отмечает в нём завидную полноту жизненного проявления. Это был «прекрасный товарищ, весёлый человек, с живым и неутомимым интересом ко всему в мире». Он находил время для чтения художественной литературы и для слушания музы-

кальной классики, «умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать “Историю костюма”, удить рыбу...» и очень любил смешное, забавное, весёлое.

Горьковский портрет не имеет ничего общего с идеализацией. Анализируя облик крупной личности, человека с большой буквы, писатель подаёт его образ объёмно, без прикрашенности, отмечая явные промахи. Так, при всём знании людей и превосходной интуиции Ленин «не смог раскусить» одного из политических негодяев и не понял поэзии Маяковского.

К тому же он мог выглядеть несколько комично: «*Картавит и руки сунет куда-то под мышки, за жилет, стоит фертом... В этой позе было что-то удивительно милое, что-то победоносно петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаяннго мира сего*».

Естественность и непосредственность поведения Ленина («ничего от “вождя”») подчёркивается путём сопоставлений с высокомерием аристократичного Плеханова. На сей счёт из уст рабочих звучит: «*Плеханов – наш учитель, наш барин, а Ленин – вождь и товарищ*». И об отношении к нему тех же рабочих: «*Чтобы был другой человек, которого я бы сразу полюбил, как этого – не верится*» или «*Этот – наш!*» и ставшее хрестоматийным «*Прост, как правда*».

Законченным силуэт вождя делает скульптурно очерченная конфигурация ленинского слова и его внешнего облика – именно в это время и именно таким изображал его в своих скульптурных портретах много работавший с натуры Н. Андреев.

Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре – точно произведение классического искусства: всё есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были – их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

«*Произведение классического искусства*» – таковым является и сам горьковский очерк, воспринимаемый как воздвигнутый в вербальных формах монумент, чему отвечает литое, ясное, точное, рельефное слово.

Здесь, как в кристалле, предстала модель личности, которая станет мерилем лучших качеств советского гражданина грядущих десятилетий: гуманность, демократизм и оптимизм человека «непоколе-

бимо убеждённого в возможности на земле социальной справедливости». К этому в художественном творчестве присоединятся намеченные в очерке Горького критерии классичности и реализма.

Ту же перспективу открывал роман «Дело Артамоновых» (1925), где прослеживается история трёх поколений династии фабрикантов от реформ 1861 года до Октябрьской революции, то есть от времени заката крепостного права, когда для России открылся путь капиталистического развития, и до момента, прекратившего существование любых Артамоновых.

В конкретике данного повествования им противопоставлены три поколения семьи ткачей Морозовых, которые постепенно осознают себя подлинными хозяевами жизни. И по ходу изложения столь же постепенно вызревает мысль: предприниматели – вроде бы и «двигатели» всего, однако на поверку они всё более оказываются в стороне, а главные – это те «рабочие люди», руками которых «дело» делается.

В этом романе ещё проскальзывают отголоски характерных для Горького первой половины 1920-х годов пессимистических настроений и былого неверия в разумность происходящих радикальных перемен.

По поводу первого всплывает мысль о бессмысленности жизненной суеты на любом её уровне – от мала до велика, от самой низкой сферы до самой высокой. Что касается второго, то показательно трезвое суждение одного из персонажей: *«Я вообще нахожу, что революционная деятельность в России – единственное дело для бездарных людей».*

Тем не менее, в целом колебания и сомнения отходят здесь далеко на второй план, поскольку, достаточно отчётливо представляя себе ущербное и теневое в жизни «страны Советов», писатель убеждался в том, что она идёт вперёд и народная масса, о которой он так болел всегда, меняется к лучшему.

С середины 1920-х годов в замыслах писателя происходит разворот к формату социально-исторического эпоса, становой жилой которого становится поэтапное движение прежней российской действительности к точке коренного перелома, когда прошлое оказывается порушенным категорически и бесповоротно.

Делая в своих последних трудах сутью концепции художественную «анатомию» русского капитализма, Горький выходит на большие историко-философские обобщения, воссоздавая панораму пред-

революционной жизни в самом широком хронологическом диапазоне (в «Деле Артамоновых» это более полу столетия).

Такого рода историзм мышления неизбежно означал отход от животрепещущей актуальности и крен в уходящее прошлое, то есть своеобразный ретроспективизм. Теперь писатель только изредка отвлекался на «репортажи» из настоящего (циклы «По Союзу Советов» 1921, «Рассказы о героях» 1930–1931). В 1928 году, выступая перед комсомольцами, то есть именно перед теми, кто шёл на смену, он объяснял подобную позицию следующим образом.

Моё дело и дело других литераторов моего поколения – спеть панихиду, договорить и докончить историю того класса, который сейчас уходит и скоро уйдёт совсем. Наше дело – покончить с тем человеком, который не хочет перестраивать мир, который хочет устроить для себя уютный палисадник, где можно было бы по праздникам спокойно есть пироги [4, 2].

* * *

Именно в согласии с этой программой и развивалось творчество Горького *1930-х годов*.

Завершающий взлёт переживает его драматургия: «Егор Булычов и другие» (1931), «Достигаев и другие» (1933) и примыкающая к ним «Васса Железнова» (созданная в 1910 году, она подверглась коренной переработке в 1935-м). Первые две пьесы образуют единый цикл, в том числе и потому, что многие персонажи переходят из одной в другую.

Общее для всех трёх пьес состоит в том, что, хотя их действие ограничено рамками камерной обстановки, благодаря событийной насыщенности и калейдоскопу контрастных лиц, Горький добивается широты охвата исторического процесса, эпического масштаба происходящего.

При этом социально-философский анализ сочетается с особой сложностью и углублённостью психологических характеристик, а в сравнении с предыдущими сценическими произведениями образы становятся более выпуклыми и пластичными. Посредством социальной заострённости противопоставлений этих образов драматург раскрывает обречённость прежнего миропорядка, его вырождение и исторически закономерную неизбежность революционных перемен.

Мысль о нравственной несостоятельности класса собственников была заложена уже в исходном сюжете «Вассы Железновой», где делается акцент на несовместимости корыстолюбия с нормами человечности, осуждается всепоглощающее стремление героини к обогащению, и много в ней, но особенно в её окружении, выглядит зряшным, пустым, потерявшим смысл и стержень.

Появление во второй редакции этой пьесы образа революционерки Рашели определило главный конфликт: приближающееся к неминуемому крушению царство Железновых и новые силы, готовые взорвать старый мир. Симптоматичен последний эпизод пьесы. После смерти Вассы, её брат, ставший распорядителем наследства, роется в бумагах её стола. Увидевшая это Рашель напоминает ему, что все богатства создавались руками народа и по праву должны принадлежать ему.

Рашель. Воруете?

Прохор. Зачем? Своё берём.

Рашель. Своё! Что у вас – своё?

Любопытна смысловая арка главного героя первой из рассматриваемых пьес к Фоме Гордееву из одноимённого романа и Илье Лунёву в следующем романе «Трое» (1899 и 1900). Это опять тот, кто «выламывается» из породившей его среды, что опять-таки получает трагический исход.

Но Егор Булычов – неизмеримо более крупная и яркая личность с богатым размахом нерастраченных сил, бросающий вызов смерти и Богу. Тревожимый предчувствием гибели прежнего уклада, находясь в процессе внутреннего перерождения, он восстаёт против «царства смрада». Человеческое одерживает верх над собственнической моралью, и прозрение Егора доказывает грядущее торжество нового.

Весь поздний период творчества был посвящён в основном «главной книге» писателя, оставшейся незавершённой. Роман-эпопея в четырёх томах «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936) был настолько значим для Горького, что последний год жизни он исчислял написанными страницами и, умирая, произнёс: *«конец романа – конец героя – конец автора»*.

Герой этот представляет собой, мягко говоря, характер весьма противоречивый. Есть в нём и что-то приемлемое, подчас даже хорошее, но есть и нечто смутное, путанное, ещё хуже то, что опреде-

ляют как деланное, искусственное, и уж совсем скверно, когда в нём справедливо находят воплощение эгоизма и двуличия.

Писатель с самого начала подчёркивает в его характере фальшь, лицемерие. Скажем, такой из множества штрихов: *«Бабушку никто не любил. Клим, видя это, догадался, что он неплохо сделает, показывая, что только он любит одинокую старуху».*

Или вот Клим оказывается в гимназии и для самозащиты от безжалостного окружения *«он спрятался под защиту скуки, окутав ею себя, как облаком. Он ходил солидной походкой, заложив руки за спину, имел вид мальчика, который занят чем-то очень серьёзным и далёким от шалостей и буйных игр».*

Горький на этот счёт пояснял: *«Я пишу о тех русских людях, которые, как никто иной, умеют выдумать свою жизнь, выдумать самих себя».* Эта выдуманность требовалась, чтобы прикрыть свою внутреннюю незначительность (в рукописи роман первоначально имел заглавие *«История пустой жизни»*).

Что побудило писателя поставить в центр огромного повествования этого, как он считал, типичного интеллигента средней руки, рядящегося в либералы, и просмотреть всю огромную массу лиц и событий его глазами и через его рефлексии?

Прежде всего Самгин предстаёт в некотором роде и подобно гоголевскому Чичикову как хамелеон: ко всему прислушивается и присматривается, губкой впитывая в себя окружающее. Кроме того, этот «индифферент» (что называется, ни рыба, ни мясо) в силу обстоятельств в разное время оказывается по разные стороны «баррикад». Наконец, за фигурой Самгина в определённом смысле стоял и сам Горький с его стремлением наблюдать пестроту и многоликость жизни, многому не доверяя, во всём сомневаясь.

Русская жизнь охвачена в романе во всей полноте, и, как правило, это осуществляется через всякого рода суждения, замечания, наблюдения, исходящие от различных действующих в нём лиц. Необъятный «лес» подобных частных произрастает в хронологическом пространстве самого сложного периода истории России, наполненного острейшими противоречиями. Писатель ставил перед собой задачу *«изобразить все классы, течения, направления, всю адскую суматоху конца XIX века и бури начала XX-го»* [11, 411].

При всей многоплановости и всеохватности воспроизводимого исторического потока магистральным вектором художественного анализа становится запечатление донельзя изменчивого и противоре-

чивого состояния духовной жизни страны. На страницах романа ведётся пронизанный дыханием всепроникающей диалектики углублённый разговор о смысле жизни, о закономерностях развития мировой истории, о формах и пределах познания, о взаимодействии личности с обществом и государством, о культуре и творчестве и т.д.

Ход изложения во многом определяют диалоги, споры, дебаты, словесные поединки, а столкновение идей, мировоззрений зачастую интересует здесь Горького больше, нежели перипетии человеческих судеб. Речи, размышления, философские беседы, дискуссии, проповеди, афоризмы, парадоксы играют настолько существенную роль в развитии сюжета, что «Жизнь Клима Самгина» обретает контуры интеллектуально-идеологического эпоса. Для примера можно сослаться на одну из многочисленных сентенций, звучащей в ходе очередного обмена мнениями: *«Материализм – проще, практичнее и оптимистичней: идеализм – красив, но бесплоден».*

Разумеется, в согласии с исходным замыслом, присутствуют и признаки социально-политического романа. Настойчиво проводится сквозная для позднего творчества писателя мысль о поступательном и неуклонном движении страны к революционным переменам.

В плане личностной конкретизации данная идея акцентируется конфронтацией «многоликого», а точнее – безликого главного героя и Степана Кутузова, который выступает олицетворением воли, ума и целеустремлённой энергии рабочего класса.

Но в связи со своим философско-мировоззренческим наклоном это прежде всего роман об интеллигенции, к стану которой стал принадлежать со времени писательства и сам Горький.

В отдельных оценках и соображениях, мелькающих в различных точках повествования, угадываются флюиды атмосферы созревшего в те годы тоталитаризма отечественного образца.

В романе намечалась узловая проблема первой половины 1930-х: изживаемое индивидуалистически-субъективное, столь характерное для начала XX века, и нарастающая доминанта объективного (через образ эпической громады событий) с вердиктом, характерным для уже вступавшего в свои права нового периода – либо человек должен подчиниться велениям исторической необходимости, либо он будет сметён, раздавлен. Так что «двойное дно» натуры Самгина словно бы намекало на необходимость приспособления к надличным факторам социума, то есть предвосхищало путь конформизма, как почти неизбежный вариант выживания человека советской эпохи.

Другой, более опосредованный аспект актуализации можно усмотреть в осязаемой оппозиции к радикальным проявлениям (бунтарство, революционный запал) с предпочтением поступательно-эволюционных форм общественного прогресса, что стало превалирующим в этико-эстетической платформе 1930–1950-х годов. Это заявлено уже в первом томе, исходя из наблюдений над спорами народников и марксистов, где ощутил складывавшийся «консерватизм» авторской позиции.

Клим был убеждён, что ошибаются и те и другие, но не усваивал, для какой группы наиболее обязателен закон постепенного и мирного развития жизни... Было невыносимо видеть болтливых людишек, которым глупость юности внушила дерзкое желание подтолкнуть, подхлестнуть веками узаконенное равномерное движение жизни.

И ещё одно резонировало литературе 1930-х годов: в сущности, в определённом отношении «Жизнь Клима Самгина» – это роман воспитания, расцвет которого наблюдался в те годы. Но, помимо несопоставимости объёма и эпического масштаба, требуется поправка в том отношении, что горьковская эпопея не вписывалась в систему советского образа жизни – она трактовала дидактический предмет неизмеримо более широко, опираясь на многогранный опыт времени рубежа и начала XX столетия.

В письме Р.Роллану Горький отмечал: *«Роману придаю значение итога всему, что мною сделано»*. Итог этот по достоинству увенчал большой путь писателя – эпопею «Жизнь Клима Самгина» по широте охвата действительности и концепционной глубине сравнивают с такими произведениями, как «Божественная Комедия» Данте, «Фауст» Гёте, «Человеческая комедия» Бальзака, «Ругон-Маккары» Золя, «Война и мир» Толстого.

Столь высокой оценке отвечал стиль монументального реализма, имеющий дело с гигантскими историческими событиями, с громадными людскими массами, с безграничным миром идей и потому использующий всё многоцветие словесной палитры.

* * *

Максиму Горькому было что сказать о жизни вообще и о жизни России в особенности. Он знал эту жизнь как никто, изведав её бук-

вально во всех измерениях – от самого «дна» до самых больших духовных высот. Столь колоссальный бытийный опыт дополнялся необходимыми для творца искусства острой писательской зоркостью, поразительной наблюдательностью и цепкой памятью на людские характеры и житейские подробности.

Отсюда исключительное многообразие срезов жизни, неисчислимая галерея всевозможных типажей и человеческих судеб с охватом любых слоёв российского общества. Поднимая пласт за пластом бытия, Горький раскрывал болезненные противоречия действительности своего времени.

Для него, исконного демократа, вышедшего из народа и писавшего прежде всего о народе, один из самых жгучих вопросов состоял в том, что громадные массы людей пребывают в мрачных тенётах *«свинцовых мерзостей»* низменного существования. Именно отсюда вёл своё происхождение избранный им литературный псевдоним, и *горький* взгляд на окружающее оставался коренной сутью его мировидения.

Борьба социальных сил, которая составляла главное содержание русской жизни того времени, была и главным содержанием творчества Горького. Почитавший его Р. Роллан, имея в виду март как месяц появления писателя на мир Божий, считал это своего рода знаменем.

Вы родились на ущербе зимы, на рубеже зарождающейся весны. Это совпадение символизирует Вашу жизнь, которая была связана с гибелью старого мира и с возникновением мира нового. Вы были подобно высокой арке, соединяющей два мира – прошлый и будущий [19, 333].

Горький пророчествовал кануны крушения прежнего мира «хозяев», а заодно и ненавистного ему мещанства как силы, враждебной всему подлинно разумному и достойному человека. Вывод, к которому подводили многие его произведения: переустройство жизни началось и остановить этот процесс невозможно. Едва ли не центральным героем творчества писателя стал современник, мучительно трудно сознающий необходимость кардинальных преобразований и вступающий на путь их осуществления.

Одна из качественно новых ипостасей такого героя – рабочий с его открыто революционными устремлениями. Очень определённо

высказался на этот счёт А. Луначарский, утрируя положение вещей с естественных для него идеологических позиций: «Значение Горького заключается в том, что он является первым великим писателем пролетариата, что в нём этот класс впервые осознаёт себя художественно, как осознал себя философски и политически в Марксе, Энгельсе, Ленине» [26, 141].

Конечно же, наследие выдающегося писателя ни в коем случае не уместится в подобные социологические рамки. Оно наполнено массой тем и мотивов общечеловеческого звучания: напряжённые поиски смысла жизни и предназначения человека на пути утверждения его достоинства, что подкреплялось верой в его разум и творческие силы, романтика свободного созидательного труда в противовес подневольному бременю, мечта о гармоничной личности с её высокими порывами и т.п.

Только что было упомянуто понятие *романтика* – несомненно, художественному мышлению Горького было присуще эпизодическое включение элементов романтической поэтики (особенно на этапе раннего творчества). Тем не менее, столь же несомненна реалистическая доминанта основного массива его произведений.

Более того, будучи реалистом, он чаще всего предстаёт как *прозаик* в узком значении этого слова. И не только по большому удельному весу неприкрашенной правды – он писал преимущественно о реальной прозе жизни и именно о *прозе*. Этим своим «низовым» видением Горький «любезен» далеко не всей читательской аудитории.

Но в любом случае проза его «густая», сочная, чрезвычайно насыщенная по содержанию и ярко индивидуальная по стилю. Он был мастером поразительно точной характеристики и великим художником слова, изъясняясь ясным, ладным, красивым русским языком.

На этой лексической базе выросли его крупнейшие художественные достижения – от создания нового типа социального романа до утверждения литературного портрета в качестве самостоятельного жанра. Вслед за Чеховым он разработал новаторские образцы драмы, где конфликт основан не на борьбе любовных или имущественных интересов, а на прямом воздействии на персонажей противоречий действительности.

Творческое наследие Алексея Максимовича Горького оказало огромное влияние не только на формирование отечественной литературы XX века, но и на развитие всей мировой литературы.

Будучи центральной фигурой литературного процесса своего времени, он сделал главный вклад в художественную летопись России тех лет. Ему выпала честь стать самым крупным из завершителей «золотого века» русской литературы и быть в ряду таких её столпов, как Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Толстой, Чехов.

Литература

1. *Басинский П.В.* Страсти по Максиму. – М.: Астрель, 2011. 416 с.
2. *Ваксберг А.И.* Гибель Буревестника. – М.: Терра, 1999. 396 с.
3. Вокруг смерти Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2001. 360 с.
4. Встреча с Алексеем Максимовичем Горьким. – Правда, 12 июня 1928 года.
5. Горький и его эпоха. – М.: Наследие, 1995. 262 с.
6. Горький. Неизвестные страницы истории. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. 728 с.
7. *Горький А.М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 томах. – М.: Наука, 1968–1976.
8. *Горький А.М.* Полное собрание сочинений. Художественные произведения. Варианты в 10 томах. – М.: Наука, 1974–1982.
9. *Демченко А.И.* Мировая художественная культура как системное целое. – М.: Высшая школа, 2010. 528 с.
10. *Десницкий В.А.* А.М.Горький. – М.: Гослитиздат, 1959. 479 с.
11. Летопись жизни и творчества А.М.Горького. Вып.3. – М.: Академия наук СССР, 1957. 412 с.
12. Литературное наследство. Том 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 736 с.
13. *Луначарский А.В.* Собрание сочинений. Том 2. – М.: Художественная литература, 1964. 628 с.
14. *Макаренко А.С.* Сочинения. Том VII. – М.: АПН РСФСР, 1958. С.331–418.
15. Максим Горький: *pro et contra* – личность и творчество в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: РХГИ, 1997. 896 с.
16. *Михайловский Б.В.* Творчество М.Горького и мировая литература. – М.: Наука, 1965. 648 с.

17. *Никитин Е.Н.* «Исповедь» М.Горького. – М.: Наследие, 2000. 165 с.
18. *Овчаренко А.И.* М.Горький и литературные искания XX столетия. – М.: Художественная литература, 1982. 590 с.
19. Переписка А.М.Горького с зарубежными литераторами. – М.: Архив А.М.Горького, 1960. 446 с.
20. *Примочкина Н.Н.* Писатель и власть. М.Горький в литературном движении 20-х годов. – М.: РОССПЭН, 1998. 302 с.
21. *Резников Л.Я.* Максим Горький – известный и неизвестный. – Петрозаводск: Аматые, 1996. 299 с.

Николай Хренов (Москва)

Роман М.Горького «Жизнь Клима Самгина» и фильм В.Титова по этому роману

Разговор о последнем романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» мы начнем с его экранизации, не только приблизившей его образы к реалиям сегодняшнего дня, но и продемонстрировавшей его интерпретацию в соответствии с психологией современности. Экранизация эта была необычной. Она предстала в большом телевизионном формате. Мы начнем с обсуждения того, что некоторые произведения литературы с самого начала ориентированы именно на такой формат. Именно это улавливается и в романе М. Горького.

Произведения кинематографического и телевизионного искусства, создаваемые в большом формате, давно эксплуатируют те приемы, которые были открыты и освоены еще в литературе эпохи Гутенберга. Давно уже эффект от повествования, прерываемого надписью «продолжение следует» опробован не только низовыми сюжетами, но и большой классикой. Так, С. Эйзенштейн, пытаясь понять, какую традицию продолжал новатор в кинематографе Д. Гриффит, с удовольствием цитирует то место в эссе С. Цвейга, в котором констатируется удовольствие, испытываемое читателями «Записок Пиквикского клуба», находящихся в ожидании следующего номера журнала, в котором опубликован очередной их фрагмент. «В ту пору – так рассказывал мне один из этих «Old Dickensians» – они не в силах были заставить себя в день прибытия почты дожидаться дома, пока почтальон не доставит наконец в своей сумке вновь вышедшую синюю книжку. Целый месяц, изголодавшись, мечтали они о ней, терпеливо надеялись, спорили, женится ли Копперфильд на Доре или на Агнессе, радовались, что дела Микобера дошли опять до кризиса, – радовались, ибо прекрасно знали, что он героически преодолет этот кризис при помощи горячего пунша и доброго настроения! – и вот приходилось ждать, пока притащится наконец почтальон в своей тележке и разрешит все эти забавные загадки» [1].

Конечно, кинематограф, а затем и ТВ до того, как покушаться на классику и воспроизводить ее в большом формате, должны были пережить ренессанс авантурных сюжетов, которые первоначально вообще ассоциировались со спецификой кино. А вот авантурные сюжеты уже порождали возможность большого формата, ибо сохраняли связь с дописьменными, фольклорными формами устной словесности. Но в кино большой формат не получил должного выражения, ведь в каждом виде искусства существуют свои ограничения. Нужно было ждать появления ТВ. Фольклорные повествовательные формы – это поздние формы функционирования мифа. Видимо, интерес к большому формату, который впервые и по-настоящему институционализируется в телевизионном формате, связан с интересом в XX веке вообще к архаическим формам культуры, что особенно ощущается в искусстве авангарда. Это, например, проявляется во многочисленных попытках возродить миф. Так, мода на структурализм очень продвинула гуманитарные науки в познании мифа.

Чем объяснить этот интерес к архаике, в контексте которой легче постигать потребность в большом формате? Ведь миф практически можно излагать в бесконечном времени. У него нет конца и нет начала. Миф ко времени вообще безразличен. Видимо, человечество, совершив в своей истории какой-то большой цикл, познав результаты беспрецедентного социального и технического прогресса, возвращается к тому неиспользованному еще в истории потенциалу, который существует в архаике. Вместе с этим оно возвращается и к тем формам литературы, которые, казалось бы, давно остались в прошлом.

Однако разве миф соотносим лишь с архаикой? Миф давно уже проник не только в искусство (впрочем, он всегда в нем и сохранялся), но в социум, в политику, в идеологию, в представления о революции и даже в технику. Вторжение мифа в злободневность, в повседневность и в политику продемонстрировал еще А. Лосев на рубеже 20–30-х годов XX века. Активность мифа однако связана с сакрализацией явлений, в том числе, политических и идеологических. Но любопытно, что когда мифы уходят в политику и в ней растворяются, то они лишаются одного из самых репрезентативных своих особенностей – нечувствительности ко времени. Поэтому мифы в политизированных формах способны умирать. С эпохи оттепели мы существуем в ситуации угасания одного из самых мощных мифов, который, по выражению Д. Андреева, престал в планетарном масштабе – мифа о революции и социализме.

Вместе с угасанием мифа те явления жизни, которые целыми поколениями в России воспринимались в сакральной ауре, предстают уже в десакрализованном виде. Любопытно было бы представить какое-то произведение, выполненное в большом формате, которое бы заметно выпадало из той мифологической матрицы, которая десятилетиями определяла мышление и восприятие массовой публики. Но не просто выпадает, а эту матрицу разрушает. Ясно, что такое повествование столкнется с сопротивлением массовой публики, все еще находящейся во власти мифа. Мы в качестве такого произведения выбираем для анализа роман М. Горького «Жизнь Клим Самгина». Для своего времени представить этот роман в большом формате было рискованным экспериментом. Но он случился.

Из того большого архива, в котором хранятся фильмы, созданные в серийном формате и который постоянно в своем объеме увеличивается, остановимся на одном, а именно на 14-ти серийном фильме «Жизнь Клим Самгина», поставленном режиссером В. Титовым по одноименному роману М. Горького и показанном по Центральному телевидению еще в 1988 году. Выбрали, руководствуясь не только тем, что есть такие литературные произведения, перенос которых на обычный экран представляет некоторые трудности (а роман М. Горького к такому типу романа и относится) и, кажется, ждут своего второго рождения именно в телевизионном формате, но прежде всего тем, что затронутые в романе проблемы во втором десятилетии XXI века оказываются не менее актуальными, чем они были на рубеже XIX–XX веков. Так, после показа сериала по роману М. Горького критик Т. Марченко писала: «Сегодня, когда мы ежедневно с нетерпением раскрываем свежие номера газет и журналов, ища в них ответы на вопросы, обращенные к прошлому ради настоящего и будущего, нам протягивает руку М. Горький, который писал свою повесть на стыке современности и истории» [2].

М. Горький-то может руку и протягивает, но вот не все этой руки ждут. Вот, например, какой звонок поступил в Останкино во время трансляции сериала. «...Зачем вы нас мучаете две недели! Голову нас морочите заумью! Мы переключиться хотим после трудового дня, нам вздохнуть надо, развлечься надо, а тут четырнадцать серий высокоумных ужасов! На что только наши деньги идут...» [3]. Телеаудитория резко разделилась в оценках этого не просто экранного, но общекультурного события. По некоторым данным 59 процентов зрителей фильм оценили очень высоко, 14 процентов наряду с достоин-

ствами отмечают недостатки, а 25 процентам фильм не понравился. Следует сразу же отметить, что приему фильма способствовала атмосфера общества этого времени. Все в год выхода этого фильма рассуждали о судьбе интеллигенции, судьбе народа, судьбе художников, судьбе России, вспоминали жертвы лагерей. Фильм явно соответствовал этим настроениям. И в этом во многом заключается причина его успеха. «Но чтобы так созрели, до такого распада аудитории на яростных сторонников и яростных противников, – нет, такого я не ожидал, – писал после выхода фильма критик Л. Анненский. – Ну, думал, отсмотрит народ 14 серий, заглянет потом в Горького, полистает, почитает, усвоит, примет да и скажет на том «спасибо». Порохом запахло, когда с экрана продиктовали телефоны для устных отзывов. А как осели кабели, как охрипли телефоны в Останкине под напором звонящих, – так и очертилось событие. Не просто телевизионное – общекультурное. Не экранное, а их области духовной нашей реальности» [4].

Нет, конечно, по популярности сериал по роману Горького невозможно поставить рядом с телевизионными «боевиками» Т. Лиозновой и С. Говорухина, но это отнюдь не умаляет его значимости. Фильм В. Титова формировал особую зрительскую общность, и те, кто в нее не входил, демонстрировал и раздражение, и непонимание. Речь ведь идет об экранизации романа, который один из критиков назвал «интеллектуальным романом». Роман М. Горького не осваивался кинематографистами не только потому, что ждал наиболее адекватного ему телевизионного формата, а еще и потому, что ждал готовности со стороны общества обсуждать проблемы, в нем заключенные, ведь о некоторых болезненных проблемах в иные периоды нашей истории говорить было невозможно, ведь затронутая М. Горьким в своем романе проблема все еще кровоточит. И вот это время наступило. «Что рано или поздно до “Самгина” дойдет на телевидении очередь – это можно было догадаться. Не век такой книге стоять на полке» [5].

Конец 80-х годов прошлого века позволял о многих вещах говорить более свободно. Но создание этого сериала не было социальным заказом, попыткой авторского высказывания о значимых в российской истории событиях. Возможность более свободного высказывания ощутил и В. Титов, который еще во время учебы во ВГИКе думал о переносе на экран горьковской эпопеи. Я помню В. Титова молодым студентом. Мы одновременно учились с ним во ВГИКе. Свой

замысел он вынашивал полтора десятилетия и пытался его реализовать на съемочной площадке в течение пяти лет. За свою короткую жизнь (он умер в 2000 году) он поставил более двух десятков фильмов, среди которых известный и любимый зрителями фильм «Здравствуйте, я ваша тетя» и даже сериалы. Но, конечно, фильм «Жизнь Клима Самгина» (который явно устроил бы раздраженного зрителя, позвонившего в Останкино в день демонстрации сериала по роману М. Горького) остается лучшим и, может быть, не до конца и понятным, и востребованным нашим зрителем. Тут удивляться не приходится. Ведь даже сам Горький спрогнозировал прихотливую и меняющуюся судьбу своего романа. Один из критиков приводит воспоминания В.М. Ходасевич. Она передает, что ей сказал сам Горький. А сказал он ей, что сначала его роман «Самгин» никто не поймет, будут ругать, да уже и ругают. «Лет через 15 кое-кто начнет смекать, в чем суть, через 25 – академики рассердятся, в через 50 будут говорить: «Был такой писатель Максим Горький – очень много писал, и все очень плохо, а если что и осталось от него, то это роман «Жизнь Клима Самгина». Алексей Максимович сказал, что вот к мнению этих последних он и присоединяется» [6]. Запомним это: сам Горький находит роману особое место, но в то же время констатировал, что время его еще должно прийти. Мы до этого времени дожили.

Попробуем объяснить, почему так получается. Время определило интерпретацию зафиксированных Горьким событий. Только вот возникает сомнение в том, что, даже принимая во внимание возникшую готовность общества рассуждать о судьбе России так, как это есть у Горького, до конца ли были освоены мысли, которые хотел донести, отталкиваясь от Горького, режиссер В. Титов. Нам важно понять, соответствует ли телевизионное прочтение романа замыслу Горького. Поэтому мы будем меньше всего говорить о формальной стороне дела применительно к роману и фильму (т. е. о форме этих произведений, например, о прекрасной работе художника, постоянно напоминающего, что, несмотря на катастрофичность воспроизводимой эпохи, эпоха-то эта – это ведь Серебряный век, замечательная живопись и не менее замечательная поэзия, которую персонажи постоянно цитируют) и остановимся на актуальности того ракурса, который был избран М. Горьким для своего романа-летописи, на тех смысловых уровнях, которые не всегда прочитывались, а кроме того, и смысла, которые сам М. Горький вроде бы даже не предполагал, но со временем они неожиданно возникли. А то, что режиссер В. Титов в

своем фильме постарался некоторые из них извлечь и представить, можно считать уже удачей.

При чтении романа невозможно не обратить внимание на то, что в нем постоянно упоминаются имена модных и популярных в начале XX века философов, поэтов и литераторов как отечественных, так и зарубежных. Скажем, имена Брюсова, Арцыбашева, Михайловского, Мережковского, Бердяева, Вейнингера, Ницше, Мопассана, Метерлинка и многих, многих других. В романе есть эпизод с Ф. Шляпиным. Среди упоминаемых имен в романе, который сам писатель первоначально называл почему-то повестью, присутствует и имя Г. Лебона. Его сочинение вместе с книгами Маркса и Энгельса находит у убитой знакомой героя романа Марины Зотовой. Это французский мыслитель – социолог, публицист, автор нескольких работ, которые были переведены и изданы в России еще до революции 1917 года [7], а ныне снова издаются и переиздаются, что свидетельствует о их актуальности [8]. Г. Лебон все-таки более известен как первооткрыватель нового направления в научной сфере направления очень неопределенного. По сей день трудно определенно сказать, к какому из существующих научных направлений относятся его труды и прежде всего его книга «Психология народов и масс». Одни считают, что это проблематика социологии, другие проблематика психологии. Сам он назвал новую науку «психологией масс». Сегодня точнее было бы это направление определить как «социальная психология». Как бы то ни было, но именно названное сочинение Г. Лебона достоянием истории не стало. Следует отдать должное французскому мыслителю. Тот тезис, который в романе М. Горького произносит главный герой, а именно: «Героем времени постепенно становится толпа, масса» [9], Г. Лебон не только провозгласил первым, но и первым обосновал, как он обосновал и то, что отныне в истории так и будет. Представив морфологию массы, он попытался прогнозировать последующую историю. Но если бы герой у Горького просто произносил лебоновский тезис. Классик сделал больше. Он показал, как масса душист героя, растаптывает его и устремляется дальше, оставив после себя его труп. Все это режиссер покажет в последней серии фильма. При этом еще снабдит изображение образами Босха, которые Самгин вспоминает.

М. Горький изобразил это появление массы в истории как стихийное бедствие, как землетрясение после которого становится очевидно, что все предшествующие русским революциям, в которых и начала проявлять себя масса, представления об истории оказываются

неадекватными. Но что означает утверждение, что отныне героем истории становится масса? А то, что всегда претендовавшая на эту роль элита свое значение утрачивает, уходит в тень истории. Это означает, что все предшествующие представления об истории радикально изменяются. Проблемой становится не только масса, но и элита. Процесс этот весьма болезненный. Таким он оказался особенно для России, культуру которой невозможно представить без общественной прослойки, которая и есть интеллигенция как уникальное духовное образование, призванное утверждать такие ценности, как совесть, справедливость, порядочность, гуманность и т. д.

Пожалуй, русская интеллигенция – уникальное образование, не существующее в других странах, и без понимания того, что происходило и происходит в России с интеллигенцией и по сей день, трудно вообще анализировать строение русской культуры. В этом, конечно, отдавал отчет и М. Горький, и потому, будучи свидетелем того, как закончилась революция и гражданская война и как в стране устанавливается диктатура Сталина, он в своем романе возвращается к исходной точке трагедии интеллигенции, трагедии российской элиты, а вообще и трагедии страны. Иначе говоря, действие романа начинается в 70-е годы XIX века. Все попадающие в поле внимания М. Горького – «ангелы революции». Они ее предчувствуют, они ее замышляют, но начавшееся безумие делает целую прослойку лишней. Не случайно в фильме В. Титова почти все эти «революционеры» одеты в белоснежные костюмы.

Режиссер знает, что М. Горький критичен по отношению к интеллигенции, но даже в романе многое возникает мимо воли автора. Да, это последнее поколение, которое уйдет в историю, а все, что им задумано, произойдет уже без них и не так. Катастрофа свершилась еще до главной катастрофы, т.е. революции. Ведь роман заканчивается началом только Февральской революции. Конечно, в романе писатель обошел непосредственно и революцию, и постреволюционный период, когда представителей интеллигенции снова начали отправлять в эмиграцию, а позднее в лагеря и расстреливать, как ее расстреливали еще до революции. Да, собственно, он и не мог этого сделать, ведь процесс, начавшийся в последних десятилетиях XIX века не только не закончился, но еще и не достиг апогея, какого он достигнет уже после его смерти, т.е. в 1937 году. Но даже то, что он сделал, ограничиваясь предреволюционной эпохой, уже позволяет судить, что писатель отдавал отчет в сущности трагедии интеллигенции и,

следовательно, уже в какой-то степени и пророчил последующие акты трагедии.

Конечно, данный роман М. Горького не был востребован десятилетиями. Его плохо издавали, не экранизировали, хотя к другим произведениям писателя обращались часто (например, к трилогии, к романам «Мать» и «Фома Гордеев», к пьесе «На дне» и т.д.). О невостребованности романа говорит, например, такой факт. Когда съемочная группа обратилась в Институт мировой литературы им. Горького, чтобы он выделил из среды филологов и горьковедов консультанта, ответ был таким: нет специалистов. В это трудно поверить. Горький однако ситуацию предсказал, назвав среди критиков своего романа «рассерженных академиков». Сегодня причина такой невостребованности становится все более очевидной. Когда в стране появилась гласность, кинематограф обратился и к этому роману. Так, В. Титов в 1988 году по этому роману снимает 14-серийный фильм. В нем впервые получила выражение та трактовка изображенного М. Горьким, которая до этого времени была невозможной. Чтобы ощутить кинематографическое прочтение романа, которое вообще-то подразумевалось самим писателем, необходимо иметь в виду не только смысл его кинематографического прочтения, но и замысел самого М. Горького.

Мы не случайно начали наши размышления с Г. Лебона, а именно, с психологии массы. Ведь именно отношения интеллигенции, с одной стороны, с властью, а, с другой, с массой становится и в романе и в фильме основным предметом анализа. Но вернемся к вызванному к жизни Г. Лебоном новому научному направлению. С приходом к власти Сталина ни о каких социально-психологических исследованиях говорить не приходится, ведь это диктовало необходимость фиксировать психологическое состояние общества как самостоятельного организма. Хоть большевики и утверждали, что массы являются двигателями истории, но, во-первых, они сами стремились быть двигателями, в том числе, и массы, будучи убежденными в том, что историю можно направлять и контролировать и не выпускать руль, что они и продемонстрировали, придя к власти, хотя со временем этот контроль привел к тому, что созданная ими система была пущена под откос. Во-вторых, большевики скрывали правду о революции и, в частности, правду о поведении в революции масс, которые сдать экзамены на двигателей истории не всегда могли, ибо в их со-

знании рациональное отступало перед иррациональным, что приводило к анархии и насилию.

В реальности революция разворачивалась и как традиционный в России бунт, который иногда называли «разиновщиной», а иногда «пугачевщиной». Так, после дискуссии о драке под окнами генерал-губернатора, в которой были убиты люди, Самгин размышляет: «Теперь, после жалобных слов Брагина, он понял, что чувство удовлетворения, испытанное им после демонстрации, именно тем и вызвано: вождей – нет, партии социалистов никакой роли не играют в движении рабочих, Интеллигенты, участники демонстрации, – благодушные люди, которым литература привила с детства любовь к народу» [10]. Некоторые отреагировали на это как на начало пугачевщины, которая, конечно же, пугала. Вот другое суждение Самгина: «Было уже довольно много людей, у которых вчерашняя «любовь к народу» заметно сменялась страхом перед народом» [11].

В романе описан испуг Самгина, который он испытал на пристани в Нижнем Новгороде, столкнувшись с наглым грузчиком в красной рубахе. Но нечто подобное он испытал и при встрече и с пассажиром из третьего класса, и с приказчиком на пристани в Самаре «У всех этих людей были такие же насмешливые глаза, как у грузчика, и такая же дерзкая готовность сказать или сделать неприятное» [12]. В. Титов в фильме мимо этих персонажей не прошел. Но этот нарастающий бунт, в том числе, и против «благородных» он в шестой серии выразил в образе дерзкого печника, командующего разграблением хлебного амбара в деревне, в которую приезжает Самгин. Еще немного и такие персонажи поведут массу сжигать и уничтожать помещичьи усадьбы. Апогей анархии показан в фильме в девятой серии, когда на идущих с гробом Туробоева нападают уличные мятежники, и завязывается драка. Друзья Туробоева – все эти «ангелы революции» не способны защититься. Конфликт разрешается каким-то другим анархистом, который внезапно появляется на той же улице.

Не случайно страх перед пугачевщиной преследует Самгина, и он все время к этому возвращается. «Революция силами дикарей. Безумие, какого никогда не знало человечество. Казацкая мечта. Разин, Пугачев – казаки, они шли против Москвы, как государственной организации, которая стесняла их анархическое своеволие» [13]. Еще до революции 1917 года (а в романе все движется к этой революции, но сама она так и не начинается) Самгин размышляет: «В XX столетии пугачевщина едва ли возможна, даже в нашей крестьянской

стране. Но всегда нужно ожидать худшего и торопиться с делом объединения всех передовых сил страны. Россия нуждается не в революции, а в реформах» [14]. Но этот здравый смысл не сработал, а разиновщина оказалась реальной. Вот ведь в чем состоит причина того, что роман не пропагандировался и оставался самым неизвестным романом М. Горького. Но, став реальностью, разиновщина вызвала к жизни и вождей, но уже иного плана, чем это представлялось.

Сегодня очевидно, что в революции было много иррационального, и идеализировать ее, а, тем более, ограничивать себя большевистской интерпретацией ее смысла, явно не приходится. Вот тут-то как раз еще раз приходится вспоминать суждение Г. Лебона о психологии массы, способной не только на разрушительные действия, на чем поставил акцент единомышленник Г. Лебона – С. Сигеле, автор сочинения «Преступная толпа», но и на героические действия. Те исторические процессы, что следовали за изданием этой книги во Франции, как и изданием ее в России, лишь выявили актуальность высказанных в этой книге идей, подтвердив положения ученого. Какое-то время в России книга была забыта, что можно объяснить, но не потому, что высказанные в ней идеи ложны, а потому, что они могли послужить ключом к пониманию происходящего уже в постреволюционной жизни. Запрет на психологию масс уже в «культуре Два», т.е. в сталинский период объясняется невозможностью рассматривать общество, а, следовательно, опять же массу как нечто по отношению к государству самостоятельное, что ведь может привести уж совсем к крамольному выводу: раз допускаем, что общество – самостоятельная стихия, то она может проявляться и как самостоятельная и критическая по отношению к государству, к власти, к главе государства, что эта самая пугачевщина и демонстрирует.

Тем не менее, до эпохи социалистического классицизма (терминология А. Синявского) интерес к психологии масс даже и в России расширялся и, можно утверждать, что имела место история становления этого научного направления. В качестве иллюстрации можно было бы сослаться на сочинение Н. Михайловского «Герои и толпа», появившееся в 1882 году или на опубликованную в России еще в 20-е годы [15] и статью В. Райха, немецкого психолога, автора исследования о психологии масс в эпоху фашизма [16]. Мы столь подробно высказываемся о Г. Лебоне потому, что в романе М. Горького не только подробно описана биография героя, не только получила выражение его внутренняя речь, не совпадающая часто с его вербаль-

ными высказываниями (что вообще-то характерно для самого писателя, которому с рубежа 20–30-х годов приходилось в общении и в переписке тщательно выбирать слова и осторожно высказываться), но и проанализирована стихия толпы, которая то втягивает героя помимо его воли на улицах столиц, то выталкивает его, диктуя восприятие им себя как чужого, что становится пружиной постоянной рефлексии героя не только о происходящем, но и о себе и о своих поступках («В этот вечер тщательно, со всей доступной ему объективностью, прощупав, пересмотрев все впечатления последних лет, Самгин почувствовал себя так совершенно одиноким человеком, таким чужим всем людям, что даже испытал тоскливую боль, крепко сжавшую в нем что-то очень чувствительное» [17]. В конце концов, Самгин испытывает страх перед толпой («После Ходынки и случая у манежа Самгин особенно избегал скопления людей, даже публика в фойе театров была неприятна ему: он инстинктивно держался ближе к дверям, а на улицах, видя толпу зрителей вокруг какого-то несчастья или скандала, брезгливо обходил людей стороной» [18]).

Но это, что касается толпы. Но ведь то же самое герой ощущает, оказываясь не по своей воле, в центре возбужденной и рассредоточенной массы. Его окружают персонажи, придерживающиеся разных взглядов, разных партийных убеждений, а то и просто сыщики, агенты охранки, как это происходит с квартирантом Митрофановым, который исповедуется Самгину, сообщая ему, что служит в охранке. Что касается другого агента охранки Никоновой, то она вообще — любовница Самгина. Каждый из окружающих героя втягивает его в нарастающую и расширяющуюся смуту. У Горького герой и в самом деле получился чужим и одиноким, и потому мог бы заинтересовать экзистенциалистов.

Но нам важно разгадать задуманную Горьким конструкцию романа. С одной стороны, писатель здесь предстает продолжателем русского классического романа XIX века, что предполагает, что в центре повествования должен стоять именно герой, не важно, действующий он или созерцающий или, как это мы знаем по русской литературной классике, «лишний» человек. Эту традицию Горький, кажется, соблюдает. Во-первых, он много внимания уделяет детству героя и его переживаниям. Юный Клим весьма честолюбив. Он хотел, чтобы его выделяли из его сверстников, любили, но сам он оставался по отношению к окружающим на дистанции. Ну просто психология будущего вождя по З. Фрейду. Однако следует сказать, что даже в

этой серии, пожалуй, центральным эпизодом оказывается катастрофа – смерть его сверстника Бориса. Потом по ходу романа таких катастроф с другими друзьями детства Клима будет предостаточно. Они все обречены, еще ничего не свершив. Это и эпизод с колоколом, когда погибает крестьянин, и Ходынка, и события 1905 года. Кто-то закончит жизнь самоубийством (Например, в 12 серии сообщается об эпидемии самоубийств в России. Только в Москве покончили с собой 1422 человека), кто-то умрет в тюрьме или по дороге на каторгу, кого-то расстреляют во время революции 1905 года. Но, собственно, точно так же закончится и жизнь самого Самгина. Уже в первых кадрах режиссер покажет окровавленное лицо Самгина, предвосхищая финал рассказанной Горьким истории. Поэтому все изображаемое им можно выразить фразой героя: революция нужна для того, чтобы уничтожить революционеров.

В романе не случайно иногда вспоминают традицию представлять литературного героя «лишним» человеком. В какой-то степени Клим Самгин – тоже «лишний» человек. В России «лишними» оказывались не только разночинцы, но даже дворяне и купцы. Так знакомый Самгина Лютов, который покончит с собой в Париже, подписывается «Московский, первой гильдии, лишний человек». По этому поводу Самгин говорит Макарову: «Россия, как ты знаешь, изобилует лишними людьми. Были из дворян лишние, те каялись, вот – явились кающиеся купцы» [19]. Так что в данном случае М. Горький продолжает литературную традицию XIX века. Да и как не продолжать, если лишних людей в России на рубеже XIX–XX веков стало еще больше, что и становится причиной уже не индивидуального бунта, а массового взрыва. Вот, например, герой романа рассуждает о «лишних» людях как реальности именно XX века. «У него незаметно сложилось странное впечатление: в России бесчисленно много лишних людей, которые не знают, что им делать, а, может быть, не хотят ничего делать. Они сидят и лежат на пароходных пристанях, на станциях железных дорог, сидят на берегах рек и над морем, как за столом, и все они чего-то ждут» [20]. Скоро их энергия найдет применение в «пугачевщине».

Конечно, все эти увиденные писателем «лишние» люди – уже не те, которых описывали классики XIX века. Это уже не отдельные личности, а масса. Масса, требующая изживания своей витальности. В какой-то степени В. Кожин, которого цитирует П. Басинский в книге о Горьком, прав, когда он утверждает, что российская жизнь

перед революцией свидетельствовала не об угасании жизненной энергии, а о ее избыточности, что могло быть причиной революционного взрыва. Это особенно ощущается в сценах с экзальтированным купцом-анархистом Лютовым, которому, кажется, хотя он и купец, некуда приложить свою силу. С этой точки зрения роман Горького можно прочитать как повествование о «гибели страны, которая не справилась с избытком собственной мощи» [21]. С другой стороны, важно отметить в романе и то, чего в литературе XIX века, пожалуй, не было. Да, Клим Самгин, конечно, тоже вроде «лишний» человек. Но «лишний» он потому, что возникла уже совершенно иная ситуация, когда все в истории пришло в движение. Появилось множество людей, претендующим на статус героя. Но, в конечном счете, мало кому удастся самореализоваться. Начинается терроризм, организация революционных кружков, аресты, ссылки, обыски, каторга, убийства представителей власти, самоубийства, эмиграция. Хозяином положения становится Ее величество Масса. А масса, как утверждает Г. Лебон, не приемлет инакомыслящих. Самгин – не лишний, он – инакомыслящий. Ничто не может избежать его критического взгляда.

В ситуации смуты, когда личность растворяется в массе, сохранить критическое восприятие жизни невозможно. В толпе и в массе критическое восприятие в результате магнетизма толпы притупляется. Но, сохраняя критическое восприятие по отношению к мелькающим как в калейдоскопе событиям, Самгин перестает быть действующим лицом, становясь лишь очевидцем, зрителем, хотя это ему плохо удается. Тут важно учесть и то, что Самгин, кроме всего прочего, репортер, журналист. Он пишет для периодических журналов. В 13 серии Дронов предлагает Самгину издавать газету, и он уже представил себя главным редактором большой газеты. Вот и еще объяснение тому, почему он все время оказывается свидетелем разворачивающихся событий, просто созерцая происходящее или даже просто ввязываясь в конфликт и быть избитым.

Поскольку постоянно рефлексирующий, но не действующий Самгин становится главным героем романа, причем, так и не примыкающего ни к одному движению, кружку, партии, системе идей, то это обстоятельство породило особое отношение к роману Горького, создало его загадочную ауру, словно писатель что-то в нем зашифровал, и, следовательно, необходимо это разгадать, расшифровать. Собственно, эту неразгаданность констатируют не только критики, но и окружающие Самгина другие персонажи. В этом и в самом деле есть

какая-то правда. Существовавшие идеологические установки и не позволяли до конца расшифровать заложенные в романе смыслы. Бездеятельность героя, в частности, способствовала тому, что он постоянно получал в критике отрицательную оценку, которая за ним и закрепилась, кажется, навсегда. В соответствии с существующими установками герой должен был быть если не революционером (кстати, ему постоянно задают вопрос, не революционер ли он), что, конечно требовало время, то хотя бы действующим, не важно установки какой партии он в своих действиях выражает. Нужно было определяться: за или против. Но то, что оказалось непривычным и не совсем ясным в романе, то восполнялось читателем.

Читатель 20-х годов, когда роман создавался, да и последующих десятилетий чувствовал в герое что-то враждебное. Конечно, ближе к концу все чаще на страницах романа появляется имя Ленина и возникающая его положительная аура. Но только имя, только упоминание О Ленине. Сам он в роман так и не допускается. Казалось бы, герой должен был чувствовать движение истории, как это чувствовал сам автор, представая конформистом и даже, более того, становясь в один ряд с политическими вождями. И, наконец-то, принять большевизм. Может быть, писатель считал, что большая история все же проходит мимо героя, и ему остается лишь умереть, что в финале романа и происходит, как это произошло и с героем известного романа Б. Пастернака – романа, тоже посвященного судьбе интеллигенции в России.

Чтобы разгадать, действительно, любопытный и для нескольких десятилетий трудный для восприятия замысел Горького, нужно, видимо, иметь в виду несколько моментов, которые мы последовательно и обсудим. Сначала перечислим эти моменты, а затем дадим более подробное разъяснение каждому из них, а также попробуем отметить, как все эти моменты получают отражение в фильме В. Титова. Первый момент касается чисто формальных особенностей построения романа и рассмотрения главного героя с функциональной точки зрения. Загадочность героя объясняется тем, что в нем на первый план выходит функциональная или структурная, а не идейная или смысловая аргументация. Второй момент связан с возникновением исторической дистанции и изменением отношения к революции, что становится причиной неадекватности оценок героя в критике. Тому, что было задумано Горьким. То, что казалось непонятным, со временем постепенно обретает ясность.

Третий момент в прояснении загадочного образа героя связан с взаимоотношениями между героем и автором. Каким бы самостоятельным по отношению к самому Горькому главный герой не был, в определенной степени он все же в романе предстает его двойником. Новая интерпретация героя стала возможной в связи с открытием «второго» Горького, т. е. со знакомством с материалами, касающимися личности Горького, которые в результате действия цензуры длительное время были недоступны. Когда они были открыты, возникла возможность и нового понимания писателя, и, конечно, героя романа. Получается, что в смерти главного героя своего недописанного романа сам автор как бы уже изображает и свой возможный уход из жизни.

Четвертый момент снова возвращает к особенностям конструкции романа. Омассовление жизни на рубеже XIX–XX веков имело своим следствием «смерть» романа, конечно, психологического романа. То обстоятельство, что герой сопротивляется растворению в массе, делает роман значимым психологическим документом эпохи и, с другой стороны, делает то, что считалось недостатком романа, его положительной особенностью. Пятый момент связан с воссозданием омассовления, порождающего реабилитацию формы архаического социума, связанной с вождем, что является одной из значимых тем романа. Главный герой романа имеет к этой роли прямое отношение. Невостребованность героя быть лидером характеризует не только героя, но всю новую эпоху в целом. Шестой момент в романе связан с выявлением тех смыслов в поведении и в рефлексии героя, что связаны с отношением писателя к той среде, в которой вращается Клим Самгин, т.е. к интеллигенции. По сути, отношение к интеллигенции, ее судьба в России и в данном случае в революции во многом объясняет и отношение писателя к герою как герою, неосуществившему себя, когда реальность резко отклоняется от созданного интеллигенцией воображаемого мира. По сути, это в романе становится не только существенным, но и главным.

И, наконец, седьмой и последний момент, связанный уже не столько с романом и не только с воспроизводимыми Горьким событиями истории, сколько с нашей попыткой включить описываемые в романе события в контекст исторического процесса, начало которого уходит в XIX век, а последующее его протекание доходит вплоть до нашего времени. Создается следующее ощущение: особенность русской культуры заключается в том, чтобы вызывать к жизни элиту особого рода, а затем освобождаться от нее самым жестоким образом.

И без элиты невозможно, поскольку с ней связана жизнь культуры, но и с элитой не получается, поскольку ведь вся история российской цивилизации развертывается в форме империи. Ожидание вождей в XIX веке осуществилось, но они предстают совсем в другом свете, чем это представляла себе разбудившая массы интеллигенция, которая этими вождями и начала истребляться. Так что знакомая фраза, звучащая в романе множество раз и успевшая стать крылатой «А был ли мальчик?» приобретает применительно к интеллигенции символическое значение.

1. Особенности стиля М. Горького как «моменталиста». Главный герой романа с функциональной точки зрения.

Начнем с анализа особенностей конструкции романа. До появления последнего романа в поле внимания писателя, если иметь в виду его рассказы, романы и пьесы, оказывались локальные сюжеты (скажем, семья Булычевых, семья Бессеменовых, семья Власовых, обитатели ночлежки и т.д.). В этих произведениях действие сводилось к ограниченному числу лиц, находящихся в конфликте между собой и с миром, в пределах одной семьи и связанными с этой семьей персонажами. Так, в доме Самгиных проживает много квартирантов. Все развертывается в малом времени и в узком пространстве. Иное дело – последний роман. Кстати, о романе, а, точнее, о жанре данного повествования. Представление о жанре замышляемого в 1925 году произведения, в котором должны были получить выражение мысли писателя о революции 1905 года, в процессе работы изменялось. По некоторым данным, первоначально Горький обозначал жанр повествования как повесть. Потом повествование было обозначено как роман. Видимо, задуманный проект постепенно нарушал все жанровые нормы. Показательно, что писатель предполагал закончить роман в 1926 году, но работа над ним продолжалась десять лет. Кроме того, последняя, т.е. четвертая часть романа оказалась незаконченной. По некоторым данным, предполагалась еще одна, пятая книга.

Роман оказался чем-то вроде хроники или даже летописи, что, кстати, пытается в фильме подчеркнуть В. Титов. Поэтому в начале каждой серии, посвященной какому-то конкретному периоду, даются сведения о происходящем в России (экономические, статистические, военные и т.д.). В романе-хронике воспроизводятся события четырех десятилетий. Роман писался до самой смерти писателя, которая наступила в 1936 году, но так и не был закончен, что, конечно, добав-

ляет в его восприятие дополнительные загадочные черты. Конечно, начинается роман, как начинаются и все другие произведения писателя, например, его известные пьесы, которые постоянно ставятся в театрах, не уступая в этом смысле пьесам А. Чехова, побившем все рекорды, в семье Самгиных. Кажется, все ограничивается семьей Самгиных, тремя поколениями этой семьи, начиная с дяди Якова, народника, возвращающегося из ссылки и продолжающего свою до-революционную деятельность, хотя жизнь уже требует иных методов борьбы и они приходят вместе с большевизмом, который представляет Степан Кутузов. Но не только семьей Самгиных, но и теми людьми, которые в доме Самгиных снимают комнаты. Когда же они съезжают из дома, все равно связь героя с ними сохраняется. Их судьбы тоже становятся для писателя столь же важными, как и судьба самого Самгина. Судьба постоянно их сводит с героем.

Но как бы не сохранялся этот круг знакомых персонажей, он все время расширяется за счет вовлечения в пространство горьковской летописи все новых персонажей. Тем более, что речь идет о романе-хронике, а не о психологическом романе, однако в том-то и дело, что Горький, касаясь многих событий, все же успевает дать и психологические портреты все новых и новых лиц. Этот подхватывает и В. Титов. Поэтому в каждой серии акцент ставится на знакомстве с каким-либо персонажем. Так, следы психологического романа в романе-хронике сохраняются. Так, например, в шестой серии внимание режиссера уделено полковнику Попову, пытающегося завербовать героя для службы в охране. В девятой серии становится известно, что полковник кончает самоубийством. Судя по всему, потерял веру в необходимость защиты империи. Да, и вызов Самгина в охранку и беседа с ним прозвучала как попытка самому разобраться и в чем-то утвердиться. В седьмой серии происходит знакомство с Митрофановым, который признается герою, что является сотрудником охраны.

Кстати, такое течение повествования, которое ощущает режиссер, соответствует художественной манере писателя, которую пронизательно угадывает К. Чуковский. «Горький не любит (или не умеет слишком долго останавливаться на каком-нибудь одном человеке. Ему нужна пестрая вереница людей; ему нужно, чтобы эта вереница быстро текла по книге красно-сине-зеленой рекой, и, когда прочтешь его последние повести («Исповедь», «Кожемякин», «Детство», «По Руси», «В людях», «Ералаш», «Мои университеты») – покажется, что ты долго смотрел на какую-то неистощимую процессию людей, яр-

кую до рези в глазах. Горькому словно надоедает писать об одном человеке, он жаждет пестроты, толчеи, ералаша. Он моменталист-портретист: изобразить во мгновение чье-нибудь мелькнувшее лицо удастся ему превосходно. Это его специальность. Но изобразит – и готово. Проходи, не задерживай!» [22].

Конечно, хотя Горький и продолжает литературную традицию XX века, но продолжает, когда век психологического романа заканчивается. В. Шкловский подвел черту под романами этого плана. В 1923 году он констатировал: «В настоящее время психологический роман кончается» [23]. Практически приблизительно в это время Горький и задумывает писать свой роман. Такой стиль Горького как раз и объясняет трудности его экранизации. Представить на экране горьковскую летопись в фильме продолжительностью два часа невозможно. Эта конструкция летописи словно предназначена для серийного воспроизведения, для большого телевизионного формата, что точно ощутил В. Титов, Вот мы и сформулировали одну из причин длительного забвения романа и его не востребованность кинематографистами. Конечно, это причина, но не единственная и даже не самая главная. Короче, главное у Горького даже не отдельные сюжеты и, следовательно, отдельные судьбы, а их мозаика, позволяющая представить атмосферу предреволюционной России. Горькому важно дать общую оценку движения России к революции, движения, в которое вовлечены не только разные группы интеллигенции, вообще, элиты, как и масса.

Иначе говоря, он должен дать характеристику четырех десятилетий в российской истории. Для Горького это столь важно, что хронологию он выносит даже в название своего романа («Сорок лет»). Летописной интонации романа способствует в фильме В. Титова и то, что, поддаваясь моде, он предпосылает действию в каждой серии хронику и статистику реальной ситуации в России. С 60-х годов это было особенностью и большого кинематографа. Эту тенденцию можно было фиксировать и в экранизации пьесы А. Чехова «Дядя Ваня» (реж. А. Кончаловский), и в фильме Э. Климова «Агония», и в других фильмах 60–70-х годов. Уже в начале первой серии В. Титов тоже дает статистику, позволяющую представить экономическое и демографическое положение России в 1877 году, т.е. в год рождения героя (16 лет прошло после отмены крепостного права, численность населения России насчитывает 100 миллионов человек, из них – 91 миллион крестьян и т.д.). Собственно, с этой даты и разворачивается вся

последующая хроника событий. Затем каждая новая серия будет добавлять к этим сведениям все новые и новые факты.

Таким образом, не только множество судеб героев, но и множество сюжетов, связанных с их жизнью, нужно было как-то сцепить, связать. Без этого конструкция романа рассыпалась, как она в новую эпоху и вообще рассыпалась, и романная форма возвращалась к тому состоянию, когда она появлялась на свет, т.е. к собранию новелл. Это опять же констатирует В. Шкловский. "Современный роман произошел из сборников новелл, – пишет В. Шкловский, – путем вращивания развертывающихся новелл в обрамляющую с одновременным появлением «типа», связывающего отдельные эпизоды... Роман сейчас рассыпается на отдельные новеллы. Весьма вероятно, что роман завтрашнего дня будет состоять из рассказов, связанных единством героя» [24]. Иначе говоря, выражаясь языком формалистов, чтобы сцепить различные эпизоды хроники, необходим прием, с которого, как утверждали формалисты, вообще начинаются в литературе крупные литературные формы и жанры.

Таким приемом становится выбор из множества героев романа одного героя, который бы не действовал, а только созерцал и размышлял, комментировал тот калейдоскоп жизни, который предшествовал собственно революционной буре и ее сопровождал. Такого героя М. Горький находит в лице Клима Самгина. Самгин не столько действует, сколько рефлексировал о тех событиях, свидетелем которых он является, хотя эти события часто втягивают и его самого, делая его, в том числе, отчасти и действующим лицом. Тем не менее, в силу своего характера, Самгин постоянно возвращается к исходной точке и по отношению к происходящему держит дистанцию. Эта дистанция приводит к расщеплению его сознания, что является следствием его раздвоения на созерцающего и действующего. Будучи втянутым в действие чаще всего не своей воле (например, в дискуссию) Самгин может вступить в спор, поддержать разговор, возразить, высказать свои мысли по поводу происходящего. Но Самгин как действующее лицо, пусть его действия часто исчерпываются вербальным высказыванием, еще не выражает всей сути Самгина. Подлинные оценки и комментарии к тому, что происходит и что он наблюдает часто звучат в его внутреннем монологе. Внутренняя речь здесь часто не совпадает с его публичным высказыванием и даже ему противоречит. Лишь ценой этого расщепления сознания Самгин сохраняет свою способность критически оценивать происходящее, хотя событий так много,

а скорость их свершения столь мгновенна, что часто огромный массив впечатлений так и остается неосмысленным и неотрефлексированным, что само по себе становится предметом размышлений героя.

Здесь нельзя удержаться, чтобы не провести параллель между Достоевским, озабоченным тоской по текущему времени, и Горьким. Герой Достоевского, как, впрочем, и сам автор – тоже что-то вроде летописца. Вот как характеризует эту тоску по времени у Достоевского Д. Лихачев. «Воображаемый летописец Достоевского, – пишет Д. Лихачев, – следует «по пятам» событий, почти их догоняет, спешит их зафиксировать, еще как бы не успев осмыслить их достаточно, не зная, как и чем они кончатся, изумляясь их внезапности, их резким поворотам, их «скандальности», постоянно отмечая их незавершенность. По ходу своего повествования автор или «летописец», от лица которого ведется повествование, меняет оценки событий, находится в напряженном ожидании того, что произойдет, в смятенной неуверенности – точно ли передал самое существо того, что происходит, в тревоге за будущее, в неизвестности этого будущего, сочетающейся с предчувствиями и предвидениями. При этом автор или созданный им повествователь как бы не доверяет правильности собственной интерпретации событий и потому оценивает их с точки зрения отдельных персонажей, вносит постоянные самопроверки» [25]. Но ведь такое же отношение ко времени мы обнаруживаем и у Горького.

Тем не менее, лишь сохранение позиции наблюдателя, а не участника делает Самгина с точки зрения конструкции романа весьма удобным приемом. Это свойство наблюдателя позволяет сцепить множество событий и создать хотя и мозаичную, но, в общем, целостную картину эпохи Поэтому в главном герое романа не следует стремиться отыскивать какую-то психологическую загадочность и исходить исключительно из психологических особенностей героя. У М. Горького главный герой – это его повествовательная функция. Функция обеспечения связности повествования, состоящего из многих фрагментов, которые следует как-то сцепить. Короче, М. Горький, ставя своей целью представить предреволюционные события в России в формате хроники, должен был решить задачу, которая была актуальной еще на ранних стадиях литературного развития. Отмечая это обстоятельство, мы можем сослаться на тех исследователей, которых интересовал генезис романа в истории культуры. Например, на В. Шкловского, обратившего внимание на то обстоятельство, что на

самых ранних этапах развития роман представал в форме сборника новелл, которые каким-то образом следовало сцепить, связать хотя бы формально.

Так, например, появляется прием обрамляющей новеллы, когда в одну новеллу вставляется множество других новелл, которые задерживают развитие действия в обрамляющей новелле. Другим приемом является «прения сказками», когда новеллы воспроизводятся в единой конструкции для доказательства какой-то мысли. Получается, что отдельные эпизоды повествования в формате сборника еще не связаны между собой единством действующих лиц. Да и вообще характеров, действующих лиц еще не существует. Внимание в соответствии с Аристотелем концентрируется исключительно на действии. Как выражается В. Шкловский, «действовать – только игральная карта, делающая возможной проявиться сюжетной форме» [26]. В качестве пример исследователь ссылается на «Жиль-Блаза» Лессажа. То, что он говорит об этом произведении имеет прямое отношение к конструкции романа М. Горького. «Скажу сейчас, – пишет он, – пока бездоказательно, что так происходило довольно долго, еще в «Жиль-Блазе» Лессажа герой так бесхарактерен, что провоцирует критиков на мысли о том, что задачей автора явилось именно изображение среднего человека. Это неверно. Жиль Блаз совсем не человек, это нитка, сшивающая эпизоды романа – нитка эта серая» [27].

Такое ощущение, что это В. Шкловский говорит именно о конструкции романа М. Горького. Здесь тоже возникает соблазн представить главного героя средним, серым, вообще ничтожеством, что и имело место. Это неправда, что Самгин – серый, бездарный и ничтожный человек, каким он предстает с точки зрения большевистской критики. С определенной, а точнее, с функциональной точки зрения он – нитка, смешивающая события горьковской хроники. Хотя смысл сказанного не исчерпывает того, что стоит в романе за главным героем, тем не менее, он существенен. Известно, что литература в своем движении часто возвращается в формы, казалось бы, давно ушедшим в историю. А за ней следует и кино, преодолевая сюжетность и регрессируя к цепи развертывающихся событий, излагаемых в формах новеллы. Так, в качестве примера можно было бы напомнить о фильме братьев Паоло и Витторио Тавиани «Хаос» (1984), поставленном по четырем новеллам Л. Пиранделло «Другой сын», «Влияние луны», «Кувшин» и «Реквием», а также о фильме Н. Михалкова «Предстояние», также смонтированном из разных новелл. Структура

михалковского фильма весьма символична. По сути, это выражение исчерпанности сюжетных построений и вообще кризиса советского кино в целом.

Применительно к методу М. Горького это возвращение к раннему литературному формату, который предстает во все своей очевидности в сериале, оказалось неизбежным. М. Горький просто нуждался в герое как в самой элементарной нитке, позволяющей сшить в его прозаических произведениях то, что, как отмечает К. Чуковский, рассыпается. Без сквозного героя, который, может быть, автору не всегда и нужен, у него не получается сцепления частей в целое. Вот как это слабое место М. Горького ощущает К. Чуковский. Он говорит, что герои его вещей ничем между собою не связаны. Они движутся «в порядке живой очереди», почти не соприкасаясь друг с другом. «Судьбы их, – пишет К. Чуковский, – не сплетены в один узел, как в романах Бальзака, Достоевского, Диккенса. В повестях и романах Горького – и в «Фоме Гордееве», и в «Троих», и в «Исповеди», и в «В людях» и в «Детстве» – нет никакой центральной главной фабулы, которая подчинила бы себя всех этих людей и людишек. Это целая серия маленьких фабул, кое-как перетасованных на скорую руку. Эти маленькие фабулы – тоже прохожие. Одно событие не растет из другого, а просто событие идет за событием и каждое проходит бесследно: вы можете читать книгу с начала, с середины, с конца, это все равно, в ее фабуле нет ни развития, ни роста» [28].

Знал бы К. Чуковский, что он у М. Горького нашел то, что нравится постструктуралистам, а именно, ризому. Понятно, что перечисленные особенности прозы Горького особенно очевидны в его романе-хронике и как он решал проблему сцепления многих фрагментов повествования. Так, К. Чуковский объяснил, почему для М. Горького столь важен тот прием, который бы помог ему сцепить множество событий и фактов и особенно важен именно в его романе-хронике, романе-летописи. Таким приемом и стал главный герой, что, конечно, не исчерпывает всех остальных смыслов, с ним связанных.

2. Является ли Клим Самгин вариантом героя психологического романа XIX века как «лишнего» человека? Возникновение новой интерпретации романа М. Горького в связи с развертывающейся десакрализацией революции.

Имеет место и еще одно обстоятельство объяснения непривычности, непроясненности, сопровождающих образ героя М. Горького.

Оно связано с возникновением исторической дистанции по отношению к революции и вообще ко всей той эпохе, что попадает в поле внимания М. Горького. Это обстоятельство и является, пожалуй, основным в интерпретации романа Горького в многосерийном формате. Несмотря на то, что уже в период революции стереотипы психологического романа перестают соответствовать жизни, литературные герои все еще оцениваются как «лишние» люди. Такая интерпретация, естественно, усложняла выявление глубинных смыслов романа М. Горького, хотя их не могли не ощущать, что, конечно, усиливало загадочность романа. Если Самгин остается «лишним» в революционную эпоху, то виновата не эпоха, к чему склонялись классики литературы XIX века в объяснении поступков своих героев, а сам герой. Значит, в нем есть что-то ущербное. Значит, он заслуживает и психологического анализа, и сурового приговора критики.

В качестве примера такой критики можно сослаться на статью А. Луначарского, появившуюся сразу же после выхода романа М. Горького в серии «Библиотека «Огонька». Так, А. Луначарский воспринимает Самгина как серого, пустого и неинтересного. Он употребляет даже такое слово применительно к герою как «ничто». Ну, просто новый Жиль Блаз. «Как мы сказали, – пишет он, – Самгин – «чертова кукла». Это одно из проявлений пустоты. Это пустота, носящая личину призрачной жизни. Призрачность морочит не только других, но и самого Самгина. Он верит в то, что является реальностью, но не всегда; он иногда как бы догадывается, что он ничто» [29]. Здесь А. Луначарский в своей оценке героя идет от первоначального названия романа «История пустой души», от которого писатель в ходе работы над романом отказался. Так, собственно, эта негативная оценка героя М. Горького закрепилась на несколько десятилетий, переключившись из одной работы в другую.

Естественно, что читатель, у которого уже выработалась привычка воспринимать психологический роман XIX века, естественно, не может таким объяснением загадочности главного героя удовлетвориться. Ему нужно понять психологическую подоплеку дела. Поэтому и срывает стереотип «лишнего» человека как распространенного в литературе XIX века типа героя, о чем М. Горький будет говорить с трибуны Первого съезда советских писателей. Однако проекция стереотипа литературы XIX века на героя Горького на протяжении десятилетий оказывалась оправданием отрицательного отношения к Самгину. Аргументы для отрицательного восприятия героя бы-

ли такие. Соглашаясь с тем, что герой как «лишний» человек приемлем для литературы XIX века, критики эпохи большевизма не могли согласиться с тем, что героем новой литературы, т.е. литературы века XX-го должен оставаться «лишний» человек. Он уже становится подозрительным. Если же его классик и изобрази, то, конечно же, со знаком минус. Почему? Да потому, что, как многие были убеждены, новая эпоха революционных преобразований предоставляет полную свободу для самореализации человека. Для этого, собственно, предпринимаются все революции. Хотя парадокс заключается в том, что вместо самореализации имеют место репрессии, расстрелы и уничтожение.

Конечно, такая интерпретация героя не могла не бросить тень на пролетарского писателя, который, вместо того, чтобы продолжать создавать образы, подобные Павлу Власову, проявляет интерес к героям, которые, можно прямо сказать, для эпохи построения социализма нетипичны. Вот и А. Луначарский недоумевал: «Почему бездарный Самгин представляет собою исключительный интерес» [30]. Однако то, что в романе Горького воспринималось в отрицательном свете в момент его выхода, то позднее стало восприниматься совсем иначе. То обстоятельство, что герой так и не мог примкнуть ни к одной группировке или партии, а, в особенности, к большевизму (хотя его все время спрашивают, не большевик ли он), а это непременно должно было произойти, если автор принял систему и стал ее пропагандистом и «буревестником», по прошествии времени стало восприниматься в позитивном смысле. Значит, герой все-таки не поддается искушению и, несмотря на симпатию к Степану Кутузову, представляющему в романе большевиков, он все же не пришел к большевизму, сохранил независимость и в своем поведении, и в своих убеждениях. Хотя говорить об убеждениях в данном случае не приходится. Скорее он сохраняет возможность самостоятельно размышлять над жизнью, не поддаваясь воздействию пропагандистов разных группировок.

Вот именно это обстоятельство и определило новый интерес к роману Горького в ситуации следующей оттепели, которой можно было бы назвать недавний период в истории, что связан с именем М. Горбачева. Так, стал возможным новый взгляд на роман, как и на его главного героя. Так, мы подходим к необходимости проанализировать появившуюся в это время кинематографическую интерпретацию романа Горького, которая, может быть, в художественном смыс-

ле не стала заметной, но продемонстрировала возможность иного прочтения романа, в котором акцент ставится уже не на героя как отщепенца, так и не сумевшем понять истинный, по мысли большевиков, смысл движения истории (как считалось, движения к революции и социализму), а потом и оказавшимся даже не «лишним» человеком, а жертвой истории в самом элементарном смысле этого слова – был раздавлен массой во время начинающейся другой катастрофы – Февральской революции.

Да, в конце романа Самгин умирает, оказываясь под колесами революционного прогресса. Апокрифы сообщают разные версии этой смерти героя, например, в духе сюжетов 20-х и в духе сюжетов уже 30-х годов. О сущности таких версий финала романа, оставшегося незаконченным (как известно, четвертый том романа был издан уже после смерти писателя в 1947 году), свидетельствует такое признание А. Луначарского. «Я слышал, – пишет он, – что Горький хотел символически заставить Самгина исчезнуть в лучах прожекторов, сиявших на броневике, на котором Ильич выехал в будущий Ленинград. Я слышал также о предположениях о пятом томе хроники, в котором был бы показан Самгин, фальшиво принявший советскую власть, Самгин – вредитель» [31]. Что касается Самгина как в исторической перспективе вредителя, то это уже из атмосферы фильмов 30-х годов. Поскольку проект Горького предполагал еще один том, то это, естественно, усиливает загадочность романа. То обстоятельство, что герой так и не примкнул ни к одной из партии, даже к большевизму, могло со временем восприниматься со знаком плюс.

Значит, то, к чему хотел подвести героя Горький, показателем исторического прогресса все же не было. Значит, с этой точки зрения Самгин предстает уже не растерянным и чужим, не способным понять ситуацию, а, наоборот, у него хватило мужества противостоять увлекающему массу к очередной исторической катастрофе гипнозу. В. Титов делал Самгина наблюдателем не совершающегося величайшего исторического акта, выводящего Россию из тупика, а совсем наоборот, движения к одной из самых ужасных в XX веке катастроф, которая настигает не только героя, но в конечном счете, и самого писателя. В данном случае сохранение героем дистанции по отношению к происходящему воспринимается как сильная сторона не только героя, но и интеллигенции в целом, сохранившей способность критически оценивать ситуацию и не поддаваться гипнозу толпы. Речь идет, конечно, о либеральной, а не о революционной интеллигенции.

Здесь, правда, не может не возникнуть вопроса о том, а предполагал ли Горький такое восприятие своего героя и романа в целом. На этот вопрос не так просто ответить. Совершенно очевидно, что всем течением повествования автор подводил к необходимости революции. Хотя саму революцию он не изобразил, тем не менее, в романе такая перспектива ощущается. Тем не менее, роман-то ведь оказался незаконченным. Какие-то фрагменты его находили уже после смерти писателя другие люди. Можно в этом случае даже предположить, что, несмотря на замысел автора и его желание подвести повествование к революции как вхождению человечества в новую эпоху, исключительно положительного отношения к революции у Горького не получалось. Знакомясь с последней, четвертой частью романа, приходишь к выводу об отсутствии в описываемых событиях убедительности. Такое ощущение, что здесь Горький как идеолог и пропагандист революции расходится с Горьким как художником. Так, может быть, все-таки в личности писателя имели место те «две души», которые были замечены в его творчестве критике и раньше. Так, К. Чуковский констатирует, что М. Горький в своих воспоминаниях о Л. Толстом утверждает, что у него две души, что Л. Толстой жил во вражде с собой. Но, подхватывая эту мысль, К. Чуковский утверждает, что и самого М. Горького две души – «одна – тайная, другая – для всех, и одна отрицает другую» [32].

Раз уж у самого Горького, как можно представить, к беспрекословному приятию революции не лежало сердце, то, конечно, это дает право дать новую интерпретацию романа и героя, что и происходит в сериале В. Титова. После сказанного попробуем сделать суждение по поводу того, почему все же сериал В. Титова стал событием и не только художественным. Почему обсуждаемая в романе тема оказалась столь важной? Видимо, даже не потому, что хотелось представить неизвестного Горького, а потому, что важно было вернуться к теме революции как событию, которое разделило историю России на старую и новую. Это то событие, которое определило жизнь людей в России на весь XX век. Это событие, сформировавшее и утвердившее за каждым из нас наше «я», нашу идентичность, независимо от того, хотим мы этого или нет, удобно нам это или неудобно, приносит нам это счастье или не приносит.

Революция стала событием с большой буквы. Она стала образом народа на всю последующую историю, ибо совпала с бессознательным представлением народа о себе, не важно, соответствует ли

это действительности или не соответствует, делает людей лучше или нет. В определенном смысле революция этот народ сделала. Представлению народа о себе, каким бы он хотел себя видеть, революция соответствует. В этом образе есть, разумеется, нечто объективное, но еще больше в нем виртуального, привнесенного из того, как масса хотела бы видеть саму себя. Поскольку революция оказалась, в том числе, и выдуманной, то мы настоящей революции не знаем и, поддаваясь давлению коллективного бессознательного, всячески выдавливаем из своего сознания то негативное, что она несла с собой. А она ведь несла и то, что общество до А. Солженицына не знало или не смело знать. Иначе говоря, революция стала сакральным событием, а это означает, что никакая ее критика невозможна. Это рецепция революции на уровне религии.

Но, разумеется, раз имела место сакрализация революции, то возможна и десакрализация. И она, разумеется, разворачивается, но медленно и охватывает она скорее узкий круг людей, а не все общество. Масса же, являясь виновницей революции, остается глухой и слепой к ее настоящей реальности. Но процесс десакрализации идет, и следует отметить, что с середины 80-х годов прошлого века это становится весьма заметно. Остановившись на фильме В. Титова, мы выбрали из истории десакрализации революции одно произведение, которое как раз и осуществляет эту функцию. Именно В. Титов относится к тем режиссерам, которые начали лишать революцию пафоса. Все, что попадает в поле внимания режиссера, воспроизводится в соответствии с принципом остранения. Это происходящее уже не принимается безоговорочно и непременно с положительной оценкой. Это вторгается в сознание зрителя, будучи снабженным неким сомнением в плане оценки, не имея морального оправдания.

Отсюда и загадочность героя. Носителем этого остраненного взгляда является герой романа – Клим Самгин, человек недоверчивый и рефлектирующий, не способный к непосредственной идентификации с происходящим. Как отзывается купец Лютов о Самгине, это – аппарат, не столько мыслящий, сколько рассуждающий. Конечно, для того, чтобы вести повествование в этом ключе, нужно было найти соответствующего актера. Он был найден режиссером в высшей степени удачно – это Андрей Руденский. Это настоящая удача режиссера, ведь именно на основе этого остраненного взгляда героя и организуется все действие фильма.

Парадокс однако состоит в том, что история десакрализации революции началась не с В. Титова и не с этого сериала по роману Горького. Она вообще началась не во второй половине 80-х годов прошлого века, т.е. в очередную оттепель. Неоценимая заслуга В. Титова заключается в том, что он нашел ключ к почти забытому роману Горького. А роман-то во многих отношениях замечательный. И замечательный он именно в плане генезиса десакрализации революции. Никакой другой аргумент для высокой оценки романа не может быть более убедительным. Прибегая к приему, используемому Л. Толстым смотреть на все изображаемое как на совершенно незнакомое, будто глазами марсианина, Горький как «буревестник» революции демонстрирует уже взгляд остранный, с помощью которого можно видеть не виртуальное, а реальное, а это означает трагическое. И ведь не случайно у Горького все время идут разговоры о том, что люди выдумывают себя. Если бы только себя. Вот от этого выдуманного и виртуального следовало освободиться, иначе реальность предстанет, как у Шопенгауэра, только как «воля и представление» и ничем больше. Да, видимо, классик читал не только Лебона.

Ну, бог с ней, с его эрудицией. А вот то, что сам «буревестник» начинает десакрализацию революции и промывку мозгов в России (что, кажется, иным хотелось бы скрыть) – этот факт следует высоко оценить и еще раз подтвердить, что мы, читатели XXI века и в самом деле имеем дело с гением, и сомневаться в этом не приходится. Фильм В. Титова значителен тем, что позволяет эту интонацию десакрализации революции из романа вытянуть, реконструировать адекватный взгляд гения, ощутившего в навязываемом мировоззрении, которое будут насильно насаждать на протяжении всего XX века и продолжать приносить в жертву людей, как это было и в самой революции, уязвимое место. Это роман не о сакрализации, а о десакрализации революции. Горький хотел освободить революцию от революционного пафоса еще в 20-е годы, когда это было, кажется, невозможно, когда революция как античный рок только что пережила свой пик, оставив после себя множество жертв и была готова поглощать еще новые и новые жертвы, ее «буревестник» в ней усомнился. Комплекс сомнения и порождает такую необычайную конструкцию романа, которую еще долго придется разгадывать.

Проблема, следовательно, в случае с фильмом В. Титова меньше всего касается переноса романа внушительного объема на малый экран. Здесь, как свидетельствует история большого телевизионного

формата в России давно уже многие проблемы решены. Проблема связана с трудностями переноса замысла на экран именно такого литературного текста, к восприятию которого общество должно быть готово. Ведь у него отсутствовал код, необходимый для понимания того, что происходит на экране. Фильм В. Титова не предполагает, что восприятие революции и на этот раз произойдет в соответствии с идеальным образом народа о себе. Но все-таки в середине 80-х какая-то сдвигология в этом плане началась. Сомнения овладевает не только отдельных художников, но какие-то слои общества, которые начинают расширяться. Фильм В. Титова этому расширению способствует. В коммуникативной цепочке между фильмом и зрителем возникла щель, в которую уже можно было входить. Формат сериала еще недавно мог мешать реализации замысла Горького. Поэтому охотников экранизировать этот роман Горького не было. Ведь телевизионная аудитория – это многомиллионная аудитория, воспринимающая все в соответствии с идеальным представлением о себе. Но наступает момент, когда что-то начинает происходить и с телевизионной аудиторией.

Конечно, фильм В. Титова заслуживал того, чтобы о нем говорили своевременно и больше, а не задним числом, ретроспективно. Но ведь это был еще не 1991 год. Но, на наш взгляд, его значимость возникала и утверждала себя по мере расширения контекста, в соответствии с которым он только и мог быть понят. А этим общим контекстом сегодня является история десакрализации некоторых исторических событий и, в том числе, революции. Эта история происходит как в литературе, так в кинематографических и телевизионных формах, как в малых, так и в больших форматах. Так, как нам представляется, можно объяснить значение фильма В. Титова по роману М. Горького.

3. М. Горький как «демон» русской революции и как критик власти после революции. Автор и герой. Как объяснить использованный автором в романе прием внутреннего монолога героя?

Таким образом, в разгадке героя следовало бы учитывать еще один весьма тонкий и деликатный аспект романа, связанный с взаимоотношениями между героем и автором. Хотя литературоведы не устают утверждать, что герой – это самостоятельный и независимый от автора элемент романа, все же это не всегда так. Преодоление

вульгарных трактовок и оценок главного героя романа Горького, что происходит в последние десятилетия, позволяют коснуться и этого вопроса. С некоторых пор, когда стали известны подробности из жизни писателя, появилась такая возможность по-новому взглянуть на проблему отношений в романе автора и героя. Такое преодоление вульгарных трактовок, конечно, опирается на материалы, связанные с биографией Горького, которые раньше не были известны. Некоторые из них находились, в том числе, и в архивах Лубянки. Известно, как соответствующие органы контролировали все, что выходило из-под пера классика, в том числе, и переписку.

Но если ознакомление с этими материалами было невозможным, то мы не знали и подлинного Горького. Совсем не буревестника и, буревестника и пропагандиста социализма и сталинского курса, а борца с режимом. Если в материалах, доступных исследователю и читателю, Горький предстает буревестником революции и создателем нового строя, пропагандистом ленинского и сталинского курса, то в материалах, хранящихся в архивах и недоступных для исследователя и читателя, Горький предстает критиком власти, действий правительства, иногда пытающимся вразумить представителей власти, поправить их планы, отменить решения, как это было не только с Лениным, но и со Сталиным, иногда нетерпимым и страстным борцом за справедливость, а ведь это часто касалось политических решений, политических программ и политического курса. Обратим внимание, в частности, на хранящееся до 1993 года в архивных тайниках М. Горького Ленину 1919 года по поводу арестов так называемых «сгнивших интеллигентов», как назвал русских ученых Ленин. «Искоренять полуголодных стариков-ученых, засовывая их в тюрьмы, ставя под кулаки обалдевших от сознания власти своей идиотов, – писал он, – это не дело, а варварство» [33].

Сценарист А. Лапшин, автор сценария фильма «Жизнь Клима Самгина» написал роман «Под знаком Скорпиона», а также сценарий к четырехсерийному фильму по своему роману (режиссер Ю. Сорокин, 1995), посвященному уже жизни и судьбе самого пролетарского писателя. Фильм был поставлен и показан по ТВ. В последней серии этого фильма во время финальной встречи со Сталиным Горький бросает вождю в лицо следующие слова: «Я Ленину правду говорил... А тебе и подавно... уголовник...». В этом обличении вождя промелькнули фразы, которые воспринимаются исповедью, трезвым, даже безжалостным осознанием своей ошибки, которая привела к

трагедии не только самого писателя. «Я породил вас – племя кровавых безумцев! Я накликал на Россию беду, – признавался Буревестник. – Я помог вашей банде превратить страну в трудколонию! Я прикрывал ваше насилие и безмозглость! Я потакал вашей античеловеческой системе, в которой народ – навоз и материал для экспериментов! Я – был проповедником идеологического гнета одного класса! Я агитировал за строительство новой жизни на костях и могилах! Я позволил самоуничтожаться русским людям! Я чуть не восславил в веках нечистоплотного «пахана» – тебя, выблядок! Я вместе с отпетыми негодями сам стал негодяем!» [34].

Спрашивается, осознавал ли Горький свою участь лишь перед смертью или же он на протяжении всей жизни сохранял критическое восприятие деятельности власти? Похоже, что, разделяя убеждения большевиков, он продолжал сохранять по отношению к ним критическую дистанцию. А раз так, то этой двойственностью отношения к происходящему он не мог не наделить и своего героя, сделав его собственным двойником. Нельзя утверждать, что это произошло сознательно. Как свидетельствует приведенное признание Горького, сами писатель осознает себя одним из тех, когда сегодня называют уже не «ангелом», а «демоном» революции. У Н. Бердяева есть глубокая работа, посвященная взаимоотношениям русской литературы и русской революции. Она написана в 1918 году и называется «Духи русской революции» Такими «духами» у него выступают Гоголь, Достоевский и Л. Толстой. Именно они впервые ощутили тот сопровождающий русскую революцию 1917 года нигилизм, иррационализм и даже демонизм и представили его в образах задолго до того, как начнется революция.

Статья Н. Бердяева начинается так: «С Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну. И многим начинает казаться, что единая и великая была лишь призраком, что не было в ней подлинной реальности» [35]. Вот тема призрачности – это уже тема Горького. Виновниками этой катастрофы философ представил русских писателей. Но ведь в своем романе Горький как раз и имел в виду эту катастрофу, а точнее, ту смуту, что революции предшествовала. Смуту, которая уже предстала в катастрофе первой революции 1905 года и которая продолжала распространяться, пока не достигая в романе двух последующих революций, что многие предчувствовали, испытывая перед нею испуг, о чем свидетельствовали статьи философов, опубликованных в сборнике 1909 года «Вехи».

Уже тогда начался откат от революции и пересмотр революционных идей, хотя это никак не повлияло на последующую историю.

Выявляя демонизм в литературе XIX века, Н. Бердяев говорит, что писатели уже ощущали его в ментальности русского народа и что в революции и проявился. Но дело даже не в выявлении подсознательных комплексов ментальности русского человека, о чем в романе размышляют многие герои, оно и в их формировании под воздействием литературы, что, конечно, тоже имеет прямое отношение к Горькому. Иначе говоря, Н. Бердяев уже ставил вопрос о том, что пролитая в русской революции кровь лежит на совести русских писателей. Позднее этот вопрос будет поставлен В. Шаламовым. «Русские писатели-гуманисты второй половины XIX века, – пишет он, – несут на душе великий грех человеческой крови, пролитой под их знаменем в XX веке» [36].

Особенно серьезные в этом смысле претензии Н. Бердяев предъявлял Л. Толстому. По его мнению, он морально уготовил историческое самоубийство русского народа. Ложь и прозрачность толстовства развернулась в русской революции. По мнению философа, Л. Толстой оказался выразителем антигосударственных, анархических инстинктов русского народа и этим инстинктам дал морально-религиозную санкцию. Он явился и виновником разрушения русского государства и в сознание народа внедрил враждебность по отношению ко всякой культуре. Короче, писатель у Н. Бердяева представлен «источником всей философии русской революции» [37].

Но список великих «духов» русской революции можно было бы продолжить. В более позднее время эта эстафета была подхвачена Горьким, заслуживающим не меньших упреков, чем Л. Толстой у Н. Бердяева. То, что Горький выразил антигосударственные инстинкты русского народа и даже дал санкцию разрушения государства, что приписывает Н. Бердяев Л. Толстому, это очевидно. Однако был и другой Горький. Будучи «демоном», а, точнее, «буревестником» революции, Горький продолжал делать наскоки на власть, выказывая себя радикальным критиком власти. Эта раздвоенность писателя позволяет точнее понять загадочность и не до конца проясненного главного героя романа. Эта мысль возникает не случайно. Она может помочь, если не окончательно распутать тот детектив, который в финале биографии пронизывает жизнь пролетарского писателя (подумать только, оказывается, среди его друзей был, в том числе, и знаменитый палач Ягода), то хотя бы внести какие-то новые смыслы.

Они важны не только для понимания Горького как конкретного автора, а вообще как художника, сотрудничающего с властью, причем, с властью в тоталитарном государстве. Казалось бы, если нам известно, что в конце жизни Горький тиражировал идеи Сталина и даже одобрял репрессии, то сегодня он заслуживает такой же критики, какая в других странах прозвучала в адрес мыслителей и художников, сотрудничающих с властью в тоталитарном государстве. Этой участи не смог избежать не только один из самых известных философов XX века М. Хайдеггер, как не могла ее избежать знаменитый кинорежиссер Л. Рифеншталь. Горький ведь тоже заслуживает такого осуждения, и существуют факты, которые позволяют это делать. Да, собственно, это уже давно делается. В качестве иллюстрации можно сослаться хотя бы на книгу А. Ваксберга [38].

Но все не так просто. Не просто потому, что тут снова возникает старая проблема отношений лица и маски. Дело в том, что смысл нового периода в истории вспышки массовой ментальности был разгадан и использован не только Сталиным. Этот смысл старался постичь и Горький. Отправляя одобрительные послания действиям власти, самому вождю, Горький, подобно своему герою, целиком с поклонниками политики Сталина себя не отождествлял. Даже в безвыходной ситуации он пытался сохранить дистанцию по отношению и к Сталину, и к его политике. Об этом, в частности, свидетельствует догадка А. Ваксберга по поводу замышляемого Горьким отлучения Сталина от власти. Эта попытка (с участием, кстати, Ягоды, в последний момент струсившего и попытавшегося замысел отменить и замести следы) обернулось тем, что сын Горького Максим оказался новым Исааком, а отец – Авраамом, принесшим своего сына в жертву. Ведь Максим был активным участником замышляемого действия (он должен был передать пакет Кирову), и его в случае провала следовало ликвидировать, что, если верить этой догадке, и было сделано, как, впрочем, было сделано то же и с самим пролетарским писателем. Кстати, библейская история об Аврааме и Исааке в романе постоянно вспоминается.

Реакция М. Горького на поворот в истории взрыва массовой вакханалии отличалась от реакции С. Есенина и В. Маяковского, которые своевременноотреагировали на такой поворот, уходя из жизни. Смерть другого их современника, представителя Серебряного века – Горького тоже была запрограммирована. Но она оказалась отсроченной. Горький не был вульгарным лизоблюдом, хотя и принимал в

своем доме Сталина как дорогого гостя, получая от него дорогие подарки. Но эту роль он не играл и по отношению к Ленину. В его ранней публицистике присутствует полемика с первым вождем. Но эта полемика с властью продолжается и в эпоху Сталина, хотя в эту эпоху критика и несогласие стоили уже головы.

Поскольку роман писался уже в 30-годы, когда появилась дистанция не только по отношению к революции, но и к ее предыстории, то Горький к этой эпохе возвращается, а она оказывается эпохой и его, пролетарского писателя славы. Конечно, следовало понять, что же такого уязвимого проявилось не столько даже в истории революции, но и в ее предыстории, что привело к власти таких вождей. Иначе говоря, что привело к катастрофе, из которой следовало выходить десятилетиями. Но ведь это продолжало быть актуальным и в 80-е годы, когда фильм показывали по телевидению. Вот почему один из критиков совершенно справедливо говорит, что фильм продолжает оборванный в свое время разговор об этом с появлением фильма возобновляется [39]. Наверное, критик уловил здесь самое главное.

Есть основание полагать, что Горький раздваивается. Критическое восприятие старой империи, характерное для раннего романтического бунта Горького, в новой империи становится неуместным. Вот и получается, что, с одной стороны, Горький – буревестник и певец революции и нового строя, а, с другой, все-таки их критик. Если одна позиция высказывалась прямо, то другая могла получать выражение лишь с помощью внутреннего монолога. Но, собственно, ведь так выстраивается и роман. Все, что нельзя или не обязательно высказывать вслух, Самгин прокручивает в форме внутреннего монолога. Но ведь построение романа не сводится к монологу Самгина. В нем весьма активен и автор, который также ведет повествование, контролирует отношение к тому, что происходит с героем. Но именно такой прием использует и В. Титов. Нужно, сказать, вполне приемлемый и эффективный.

Имя Горького в сознании массы стояло рядом с именами политических лидеров, с Лениным и Сталиным. К тому же, возможность выезжать за границу и работать там позволяла такую дистанцию какое-то время сохранять. Ведь известно, что Горький мог после революции оказаться эмигрантом, он мог разделить судьбу многих отечественных мыслителей и художников, того же, например, Ф. Шляпина, с которым дружил и состоял в переписке, уговаривал даже его вернуться в Россию. В романе есть сцена с Шляпиным. Исполнение

им знаменитой «Дубинушки» восприниматься тоже в русле наступления революционной бури. О таком повороте в своей творческой биографии и в жизни Горький, как известно, думал серьезно. Так, что дистанция по отношению к тому, что происходит в России, у Горького, часто проживающего в Сорренто, все же могла быть, даже, можно сказать больше, была. Критикуя власть, писатель нередко гневался и срывался. Но это иногда, а в реальности соображения Горького не всегда получали выражение в публичных высказываниях, в выступлениях, в периодической печати. Приходилось прибегать к внутреннему монологу, который ведь, естественно, всегда имел в качестве своей основы диалог. Но в сталинской России диалог был свернут.

Если еще в своих художественных произведениях и в публицистических выступлениях многое нельзя было позволить, то для этого существовало устное общение и переписка. Там-то и получали выражение «внутренние монологи» Горького, но значительная часть этой переписки цензура держала в архиве. Таким образом, можно констатировать, что функциональное объяснение героя в романе Горького, т.е. то, что Самгин интересовал Горького не как характер, а как функция повествования в этом нашем третьем объяснении загадочности получает более глубокую и несколько другую трактовку. Да, такой Самгин вызван Горьким ради конструкции, но не только. В данном случае герой оказывается двойником автора, точнее, зашифровавшим себя автором со всеми поправками в адрес литературоведов. Конечно, Самгин – не сам Горький, но в каком-то смысле и сам Горький. Неприятие сталинских решений при сохранении дружбы со Сталиным позволило Горькому вернуться к годам своей молодости, к предыстории революции и увидеть в ней такое, чего он раньше не видел.

4. Эффект омассовления жизни в литературе. Влияние этого обстоятельства на трансформацию романа.

Следующий момент, приближающий к разгадке непроясненных смыслов и героя, и романа, связан с хронологией, которой Горький придерживается. Она как раз и связана с лебоновской проблематикой. Г. Лебон изображает отступление элиты под напором «восстания масс», в каких бы формах оно не представало, как закономерность новой истории. Создается ощущение, что Горький внимательно штудировал Лебона (а почему бы и нет, если даже его штудировал и Ленин), морфология толпы у которого описана непревзойденным обра-

зом. Во всяком случае, в романе Г. Лебон упоминается не зря. На определенном уровне роман воспринимается как прихотливая жизнь толпы или, точнее, массы, которая вышла за границы привычного ритма истории, оказалась рассредоточенной и раздробленной, а потому и беспомощной. Она замерла в ожидании прихода лидера с железной рукой, который ее успокоит и организует. По сути, речь идет о вневременном архетипе «культурного героя», актуальность которого в иные эпохи становится очевидной. Этот архетип воспроизводит даже А. Блок.

Собственно, именно это и характеризует социальный хаос или, если воспользоваться привычным для русских историков понятием, смуту. Нет, не случайно М. Горький заметил Г. Лебона. Сложившаяся в последних десятилетиях в России XIX века и в первых десятилетиях XX века ситуация и в самом деле может быть описана лишь с помощью выводов и терминологии Г. Лебона. И вовсе не только потому, что Г. Лебону как проницательному исследователю удалось открыть и впервые объяснить остававшийся длительное время латентным пласт исторического процесса, а потому, что его сочинение явилось эхом тех радикальных революционных сдвигов, что Франция переживала с конца XVIII века. Открытию нового научного направления, т.е. психологии массы Г. Лебон обязан веку социальных революций или, как назвал свою книгу современный французский исследователь и истолкователь идей Г. Лебона С. Московичи «веку толп» [40].

Итак, сочинение Г. Лебона явилось следствием размышлений по поводу смуты. Посвящая свой роман эпохе продолжающегося разложения российской империи и предреволюционной смуте, М. Горький не мог не уделить внимания самому очевидному признаку смуты – образованию и поведению массы. Не случайно после катастрофы на Ходынке Клим Самгин испытывает страх перед толпой, перед «единым, чудовищным целым», «безглавым и бесформенным черным» [41]. Он постоянно оказывается в толпе и хотя ее ненавидит, но ощущает, что она втягивает его в себя, а он бессилен ей противостоять. В конце концов, его сознание раздваивается. С одной стороны, он принимает участие во всех событиях, с которыми сталкивается его судьба (и не только судьба, ведь он – журналист), рефлексивирует публично по их поводу, вступая в полемику с другими героями, а, с другой, в его сознании одновременно разворачивается внутренний моно-

лог, связанный с теми оценками, которые он выносит событиям, но не может их изложить публично.

Жизнь так раздробилась, что какие-то общие оценки стали невозможными. Если Г. Лебон объявляет новую эпоху, в которой масса приходит в историю, нарушает иерархию общества, растворяет в себе личность и отодвигает на периферию творческую элиту, то Горький этот процесс понижения статуса творческой элиты, ее растерянность, ощущение ее ненужности и призрачности выражает в своем романе в форме образов. Люди, попадающие в поле внимания автора, находятся в ожидании революции. Она неотвратима. Она и порождает восторг, но она и рождает страх. Но только вот представление о ней совсем не совпадает в реальной революции. Революция развязывает, высвобождает такие анархические комплексы, которые разрушают не только государство, но и культуру. Она высвобождает то анархическое и нигилистическое начало, которое, как утверждает Н. Бердяев, находя подтверждение у русских классиков, существует в ментальности русского человека.

Поскольку роман Горького вводит в эру масс, то лишней становится уже не только интеллигенция, но и ее детище - литература, какой она стала в XIX веке. Эра масс требует иной литературы и иного искусства. Повернув в сторону романа-хроники и отходя от традиции психологического романа XIX века, Горький как раз и демонстрирует, что он тоже ощущает эти сдвиги. Разобраться в этом поможет не только Г. Лебон, но и О. Мандельштам. В одной из своих статей поэт констатировал смерть романа, объясняя ее тем, что в XX веке исчезла та психологическая и социальная основа, которая питала роман XIX века как форму выражения индивидуального, личного начала [42]. Личность, достигшая определенного уровня свободы, породила и такую литературную форму, как психологический роман XIX века. Что касается XIX века, то основа для продолжения романной формы исчезла, а личность растворилась в массе. Эта трансформация личности в XX веке должна была породить новые литературные формы, что в 20-е годы было весьма актуальным для обсуждения вопросом.

В соответствии с новым ракурсом возможно добавление к загадочности главного героя. Неосуществленность личных амбиций Клина Самгина имеет отношение к нему как к личности, как к представителю элиты с сопутствующими планами и установками. Дело в том, что круто разворачивающаяся история делает из Самгина, претендующего на роль героя и как бы осуществляющего уже эту роль,

всего лишь человека массы, действия которого направляются установками массы, лишая его самостоятельности и самоценности. Поэтому судьба Клим Самгина не может служить прекрасной иллюстрацией к тезисам О. Мандельштама о смерти романа. Прежде, чем такая смерть произойдет, должен умереть герой. Смерти романа предшествует смерть героя. Но даже если герою суждено умереть, то это происходит не сразу. Герой умирает, но рождается антигерой. Клим Самгин и является таким антигероем. Вот, казалось бы, и вся разгадка таинственности героя у Горького. Героя из Самгина не получается, а его внутренний потенциал не реализуется. Новое время потребовало и новых героев.

Конечно, вывод О. Мандельштама о смерти романа был крайностью. Кстати, появление романа Горького можно было бы считать каким-то опровержением слишком крайнего утверждения О. Мандельштама. Однако и в утверждении поэта тоже была правда. Ведь не случайно же роман у Горького вместо ожидаемого прогресса демонстрировал регресс, причиной чего послужила, конечно же, масса. Регресс проявлялся в том, что психологический роман начал заметно уступать место роману авантюрному как предшествовавшей в истории литературы форме. И вот уже В. Шкловский, ощущая этот поворот, пишет: «Дюма и Стивенсон становятся классиками. По-новому увлекаются Достоевским – как уголовным романом» [43]. Но дело не только в этом. Формалисты показали, что рождение романа в истории литературы (вопрос, который мы уже затрагивали) случилось тогда, когда удалось отыскать прием, который бы объединял разные новеллы в одно целое. Таким приемом и оказался герой.

Так что если О. Мандельштам прав, высказывая тезис о «смерти» романа, то эта «смерть», видимо, сопровождалась ретроспекцией к ранним эпохам, к зарождению романной формы. Но следует отметить, что из этого ретроспективизма Горький извлек значительную пользу. Об этом невозможно не сказать еще и потому, что как пронизательно формулировали критики, анализируя произведения Горького, особенность его повествования заключалась не в психологическом углублении в характеры и ситуации, а в воссоздании самых разных картин жизни, мелькающих подобно кадейдоскопу.

5. «Век толп» как век возрождения вождей. Вождь как «культурный герой». Революция и мифология. Проблема вождя в романе М. Горького.

При новом истолковании героя и, соответственно, романа следовало бы учесть и еще один момент, связанный с нахождением в романе моментов, связанных с последующим развитием истории, которые писатель уже угадывал, улавливал в предреволюционный период. Моментов, позволяющих дать не столько сюжетную и психологическую, сколько мифологическую трактовку. И здесь мы возвращаемся к началу нашей статье, где большой формат был соотнесен с мифом. Конечно, такая мифологическая трактовка, вполне допустимая и возможная спустя время, самим автором в процессе написания романа едва ли могла подразумеваться. Но ведь, как утверждают постструктуралисты, сбросившие Автора в XX веке с высокого пьедестала в литературе, с которым каждый писатель до этого был связан, это и не важно. Важно, чтобы непредусмотренные автором смыслы вычитывались из романа самим читателем. Вот и попробуем воспользоваться их советом.

Если в повествовании Горького улавливать миф, то следует начать с выявления присутствия в нем «культурного героя». Эта тема тоже связана с психологией массы. Хотя очевидно, что, формулируя закономерности психологии масс, ни Лебон, ни Фрейд не демонстрировали слагаемое этой психологии – мифологический подтекст. Попробуем это сделать мы. Сегодня проблематику психологии масс приходится постигать буквально заново, поскольку интерес в ней, появившийся в России еще на рубеже XIX–XX веков и продолжающийся еще в 20-е годы, как мы уже успели отметить, заглох, натолкнувшись на установки власти в постреволюционной России. То, что при Сталине о психологии масс невозможно было говорить, понятно. Во-первых, культура Два, если здесь использовать терминологию В. Паперного, рефлексии об обществе как предмете, способном заявлять о своей самостоятельности по отношению к государству, не допускала. История рассматривалась лишь с единственной, т.е. государственной точки зрения. Гегель философски обосновал эту установку историков.

Это дало повод, например, А. Синявскому социалистический реализм, который Сталиным при поддержке Горького стал системой государственного руководства искусством, назвать «социалистиче-

ским классицизмом». Во-вторых, вспышка массовой ментальности, начавшей определять исторические процессы, что, собственно, и доказывал Г. Лебон, не существует без архетипа или, лучше сказать, мифа. Но, как известно из биографии и судьбы А. Лосева, миф – это не тот предмет, о котором можно было размышлять в сталинскую эпоху, когда этот самый миф находился в апогее, проник в политическую историю и как миф, разумеется, не воспринимался [44]. Не воспринимался, но был реальным. Ясно, что марксизм претендовал на единственно верную научную истину, а, следовательно, большевистские идеологи, вслед за Гегелем, к мифу относились как к чему-то вроде суеверия. А. Лосев, доказывая, что миф является слагаемым большевистской доктрины, рисковал. Кстати, к травле А. Лосева приложил руку, в том числе, и Горький [45].

Но как воссоздать в образах эпоху смуты, если не иметь в виду мифологический подтекст поведения массы? Это мог себе позволить лишь художник, который и находился в эпицентре разворачивающихся событий, и в то же время от них постоянно дистанцировался, представляя не только очевидцем, но и критиком, аналитиком. Неосуществимость планируемого «творческого ответа», провал замышляемого русской элитой революционного проекта отбрасывает тень и на неосуществленность главного героя романа, что и способствует разгадке того замысла, который, по нашему убеждению, у Горького был. С этой стороны любопытно снова вернуться к мотивировке необходимости описания детства героя. В романе, как было уже нами замечено, не случайно большое внимание уделяется детству, а В. Титов посвятил ему всю первую серию, закончив известной фразой «А были ли мальчик?».

Но какова была цель писателя, если он уделяет внимание детству? Юному Самгину хочется выделиться среди других сверстников. Он честолюбив. Лишь в конце четвертого тома книги есть разгадка стремления героя выделиться. Не случайно речь в романе все время идет о вождях. Ведь и сам Самгин лелеет эту мысль стать вождем. Вот, например, как течет его мысль: «Нет, историю двигают, конечно, не классы, не слепые скопища людей, а – единицы, герои, и англичанин Карлейль ближе к истине, чем немецкий еврей Маркс. Марксизм не только ограничивал, он почти уничтожал значение личности в истории. Это умонастроение слежалось у Клима Ивановича Самгина довольно плотно, прочно, и он свел задачу жизни своей к воспитанию в себе качеств вождя, героя, человека независимого от насилия дей-

ствительности» [46]. Вот это суждение следует запомнить и расшифровать.

Так вот, оказывается, в чем заключается проблема неосуществленности. Не удалось Самгину реализовать в себе вождя, но не потому, что у него не было этих качеств. Случись революция раньше, то такие люди могли бы быть вождями. Но дело в том, что в провозглашенную Лебоном эпоху были вызваны к жизни совсем другие вожди, не обладающие теми моральными качествами, которые есть у Самгина. Итак, этот потенциал вождя у героя не осуществляется. Дело не в том, что Самгин не реализовался, а в том, что он не реализовался как вождь, а реализовался лишь как резонер. Поэтому для всех остальных персонажей Самгин остается загадочным. Когда читатели и зрители ругают героя, они забывают или не знают, что о загадочности, непроясненности личности Самгина ведь все время рефлексировали окружающие его люди, задавая вопрос «Кто Вы, Клим Самгин?».

Это ведь не случайно так получается у Горького, так задумано. Самгин для всех предстает загадочным человеком. Загадочным потому, что не может себя проявить в иррациональной стихии, оставаясь критически мыслящим интеллигентом. Но что может сделать разум интеллигента, когда в России вспыхивает массовое безумие. Неосуществленность героя, следовательно, – это неосуществленность всего революционного проекта, задуманного революционным поколением, к которому и принадлежит его возможный вождь Самгин. Этот проект уже не годится. Не осуществляется герой как вождь потому, что приходит другое время. Его постигает судьба его дяди Якова, народника, пережившего свое время. Такого рода вожди из интеллигенции оказались беспомощными и растерянными, а, следовательно, и лишними, но уже в другом смысле. Поскольку произошел иррациональный взрыв стихии масс, началась новая история, в которой образ интеллигенции, каким он был создан в XIX веке, оказался отвергнутым и ненужным.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом. Раз новая революционная эпоха требовала вождей, то они и должны были появиться из среды элиты, т.е. интеллигенции. Вот почему Горький только один раз проговаривается и пишет, что Самгин воспитывает в себе качества вождя. Казалось бы, именно такие люди как Самгин и должны были повести массы в революцию. Поэтому Горький и делает возможного вождя героем романа и прослеживает на всем пространстве романа, почему этого не получилось. Но ведь никто этот момент у Горького

не прочитывает. А почему? Да потому, что надо понять, Горький не только что-то зашифровывал в своей жизни, но и в романе тоже. Легче воспринять героя «пустой куклой» и все становится сразу понятным. Историческая ситуация в эпоху омассовления настолько изменилась, что инакомыслящий Самгин оказывается «не ко двору». Масса жаждет других вождей, и они, разумеется, появятся. Только без тех моральных качеств, которые были еще у Самгина и у его поколения.

Что касается Самгина, то он и в самом деле становится лишним. Но какого же вождя желает масса? Чтобы это уяснить, вернемся снова к массе, а точнее, к вспышке массовой ментальности. Имея в виду воспроизводимую в романе смуту, мы затронули вопрос о вспышке массовой ментальности. Историю этой вспышки, имевшей своим следствием активизацию повторяющихся в истории психологических комплексов, сформировавшихся на ранних этапах истории, можно разделить на две фазы. Первая фаза характеризует то, что политические идеи, провозглашенные сначала народниками, а затем большевиками (кстати, этот переход к новому мышлению Горьким в романе осмыслен), бессознательно соединяются с архетипическими комплексами, что вызывает к жизни и в самом деле невероятную вспышку массовой ментальности. В этой ситуации одно принимается за другое. Говорят о смене власти, разрушении государства, построении социализма, а на самом деле эмоционально изживают обновленную архетипическую формулу, т.е. жаждут порядка, преодоления смуты и установлению твердой власти, ждут появления вождя или, если оперировать мифологической терминологией, нового «культурного героя», способного как ибсеновский Бранд, вывести людей из экстремальной ситуации или ситуации хаоса. На этом этапе миф, не потеряв активности, растворился в политике [47].

Пока этот процесс оказывается бессознательным, политические идеи оказываются привлекательными и притягательными. Масса живет и дышит предвосхищением революции, которая становится необратимой, и не достает только вождя. Вот эта потребность в вожде и дефицит в реальных людях, способных стать вождями, становятся лейтмотивами многих дискуссий, которые Горький воспроизводит в романе. И не только дискуссий. В том самом Художественном театре, в котором с блеском была поставлена пьеса Горького «На дне» (и, кстати, в романе это факт упоминается, как же – летопись, в том числе, и художественной жизни) был поставлена также пьеса Г. Иб-

сена «Бранд», в которой образ такого вождя был представлен. Не случайно спектакль по этой пьесе имел огромный резонанс.

Не только Горький, но даже А. Блок улавливает атмосферу ожидания не только революции и вообще эпохи масс, но именно вождя («Кто ж он, народный смиритель? // Темен, и зол и свиреп» [48]). Вот, например во втором томе романа имеет место такой разговор: «Неужели для вас все еще не ясно, что террор – лечение застарелой болезни домашними средствами? Нам нужны вожди, люди высокой культуры духа, а не деревенские знахари...» И еще: «Вождей будущих гонят в рядовые солдаты, – вы понимает, что это значит? Это значит, что они революционизируют армию. Это значит, что правительство ведет страну к анархии» [49]. А вот еще. Это уже из внутреннего монолога героя, который для себя аргументирует необходимость в революции: «Самодержавие бессильно управлять народом, Нужно, чтобы власть взяли сильные люди, крепкие руки и очистили Россию от едкой человеческой пыли, которая мешает жить, дышать» [50]. А вот как эта мысль оформлена метафизически в устах священника: «Подобно исходу из плена египетского. А Моисея – нет! И некому указать пути в землю обетованную» [51].

Но «Моисей» появится и не один. В самом финале романа все чаще цитируют Ленина и весьма сочувственно. Ну как же? Ясно, что революция, приближение которой массу и радует, и пугает одновременно, без вождей претворится в анархию. Собственно, взрыв анархии как раз и характеризует смуту, и это не проходит мимо внимания Горького. Вот какой диалог по этому поводу мы находим в романе. «Революция с подстрекателями, но без вождей... вы понимаете? Это – анархия. Это – не может дать результатов, желаемых разумными силами страны. Так же как и восстание одних вождей, – я имею в виду декабристов, народовольцев» [52]. В этом же диалоге прозвучало слово «пугачевщина» как синоним анархии, которая стала реальным слагаемым не описанной в романе главной революции – революции 1917 года, к которой все однако движется. Впрочем, слова «разиновщина» и «пугачевщина» постоянно мелькают на страницах романа. Тут-то и возникает в романе фигура Ленина, сумевшего преодолеть (так ли?) пугачевщину или разиновщину, а, в общем, анархию («Ленин очень верно понял значение «зубатовщины» и сделал правильный вывод: русскому народу необходим вождь, так? [53].

Этот вопрос задают до сих пор. Идея необходимости в вожде явно переключалась в роман Горького не только из трактата Лебона, но

и из самой атмосферы начала прошлого века. Но удивительное дело, автор первого значительного проекта создания психологии масс как отдельной науки, естественно, вроде бы не мог пройти мимо этой темы. Конечно, он ее в своем сочинении затрагивал. Этой теме он даже посвятил целую главу. Так, предлагая характеристику вождя или, как он выражается, «вожака толпы», Лебон просто набрасывал портрет ибсеновского героя. «Обыкновенно, – пишет он, – вожаки не принадлежат к числу мыслителей – это люди действия. Они не обладают проницательностью, так как проницательность ведет обыкновенно к сомнениям и бездействию. Чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на границе безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они защищают, и цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Презрение и преследование не производит на них впечатления или же только еще сильнее возбуждает их. Личный интерес, семья – все ими приносится в жертву» [54].

Но как свидетельствует сочинение З. Фрейда, которое появилось не без влияния на мэтра психоанализа именно Лебона, первооткрыватель новой сферы в науке все же вопрос об отношениях массы и вождя осветил недостаточно и в некотором отношении даже поверхностно. Собственно, придя к этому мнению, З. Фрейд на краткое мгновение в своей научной биографии оставил психоанализ и единственный раз углубился в психологию масс. Он принизил значение самой массы в психологии масс и на первое место выдвинул вождя («В психологии толп, которую разрабатывает Фрейд, толпы достаточно быстро исчезнут из поля исследования. Вместо них на горизонте возникает вождь» [55]). Но, конечно, в психологии масс активны два слагаемых – и вождь, и масса. Ведь это масса и способствует приходу вождей.

Как полагает З. Фрейд, отношения между ними являются либидинозными. В результате возникает целая концепция психологии масс в ее психоаналитической трактовке, которая, конечно же, хотя и явилась критикой концепции Лебона, но на самом деле лишь углубляла представления, что в этом научном направлении начали складываться. Но если описанные Лебоном и Фрейдом признаки вождя идеально подходят к ибсеновскому герою, то что касается героя горьковского романа, то тут как раз имеет место противоположный случай. Хотя, казалось бы, в психологии Самгина есть то, что является для вождя определяющим. Ведь он – Нарцисс. Он, в общем, ни к кому не

привязан и больше всего любит себя и занимается собой. А по Фрейд-ду выходит, что это та психологическая особенность, которая способствует превращению человека в вождя. Это нарциссизм Самгина, как это изображено в романе, ему присущ с детства. Однако Самгину не суждено быть вождем. Ведь он – инакомыслящий. Он скорее отталкивает людей своим рационализмом и способностью рефлексировать, чем притягивает к себе.

Клим Самгин, конечно же, никакой не человек действия. Это сплошное сомнение и апофеоз бездействия. Это перманентный внутренний монолог, борьба с самим собой, а также безжалостный анализ людей, с которыми он сталкивается и событий, в которые он, помимо своей воли, втягивается. Это обстоятельство как раз и противоречит роли вождя. Поэтому при чтении романа не может не возникнуть вопроса: если в романе все время говорят о вожде и ждут революцию («Все ждут: будет революция» [56], то тут как раз и можно было бы героем романа сделать человека, который на эту роль претендует. Но в том-то и дело, что Самгин эту роль все же сыграть не способен. Да и роман совсем не о том, Если бы герой претендовал на эту роль и начал ее играть, то он не был бы романом о смуте. Горькому важно было начать с исходной точки, с возникновения смуты, с активности массы, нуждающейся в вожде, а, следовательно, в порядке, но не обретающей вождя.

Но ведь если так, то будет ли тот хронологический фрагмент из истории смуты (название романа имеет подзаголовок «Сорок лет») который для своего романа выбрал Горький. Репрезентативным по отношению ко всей истории российской смуты? Но когда эта смута начинается и когда она заканчивается? Ответ на этот вопрос в романе вроде есть. Повествование начинается с точной даты. Этой датой является рождение главного героя . Это 1877 год. Так история подается и в фильме В. Титова. Применительно к роману да и вообще к мировосприятию Горького этот вопрос важно поставить. Может быть, у пролетарского писателя была точка зрения, в соответствии с которой смута закончилась с революцией и гражданской войной. Собственно, это официальная точка зрения. Что же касается последующей истории, то у писателя отношение к ней могло быть самым оптимистическим. И уж совсем не такой, какой эта история воспринимается сегодня. Хотелось бы прояснить вопрос о том, исчерпывает ли окончательный вариант романа реализацию всего проекта о русской смуте начала XX века? Вообще, был ли у писателя такой проект? Может

быть, в замысел Горького входило лишь воссоздание исходной точки смуты.

Ответ на этот вопрос связан с другим вопросом, а именно, как сам Горький относился к времени, т.е. к 30-м годам, когда роман создавался, относился. Отдавал ли Горький отчет в том, что смута, начавшаяся на рубеже XIX–XX веков, в 30-е годы все еще продолжается и еще долго будет продолжаться и что сталинский период является всего лишь тем этапом в истории революции, который связан с наступлением реакции и который следует рассматривать как одну из фаз революции. А, может быть, для писателя и не было такой проблемы, и он считал, что смута закончилась вместе с окончанием революции и гражданской войны, и начинается история построения социализма, в которой он по-прежнему не только как писатель, но и как общественный деятель, трибун занимает ведущее место, боле того, несет ответственность за все, что в стране происходит. Сталин ведь именно этого от него и хотел, чтобы возводимая им империя имела приличный фасад, чтобы она воспевалась выдающимися художниками.

Непроясненность этого вопроса не позволяет до конца понять образ героя романа как бездеятельной, хотя и рефлексирующей фигуры в момент, когда все общество приходит в невероятное движение и когда и в самом деле нужны были именно действующие лица – герои и вожаки. Нельзя не отметить, что Самгин пытается не только ситуацию смуты осознать, но и самого себя. Как же он себя видит и воспринимает? В романе есть фраза – обрывок из внутреннего монолога героя. Это фраза – вопрос: «Кто всю жизнь ставит меня свидетелем мучительно тяжелых сцен, событий?» [57]. Не случайно герой вспоминает слова летописца Пимена: «Не даром ... свидетелем господь меня поставил» [58]. Итак, герой сам себя воспринимает свидетелем. Только свидетелем, только зрителем. Но только свидетелем и зрителем чего? Этот вопрос Самгин тоже сам себе задает? Но, видимо, его задавал и сам Горький, если он претендовал на летопись в романной форме, охватывающей четыре десятилетия революционной стихии.

Сегодня мы заново задает этот вопрос, и нет уверенности, что ответ на него будет таким же, каким он мог быть у самого Горького. Что же это было? И как это случилось в стране, которая демонстрировала рост? Мы и сегодня продолжаем задавать этот вопрос, как его задает постоянно себе герой в фильме Н. Михалкова «Солнечный удар». Н. Бердяев говорит, что во время революции многим начинало казаться, что великая Россия была лишь призраком. Но сегодня начи-

нает казаться, что, может быть, и сама революция тоже была призраком, а, еще точнее, мифом. Мифом, созданным о революции. А. Лосев-то, которого пролетарский писатель так поносил, оказывается, может быть, был прав.

**6. «А был ли мальчик?». М. Горький и интеллигенция.
Интеллигенция и революция в романе.
Судьба интеллигенции в истории России.**

Наконец, мы подходим к следующему и, видимо, самому главному моменту в разгадке замысла Горького, а именно, к тому ракурсу, в соответствии с которым освещается все, что попадает в поле внимания Горького. Этот ракурс у писателя связан даже не с революцией и даже не с Россией, на чем ставит акцент В. Титов, цитируя высказывание Горького в начале фильма, а с интеллигенцией как возбудителем и, в конце концов, жертвой революции. Именно тема интеллигенции, столь четко заявленная в романе, привлекла наше внимание. Нельзя сказать, что сегодня она имеет лишь исторический интерес. Но дело даже не в сегодняшней ситуации, а в том, что неадекватная оценка Горьким творческой элиты привела спустя совсем немного времени, к репрессиям по отношению к интеллигенции и к эмиграции. Это было очевидно уже в 20-е годы. И писатель, создававший свою летопись в романной форме вплоть до самой смерти, т.е. до 1936 года мог бы учесть печальный опыт начавшегося истребления интеллигенции и, может быть, даже предостеречь от того, что будет происходить уже в 1937 году.

Но, как свидетельствует его доклад на съезде писателей, он вроде бы продолжал придерживаться своей жесткой позиции, проводимой им в романе. То, что Горький не в меньшей мере, чем Л. Толстой, предстает разрушителем государственности, очевидно. Но в романе главным его предметом внимания является все же интеллигенция, в том числе, и художественная. В одном месте он даже отождествляет революционера в жизни с революционером в искусстве. Часто упоминаемые в романе, например, символисты у него тоже предстают революционерами. Может даже показаться, что он предстает безжалостным критиком интеллигенции. Этого вопроса Горький касается не только в романе и в своей публицистике. Например, например, об этом идет речь у него в статье «Разрушение культуры» [59] и в докладе, прочитанном на Первом съезде советских писателей.

Приведем одно суждение из этого доклада, имеющее отношение к тому, что сегодня мы называем «Серебряным веком». Для современных исследователей Серебряный век – это совсем не декаданс, упадок и разложение, а русский Ренессанс. Хорошо, но они абстрагируются от контекста, который изображается в романе Горького. Конечно, отношение Горького ко всей этой эпохе, которая, кстати, сделала из него кумира, кажется резко критическим. «Дм. Мережковский, писатель влиятельный в ту пору, кричал: «Будь, что будет, – все равно! / Все наскучило давно / Трем богиням, вечным прахом, / Было прахом – будет прахом!», – говорит Горький – Соллогуб, следуя за Шопенгауэром, в явной зависимости от Бодлера и «Проклятых», с замечательной отчетливостью изобразил «космическое бессмыслие бытия личности» и хотя в стихах и жалобно стонал по этому поводу, но жил благополучным мещанином и в 1914 году угрожал немцам разрушить Берлин, как только «Снег сойдет с долин». Проповедовали «эрос в политике», «мистический анархизм»; хитрейший Василий Розанов проповедовал эротику, Леонид Андреев писал кошмарные рассказы и пьесы, Арцибашев избрал героем романа сластолюбивого и вертикального козла в брюках и – в общем десятилетие 1907–1917 вполне заслуживает имени самого позорного и бесстыдного десятилетия истории русской интеллигенции» [60].

Так мы убеждаемся, что в момент работы над романом, что совпадает с докладом на съезде писателей, Горький оценивал интеллигенцию начала века резко отрицательно, имея в виду, как он выражался в докладе, ее «моральное обнищание». Но принижая значение интеллигенции, Горький при этом вроде бы превозносил массу, совершающую революцию, как, собственно, и принято считать. Эта тема проходит через все творчество писателя. У раннего Горького она была оформлена в философию Ницше, а позже в ленинскую интерпретацию Маркса. В романе улавливается мысль, что «новые люди» критически относятся к народникам, методы которых уходят в прошлое. Возникает потребность в героях нового типа, способных вести за собой пробуждающиеся массы.

Но ирония истории проявляется в том, что вместо планируемых героев масса выбрасывает из своих недр других и неожиданных вождей. Рациональное отступает перед иррациональной стихией, идущей от массы. И хотя новые вожди начинают по-своему и жестко организовывать жизнь, в том числе, и массы, но самостоятельными по отношению к массе они не являются. Вожди новой истории – это по-

рожденные воображением и комплексами массы фантомы. В этом случае, конечно, приходится уточнять вопрос об отношении автора к изображаемому. Роман интересен не только тем, что Горький ставит перед собой цель – восстановить логику движения в России к революции. Именно, логику движения, а не саму революцию. Если здесь революция и изображается, то только революция 1905 года, которая одних заставляла активизироваться (например, представителей власти, Столыпина, например, с его галстуками), других, скажем, из мещанских слоев вздохнуть с облегчением, что все, наконец-то, закончилось, а третьих, настораживало то, что в первой революции уже угадывалась следующая и гораздо более ужасная катастрофа.

Не случайно Горький посчитал необходимым, чтобы в одной из дискуссий в романе обсуждались идеи, высказанные представителями интеллигенции в знаменитом сборнике "Вехи", а именно, предостережение о перерастании революционной идеологии в своеобразную религию, что может привести к трагическим последствиям. В фильме В. Титова Сборник «Вехи» Самгин вместе с Дроновым читают в поезде. Нам важно в романе уловить не просто хронику происходящих событий, а тот ракурс, в соответствии с которым эти события Горьким изображаются. Изображаются же они так, что активизировавшаяся в революционную эпоху интеллигенция начинает свой путь на Голгофу. Самая главная революция еще не совершилась и в романе она не будет описанной, но многие революционеры из рядов интеллигенции уже арестованы, находятся на каторге, расстреляны, повешены, покончили с собой или успели отбыть в эмиграцию.

Так что же – писатель представляет представителей интеллигенции героями? А, может быть, жертвами? Начинали этот путь героями, а заканчивали жертвами. Кто же в этом виноват? Конечно, раз революционеры, то они пошли против власти и, следовательно, поддержки от власти они иметь не могли. Но ведь они пошли ради освобождения массы. Так, может быть, масса их могла и поддержать, и защитить. Но в реальности, как показывает Горький, масса, поднятая революционерами, после неудавшейся революции начала относиться к своим освободителям как к врагам. Тут уж оказался лишним не только Самгин, а вся эта прослойка. Все их подвиги и страдания пошли прахом. Вот истина и глаголет устами горбатой девочки. «Да что вы озорничаете?» [61].

Фраза эта прозвучала, когда проживающие на даче Самгин и его друзья решили помочь крестьянским детям, которых урядник прика-

зал убрать с крыльца новой церковно-приходской школы. Но оказалось, что желание дачников помочь детям вступает в противоречие и с урядником, и с местными крестьянами. «Озорство» интеллигенции ни к чему не привело. Все оказалось призрачным. Вот первый часто варьируемый в романе образ. Но у Горького есть и второй образ – лейтмотив, который будет постоянно повторяться, как и первый, в романе, а именно: «Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?» [62]. Фраза была произнесена по поводу провалившегося под лед и погибшего во время катания на коньках Бориса Варавки. Постоянно повторяясь в романе, она становится символической и относится уже не только к «дачникам», но и ко всей интеллигенции.

В фильме В. Титова эта фраза эхом многократно повторяется в сознании напуганного происшествием с другом Борисом Клима. Но, в том числе, и зрителя. Режиссер хотел, чтобы зритель эту фразу запомнил и возвращался к ней в последующем повествовании. Повторенная многократно, она задает зрителю установку на восприятие последующих серий. Были ли все эти подвижники, герои в реальности? Если подвиги революционной интеллигенции ни к чему не привели, то вообще, были ли они? Однако, может быть, самое главное в романе – это то, что Самгин представляет интеллигенцию. Роман Горького и о судьбе власти, и о судьбе России, что признавал сам писатель и что В. Титов вынес как эпиграф ко всему фильму, цитируя его, но, прежде всего, это роман о судьбе интеллигенции, которая десятилетиями готовила революцию, будучи убежденной в том, что это и будет «творческим ответом» на вызов истории, исходящей от империи, но так этот «творческий ответ» и не смогла дать.

Но раз не смогла элита, то это сделала масса, заменившая элиту, сделала так, как она это умела. Не смогла же интеллигенция дать такой «творческий ответ» потому, что, во-первых, подверглась жестокому преследованию со стороны власти, что она мужественно переносила, и описанные в романе судьбы многих лишних Климу людей об этом свидетельствуют, а, с другой стороны, потому, что масса, ради которой интеллигенцией приносились жертвы, за этой интеллигенцией не пошла масса, хотя интеллигенция на это рассчитывала. В конечном счете, интеллигенция испытала отторжение со стороны не только власти, но и массы. Спрашивается, как к этому относится сам писатель? Сочувствует ли он в данном случае интеллигенции, идеализирует и, несмотря на провал проекта, героизирует ее или,

наоборот, трезво оценивая ситуацию, усматривает вину в самой интеллигенции?

Можно утверждать, что Горький в данном случае предстает безжалостным аналитиком и критиком интеллигенции. История прошла по ней катком, навсегда разрушив ту самую сакральную ауру, которая к революционным катастрофам XX века успела сложиться. У Горького Самгин все время философствует о том, что люди придумывают себя, воображают свой образ. Они оторвались от реальности, истории и почвы. Так Горький видит интеллигенцию. Он смотрит на нее со стороны, хотя сам к ней принадлежит. Но ведь и образ революции, который определил видение революции в России несколькими поколениями – тоже во многом плод воображения, поскольку это не столько та объективная реальность, что имела место в истории, сколько проекция массы о своем идеальном «мы», которое способно воплотиться в определенное видение государства. Вот это виртуальное представление после революции и было с помощью власти реализовано в новой власти и стало играть в России роль бессознательной цензуры.

И такое видение как производное от психологии массы навсегда определило отношения власти и творческой элиты, элиты и массы. Масса как новый хозяин жизни определил и эти отношения. Все эти «оттепели», реформы, перестройки, захлебываются, тонут в этом фантоме, и фантом этот прежде всего психологический. Его мог объяснить только Лебон. Это порождение массового сознания. Вот и получается, что призрачность – это не только особенность смутной и кратковременной эпохи, но это и свойство, как мы сегодня понимаем, того самого события, что определило ментальность русских и тех самых новых людей, о которых идет речь в романе. Поэтому фраза «А был ли мальчик?» применима уже не только к разброду и беспочвенности интеллигенции, которая и должны исчезнуть, как исчезает в конце романа сам Самгин, но и к той эпохе, которая начинается с 1917 года, той «эре масс», которую Горький приветствует и склонен считать исходной точкой нового, более справедливого мира и тем людям, а, точнее, новым вождям, каким в романе представлен напоминающий Кирова, к которому от Горького несли пакет о смене власти, большевик Степан Кутузов.

И тот лейтмотив, который множество раз возникает и варьируется в романе и который получает выражение в вопросе «А был ли мальчик», уже дает ключ к этой призрачности и, выражаясь совре-

менным языком, виртуальности революции. Призрачна не только исходная точка смуты – последние десятилетия XIX века, что получается у Горького в романе. В какой-то степени призрачна и сама революция. А, может быть, в планы писателя как раз и входило осуждение таких людей, как его герой. Но в романе Самгин представляет целый общественный слой – интеллигенцию, которая, как это показано в романе, оказывается такой же неорганизованной и беспомощной, как и масса вообще, которая, как считает Самгин, ссылаясь на народников, «без вождя, без героя, она (толпа – *Н. Х.*) – тело неодухотворенное» [63].

Может быть, Горький выносит приговор интеллигенции, оказавшейся в судьбоносный для страны момент истории неспособной выполнить свою роль элиты, предназначение которой заключается в том, чтобы давать, если использовать терминологию А. Тойнби, «творческий ответ» на исторический вызов. Вот возникающая в России на рубеже XIX–XX веков смута и оказалась как раз таким историческим вызовом. Вот, например, какое предвосхищение идей Х. Ортеги-и-Гассета о соотношении массы и элиты мы находим на страницах романа. «Народ, вообще, живет не духом, это – неверно мыслится о нем. Народ – сила душевная, разумная, практическая, – жесточайшая сила и, вся, – от интересов земли». А что же интеллигенция, элита? «... Вот почему в народе – нет духа. Дух и создается избранными... Интеллигенция идет туда, где хуже, труднее» [64]. Интеллигенция – носительница Духа, она – главное звено в иерархии культуры. Но только, как утверждает Лебон, это звено из иерархии выпадает. И что же? Разве интеллигенция, которую описывает в романе Горький, оказалась на уровне своего общественного предназначения? Вовсе нет.

В реальности в романе описан полный разброд, плюрализм идей, неспособность действовать и даже уход в религию. Вот как оценивает интеллигенцию знакомый Самгина купец Лютов. «Алина, Макаров и тысяча таких же – тоже все люди ни к чему и никуда, – странное племя: не плохое, но – не нужное. Беспочвенные люди. Если даже и революционеры, такие, например, как Иноков, – ты его знаешь. Он может разрушить дом, церковь, но не способен построить и курятника. А разрушать имеет право только тот, кто знает, как надобно строить, и умеет построить» [65]. Тут не просто беспомощность, но и дисфункциональность интеллигенции. Так, может быть, сверхзадачей романа как раз и оказывается приговор интеллигенции?

А где же тогда позитив? Если представители интеллигенции, как герой романа, является все теми же бездеятельными, лишними, ненужными людьми, как это было и в XIX веке, то где же, откуда же возьмутся люди действия, без которых никаких сдвигов в России произойти не может. Замышлял ли писатель показать приход этих самых людей действия?

Конечно, Самгин к ним не принадлежит. Роман заканчивается его смертью. Все, что связано с рождением нового мира, в который писатель верит, происходит без участия Самгина как только свидетеля и зрителя. Ведь в описываемую в романе эпоху был уже Ленин. Эпоха лишних людей заканчивалась. В первых книгах вождей только ждут. Приходят же массы. Ближе к финалу уже появляются и ожидаемые вожди. Но их благотворное влияние в романе отсутствует. Они пока – только возможность. Их на этот раз отформатирует массовое сознание. Ближе к финалу романа имя Ленина все чаще упоминается. Да, именно упоминается да и только. Не более того. Ленин еще не был тем самым Лениным, образ которого будет отшлифован массой. Он будет создан позднее, чему, как покажет С. Московичи, будет способствовать, как это ни парадоксально, Сталин, конечно же, в собственных интересах [66].

Проблема лишь в том, что если у Горького были претензии к лишним людям, то ведь и к людям дела претензий у него уже набралось немало. Потому и понести от него пакет к Кирову. Претензии были не только к Ленину в тот период, когда еще можно было высказываться, но даже к Сталину, когда высказывания могли кончиться печально. Но, может быть, летописи смуты, на которую претендовал Горький, все же не получилось? Почему? У художников многое чего не получается, а если и получается, то как-то внезапно и неожиданно и, может быть, даже не то, что хотелось. Вот ведь написал же Горький портрет Ленина, хотел написать, во всяком случае, планировал и портрет Сталина, а не получилось. Может быть, в летописи Горького эти самые вожди и должны были предстать людьми действия. Но, может быть, в сознании писателя их деятельность перестала восприниматься позитивной. Дело доходило до того, что Горький (если верить А. Ваксбергу) мог возглавить группу, ставившей своей целью смену власти, т.е. устранения от власти Сталина [67]. В этой ситуации, конечно, грандиозный проект летописи в форме романа, если он, конечно, существовал и не мог реализоваться. Вообще, видимо, следовало писать уже другой роман. Писать, не закончив этот роман.

7. События, описанные в романе как один из эпизодов в развертывании отношений между массой и вождями. Исторический процесс, начало которого воспроизведено в романе, как он предстает уже взглядом из XXI века.

Наши предположения о существовании горьковского проекта в его полном виде подводят к необходимости в истории описываемой Горьким смуты выделения двух фаз в развитии массовой ментальности – бессознательной и сознательной фазы. В конце концов, то, что получилось в романе, не важно, в осознанном или в неосознанном автором форме, может быть адекватно осмыслено лишь при условии, что описанная в романе ситуация включена в последующие процессы, которые сам автор уже описать не мог, процессы, продолжающиеся за скобками романа. Если опять же прибегать к терминологии В. Паперного, то «культуре Один» соответствует бессознательной период в ситуации вспышки массовой ментальности. То, что политический курс вызывает к жизни архетипический комплекс, еще никто не осознает. Это стихия исключительно эмоциональная, и развертывается она в форме эпидемии. Поэтому в какой-то степени этот период движения к революции и сама революционная ситуация сопровождаются скорее романтической аурой.

Новый период в психологии масс (а мы имеем в виду исключительно российскую историю XX века и, еще точнее, первую половину XX века) наступает, когда процесс становления и оформления массовой ментальности как начавший определять исторический процесс, становится предметом рефлексии. Рефлексия же происходит, когда от сопровождающей революцию эмоциональной вспышки устают. Эмоциональная волна спадает. Гипноз события увядает, и возникает возможность оказаться ближе к осознанию того, что же все-таки в истории случилось. Эту ситуацию начала рефлексии над революционной вспышкой обостряет еще и то, что предметом сознания одновременно становится что-то вроде тупика, к которому обезумевшее общество подвела революция. Эта ситуация, естественно, окрашивает восприятие революции как события в пессимистические тона, что, конечно, имело место и получило отражение в искусстве, например, в поэзии С. Есенина еще в 20-е годы.

В этой ситуации возникает потребность осознать, что единство, возникшее в результате вспышки массовой ментальности во время революции и мифа, которые имели место, является кратковременным.

Осознание неадекватности массовой ментальности и мифа – первый шаг к тому, чтобы ситуацию осознать, ею овладеть и использовать миф в манипулятивных целях. Если иметь в виду российскую историю, то многие представители большевизма или не осознавали действительность мифа и сакрализацию революции или не видели в этом проблемы, а точнее, вообще об этом не рефлексировали, и уж точно, никто не думал о том, чтобы миф использовать в пропаганде и манипуляции массы.

Однако осознание мифа – не самоцель, а признак того, что А. Тойнби называет «творческим ответом». Такой творческий ответ может быть удачным или неудачным, верным или неверным, но этот ответ кто-то должен дать, ибо осознание тупика порождает пессимизм и историческую бесперспективность. В этой ситуации из среды большевиков выдвинулась не самая известная и не самая яркая фигура – фигура Сталина, восхождение которой сопровождает осознание мифа, как определяющего слагаемого массовой ментальности, а главное, использование его для преодоления тупика, даже если преодоление этого тупика может быть исключительно психологическим. С деятельностью Сталина как раз и заканчивается эпоха вождей, а следовательно, и изживания мифа как порождения массовой ментальности.

До середины 20-х годов мало кто мог думать, что Сталин – один из тех, кто станет играть главную роль в государстве, поскольку в большевистской политической элите он был не самым заметным. («Никто не знал, что говорил и делал Сталин до 17-го и даже до 23–24 годов» [68]. Более того, даже если кто-то его и знал, то отзывался так, как отзывался, например, старый большевик И. Смирнов, которого цитирует Л. Троцкий: «Сталин – кандидат в диктаторы? Да ведь это совсем серый и ничтожный человек. Это посредственность, серое ничтожество!» [69]. Вот и Самгина некоторые так воспринимали.

Ничтожество-то ничтожество, но он соответствовал тем признакам вождя, которые перечислены Лебоном и Фрейдом. Когда миф осознают и начинают его использовать в политическом курсе, можно утверждать, что начинается сознательный период в психологии масс. Хотя тут следует оговориться. Сознательный период – это не означает, что отныне массы начинают осознавать ситуацию, в которой они оказались, а до этого они ее не осознавали. Речь идет о рефлексии не массы, а политической элиты или, точнее, некоторых политических лидеров, а если иметь в виду именно российскую ситуацию, то, ко-

нечно, вождя, того самого вождя, которого так жаждала масса в романе Горького. Но она не просто жаждала, она его и создала.

В той истории вспышки массовой ментальности, что предвосхищает революцию, сопровождает ее и следует за нею, реальная фигура политика, играющего роль вождя и осознающего, что эту роль ему следует играть, фигура Сталина занимает определяющее место. На протяжении нескольких десятилетий его деятельность свидетельствует, что общество может функционировать не только на основе экономики и политики, но, опираясь исключительно на психологический фактор. Деятельность Сталина подтвердила идеи и Лебона, и Фрейда. Именно Сталину удалось сыграть роль вождя, необходимость в котором звучит в тех предреволюционных дискуссиях, что описаны Горьким.

Мы отметили, что те исторические деятели, что были определяющими в первый бессознательный период вспышки массовой ментальности, на втором этапе или уходили в тень или были репрессированы. На втором этапе они переставали играть какую-либо роль. Это может иллюстрировать биография Троцкого, Бухарина и даже Ленина, хотя его преждевременная смерть не позволяет утверждать, что его постигла бы участь названных политиков. Но нас сейчас меньше всего интересует деятельность политиков как первого, так и второго периода. В центр нашего исследования мы ставим фигуру художника, творческая деятельность которого вспыхнула еще в первый период вспышки массовой ментальности и продолжала держать такое же внимание (часто не без усилий со стороны приятеля Сталина) общества во время второго периода. Речь, конечно, идет о Горьком. Те его талантливые современники, которые составляли его среду и которых он часто спасал от голода, во втором периоде оказались или в эмиграции или репрессированными или даже и расстрелянными. Некоторые закончили жизнь самоубийством, как это сделал, например, В. Маяковский, которому, как известно. Горький не симпатизировал.

Горький же продолжал сохранять за собой ту гипнотическую ауру, которой его снабдила еще русская интеллигенция в самом начале XX века да и не только интеллигенция. Вот на примере творческой биографии Горького можно проиллюстрировать активность мифа в ситуации сопровождавшей русскую революцию массовой ментальности. Для начала вспомним один из тезисов, который был сформулирован Лебоном в его знаменитой книге, которая в России с приходом Горбачева к власти обрела вторую жизнь. Горбачев, словно Николай

II как мягкий вождь, явно не устраивал. Масса снова жаждала фигуру покруче. Все возобновлялось. Применительно к Горькому небезынтересно поставить вопрос о том, как долго может быть тот или иной художник на гребне массового интереса, а, следовательно, как долго его сочинения будут сохранять связь с теми настроениями, что существуют в обществе. Ответ на этот вопрос – не из легких.

Многие художники, познав славу, подчас беспрецедентную, потом уходят в забвение. Возьмем хотя бы Л. Андреева, современника и друга М. Горького, которого некоторые считают даже талантливее Горького. Кстати, некоторые идеи Л. Андреева узнаются в романе Горького. Но не менее интересен вопрос о генезисе первоначальной моды на того или иного художника, а мода на Горького пришла рано. Она, естественно, связана с предреволюционными настроениями, что имели место в России. Хотя Горький был близок большевизму, мода на него не была связана с тем, что он внимательно прорабатывал Маркса и излагал в своих сочинениях его идеи. Если Горький кого-то внимательно и читал (а читал он, по свидетельству его биографов, много и разного), так это был кумир русской интеллигенции начала прошлого века – Фридрих Ницше. Именно идеи Ницше оформили ту жажду неприятия существующего строя и анархического бунта против этого строя и его институтов, например, религии, которую Горький нашел в себе и которая предшествовала сочинениям Ницше, но которую идеи немецкого философа помогли оформить.

Но ведь этот бунт выражал и большевизм. Однако тема «Горький и Ницше» после 20-х годов оказалась запретной. Ее в связи с канонизацией «пролетарского» писателя невозможно было обсуждать [70]. Почему мы, имея желание понять восприятие массой Горького как художника, предвосхитили этот вопрос характеристики двух периодов в пробуждении массовой ментальности? Это важно, поскольку в первом периоде Горький стал выразителем того иррационального анархического бунта, который в России начала прошлого века был прямо-таки тотальным. Конечно, популярность Горького возникала в среде интеллигенции. Но круг его почитателей-бунтарей расширялся. Этому способствовал Сталин, но, конечно, в своих интересах.

Чтобы понять моду на Горького, обратимся снова к Лебону. Он формулировал: в новой истории, в которой масса в истории начинает господствовать и даже определять установки власти, успеха может добиться лишь тот мыслитель и художник, который будет способным найти те простейшие до примитивности образы (именно образы, а не

понятия, поскольку, по утверждению Лебона, масса вообще неспособна мыслить на этом уровне), которые бы смогли выразить и оформить настроения массы в доступной форме. Иначе говоря, те, кто способен говорить языком массы. В качестве иллюстрации этого тезиса можно как раз и назвать одно из таких популярных в атмосфере первых десятилетий прошлого века сочинений Горького. Это «Песня о буревестнике». Ведь, по сути дела, этот простой, но столь ожидаемый и необходимый образ лежит и в основе горьковской летописи как предыстории и истории того «красного колеса», что изложен в романе «Жизнь Клима Самгина». Смысл строчки «Буря! Скоро грянет буря!.. Пусть сильнее грянет буря!» ощущается буквально на каждой странице этой летописи в форме романа.

Используя словосочетание А. Солженицына, давшего название серии его романов о революции, ее предыстории и истории, мы, конечно, не совсем точны. А. Солженицын-то ведет счет с Февральской революции, полагая, что ее провал, ее неосуществленность, незаконченность и повлекла за собой последующую трагедию, т.е. победу большевизма. Что касается Горького, то у него и свой ракурс на эти события, описываемые в романе, но и своя хронология. Собственно, до революции-то – и октябрьской, и февральской Горький в своем романе еще не дошел. Он описывает ситуацию распада российской империи еще до того, как покатится солженицынское «красное колесо», т.е. до Февральской революции. Да и в центре его внимания студенчество. Студенты и среди них главный герой – Самгин постоянно взрослеют и включаются в среду интеллигенции.

Так Клима Самгина, закончивший юридический факультет университета со временем становится востребованным адвокатом. Ему не дано быть участником ни Октябрьской, ни Февральской революции. Действие романа связано лишь с первой русской революцией 1905 года и с той реакцией, которая после этой революции и наступает. Расширяющаяся реакция предстает в арестах и расстрелах окружающих Самгина представителей его среды. У его друзей и знакомых, придерживающихся разных убеждений (ведь в России до 1917 года не существовало такого множества партий) все время происходят обыски. Расширяется террор, о чем свидетельствуют постоянные убийства министров, губернаторов, градоначальников. Все время описываются вызовы в полицию, допросы и т.д. Реакция способствует тому, что кто-то переключается на половые вопросы, культивирует секс и даже извращения, как это произошло со студентом Мишей, ко-

тому Самгин как юрист пытается помочь избежать ареста, а кто-то уходит в религию, а чаще всего в секты, как это происходит с Мариной Зотовой, руководящей какой-то новой мистической сектой, ничего общего не имеющей с христианством.

В финале третьей книги Клим не выдерживает новой ситуации и отбывает за границу, как это, впрочем, делают и некоторые попадающие в круг внимания автора герои – знакомые Клима. Конечно, формально точку в романе автор уже поставил. Но, судя по всему, план романа все же, как можно представить, мог быть и другим. Повествование требует продолжения. Нужно было дать полную характеристику того, что мы называем первым периодом в истории взрыва массовой психологии. А ее нельзя дать без фигуры Ленина, который, собственно, и стал для массы тем вождем, которого она жаждет и образ которого витает над романом Горького. Но в самом романе имя Ленина, как было сказано, лишь упоминается. В данном случае невозможно не высказать следующую в связи с романом мысль. Та «эра масс», что была провозглашена Лебоном, начиналась как стихийное бедствие, как некая иррациональная, демоническая стихия, которой невозможно было овладеть и которой невозможно быть сопротивляться. Если Самгин и испытывал такую потребность к сопротивлению, то это ни к чему не приводило. Лишь к расхождению с самим собой. Революция случилась подобно року. Она искалечила и отправила в забвение не только среду интеллигенции, но и саму массу, которая считалась двигателем революции. Жертвой оказались и элита, и масса. Вызвав к жизни вождей, масса наделила их ненавистью по отношению к интеллигенции, способствуя ее уничтожению. Когда это случилось, сама масса предстала жертвой. Поэтому книга Горького предстает перед читателем уже не только как трагедии интеллигенции, но и как трагедия массы, точнее, народа, позволившего превратить себя в массу.

Имеется какое-то объяснение тому, что роман не был закончен. Да, роман не закончен. Но не закончен и весь революционный процесс. Начатая в первых десятилетиях революция в 30-е годы еще не успела пройти всех своих положенных фаз. Много было еще неясно. Причина тут не в смерти писателя. Возможно, автор, переживая смерть любимого сына, виновником смерти которого он мог считать сам себя, все больше разочаровывался в том, что идеализировал, постигая то, что эпоха вождей в истории оказалась еще более отвратительной, чем предшествующая ей эпоха масс, которую как раз Горь-

кий и изобразил в романе. Очень похоже, что это так и случилось. Горький любил прибегать к Библии, чтобы выносить оценки злободневным событиям. В конце жизни он мог бы воспользоваться и еще одним мудрым высказыванием: дорога в ад вымощена благими намерениями. Вот с помощью революции этот ад и был организован.

Хочется думать, что такие намерения у пролетарского писателя были. Чтобы закончить свою летопись, Горький должен был разгадать то же, что своевременно разгадал Сталин и чем он воспользовался, чтобы остаться у власти. Но ведь следует признать, что эта попытка Горького все же не состоялась или, лучше сказать, состоялась частично. Как и А. Солженицына, Горького интересовала лишь исходная точка катастрофы. И такой исходной точкой, в отличие от А. Солженицына, он совсем не считал Февральскую революцию. Для него такой исходной точкой стала та эпоха в истории России, которую всегда называют «оттепелью». На рубеже XIX–XX веков как раз и была такая, очередная в России оттепель.

В начале XX века и была такая оттепель, когда интеллигенция, добившись права на гласность, начала активно размышлять и дискутировать. Правда, и эти размышления интеллигенции, и сама эта интеллигенция для Горького предстают явно не в позитивном смысле. То, что изобразил Горький в своем романе – это, конечно, смута. Герой Горького оказывается неспособным разобраться не только в том, что происходит, не только в окружающих его людях, но и в самом себе. Смута – она не только в разваливающейся империи, но и в головах. Прежде всего, в головах интеллигенции. Что движет Горьким, если он ставит задачу воспроизвести атмосферу смуты? Видимо, он окончательно пришел к выводу, что ничего позитивного из той революции, буревестником которой он был, не получилось. Получилась лишь трагедия. Длительное время Горький хотя и спорил с вождями, но все же продолжал верить в избранный Россией путь, в то, во что он уверовал еще в начале прошлого века.

Роман, напоминающий мемуары, он начал писать, когда окончательно изверился в том, во что до этого верил. Возможно, история со смертью сына помогла ему поставить в этой истории своей веры точку. Вообще, первая половина 30-х годов можно воспринимать временем мемуаров. Печать мемуарности лежит и на романе Горького. В это время пишет мемуары А. Белый, вынося слово «революция» в их название. Все свидетельствует о том, что в России начали по-новому осознавать время вступления в новый период и в смыслы это-

го периода. Да только смысл нового периода вовсе нельзя исчерпать разочарованием и пессимизмом, а, точнее, неприятием жизни. Здесь снова следует говорить о психологии масс и о мифе. Во второй период иррациональное начало вспышки массовой ментальности было осмыслено. Миф был осознан и приручен. Мифом воспользовались, чтобы управлять и организовывать массу. Масса в России еще не израсходовала витальности. Эта витальность будет тратиться на стройках социализма и изживаться в лагерях, куда ссылались непокорных и чаще всего невиновных людей. Миф был гальванизирован. Вплоть до оттепели миф стал своеобразной цензурой.

Спрашивается, каким же образом? В данном случае для прояснения этого вопроса мы обратимся к последователю Лебона С. Московичи, реабилитирующего уже как бы и забытые идеи, высказанные в психологии масс. С. Московичи проницательно описывает, как Сталин стремится приватизировать ту ауру вождя, потребность в котором Горький описывает в своем романе и которая на рубеже XIX–XX веков бессознательно возникла в сознании массы. Но тогда эта аура вождя возникла спонтанно, стихийно и бессознательно. Она была спроецирована прежде всего на Ленина, сделав его самым популярным из окружающих его революционеров и политиков. Сталин понимал, что, в силу его человеческих качеств, носителем такой ауры он быть не мог. Мы уже цитировали Л. Троцкого, отмечавшего, что Сталин был самым неинтересным, бездарным и незаметным политиком. Но раз необходимых качеств он не имел, то следовало было вместо них создать симулякр ауры вождя. Это было сделано, что доказывает, что Сталин вовсе не был таким недалеким и ничтожным, раз он овладел ситуацией, осознав роль мифа в организации массы, а, главное, что он мог этим мифом воспользоваться.

Чтобы создать себе ауру вождя, Сталин должен был сначала эту ауру создать другому вождю, а именно, Ленину. Вот и получает объяснение история с мумификацией Ленина и с возведением Мавзолея. Чтобы возник культ Сталина, нужно было сначала вызвать к жизни культ Ленина, а Сталина затем сделать преемником Ленина. В этом случае сакральная аура от Ленина переходила к Сталину, так сказать, по наследству. Из этой операции проистекает то, что аура Ленина переходит к Сталину. Массой Сталин воспринимается как воскресший Ленин, как Ленин сегодня [71].

Мы этот вопрос затрагиваем еще и потому, что Сталин не только вписал себя в миф, присваивая, как показал С. Московичи, ауру

вождя, какой обладал Ленин, но он в этот миф вписал и Горького и с помощью навязанной им роли Горькому в еще большей степени укрепил свой собственный миф. Конечно, до осознания всего этого Горький едва ли доходил. Но, судя по всему, эта мысль его все же преследовала и тревожила. Поэтому он и обратился к воссозданию предыстории революции. У него в романе получилось лишь то, что вина в катастрофе лежит на интеллигенции, которая, «безобразничая», увлеклась этим так, что сегодня приходится ставить вопрос: а была ли она вообще? Конечно, была – был не только декаданс, хорошо Горьким описанный в романе, но и культурный Ренессанс. Вот с изображением Ренессанса мало что у Горького получилось. Тем не менее, хотя и поздно, но писатель начал прозревать. Прозрение через возвращение к той эпохе, которая была эпохой как безверия, так и фанатической веры, эпохой декаданса, но и эпохой Ренессанса.

Но самым главным просчетом в истории интеллигенции и, следовательно, революции было то, что, не будучи способной дать «творческий ответ» на исторический вызов, т.е. на приход массы на арену истории, интеллигенция оказалась, несмотря на культурный Ренессанс, неспособной сохранить иерархию в культуре, подчинить массу своей воле, в результате чего появились вожди, а общество вернулось к более примитивной форме социума, которую позднее Х. Ортега-и-Гассет назовет «варварской».

Литература

1. Эйзенштейн С. Избранные сочинения в 6 т., т. 5., М., 1968.. с. 138;
2. Марченко Т. Познай себя // Советская культура. М., 26. 5. 1988;
3. Аннинский Л. Воскрешение Клим Самгина // Советский экран. 1988., № 14, с. 15;
4. Аннинский Л. Указ. Соч.. с.15;
5. Аннинский Л. Указ. Соч., с. 15;
6. Советская культура. М., 13.03. 1988;
7. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1898;
8. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., Макет., 1995; Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М., Институт психологии РАН., 1998;
9. Горький М. Жизнь Клим Самгина (Сорок лет)., т. 2., М., Советская литература. 1934., с. 459;

10. Горький М. Жизнь Клима Самгина., т. 2., с. 504;
11. Горький М., Указ. Соч., т. 2., с. 505;
12. Горький М. Указ. Соч.. т. 2., с. 235;
13. Горький М., Указ. Соч., т. 4., с. 413;
14. Горький М., Указ. Соч., т.4., с. 472;
15. Михайловский Н. Избранные труды по социологии. В 2-х т., т. 2., СПб., Алетейя., 1998;
16. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., Университетская книга. 1997;
17. Горький М. Указ. Соч., т. 1., с. 322;
18. Горький М. , т. 2., с. 260;
19. Горький М. , т. 4., с. 36;
20. Горький М., т. ?., с. 244;
21. Басинский П. Горький М. Молодая гвардия., 2005, с. 69;
22. Чуковский К. Две души М. Горького. Л., Издательство «А.Ф. Маркс»., 1924, с. 54;
23. Шкловский В. Литература и кинематограф. Берлин. 1923.. с. 30;
24. Шкловский В. Указ. Соч., с. 30;
25. Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы. Л., Издательство «Художественная литература»., 1971, с. 349;
26. Шкловский В. О теории прозы. М-Л., Круг., 1925., с. 65;
27. Шкловский В. Указ. Соч., с. 65;
28. Чуковский К. Указ. Соч.. с. 74;
29. Луначарский А. Самгин. Библиотека «Огонек»., № 5., Журнально -газетное объединение., 1933.. с. 40;
30. Луначарский А. Указ. Соч., с. 31;
31. Луначарский А. Указ. Соч., с. 52;
32. Чуковский К. Указ. Соч.. с. 52;
33. Ваксберг А. Гибель Буревестника. М. Горький : последние двадцать лет. М., 1999., с. 89;
34. Лапшин А. Под знаком Скорпиона. М., Крон - Пресс. 1995., с. 411;
35. Бердяев Н. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской интеллигенции. М., Издательство Московского университета. 1990., с. 83;
36. Шаламов В. Собрание сочинений в 6 т., т. 5. Эссе и заметки; Записные книжки. 1954-1976., М., 2005., с. 157;
37. Бердяев Н. Указ. Соч.. с. 83;

38. Ваксберг А. Указ. Соч., с. 396;
39. Московский комсомолец., М., 24., 11., 1988;
40. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996;
41. Горький М., т. 2., с. 260;
42. Мандельштам О. Конец романа // Мандельштам О. Собрание сочинений в 4 - х т., т. 2., М., Терра., 1991., с. 266;
43. Шкловский В. Литература и кинематограф., с. 26;
44. Хренов Н. От эпохи бессознательного мифотворчества к эпохе рефлексии о мифе // Миф и художественное сознание XX века. М., Канон - Плюс., 2011., с. 11;
45. Ваксберг А. Указ. Соч., с. 265;
46. Горький М., Указ. Соч., т. 4., с. 476;
47. Хренов Н. Политический миф в художественном преломлении: кинематограф в функции мифологизации и демифологизации истории // Современное состояние гуманитарных наук и теоретико-методологические вопросы литературоведения. Материалы Международной научной конференции. Национальная Академия наук Азербайджана. Институт литературы им. Низами. Издательство «ЭЛМ», Баку, 2010;
48. Блок А. Собрание сочинений в 8 т., т. 1., М.–Л., 1960, с. 269;
49. Горький М. Указ. Соч., т. 2., с. 276;
50. Горький М. Указ., соч., т. 2., с. 306;
51. Горький М. Указ. Соч., т. 2., с. 334;
52. Горький М. Указ. Соч., т. 2., с. 342;
53. Горький М. Указ. Соч., т. 2., с. 377;
54. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., Макет., 1995, с. 235;
55. Московичи С. Указ. Соч., с. 294;
56. Горький М. Указ. Соч., т. 2., с. 486;
57. Горький М. Указ. Соч., т. 2., с. 64;
58. Горький М. Указ. Соч., т. 2., с. 51;
59. Горький М. Разрушение культуры // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909;
60. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет., 1934., М., Художественная литература., с. 12;
61. Горький М. Указ. Соч., т. 1., с. 293.
62. Горький М. Указ. Соч., т. 1., с. 69.

63. Горький М. Указ. Соч., т. 2., с. 301.
64. Горький М. Указ. Соч., т. 2., с. 294.
65. Горький М. Указ. Соч.. т. 3., с. 250.
66. Московичи С. Указ. Соч., с. 415.
67. Ваксберг А. Указ. Соч., с. 311.
68. Троцкий Л. Сталин. В 2-х т., т. 2., М., 1990., с. 153.
69. Троцкий Л. Указ. Соч., т. 2., с. 167.
70. Басинский П. Горький. М. Молодая гвардия. 2005., с. 141.
71. Московичи С. Указ. Соч., с. 445.

Александр Демченко (Саратов)

Третий из Толстых

Столетие назад Алексей Николаевич Толстой (1883–1945) несколько лет провёл в эмиграции, вначале не приняв установившегося в России нового миропорядка, но затем постепенно склоняясь к возвращению на Родину. Всё его творчество так или иначе оказалось связанным с ситуацией коренного перелома в жизни страны. Смысл предлагаемой статьи – вкратце проследить путь выдающегося писателя.

Первое десятилетие его творчества – это условно *1910-е годы*. Начав печататься стихами с 1905-го и прозой с 1908-го, он вошёл в литературу серией повестей и рассказов так называемого заволжского цикла (1909–1911), что нашло продолжение в двух небольших романах «Чудаки» (1911) и «Хромой барин» (1912), а также в повести «Приключения Растёгина» (1913) и в ряде последующих вещей типа рассказа «Четыре века» (1914).

Сквозь пелену чудачеств и экстравагантных происшествий их персонажей высвечивалась мысль об окончательно отмирающей усадебной России, существование которой превращалось в смехотворный анекдот, дурашливый фарс. О запустении угасающих дворянских гнёзд в повести «Петушок» (1909) констатируется: *«Все вымерли, унеся с собой в сырую землю веселье, богатство и несбывшиеся мечты»*. М. Горький уже в 1910 году отметил в нём писателя *«крупного, сильного, с жёсткой правдивостью изображающего разложение современного дворянства»*.

Хиреет, выветривается помещичья порода, и параллельно тому Толстой показывает, как простонародье начинает поднимать голову. Оно теперь нередко и хитрее, и сильнее барина. Прежняя узда уже не держит его, и законов оно не чтит, выходя из повиновения.

Впервые со всей отчётливостью крушение прежних порядков писатель обрисовал в рассказе «Архип» (1909), где, увидев беспомощность своего молодого хозяина, мужик может позволить в его адрес грубый окрик *«Щенок!»*. А уж миром встать, чтобы спалить

господскую усадьбу за грешки какие – это сам Бог велел. И в ряде последующих рассказов («Сватовство» 1910, «Прогулка» 1911) Толстой повествует, как осмелел простой люд. Грабит и бьёт, доходя порой до смертоубийства тех, кто формально ещё числятся власть имущими.

Хуже того, отмечается, как в глубинах низовой среды прорастает нечто замутнённое, тёмное, устрашающее. В том же рассказе «Архип» говорится о тех, что *«на всё способны, в них бес сидит»*. Переполняет их злоба, слепая ненависть. Кто-то чинит ужасающий самоубийство, кто-то со смехом убивает барина своего, в сущности, ни в чём неповинного. Матёрый казак толкует: *«У нас в степи законы не писаны, колодцы глубокие – бросил туда человека, землицей засыпал, и пропал человек»*.

Угрюмая натура с тяжёлой рукой, это ещё что. А то ведь глянет из человека и зверь настоящий – *«мужик косматый, косолапый, глаза волчьи, налитые кровью»*. И повадки звериные, на что одна помещица замечает: *«Мужик обращается в первобытное состояние»*.

Таковы нелицеприятные грани иного уклада, зреющего в недрах народной России начала XX века. Но, наряду с тем и всё очевиднее с середины 1910-х годов, писатель с воодушевлением начинает говорить о поколении новых людей, которые стремились сбросить с себя оболочку прежнего существования, вырваться из оков обыденности, открыть для себя горизонты большой, незаурядной жизни – и если не сейчас же, то хотя бы в будущем. Эти люди в своих исканиях несли заряд явственно современного мироощущения, и столь же явственным становился у Толстого новый стиль литературного письма (рассказы «Буря», «Для чего идёт снег», «Под водой» – все 1915, «Миссис Бризли» 1916).

К той же середине 1910-х годов в творчестве писателя вызревает один из самых сокровенных мотивов: для обновляющейся человеческой природы высшим притяжением жизни становится любовь (рассказ «Овражки» 1913, повесть «Большие неприятности» 1914, незаконченный роман «Егор Абзов» 1915).

Герой рассказа с программным заголовком «Любовь» (1916) встречает женщину, которую он чувствует глубоко родной себе, как и она его. Огромное, всеохватывающее чувство, счастье обретения близкого себе человека побуждает пойти на разрыв с привычным, весьма благополучным укладом существования.

– Жизнь для меня – это Маша... Всё бывшее со мной – отхлынуло, все связи порвались, как паутина... Мне тридцать семь лет. У меня два ордена и чин, собственный дом, жена и служба – всё полетело к чёрту. Вот – вторая жизнь, а та кончена... Вы поймите: взяли человека, вывели из затхлой комнаты и встряхнули – живи сызнова... Вдруг оказалось, что только и нужно мне на свете хоть ещё раз увидеть Машу... Всё было лишним, вся жизнь!

* * *

Второе десятилетие творчества Алексея Николаевича Толстого определим как *1920-е годы*, хотя сразу же заметим: к этому следует присоединить этап кардинального слома исторической действительности конца 1910-х, а также тот факт, что темы, поднятые в это время, писатель продолжил разрабатывать и позднее – явь революционной России в романе «Хмурое утро» (1939–1941), завершившем трилогию «Хождение по мукам», судьбы эмиграции в романе «Чёрное золото» (1931, 2-я редакция под названием «Эмигранты» 1938), зловещая тень тоталитаризма в романе «Гиперболоид инженера Гарина» (написанный в 1926–1927, он подвергся переработке в 1937-ом с включением новых глав).

Исходным пунктом данного периода стали годы, проведённые Толстым в эмиграции (1918–1923, в основном Париж, а затем Берлин). Её «польза» состояла не только в том, что тогда были написаны повесть «Детство Никиты» (1920–1922) и роман «Сёстры» (1919–1921), но и в возможности трезвого осмысления «изнутри» жизни тех, кто покинул Отечество. Наиболее основательно это было сделано в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924) и в только что упомянутом романе «Чёрное золото» («Эмигранты»).

Если в повести критический заряд автора вылился в сатирический памфлет на пройдоху-обывателя, то роман стал развёрнутым объективным художественным исследованием того, что происходило вокруг Советской России 1919 года. Оно не только достоверно, но и документально в своей основе, поскольку, кроме трёх женских фигур и полковника Налымова, остальные из основных персонажей – реальные исторические лица. И приходится только поражаться цепкой наблюдательности и «всезнанию» писателя.

Захватывающая детективная интрига романа построена на отслеживании сложнейших политических хитросплетений, которые раскручивает крупный преступник, прикрывающийся личиной

«русского патриота» и задумавший авантюру с целью выпотрошить казну ряда государств и частных компаний. С фактами в руках и с беспощадной правдивостью автор изобличает махинации как проходимцев разного калибра, так и государственных мужей самого высокого ранга.

У всех них на уме только одно: деньги, нажива, обогащение за счёт других. «Чёрное золото» – это и нефть Кавказа, на которую хотели бы «наложить лапу» воротилы Запада, это и метафора грязных денег, добываемых грязной политикой и грязным жульничеством. В эту же грязь втянуты и люди из среды русских эмигрантов, опускающихся всё ниже (предел падения – княгиня, ставшая проституткой).

Правдив Толстой и в обрисовке большевизма времён Гражданской войны. Отнюдь не идеализируя его, он стремится показать историческую перспективность нарождавшегося политического режима и всемерно подчёркивает мысль: если Запад более всего озабочен благополучием и комфортом, то нищая и голодная Россия – идеей об ином устройстве жизни. И только благодаря силе этой идеи стране удаётся защитить себя от притязаний интервенции.

Та же мысль о духовном противостоянии России и Запада зримо и незримо пронизывает возникший в 1920-е годы целый массив произведений научной фантастики: повесть «Союз пяти» и пьеса «Бунт машин» (обе 1924), романы «Аэлита» (1922–1923) и «Гиперболоид инженера Гарина» (1926–1927).

Первый из них непосредственно соотносится с происходившим в только что рождённой «стране Советов», которая многими тогда начинала восприниматься как страна невиданных дерзаний и поразительных перспектив. Отсюда спокойствие и уверенность прогнозов совершенно немислимого в ту пору выхода в космос и полёта на иную планету. Страну эту представляют в романе Лось, русская интеллигенция, продолжающая свой путь в новых условиях, и Гусев, как вырвавшаяся на поверхность жизни почвенная, народная стихия с её страстью крушить и стремлением переделать мир на революционный лад.

Третье лицо – инопланетянка, всезнающая Аэлита, и через её рассказ о далёком прошлом Земли (легенда об Атлантиде) проводится мысль о закономерности исторического процесса: любая цивилизация проходит фазы зарождения, расцвета и угасания, когда её сметает приход варваров, чтобы на руинах воздвигнуть новую цивилиза-

цию. И опять-таки мысль эта проводится, подразумеваемая происходившее в нашей стране в начале XX века.

Поразительно, что всю космогонию «Аэлиты» пронизывает излюбленный лейтмотив творчества Толстого: единственная непреходящая ценность существования – любовь, родство и близость человеческих душ. Сквозь весь фантастический антураж сплошь социализированного мира трепетно и страстно пробивается мысль о желанности высокого, всепоглощающего лирического чувства. Мстислав Сергеевич Лось, этот удивительный изобретатель космической ракеты, с его развитой интеллектуальной натурой, более всего в глубинах своего «я» печалится о несчастьях, постигших его в любви.

Вначале то была земная девушка Катя, которая так рано ушла из жизни. И Лось вспоминает, что в той короткой любви была и его вина, ведь до поры до времени он считал это не столь существенным. А потом он часто припоминал своё непростительное заблуждение.

Катюша сидит в траве на пригорке. Коршуны плавают в летнем зное над хлебами, над гречихами. Катюше лениво и жарко. Лось, сидя рядом, кусая травинку, поглядывает на русую голову Катюши, на загорелое плечо со светлой полоской кожи между загаром и платьем. Катюшины чёрные глаза – равнодушные и прекрасные – в них тоже плавают коршуны. Кате восемнадцать лет. Лось думает: «Нет, милая моя, есть у меня дело поважнее, чем вот, на этом пригорке, влюбиться в вас».

Ах, Боже мой! Как неразумно были упущены эти летние, горячие дни. Остановить бы время тогда! Не вернуть! Не вернуть!..

И перед отлётом на Марс он к всеобщему недоумению вдруг заговорил о том, чего в первую очередь он ждёт от далёкой планеты.

– Что я найду там? – Забвение самого себя... Нет, товарищи, я – не гениальный строитель, не смельчак, не мечтатель, я – трус, я – беглец...

А затем была марсианка Аэлита. В ней просыпается любовь к землянину, и чувство это открывается для неё как то, «что выше разума, выше знания, выше мудрости». Повествование завершается мольбой о любви и нетленной верой в неё. Лось, вернувшись на Землю, большей частью сознания остаётся на Марсе, возле возлюблен-

ной Аэлиты, и однажды по радиоволнам слышит её далёкий голос, и это последние слова романа.

Голос Аэлиты, любви, вечности, голос тоски, летит по всей вселенной, зовя, призывая, клича – где ты, где ты, любовь!..

* * *

«Гиперболоид инженера Гарина» имел для себя некоторые реальные основания: Толстому была известна действительная история постройки такого гиперболоида – изобретатель, сделавший это открытие, погиб в Сибири в 1918 году. Как и в «Чёрном золоте» («Эмигранты»), повествование здесь подаётся в форме детективного расследования, так что в сочетании с головоломной приключенческой фантастикой складывается на редкость динамичный, остросюжетный роман. Его социально-политической осью становится стремление основных персонажей добиться сверхвласти. Их трое, и у каждого это стремление реализуется в своём варианте.

Пётр Горин, как главная пружина происходящего, добивается власти над людьми путём открытого физического насилия, используя гиперболоид как оружие невиданной разрушительной мощи. То, к чему стремится этот прирождённый космополит («Русским я себя не считаю»), формулируется им очень просто: *«Единственная вещь на свете, которую я хочу всеми печёнками – это власть... Не какая-нибудь королевская, императорская – мелко, пошло, скучно. Нет, власть абсолютная».*

В исключительности его притязаний таится то, что притягивает к нему многих даровитых людей. Один из них признаётся: *«Вы страшно талантливы, страшно смелы... Вы спросили – готов ли я на всё, чтобы работать с вами... Какой же может быть разговор? Без вас – будничная работа, будни до конца жизни. С вами – праздник или гибель!»*

Умея внушить симпатию к себе даже у врагов, Гарин с помощью своего смертоносного аппарата и добытого золота шаг за шагом устанавливает личную диктатуру в Америке и рвётся к неограниченной власти над всем миром. Глобальное господство нужно ему, чтобы претворить «дерзновенную» программу-мечту.

«Я овладеваю всей полнотой власти на земле. Ни одна труба не задымит без моего приказа, ни один корабль не выйдет из гавани, ни

один молоток не стукнет. Всё подчинено центру – вплоть до права дышать. В центре – я. Мне принадлежит всё. Затем я отбираю “первую тысячу” – скажем, это будет что-нибудь около двух-трёх миллионов пар. Это патриции. Они предаются высшим наслаждениям и творчеству. Для них мы установим, по примеру древней Спарты, особый режим, чтобы они не вырождались в алкоголиков и импотентов...».

Далее Гарин толкует об обслуживающей всё и вся трудовой массе, путём медицинского вмешательства превращённой в послушных рабов. И ещё одна каста будет существовать *«исключительно для размножения»*. Всех остальных *«придётся убрать за ненадобностью»*.

Надо признать, что в конкретных действиях главного героя писатель пророчески предугадывает контуры будущего тоталитаризма. Так, для достижения своих целей, Гарин вступает в сговор с воротилами бизнеса. Став диктатором, он ведёт себя с мировым сообществом нагло и вызывающе. Создаёт политический механизм с секретной полицией, отделами пропаганды, провокаций и т.д. Одна из задач Гарина и иже с ним – обуздать всяческое сопротивление: *«Для начала мы построим громадные концентрационные лагеря. Всех недовольных нашим режимом – за проволоку. Затем проведём закон о мозговой кастрации»*.

Его ближайший подручный – финансовый магнат Роллинг, который осуществляет порабощение человечества экономическим путём, посредством монополистического захвата. Ему не откажешь в силе, властности, умении работать, но Толстой не скупится на краски, чтобы вызвать к нему отвращение: *«кривоногий, похожий на краба... выпячивая челюсть... рот его с золотыми зубами раздвинулся, как у акулы... в Париже его называли “американским буйволом”... животное, вся задача которого переть вперёд, бодать, топтать... люди, знавшие его, утверждали, что он никогда в жизни не смеялся»*.

Это, по характеристике старого француза, *«заморское чудовище»* олицетворяет деловую Америку, в которой практически всё измеряется в долларах и зациклено на обогащении (*«Волосатые пальцы их плели из воздуха деньги, деньги, деньги»*) и которая распускает свою паучью паутину повсюду, стремясь прибрать к рукам Европу, *«по дешёвке скупить весь добрый, старый мир»*. Одна из идей Роллинга: *«Мы превратим страны, умеющие работать, в одну могучую*

фабрику – не умеющие работать вымрут естественным порядком, в этом мы им поможем».

Фоном к его фигуре становится не без привкуса брезгливости набрасываемая писателем картина жизни капиталистического Запада. Допустим, фиксируется очередной приступ деловой лихорадки.

Биржа тряслась до основания. Между серых колонн её, у чёрных досок, где истерические руки писали, стирали, писали меловые цифры падающих бумаг, мотались, орали обезумевшие люди с глазами, готовыми лопнуть, с губами в коричневой пене.

Или ироничный пассаж на предмет уже сформировавшегося общества потребления.

Нет, у древнего Рима и у Возрождения был дурной вкус. Довольствовались разведённым вином, неторопливо целовались с пышными и добродетельными женщинами, гордились мускулами и храбростью... Они не знали, что такое делать двести километров в час на гоночной машине. Или при помощи автомобилей, аэропланов, электричества, телефонов, радио, лифтов, модных портных и чековой книжки (в пятнадцать минут по чеку вы получаете золота столько, сколько не стоил весь древний Рим) выдавливать из каждой минуты жизни до последней капли все наслаждения.

Третье из основных лиц романа – Зоя Монрós. Писатель невольно любит её. И даже расследующий махинации Зои большевистский эмиссар отдаёт ей должное: *«Вот женщина!... А до чего красива!.. Бесовка, какой ещё не видел свет».* Это тип женщины-хищницы начала XX века, которая не хочет удовлетворяться ролью приправы к жизни мужчин. Умная, цепкая, расчётливая, в высшей степени незаурядная, она делает свою карьеру *«с огромным знанием дела».* И когда возникает необходимость, она вдохновенно пиратствует, жёстко и неумолимо вытряхивая из океанских лайнеров все ценности.

Главное её оружие – неотразимые женские прелести, умение покорять сердца. Зоя легко располагает к себе людей и подчиняет их. Одному из своих поклонников она повелевает *«Вы будете орудием моей воли»*, и тот беспрекословно принимает это условие. Зоя сумела пробудить чувство даже в железном, циничном, ледяном Роллинге. И когда она его бросила, он горько плакал и чувствовал себя вы-

швырнутым *«в ночную слякоть... Какие уж там мировые концерны – тоска, тоска голого, маленького, жалкого человека».*

Именно в ней Гарин нашёл достойную себя подругу, которая способна придать его сверхвласти озарение, светоносный ореол сказки. А у Зои после сближения с ним *«закружилась голова от сумасшедшей мечты».* Теперь ей *«наяву и во сне чудились какие-то дивные острова, мраморные дворцы, уходящие лестницами к облакам, праздники, карнавалы... Я ограблю все музеи Европы. Я соберу всё, что было создано человечеством... Величайшим счастьем для смертного будет получить приглашение на Золотой остров и увидеть ослепительное лицо повелительницы этого фантастического мира».*

Когда герои романа вплотную приближаются к достижению конечной цели, их постигает горькое разочарование. словно бы иллюстрируется расхожая мысль социал-демократа Э.Бернштейна *«Движение – всё, цель – ничто»*, о чём Зоя говорит на свой лад: *«Иногда мне начинает казаться, что счастье – только в погоне за счастьем».* Особенно остро это выражено у главного зачинщика столь грандиозной затеи. Свой невероятный успех в письме к Зое он расценивает так: *«Друг мой, только вы одна в состоянии понять, какого я сыграл дурака».*

Поддерживать и раздувать свой имидж властелина мира, носить маску великого человека, принимать участие в пустопорожней мишуре официозных ритуалов – всё это рождает ощущение маразма, идиотии, к чему присоединяется сознание дутой фальши, окружающей его (*«На улице автомобиль диктатора приветствовали криками. Но присмотреться – кричали всё какие-то рослые ребята, похожие на переодетых полицейских»*). Всяческие титулы и подношения вызывают у него тошноту раздражения.

Он с удовольствием плюнул бы на эти жирные лысины и уважаемые плечи... Однако он понимал, что не плюнет, но сейчас встанет и поблагодарит. «Подождите, сволочи, думал он, стоя перед аплодирующим ему амфитеатром, – поднесу я вам проект о чистоте расового отбора и первой тысяче...» Но и сам чувствовал, что опутан по рукам и ногам и ничего такого решительного не поднесёт.

Так что крах безумной идеи приходит как спасение. Сама природа противится планам Гарина и Зои вначале бурей над Золотым островом, затем океанским ураганом, который выбрасывает их на необитаемый коралловый островок, где они смогут дотянуть свой век, как первобытные люди. Проставляя такую финальную точку, писатель незримым подтекстом утверждает: непомерность притязаний, любая гигантомания, всякое «сверх» и «гипер» неизбежно заканчиваются крушением...

Если «Аэлита» в определённом смысле утопия, то «Гиперболоид инженера Гарина» – антиутопия. Но их объединяет трактовка жанра: в обоих случаях к «номинации» *научная фантастика* следует добавить прилагательное *социальная*, поскольку здесь самым широким образом включалось обсуждение острых политических вопросов, имевших прямое отношение к современности той поры. Открывая классику советской научной фантастики, эти романы предопределили её дальнейшее развитие именно в подобном ключе.

Одна из мотиваций рассмотренных произведений состояла в художественном раскрытии тех небывалых технических возможностей, которые открывались в начале XX века. При всей захватывающей фантазии этих текстов, Толстой, как выпускник Петербургского технологического института, имел достаточные основания утверждать: *«Все астрономические и физические данные вполне отвечают действительности»* (примечание к повести «Союз пяти», которая тематически перекликается с романом «Гиперболоид инженера Гарина»). Его научные прогнозы оказались весьма прозорливыми: межпланетные полёты, улавливание сигналов из космоса, «парашютный тормоз», лазер, деление атомного ядра и т.д.

* * *

1920-е годы, с учётом упоминавшегося выше завершения в следующем десятилетии ряда произведений, с точки зрения творческой активности были для Толстого наиболее плодотворными. К данному периоду в своей основе относится и, несомненно, его центральное создание – трилогия романов «Хождение по мукам». Она создавалась с перерывами почти четверть века: «Сёстры» (1919–1921, 2-я редакция 1925), «Восемнадцатый год» (сбор материалов начал в 1925-м, написание 1927–1928), «Хмурое утро» (1939–1941, но этому предшествовала ещё более основательная работа по сбору исторического материала), после чего до 1943 года осуществлялась окончательная доработ-

ка текста, когда основной целью было стремление добиться единства стиля изложения.

«Книга первая. Сёстры» посвящена жизни России последних дооктябрьских лет, начиная с совершенно определённого указания на исходный момент описания: *«Таков был Петербург в 1914 году»*. На взгляд Толстого, который был очевидцем и участником происходящего в то время, в стране царила бешеная, но внутренне нездоровая активность.

С невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди оглашались музыкой, отражением зеркал, полуобнажёнными женщинами, светом, шампанским. Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, кинематографы, лунные парки... В городе была эпидемия самоубийств. Залы суда наполнялись толпами истерических женщин, жадно внимающих кровавым и возбуждающим процессам. Разврат проникал всюду, им был, как заразой, поражён царский дворец.

Ту же нездоровую, лихорадочную атмосферу отмечает писатель и в жизни интеллигенции тех лет с её декадентством и шумным футуристическим эпатажем, когда естественные чувства *«считались пошлостью и пережитком, а невращения – признаком утончённости»*. Но и в души тех, в ком теплились здоровые начала (их Толстой и делает главными героями книги), вкрадывалось смятение, ощущение беспомощности. Это состояние обострялось в обстановке развала жизни в ходе Первой мировой войны и когда нарастало угрожающее дыхание надвигающейся революции. Предчувствуя неизбежность крушения старого миропорядка, они с тревогой вглядываются в грядущий хаос и разрушение всего и вся.

Социум в этом романе помечен очень широко, многоохватно, но скорее именно помечен и идёт контрапунктом к главному – истории большой любви. Сквозь сумятицу событий настойчиво пробивается мысль о ней не только как высшем, самом драгоценном даре жизни, но и как её спасительности среди разваливающегося мира.

Уютный, старый, может быть, слишком тесный, но дивный храм жизни содрогнулся и затрепал от ударов войны, заколебались

колонны, во всю ширину треснул купол, посыпались старые камни, и вот среди летящего праха и грохота рушащегося храма два человека, Иван Ильич и Даша, в радостном безумии любви, наперекор всему, пожелали быть счастливыми.

Превосходно и во всех подробностях передано постепенное движение этого чувства от смутных, затаённых эмоций к его осознанию и всепоглощающей полноте. Телегин рассуждает о нём так.

– Даша, если бы мне подарили всё, что есть, всю землю, мне бы от этого не стало лучше – ты понимаешь? Если я один, на что я сам себе, правда ведь?.. Есть, ходить, спать – для чего? Для чего эти руки, ноги?.. Что из того, что я, скажем, был бы сказочно богат... Ты представляешь, какая тоска быть одному? Но сейчас, когда ты сидишь вот так... Сейчас меня больше нет... Я чувствую только – это ты, это счастье. Ты – это всё.

Параллельно Даше с Телегиным близкую историю проживают Катя с Роциным. Примечательна страница их окончательного сближения. Только что, похоронив нелюбимого мужа, Кате казалось – жизнь кончена. Но вот появляется Вадим Петрович, узнавший обо всём, и предлагает располагать им, всей его жизнью (в приводимом ниже отрывке фраза «с жалким пузырьком морфия» означает то, что Катя хотела отравиться).

Чутьём женщины Катя поняла вдруг: она, несчастная, маленькая, грешная, неумелая, со всеми своими невыплаканными слезами, с жалким пузырьком морфия, стала нужна и дорога этому человеку, молча и сурово ждущему – принять её душу в свою.

В финале книги Роцин произносит знаменательные, ключевые для её концепции слова, утверждающие значимость любви как единственно надёжного, прочного и вечного в человеческой существовании.

Пройдут года, утихнут войны, отшумят революции, и нетленным останется только одно – кроткое, нежное, любимое сердце ваше.

Если в «Сёстрах» во главу угла положена история личной жизни главных героев, то «Книга вторая. Восемнадцатый год» отодвигает их судьбы на второй план. Они становятся скорее связующей нитью к предыдущему роману и свидетельством того, какая происходила жестокая ломка этих судеб. Стало ясно, что прежнее рухнуло безвозвратно, всё определяет громада всеобщего потока, и вот теперь началось настоящее *«хождение по мукам»*.

Эту эволюцию повествования образно описал К.Федин: *«В первый роман вступали сначала негромкие, потом ясно различимые, настойчивые, тяжкие и, наконец, всё подавляющие шаги истории. Приступая ко второму тому трилогии, Толстой уже впустил во все двери и окна бурю истории, и она забушевала, завертев, как песчинки, маленькие, милые и отчаянные судьбы героев»*.

Автор разворачивает чрезвычайно широкую панораму событий, прокатывавшихся по всей России первого послеоктябрьского года. Разворачивает с такой степенью убедительности, что создаётся впечатление, будто он сам был живым свидетелем всего этого. Секрет же, помимо большого писательского дара, состоял в следующем: Толстой перед созданием книги собирал статьи о Гражданской войне, выписки из газет того времени, стенографические записи воспоминаний участников боёв, мемуары генералов Белой гвардии, многократно ездил по тем местам, где происходили описываемые им события.

Об отличии от предыдущего романа, сам писатель говорил: *«Это был предельный историзм. Я первый раз начал писать исторический роман»*, подразумевая тщательную опору на огромный фактический материал. Хроникальный элемент был и в «Сёстрах», но теперь он становится определяющим, что делает «Восемнадцатый год» документальной летописью с охватом всех основных событий и главных исторических фигур.

Здесь с поразительной ясностью передана невероятная неразбериха, творившаяся в стране того времени. Передана она очень объективно, с показом того, как у разных социальных слоёв и просто у разных людей были разные правды, и они насмерть бились каждый за свою правду. В разломе всего и вся, в смертоносном разгуле страстей стервенели в ненасытной ярости красные и белые, так называемые зелёные и махновцы.

Толстой даёт колоритные портреты людей, поднявшихся на поверхность в мутной воде неистовств Гражданской войны. Вот трагический актёр Мамонт Дальский.

Это был человек дикого темперамента, красавец, игрок, расчётливый безумец, опасный, величественный и хитрый. Когда началась революция, он почувствовал гигантскую трагическую сцену и захотел сыграть в ней главную роль в новых «Братьях-разбойниках». Со всей убедительностью гениального актёра он заговорил о священной анархии и абсолютной свободе, об условности моральных принципов и праве каждого на всё. Он сеял по Москве возбуждение в умах. Когда отдельные группы молодёжи, усиленные уголовными личностями, начали реквизировать особняки, он объединил эти разрозненные группы анархистов, силой захватил Купеческий клуб и объявил его Домом анархии.

– Мы ломаем сверху донизу всё... Мы сожжём все книги, разрушим музеи... Нужно, чтобы человек забыл тысячелетия... Свобода в одном: священная анархия... Великий фейерверк страстей...

Ещё один портрет – Сорокин, которого назначили главнокомандующим всеми красными силами Северного Кавказа, а позже расстреляли за диктаторские склонности. И вот каким он предстаёт в горячем азарте перед боем.

Всюду видели его чёрное от пота и пыли лицо, оскаленные зубы. Он переменил уже третьего коня, осматривал расположение батарей, окопы, выскакивал в степь к секретам, уносился к подъезжавшим и разгружавшимся обозам со снарядами, взмахом нагайки подзывал командиров и, перегибаясь к ним с седла, горячий и страшный, с бешеными глазами, выслушивал рапорты. Он, будто дирижёр гигантского оркестра, натягивал нити музыки начинающейся битвы.

Итак, «Сёстры» и «Восемнадцатый год» – это по своим смысловым акцентам два разнонаправленные вектора. «Книга третья. Хмурое утро», завершая эпопею о Гражданской войне, приводит их к синтезу: личное счастье главных героев органично соединяется с происходящим вокруг них и становится немислимым вне судеб Отечества.

Уже в предыдущем романе можно было почувствовать, как в соотношении бунтарски-стихийного и дисциплинирующе-организующего начал верх постепенно одерживает второе. Теперь оно становится безусловно доминирующим, что исторически соот-

ветствовало последним страницам Гражданской войны. Более того, ощутимо намечаются созидательные потенции утвердившегося нового мира.

При всём том, отнюдь не вуалируется продолжающееся «хождение по мукам». Но, в конечном счёте, суть этой книги обращена к мысли о поразительной неистощимости и неуничтожимости жизни, о её способности возрождаться даже на сплошном пепелище. Телегин говорит об этом своим бойцам в характере притчи.

Или вот пример: проросшее зерно своим ростком – уж, кажется, он и зелен, и хрупок – пробивает чёрную землю, пробивает камень. В проросшем семени вся мощь новой жизни, и она будет, её не оставишь.

Об этом Иван говорит, памятуя судьбу сестёр. Даша и Катя, два донельзя слабых создания, неприспособленные к борьбе за существование, каждый раз находят в себе силы, чтобы вновь и вновь подняться к жизни.

В подобной оптимистической настроенности ощутима печать времени создания третьего романа, когда жизнь страны обрела стабильность и относительное благополучие (ходовой стала фраза вождя «Жить стало лучше, жить стало веселей»). Но сказалось в психологическом строе текста и то, что горизонты бытия уже омрачались тогда угрозой новых больших испытаний. Последние строки книги были дописаны 22 июня 1941 года – не отсюда ли название «Хмурое утро»?

Ключом к содержанию всей трилогии можно считать эпиграф к её второй части: «В трёх водах топлено, в трёх кровях купано, в трёх щёлоках варено». И главным героям, и всей стране пришлось пройти через это, чтобы вновь и вновь утвердить идею своей национальной несокрушимости.

А в эпопее Толстого охвачена вся Россия бурного времени преддверия Первой мировой войны, самой этой войны, революций 1917 года и Гражданской войны. Охвачены все слои и группы общества – через индивидуальные и массовые портреты, через документализм и свободный художественный домысел. Взять хотя бы перечень реальных исторических фигур, которые действуют в последней книге (перечисление сделано по ходу их появления в тексте):

- Ленин, Сталин, Корнилов, Деникин, Колчак;

- белые генералы Марков, Эрдели, Романовский, Кутепов, Дроздовский, Тимановский, Покровский;
- красные военкомы Автономов, Сорокин, Кожух, Жлоба;
- Махно, Савинков, Мамонт Дальский, командующий армией белочехов Чечек;
- казацьи атаманы Каледин, Краснов, Дутов.

Мастерство писателя особенно ощутимо в том, как цепко он выхватывает ключевые моменты исторической канвы и бросает главных героев в самую гущу событий и в среду наиболее значительных фигур. В судьбе этих героев концентрируются искания русской интеллигенции в потоке кардинально меняющегося времени, и именно их имел в виду автор, когда говорил, что его книга о *«потерянной и возвращённой Родине»*.

* * *

Ещё одним звеном в литературной летописи Гражданской войны стала написанная Толстым в 1937 году повесть «Хлеб» (по объёму и по охвату событий и лиц это полнометражный роман). Её обычно ставят «в скобки» ввиду того, что создавалась она по заказу властей и в согласии с теми представлениями о Гражданской войне, которые бытовали в кругу Сталина и его соратников. И, по сути, центральной фигурой повествования оказывается именно Сталин – мудрый, твёрдый, спокойный, внушающий уважение и большую симпатию.

Между тем, повесть весьма примечательна не только в художественном отношении и по увлекательности изложения. При локализирующем подзаголовке «Оборона Царицына» здесь в полной мере представлен свойственный Толстому метод широкого панорамирования жизненного материала: от первых до последних лиц социальной иерархии и на всём просторе огромной страны. Трудно даже представить, сколько нужно было изучить документов и разного рода свидетельств, чтобы достоверно развернуть столь эпическую картину.

Кроме того, обращает на себя внимание, как смело и много говорит автор устами Ленина, Сталина, Ворошилова, многообразно показывая их в различных ситуациях. А ведь Сталин и Ворошилов в годы создания и издания повести были живы и при всей полноте власти, так что нельзя не оценить высокого литературного мастерства писателя и его способности к убедительной речевой характеристике.

Во всей видимости, по возвращении из эмиграции он искренне верил в историческую правоту большевизма и Октябрьской револю-

ции. Подтверждением тому может служить повесть «Гадюка» (1928), где он заведомо принижает белых и возвышает красных, причём без малейшей идеализации, очень убедительно.

Героиню повести Ольгу Зотову, бывшую гимназистку и купеческую дочку, в стан красных привела в том числе и жестокость белых. Когда по ложному доносу она оказалась в их тюрьме, при ней уводили пытаться человека.

Раздались удары, будто выколачивали ковёр, а не человека... Он молчал... Удар, снова удар... И вдруг что-то замычало... «Ага! Заговоришь!..» И уже не мычанье – больной вой наполнил всю тюрьму... Эта ночь, когда человек мучил человека, закрыла тьмой всю её робкую надежду на справедливость.

Натерпевшись от белых и полюбив красного командира, Ольга стремительно мужает.

В слабой девочке таились железные силы, непонятно откуда что бралось. За месяц обучения на плацу, в конном и пешем строю, она вытянулась, как струна... Худые руки её научилась ловко и чутко управлять конём. Ноги, казалось, пригодные только к буржуазным танцам да к шёлковым юбкам, развились и окрепли... как клещ сидела в седле, как овечка ходил под ней конь. Обучилась владеть и клинком.

Полюбившийся ей лихой рубака Емельянов олицетворял для неё романтику революции. Как и во всём остальном, он умел ярко сказать про размах, с которым Россия ринулась в новую жизнь: «По всему миру собираемся на конях пройти... Кони с цепи сорвались, разве только у океана остановимся». И столь же сочно он мог описать азарт баталии.

– Конь – это стихия. Конный бой – революционный порыв... Вот у меня – одна шашка в руке, и я врубаюсь в пехотный строй, я лечу на пулемётное гнездо... Можно врагу вытерпеть этот мой вид? Нельзя... И он в панике бежит, я его рублю и у меня за плечами крылья...

Ольга была у Емельянова вестовым, нередко приходилось ночь провести с ним на одной постели, но он держался и только перед ги-

белью признался в своих чувствах к ней, так и не переступив черту – вот ещё один красноречивый штрих в пользу красного командира.

А дальше писатель без околичностей, с жестокой правдивостью оценивает ситуацию второй половины 1920-х годов, когда романтика Гражданской войны уже становилась легендарной и входила в резкое столкновение с расцветающим обывательским нэповским мирком. Мирок этот, о котором Толстой пишет с безгливостью, не только правит свой бал, но и превращает былых героев в «белых ворон», «гадюк», «сумасшедших».

Ольга не выдерживает травли, и так же, как это происходит в аналогичной ситуации предыдущей повести «Голубые города» (1925), фанаты революционной идеи, подобные Ольге, способны пойти на убийство преуспевающих в изменившейся жизни, которая далеко ушла от того, за что ещё недавно боролись и погибали.

* * *

Третье десятилетие творчества Алексея Николаевича Толстого отметим как *1930-е годы* с присоединением к этому первой половины 1940-х. Центральным созданием данного периода стал роман «Пётр Первый». Но прежде вкратце о двух других произведениях, всецело относящихся к тому времени.

С начала 1920-х годов начался расцвет советской детской литературы, зачинателями которой выступили В. Маяковский, С. Маршак и К. Чуковский. Несколько позднее их эстафету подхватили А. Гайдар, А. Барто, Б. Житков, В. Бианки, М. Пришвин, С. Михалков, Л. Кассиль и др. Они достаточно широко обращались в том числе к жанру сказки, и именно в этом жанре своё особое место заняла повесть «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936). Толстой написал её по мотивам прочитанной им в детстве сказки итальянского писателя К. Коллоди «Пиноккио», многое настолько основательно переработав, что о первоисточнике скорее приходится догадываться. Всё здесь чрезвычайно изобретательно и занимательно как по фабуле с массой непредвиденных поворотов, так и по блистательному письму, щедро пересыпанному юмором.

Совершенно иной колорит отличает то, что писатель назвал драматической повестью – «Иван Грозный» (1941–1943) как диалогия больших пьес: «Орёл и орлица» и «Трудные годы». Имея в виду начавшуюся Великую Отечественную войну, побудительный мотив их написания Толстой обозначил так: «Я вызвал из небытия великую,

страстную русскую душу – Ивана Грозного, чтобы вооружить свою рассвирепевшую совесть», добавляя, что эта вещь «была моим ответом на унижения, которым немцы подвергли мою Родину».

Поставив своей актуальной целью возвеличить *«дивную силу сопротивления русского народа»* его врагам, писатель не удержался от невольной идеализации царя и его взаимоотношений с народом, что в позднейшей критике нередко связывали с апологетикой Сталина. И похоже, Толстой на стороне первого самодержца, когда тот на смелую реплику одного из бояр *«Самовластия твоего более терпеть не хотим!»* отвечает:

– Псы! Холопы! Царёнком меня не задушили, теперь – поздно! В руке моей держава русская, сие – власть. Обычай старины, что я – равный вам, забудьте со страхом... Русская земля – моя единая вотчина. Я – царь, и шапка Мономахова на мне – выше облака...

Главный труд последнего периода *«Пётр Первый»* занял у Толстого в общей сложности более полуторадесятилетия: книга первая 1929–1930, книга вторая 1933–1934, книга третья 1944–1945 (закончить не успел). Фигура великого царя-реформатора занимала воображение писателя ещё с 1918 года, когда один за другим появились рассказы *«День Петра»*, *«Первые террористы»*, *«Наваждение»*, а затем пьеса *«На дыбе»* (1928). Непосредственно к роману примыкают два варианта пьесы *«Пётр I»* (1934 и 1938), а также сценарий к одноимённому фильму, который стал большой удачей отечественного кинематографа (1937–1939, режиссёр В. Петров, в главной роли Н. Симонов).

«Пётр Первый» – исторический роман, но сам автор живо ощущал его связь с современностью, в том числе отмечая созвучие динамизму времени его создания: *«Несмотря на различие целей, эпоха Петра и наша эпоха перекликаются буйством сил, взрывами человеческой энергии и воли».*

Эволюция главного героя к своему державному самоутверждению достаточно прозрачно проецируется на движение страны от смуты и бурелома начала XX века к упорядоченности и твёрдой власти 1930-х годов. Свойственный роману пафос созидания отвечал тому, что ставилось основной целью, начиная с *«социалистической реконструкции»* рубежа 1930-х. А пронизывающее эпопею Толстого чув-

ство патриотизма вылилось ко времени создания третьей книги в прославление русского оружия.

Достаточно привести на этот счёт эпизод перед взятием Нарвы, когда чужестранный фельдмаршал, составлявший диспозицию штурма, позволил себе сказать, что *«русский солдат это пока ещё не солдат, а мужик с ружьём. У него ещё нет ни малейшего понятия о порядке и дисциплине. Нужно ещё много обломать палок о его спину, чтобы заставить его повиноваться без рассуждения, как должно солдату»*. Сказав это и взглянув на царя, он ужаснулся.

«Лицо Петра было страшное, шея будто вдвое вытянулась, вздулись свирепые желваки с боков сжатого рта, из расширенных глаз готовы были вырваться фурии.

– Вот как, вот как, русский солдат – мужик с ружьём! – проговорил он сдавленным горлом. – Плохого не вижу... Русский мужик – умён, смышлён, смел... А с ружьём – страшен врагу... За всё сие палкой не бьют! Порядка не знает? Знает он порядок. А когда не знает – не он плох, офицер плох... А когда моего солдата надо палкой бить, так бить его буду я, а ты его бить не будешь...

Естественно, что личность, давшая имя роману, находится в его центре. Писатель тщательно, во всех подробностях и поэтапно воспроизводит восхождение своего героя. Напомним несколько вех этого восхождения.

Стремительно входя в силу, юный Пётр менее всего заботится о царских приличиях. Добропорядочные бояре не знают, что и думать.

Отцы и деды нерушимой стеной стояли вокруг царя, оберегали, чтоб пылинка али муха не села на его миропомазанное величие. Без малого как бога живого выводили к народу в редкие дни, блюли византийское древнее великолепие... А этот что же вытворяет? С холопами, как холоп, как шпынь ненадобный, бегаёт по доскам, бесстыдник, в вязаном колпаке, в одних немецких портках и грязной рубашке рысью везёт тачку...

Когда на его суд представили государственное дело, связанное с иноземцами, и понял Пётр, что не по пути ему с замшелой стариной, он смело выговаривает патриарху.

– Святейший отец! Горько, что нет между нами единомыслия... Мы в твоё христианское дело не входим, а ты в наше военное делоходишь... Замыслы наши, может быть, великие – а ты их знаешь? Мы моря хотим воевать... Полагаем счастье нашей страны в успехах морской торговли. Сие – благословение Господне... Мне без иноземцев в военном деле никак нельзя... А попробуй тронь их кирхи да костёлы – они все разбегутся... Это что же... Крылья мне подшибаете?

Удивились бояре, что Пётр говорил столь мужественно. «Ого, – переглянулись, – вот какой!.. Крутенек!..»

То есть начинал Пётр оперяться орлиными крыльями. И впервые свой державный нрав показал он после поражения от шведов под Нарвой.

– Конфузия – урок добрый... Славы не ищем... И ещё десять раз разобьют, потом уж мы одолеем... Всё государство на ноги поднимем... Потерпели конфузию – ладно! Теперь войну и начинаем...

Без прикрас отмечая беспредел буйных разгулов, прорывы бешенства и то, что для осуществления невиданных замыслов молодой царь безжалостно истреблял ресурсы страны и её людей, Толстой, тем не менее, видел своего героя в позитивном ореоле, как могучего деятеля, сумевшего повернуть жизнь России в иное русло, вывести её из состояния отсталости в число великих держав.

Доведя повествование до взятия Нарвы, автор как бы ставит многоточие, с которого начиналась победоносная история обновлённой России Петра Великого, первые большие успехи его преобразований. Именно к тому моменту завершилось и становление личности главного героя.

Рука об руку с этим воссоздаётся в романе и становление реформированной страны. Широко панорамируются любые пласты русской жизни петровского времени во всей её противоречивости. Заодно даётся срез и по иностранцам, начиная с королей Карла и Августа. Всякому лицу и сословию находится место в этой панораме, но в первую очередь автор выделяет тех, кто оказался способен понять исторический вызов Петра и соответствовать размаху его деяний, а через их образы утверждает он лучшее, наиболее деятельное в русской национальной натуре.

Самыми многообразными средствами в романе ярко передан колорит эпохи. Среди этих средств важнейшее – сочный, нередко близкий к народной речи язык, на котором изъясняются персонажи и который доподлинно передаёт их характер. Для примера приведём несколько извлечений из истории вхождения Меншикова в круг Петра.

С сызмальства дошлый, приткий, ловкий, он приговаривает про себя: *«Со мной не пропадёшь»*. Когда удрал из родного дома от отцовских побоев и сумел приткнуться к одному торгашу, стал продавать печево, голося во весь рот и очень складно.

– Вот пироги подóвые, медовые, полденьгí пара, прямо с жара, – звонко кричал Алексашка, поглядывая на прохожих. – Вот налетай, расхватывай. – Видя стоявших кучкой стрельцов, он приговаривал, приплясывая: – Вот, налетай, пироги царские, боярские, в Кремле покупали, да по шее мне дали. Нарышкины ели, животы заболели.

Стрельцы смеялись, расхватывали пирожки.

Уже будучи в юных летах, Алексашка приглянулся Петру и стал возле него находиться безотлучно.

Ловок был, бес, проворен, угадывал мысли: повернётся, кинется и – сделано. Непонятно, когда спал – проведёт ладонью по рожге и, как вымытый – весёлый, ясноглазый, смешливый. Ростом почти с Петра, но шире в плечах, тонок в поясе. Куда Пётр, туда и он. Бить ли на барабане, стрелять из мушкета, рубить саблей хворостину – ему нипочём. Начнёт потешать – умора. Пётр от смеха плакал, глядя – ну, прямо, влюблённо на Алексашку. Поначалу все думали, что быть ему царским шутком. Но он метил выше: всё – шуточки, прибауточки, но иной раз соберутся генералы, инженеры, думают, как сделать то-то или то-то, уставятся в планы, Пётр от нетерпения грызёт заусенцы – Алексашка уже тянется из-за чьего-нибудь плеча и – скороговоркой, чтобы не прогнали:

– Так это же надо вот как делать – проще простого.

– О-о-о-о-о-о! – скажут генералы.

У Петра вспыхнут глаза.

– Верно!

Это монументальное по складу и многоплановое по композиции произведение сам Толстой по достоинству именовал эпопеей. Мы, в

свою очередь, справедливо считаем «Петра Первого» самым известным образцом жанра исторического романа в русской литературе XX столетия и относим его к числу высших достижений мирового исторического романа. И, наверное, приходится признать, что многие из нас знают о первом русском императоре более всего из этого романа.

* * *

Насколько можно было убедиться, магистральная тема творчества Алексея Николаевича Толстого – судьбы России и судьбы её людей, неразрывно связанные с движением национальной истории. М. Горький о его писательском таланте говорил – *«большой, настоящий русский и по-русски умный»*.

Глубокая вера в русский народ и русского человека определила патриотическое наполнение наследия писателя. Его подчас порицают за компромиссность и благополучные отношения с установившимся к 1930-м годам политическим режимом, причисляя чуть ли не к «сталинистам», но следует понять, что за внешней оболочкой таилось главное – это был, как говорится, патриот-государственник, всеми силами стремившийся утверждать величие своего Отечества.

Как художнику, ему было присуще исключительное знание жизни и человека, позволяющее одинаково убедительно, с впечатляющей наглядностью и пластичностью раскрывать характеры представителей всех слоёв общества. В этом его главным оружием служило яркое словесное мастерство, способность каждого из своих персонажей наделить только ему присущей речевой интонацией.

Лучшее из созданного писателем, безусловно, является классикой русской литературы первой половины XX века. Косвенным свидетельством этого может служить перечень фильмов, поставленных по его произведениям: «Аэлита» (1924), «Хромой барин» (1925), «Пётр I» (1-я серия 1937, 2-я серия 1939), «Золотой ключик» (1939), «Сёстры» (1957), «Восемнадцатый год» (1958), «Хмурое утро» (1959), «Гиперболоид инженера Гарина» и «Гадюка» (оба 1966), «Крах инженера Гарина» (1973), «Приключения Буратино» (1975), «Хождение по мукам» (1977), «Похождения графа Невзорова» (1982).

Татьяна Котович (Беларусь)

Велимир Хлебников, 1913

В. Хлебников – один из выдающихся русских поэтов начала XX в., реформатор/экспериментатор/революционер поэтического творчества, «Председатель земного шара». Впервые В. Хлебников заявил о себе осенью 1908 г. со стихотворением «Искушение грешника» в журнале «Весна».

1913 год стал пиковым годом русского футуризма, квинтэссенцией поисков и художественных предложений. Начало XX в. было пронизано художественным брожением, не просто желанием новых форм и предощущением новых явлений в искусстве, это было приближение к точке бифуркации, к обрушению социальной системы в пространство хаоса. Сложившаяся к этому времени совокупность ценностей, эстетических идеалов и приемов, а также принятый порядок регулятивов и норм теряли устойчивость и признанную гармонию; механизмы самоорганизации пришли в движение от удержания равновесия к разбалансировке. Утрата привычно понимаемого и традиционно одобряемого уклада/образа/ритуала была схожа с ощущением бездомности/бесприютности.

Области самореализации человеческого духа в художественном пространстве представляли собой поднимающиеся и опускающиеся пласты, сквозь которые просвечивала магма настоящего предвещества, что и стало объектом поиска нового основания для новых установлений и что потребовало новых методов самого поиска.

Впервые об искусстве будущего, используя термин и определяя термин будущего в искусстве, написал весной 1908 года критик А. Тимофеев¹. Пять последующих лет были бурными, мятущимися, протестными, исполненными растущего напряжения.

А высшей точкой в зоне неравновесности системы стал 1913 год как начало бифуркации, как старт «осевого времени», получивший

¹ К. Льдов. Художники-революционеры // Биржевые ведомости. – 1908. № 10478. – 30 апр. – С. 3–4.

позднее наименование «год отсчета». Одновременно в 1913 случились события, обозначившие его как самое высокое напряжение художественной и социальной системы, и события, заключавшие в себе тревожное предвестие конца – конца эпохи, эстетики, норм. 1913 год стал кодом русского футуризма.

Главная идея футуристов – это идея слова как такового. Более того, это – идея слога как такового и идея буквы как таковой. Цель футуристов – высвобождение всех возможностей слова, его звука, его морфологической структуры. Позиция А. Крученых и В. Хлебникова состояла в том, что высвобожденное слово выступает как таковое и само по себе. И только в этом случае оно может рассматриваться и исследоваться в основной своей сущности, в своей истинной структуре и в настоящем своем смысле. Эта технология была аналогична предложению К. Малевича в его аналитической работе с формой и цветом в изобразительном искусстве.

Следует сразу подчеркнуть самое важное обстоятельство в главном деле жизни Велимира Хлебникова: его реформа языка, его языкотворчество не было исключительно самоцелью. Исследователи обратили внимание на самую *метафизику* его творчества:

- «<...> пристальное внимание Хлебникова к новому словообразованию не есть только дань модным экспериментам того времени, которыми “грешили” многие авторы Серебряного века, но насущная необходимость ради осознания границ своего собственного мышления в пользу преодоления таковых преград. Реформа языка – это необходимость для дальнейшего духовного развития человечества» [1, с. 109].

У В. Хлебникова это выражено так: «Мудростью языка давно уже вскрыта световая природа мира. Его "я" совпадает с жизнью света» [2, с. 181], «закон азбуки (у-о-а), кратность <гласных>, нашёл, что $4o=7y$ » [2, с. 367]. В статье «Наша основа» Велимир Хлебников определил изначальность движения в поисках слова так: «Словотворчество учит, что все разнообразие слова исходит от основных звуков азбуки, заменяющих семена слова. Из этих исходных точек строится слово, и новый сеятель языков может просто наполнить ладонь звуками азбуки, зёрнами языка. <...> «словотворчество есть взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка» [2, с. 177, 178].

В начале 1910 г. он сходится с кругом Михаила Матюшина и Елены Гуро, с братьями Бурлюками, с Николаем Кульбиным и начинает свой путь в русском авангарде. «В феврале 1910 года в Петербург вернулся первый “издатель” и друг Хлебникова Василий Каменский, который познакомил его с Еленой Гуро, М. Матюшиным и братьями Бурлюками. Так состоялась встреча Хлебникова с его литературными соратниками, объявившими его вождем нового течения»¹. Надежда Удальцова вспоминала Хлебникова:

- «Это был человек высокого роста, слегка сутулый, в черном поношенном, мешковато на нем сидевшем сюртуке. Большое, бледное, чуть одутловатое лицо и казавшиеся припухлыми белые руки. Он часто подносил левую руку к губам, и нельзя было не заметить какой-то тесной одухотворенной связи между лицом и руками. Вождь “будетлян” производил впечатление отдельного человека, углубленного в самого себя и далекого от всех. Он молчаливо сидел в стороне, опустив глаза, как бы прислушиваясь к своему внутреннему голосу»².

А. Крученых так описывает Хлебникова:

- «в начале 1912 г. ему было 27 лет. Поражали: высокий рост, манера сутулиться, большой лоб, взъерошенные волосы. Одет был просто – в темно-серый пиджак. Я еще не знал, как начать разговор, а Хлебников уже забросал меня мудреными фразами, прошиб широкой ученостью, говоря о влиянии монгольской, китайской, индийской и японской поэзии на русскую. <...> он творчески вспыхивал от малейшей искры»³.
- «В. Каменский и Д. Бурлюк в 1912–14 гг. не раз печатно и устно заявляли, что Хлебников – “гений”, наш учитель, “славождь”»⁴

И О. Мандельштам утверждал:

- «Он был открыватель, ученый, провидец, целитель <...> В новой русской поэзии я знаю только трех человек с особым

¹ Н. Харджиев. Хлебников и «Академия стиха»/ Н. Харджиев. От Маяковского до Крученых. Избранные работы о русском футуризме. – М., 2006. – С. 313

² Н. Харджиев. «В Хлебникове есть всё!»/ Н. Харджиев. От Маяковского до Крученых. Избранные работы о русском футуризме. – М., 2006. – С. 330- 331

³ А. Крученых. Знакомство с Бурлюками, Маяковским и Хлебниковым. Первые выступления / А.Е. Крученых. К истории русского футуризма. Воспоминания и документы. – М., 2006. – С. 74

⁴ Там же, с. 78.

устройством сознания. Это Хлебников, Маяковский, Пастернак... В Хлебникове есть всё!»¹.

Все приведенные и все подобные этим высказывания определяют и организуют целостность и всё бытие под именем «Хлебников», философский и математический облик явления под названием «Хлебников», и всё то, что сделалось большой метафорой «Хлебников», что для художественного круга и всего художественного времени в течение ста лет стало даже более важным и существенным, чем определенные факты его биографии.

В апреле 1910 г. вместе с Давидом Бурлюком он выпустил «Садок судей» как первое издание творческой группы «будетляне» (которая вскоре приняла новое название – «Гилея»). К этому моменту В. Хлебников уже разработал и основы новой эстетики, и принципы нового художественного метода. По мнению Д. Бурлюка они были изложены в «ударном» стихотворении «Заклятие смехом»:

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О, рассмешищ надсмеяльных – смех усмейных смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!

Смейево, смейево,

Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

В этом стихотворении-манифесте выявлен и масштаб слова, и объем слова, и – главное – пространство слова. Неологизмы В. Хлебникова нанизаны друг на друга, усиливают друг друга и усиливаются к финалу, достигая апогея. У каждого из неологизмов существует свой особый смысл и особый звук, объем единого понятия усложняется и делается множественным. Увеличивается пространство слова, пространство обозначенного этим словом, его размноженным состоянием (16 неологизмов от слова *смех*).

1) смеяньствуют; 2) смеяльно; 3) усмеяльно; 4) рассмешищ; 5) надсмеяльных; 6) усмейных; 7) смехачи; 8) иссмейся; 9) рассме-

¹ Н. Харджиев. Хлебников и «Академия стиха»/ Н. Харджиев. От Маяковского до Крученых. Избранные работы о русском футуризме. – М., 2006. – С. 335-336

яльно; 10) надсмейных; 11) смеячи; 12) смейево; 13) осмей; 14) усмей; 15) смешики; 15) смеюнчики.

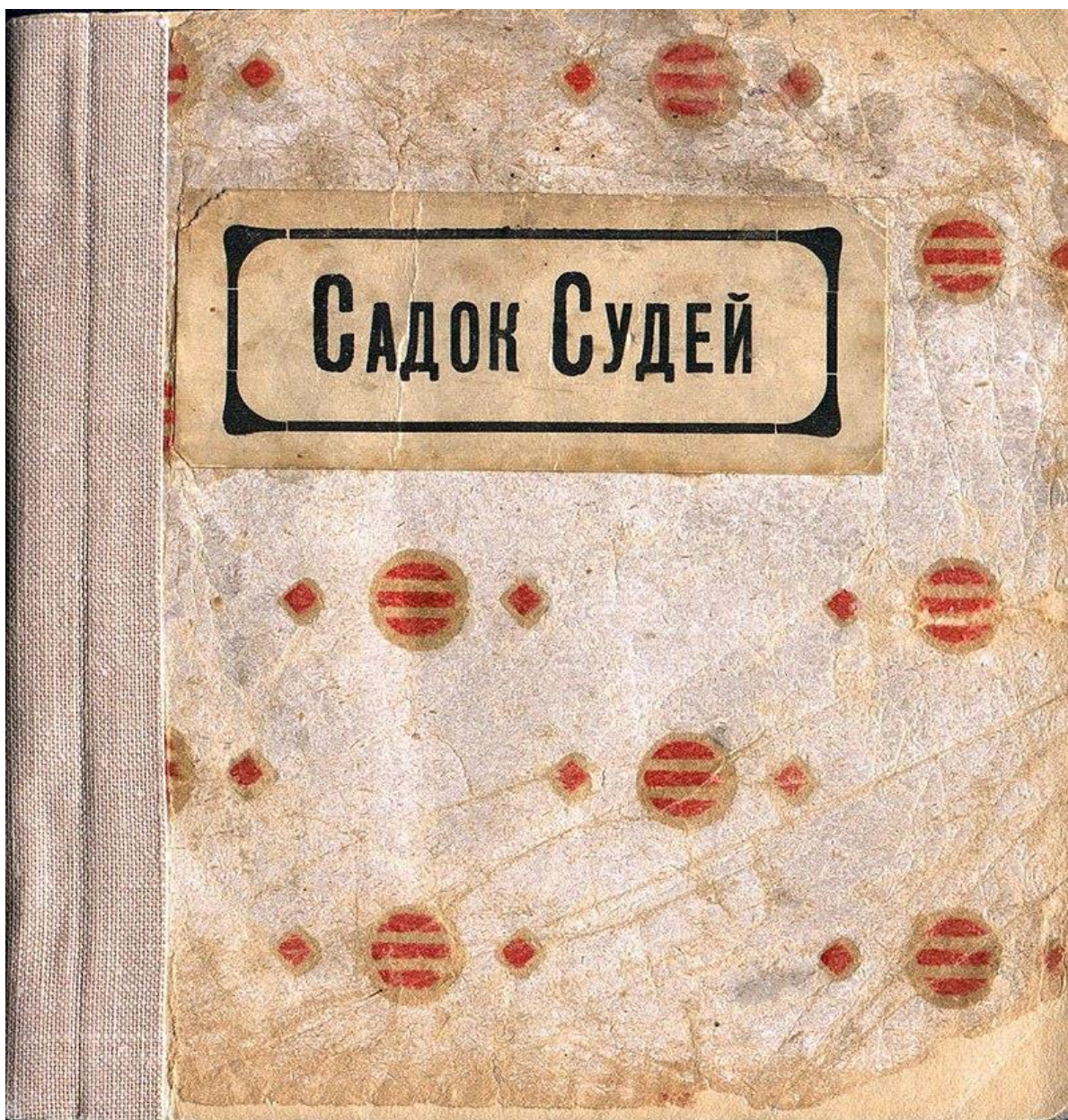
Главное слово – **СМЕХ**. Оно пульсирует множественностью. Все остальные слова ритмично повторяют это слово в вариациях смеха, когда смеются смехами и достигают силы хохота. **С – М – Н** колеблют пространство, от свиста к мягким и нежным звукам, и в обратном порядке от нежных к свисту. **С – 20, М – 16, Н – 10**.

Не зря математика/поэта В. Хлебникова сразу же назовут Лобачевским слова («Хлебников-теоретик становится Лобачевским слова, он не открывает маленькие недостатки в старых системах, а открывает новый строй, исходя из их случайных смещений»¹).

Весной 1912 г. в статье «Учитель и ученик» он излагает собственную теорию времени, а летом вместе с Алексеем Крученых публикует поэму «Игры в аду», осенью вместе с ним же – «Мирсконца». Из свидетельств А. Крученых: «<...> предложил ему более меткое и соответствующее пьеске – “Мирсконца”, которым был озаглавлен еще наш сборник 1912 г. Хлебников согласился, заулыбался и тут же начал склонять: Мирсконца, мирсконцой, мирсконцом»².

¹ Ю. Тынянов. О Хлебникове/ Велимир Хлебников. Председатель земного шара. – СПб., 2008. – С. 269.

² А. Крученых. Знакомство с Бурлюками, Маяковским и Хлебниковым. Первые выступления / А.Е. Крученых. К истории русского футуризма. Воспоминания и документы. – М., 2006. – С. 77

Обложка первого сборника «Садок судей»

В конце года вместе с Д. Бурлюком, В. Маяковским и А. Крученых подписывает манифест «Пощечина общественному вкусу» как отрицание существующей литературной традиции, а также и сборник «Пощечина общественному вкусу». По поводу написания манифеста А. Крученых вспоминал: «Москва, декабрь 1912 г. Собрались, кажется, у Бурлюка на квартире, писали долго, спорили из-за каждой фразы, слова, буквы <...>. Закончив манифест, мы разошлись. Я поспешил обедать и съел два бифштекса сразу – так обессилел от совместной работы с великанами...»¹.

¹ Там же, с. 70-74.

В сборнике «Пощечина общественному вкусу» были опубликованы тексты В. Хлебникова: знаменитые

«БОБЭОБИ ПЕЛИСЬ ГУБЫ...»

Ор. № 13.

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Исследователей всегда привлекала поэтическая фонетика В. Хлебникова и истоки выбора того или иного звука: отличаясь «невероятной оригинальностью, неординарностью мышления, своеобразным устройством слухового аппарата, соотносил звуки, которые вызывали у него определённые цветовые ассоциации, с каким-то оттенком» [3, с. 219–220]. В. Хлебников представлял звук **б** как отображение красного цвета. Поскольку губы, как правило, имеют красноватый оттенок, образ согласного **в**, по хлебниковской концепции, соотносится с зелёным цветом, согласный **п** представляется чёрным цветом с красным оттенком, смешение которых даёт бурый. Согласно Хлебникову, **л** – «круговая площадь», что соотносит звук с определенной формой, а **в** – это круг и точка в нем.

- «Интересно рассмотреть следующие стихотворные строки с точки зрения характеристики согласных звуков:

*Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови...*

Звук [б] является губным, губно-губным, а [о] – лабиализованным, что подразумевает образование звука с участием губ. Так, фонетический акцент делается на работе губ. Несомненно, в данном случае обращает на себя внимание и звукопись: при помощи звуков [б] и [о], так или иначе связанных со специфической работой губ, создается впечатление реального движения этого органа речи» [3, с. 221].

Авторы статьи «Поэтическая фонетика Велимира Хлебникова (На материале стихотворения «БОБЭОБИ ПЕЛИСЬ ГУБЫ...»)» полагают, что стихотворение В. Хлебникова – это своеобразный портрет, в котором звуки – это формы и цвет губ, бровей, глаз, волос, и повторение глагола *пелись, пелись, пелись* – еще и напевность, движение губ и всего лица. Интересным представляется это замечание, этот вывод, который позволяет также понять технологию построения портретов, к примеру, в алогизме К. Малевича:

- «Велимир Хлебников выбирает наиболее «подвижные» детали портрета: движения губ, взоров, бровей и облика в целом рождает некую музыку, которую автор и пытается расслышать и зафиксировать. «Бобэоби», «вээоми», «пиээо», «лиэээй» – это «расшифровка» мимики при помощи звуков. В статичном портрете лирический герой улавливает динамику, передаваемую звукописью» [3, с. 222].

а также:

«КРЫЛЬШКУЯ ЗОЛОТОПИСЬМОМ...»

№ 16.

Крыльшкучя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

«Девичий бог», «Змей поезда», «Песнь Мирязя» и другие. В книге «Полутораглазый стрелец»¹ Бенедикт Лившиц] позже так описывал своё чувство, своё восприятие языка Велимира Хлебникова:

- «И вот – хлебниковские рукописи опровергали все построения. Я вскоре почувствовал, что отделяюсь от моей планеты и уже наблюдаю ее со стороны. То, что я испытал в первую минуту, совсем не походило на состояние человека, поднимающегося на самолете, в момент отрыва от земли. Никакого окрыления. Никакой свободы.

¹ <https://traumlibrary.ru/book/livshic-strelec-sbornik/livshic-strelec-sbornik.html>

Напротив, все мое существо было сковано апокалиптическим ужасом.

Если бы доломиты, порфиры и сланцы Кавказского хребта вдруг ожили на моих глазах и, ощерившись флорой и фауной мезозойской эры, подступили ко мне со всех сторон, это произвело бы на меня не большее впечатление.

Ибо я увидел воочию оживший язык.

Дыхание довременного слова пахнуло мне в лицо.

И я понял, что от рождения нем.

<...>

Слово, каким его впервые показал Хлебников, не желало подчиняться законам статики и элементарной динамики, не укладывалось в существующие архитектурные схемы и требовало для себя формул высшего порядка. Механика усложнялась биологией. Опыт Запада умножался на мудрость Востока. И ключ к этому лежал у меня в ящике письменного стола, в папке хлебниковских черновиков».

Подчеркивая значимость текстов В. Хлебникова в «Пощечине общественному вкусу», Б. Лившиц высказал следующим образом своё отношение к изданию:

- «<...> при всех оговорках, относившихся главным образом к манифесту, самый сборник следовало признать боевым хотя бы по одному тому, что ровно половина места в нем была отведена Хлебникову.

И какому Хлебникову!

После двух с половиной лет вынужденного молчания (ведь ни один журнал не соглашался печатать этот «бред сумасшедшего») Хлебников выступил с такими вещами, как «Конь Пржевальского», «Девий бог», «Памятник», с «повестью каменного века» «И и Э», с классическими по внутренней завершенности и безупречности формы «Бобэоби», «Крылышка золотописьмом», а в плане теоретическом – с «Образчиком словоновшеств в языке» и загадочным лаконическим «Взором на 1917 год», в котором на основании изучения «законов времени» предрекал в семнадцатом году наступление мирового события <...>

По сравнению с Хлебниковым, раздвигавшим возможности слова до пределов, ранее немислимых, всё остальное в сборнике казалось незначительным, хотя в нём были помещены и два стихотворения Маяковского, построенные на «обратной» рифме, и прелестная, до сих пор не оценённая проза Николая Бурлюка, и его же статья о «Кубизме», ставившая ребром наиболее острые вопросы современной живописи».

«Кузнечик», без названия опубликованный в «Пощечине общественному вкусу», является принципиальным, программным произведением В. Хлебникова:

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

К – л – р – у - главный акцент (строение пчелиных сот). В. Хлебников всегда настаивает на важности согласных.

Из «Азбуки звуков для “Кузнечика”»:

- «К – «Обращение силы движения в силу положения (бега и покой). «Переход сил движения в силы сцепления. Камень, закованный, ключ, покой, койка, князь, кол, кольца».
- «Р – «Непокорное движение, неподвластное целому. «Р при-суще значение разрушения преград». «Ра свинца». <...>
- «Л – «Движение без власти большей силы свободы (прошлое время). «Л начинает те имена, где сила тяжести, шедшая по некоторой оси, расходится на плоскости, поперечной этой оси...» <...> «Возьмем слово *лебедь*. Это звукопись. Длинная шея лебедя напоминает путь падающей воды; широкие крылья – воду, разливающуюся по озеру...». «Эль – остановка падения, или вообще движения, плоскостью, поперечной падающей точке...» <...>
- «У – «Покорность». «боковое движение» <...>
- «З – «Созвучное колебание отдаленных струн. Разделенные дрожания одного происхождения и числа колебаний... Отде-

ление сухого, полного движения, начала от воды, борьба огня и воды»¹.

Схема пространства стихотворения «Кузнечик»
Велимира Хлебникова

Первый круг понятий – ядро. Кузнечик – синица, аист, пеночка, зинзивер (определения, близкие по сути и по названию в разных регионах), а также это – поэт, певец, Пясняр). Он «прошивает» золотым звуком воздух, всё пространство, окрашивая это пространства цветом/светом золота – золотописьмо – крыльшками прорезает пространство, и мы ощущаем эти тончайшие нити.

¹ цит. по: А. Россомахин. Кузнечики Велимира Хлебникова, собранные Андреем Россомахиным. СПб., 2004. – С. 52-53

Второй круг понятий: Кузнечик крылышкует = поёт. Его пение – в золотых нитях/жилах: «пинь, пинь, пинь» т «таррах».

Третий круг понятий: в кузов пуза уложил всё, что поглотил в траве, т.е. ещё и сжал пространство, вжал его в себя.

Завершение кругов, сила объема, Шар, удерживающий все круги: **всё это – диво, озаренное зарей.** Главный звук здесь З, заря, озарение, золото, кузнечик: «З – “Созвучное колебание отдаленных струн. Разделенные дрожания одного происхождения и числа колебаний... Отделение сухого, полного движения, начала от воды, борьба огня и воды”».

В этом смысле показательна цитата из Р. Якобсона: «Начальный звук, Хлебников говорит, имеет особую природу, отличную от природы своих спутников. Первый звук слова приказывает остальных. Слова, начатые одной согласной, имеют общее направление, как рой падающих звезд»¹.

В феврале 1913 в листовке «Пощечина общественному вкусу» была особо подчеркнута значимость В. Хлебникова для его современности, для всего авангарда.

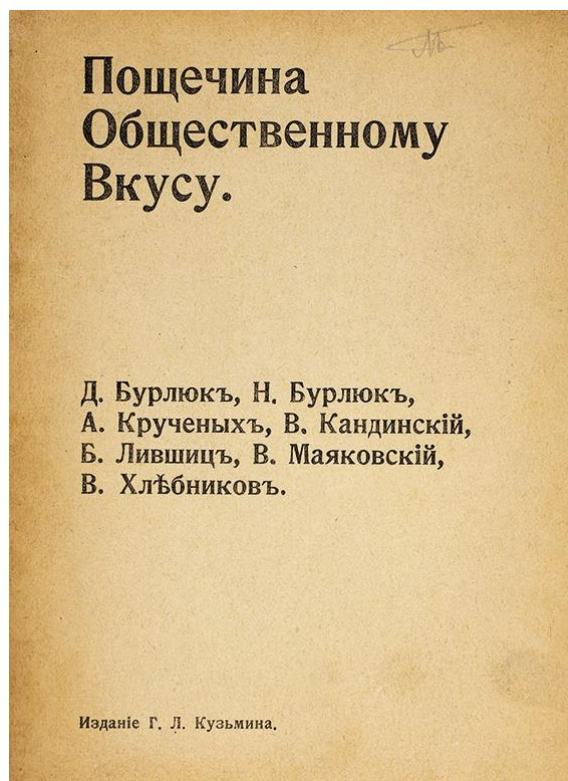
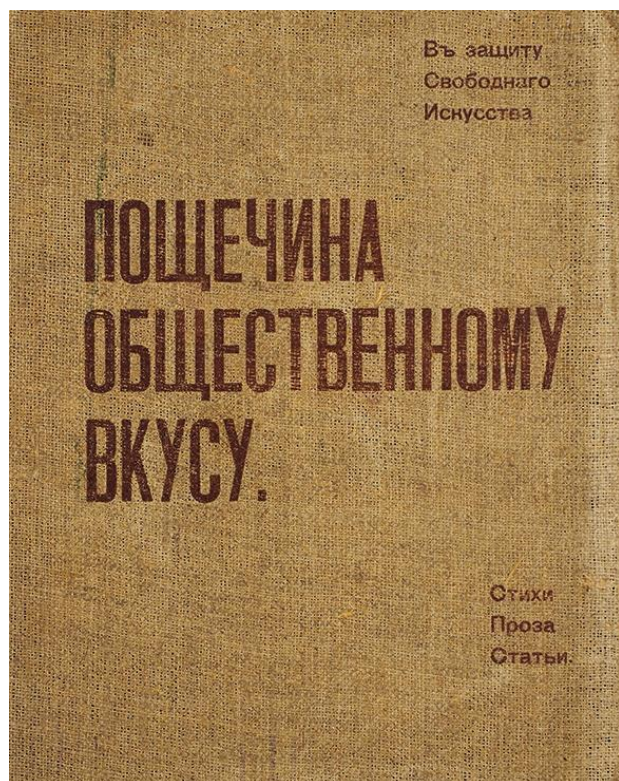
Из Листовки «Пощечина общественному вкусу»:

«В 1908 году вышел “Садок Судей”. — В нем *гений* — великий поэт современности — *Велимир Хлебников* впервые выступил в печати. Петербургские метры считали “*Хлебникова сумасшедшим*”. Они не напечатали, конечно, ни одной вещи того, кто нес собой *Возрождение Русской Литературы*. Позор и стыд на их головы!..

Время шло... В. Хлебников, А. Крученых, В. Маяковский, Б. Лившиц, В. Кандинский, Николай Бурлюк и Давид Бурлюк в 1913 году выпустили книгу “Пощечина Общественному Вкусу”. *Хлебников* теперь был не один. Вокруг него сгруппировалась плеяда писателей, кои, если и шли различными путями, были *объединены одним лозунгом*: “Долой слово-средство, да здравствует *Самовитое, самоценное Слово!*” Русские критики, эти торгаши, эти слюнявые недоноски, дующие в свои ежедневные волынки, толстокожие и не понимающие красоты, разразились морем негодования и ярости. Не удивительно! Им ли, вос-

¹ Р. Якобсон. Хлебников / Мир Велимира Хлебникова. Статьи, исследования 1911 – 1998. – М., 2000. – С. 64.

питанным со школьной скамьи на образцах Описательной поэзии, понять Великие откровения Современности <...>»¹.

А. Крученых подчеркивал, что Хлебников особенно любил эту листовку. «расклеивал ее в вегетарианской столовой (в Газетном переулке) среди всяческих толстовских объявлений, хитро улыбаясь, раскладывал на пустых столах, как меню. <...> Меньше всего мы думали об озорстве»².

Еще в конце 1912 г. началась подготовка ко второму выпуску сборника «Садок судей», который вышел в феврале 1913 г. «Книги “Гилей” выходили на скромные средства Д. Бурлюка. “Садок судей” I и II вывезли на своем горбу Е. Гуро и М. Матюшин»³. Во втором выпуске был опубликован манифест с новыми принципами творчества «Мы новые люди новой жизни».

¹ <http://a-pesni.org/zona/avangard/manifesty.php>.

² А. Крученых. Знакомство с Бурлюками. Маяковским и Хлебниковым. Первые выступления/ Алексей Крученых. К истории русского футуризма. Воспоминания и документы. – М., 2006. – Сс. 71, 73]

³ Там же, с. 76.

Обложка второго сборника «Садок судей». 1913

Характеризуя годы спустя творческий метод Велимира Хлебникова, Алексей Крученых подчеркивал, что по его произведениям «еще долго будут учиться исключительно разработанной технике звукописьма, стихо-механике, где тончайшие части выверены, где детализировано малейшее движение звукообраза»¹. А. Крученых выделил особенности поэзии В. Хлебникова: 1) ритм; 2) инструментовка и рифма; 3) образность речи; 4) алогизмы.

¹ А. Крученых. Велимир Хлебников/ Алексей Крученых. К истории русского футуризма. Воспоминания и документы. – М., 2006. – С. 32-33.

- «До Хлебникова ритм стихов напоминал томное колебание качалки в гостиной – такое укачивание стихом довели до предела Бальмонт и Северянин. <...>
- Ритм Хлебникова отличается неожиданностью ходов и поворотов. <...> Ломанностью и асимметрией ритма Хлебников выделяется даже среди футуристов».
- «<...> главная забота поэта – подготовить рифму инструментальной строки. Парные строки строятся на произносительном (артикуляционном) подобии, и посторонние звуки, мешающий данной артикуляции, не могут и не должны входить в строку. Хлебников помещал в рифму самые ударные слова, но рифма, конечно, предопределялась всей строкой <...>.
- «Образы Хлебникова яркие и неожиданны, идут вразрез со стандартом».
- «<...> скажем о *словоновшествах* Хлебникова, которые он вводил всегда очень обдуманно и намеренно <...>. Хлебников показал здесь большое чутье языка, прекрасное знание приставок и суффиксов, ритмическую виртуозность. <...> Велимир создал десятки тысяч новых речений. От одного глагола “любить” он произвел около тысячи слов. Он написал специальный доклад о новых “летних” словах (на потребу авиации), основал теорию “внутреннего склонения слов” и т.д. <...>»¹.

А В. Маяковский уточнял: «Хлебников создал целую «периодическую систему слова». Беря слово с неразвитыми, неизвестными формами, сопоставляя его со словом развитым – этим, он предусмотрел вероятность обнаружения новых слов. он предусмотрел вероятность обнаружения новых слов»². Ему вторил Осип Брик: «Для него каждое слово цвело пышным, ветвистым деревом со всеми своими смыслами и звучаниями, со всеми своими видовыми сходствами и различиями, со своими синонимами и омонимами»³.

¹ Там же, с. 33–34

² В. Маяковский. В.В. Хлебников / Мир Велимира Хлебникова. Статьи, исследования 1911–1998. – М., 2000. – С. 153.

³ О. Брик. О Хлебникове / Мир Велимира Хлебникова. Статьи, исследования 1911–1998. – М., 2000. – С. 255.

Следует добавить, что В. Хлебников по-своему осознавал сдвиг:

- 1) а) выявление энергии самого слова на основании энергии согласных; б) выявление энергии ритма; в) определение гармонии синтеза: не разрыв, а иное согласование; г) работа в археологии сознания.
- 2) превращение звука в смысл:
- 3) а) сопоставление рядов слов, которые начинаются с одного и того же звука (к примеру, *М* – это идея деления целого на части); б) сопоставление пар слов, которые разливаются только одним звуком (к примеру, бык – бок, один звук либо активен, либо пассивен).

В сборнике «Садок судей II» были опубликованы «Гибель Атлантиды», «Перевертень (Кукси, кум мук и сук)», «Шаман и Венера» и др. А в марте 1913 г. – поэма «Война – смерть» («Немотичей и немичей»), «Война»).

В этом же году продолжалась работа над сверхповестью «Дети выдры», которая была напечатана в начале следующего года в альманахе «Рыкающий Парнас». В недавней публикации в «Южном сиянии» исследователь Хенрик Баран отмечает, что это произведение является первым опытом В. Хлебникова в данном жанре [4]. Монтажно/коллажное произведение из шести блоков – «парусов», соотнесенных друг с другом наподобие живописного алогизма, заключенных внутри каждого как в корпускуле. В одном из них изложена теория циклического времени и предопределенности истории. Как основания парусов образуют круг и распределяют нагрузку купола по периметру арок, так согласуются шесть разделов произведения. Автор демонстрирует технологию подобного монтажа и выявляет принцип напряжения текста. Жанр сверхповести наиболее полно проявится в произведении В. Хлебникова «Зангези» (1922), согласующем прозу и поэзию как отдельные плоскости и разные виды языка (звукозапись птичьего языка, языка Богов, Звездный язык, Заумь – плоскость мысли, разложение слова и т.д.).

В начале ноября 1913 года Давид Бурлюк в Тенишевском училище в Петербурге прочел лекцию «Пушкин и Хлебников», а затем повторил ее через неделю в Политехническом музее в Москве.

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛЪ ТЕНИШЕВСКАГО УЧИЛИЩА
(Можовая, 33).

Въ воскресенье, 3-го Ноября 1913 года,
Давидъ Давидовичъ
БУРЛЮКЪ
прочтетъ публичную лекцію
О ФУТУРИСТАХЪ
(Отвѣтъ Гг. Чуковскимъ),
въ пользу Орловскаго землячества при СПБ. Политех-
ническомъ институтѣ,
НА ТЕМУ:
ПУШКИНЪ и ХЛѢВНИКОВЪ.

I. ПОЗОРНЫЙ СТОЛБЪ РОССИЙСКОЙ КРИТИКИ:

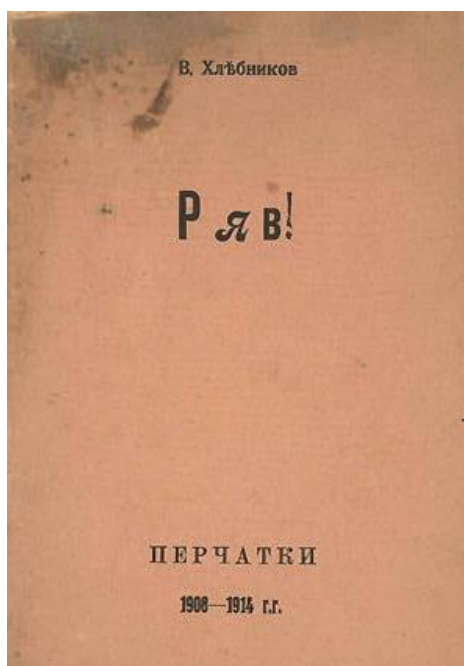
- 1) Наслѣдство Пушкина. «Пушкинъ» символъ XIX в. Культура Россіи XIX в. О Чулковѣ и Царевкокошайскѣ.
- 2) Наши дни. Сумятица и неразбериха критической возни. Гнусность. Передржка. Чуковский. Философовъ. Гомункуаусъ. Панайловъ. Рѣдко. Гринсонъ. Роговскій-Яковъ.
- 3) Традиція. Вопросъ традиціи пресмыченности. Большой вопросъ современнаго искусства. Разрѣшеніе его есть рѣшеніе вопроса о правѣ на существованіе Новаго искусства.
- 4) Прошлое. Грядущее. Что такое Футуризмъ? Что такое футуристы. Итальянцы, русскіе. Никто ни опредѣлять этого теченія. Почему: Акменсты, мѣо-футуристы Мезонинъ Цезаріи— возбуждаютъ ислоумѣніе, если именуется футуристами.

II.

- 1) XIX в.—вѣкъ Пушкина. 2) Отношеніе къ слову и къ идѣ.
- 3) Роль традиціи и эпохи. 4) Хлѣбниковъ Разрушитель. 5) Главн футуристы— характеристика. Зинаица, Малковскій. Кручевыхъ, И. Бурлюкъ. 6) Хлѣбниковъ. Создатель. 7) Любовь къ языку. 8) Пониманіе слова въ связи съ Логосомъ. 9) Африкскій пласть культуры. 10) Личность Хлѣбникова. 11) Поэтъ и общество.

Афиша лекции Д. Бурлюка

А в декабре в свет вышел первый поэтический сборник Велимира Хлебникова — «Ряв!».

Обложка сборника «Ряв!»

М. Ларионов. Портрет В. Хлебникова. 1910

В. Бурлюк. Портрет Хлебникова. 1913

Хлебников. Автопортрет

Ю. Тынянов в статье «О Хлебникове» отмечал: «Хлебников был новым зрением. Новое зрение одновременно падает на разные предметы. Так не только “начинают жить стихом”, по замечательной формуле Пастернака, но и жить эпосом. И Хлебников – единственный поэт-эпик XX века. Его лирические малые вещи – это тот же почерк бабочки <...>

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам подписью узника

<...> внезапные, “бесконечные”, продолженные вдаль записки, наблюдения, которые войдут в эпос или сами, или их родственники»¹. 1913 год завершался представлением футуристической оперы «Победа над Солнцем», к которой В. Хлебников написал Пролог. Театр

¹ Ю. Тынянов. О Хлебникове / Велимир Хлебников. Председатель земного шара. – СПб., 2008. – С. 266–267.

«Будетлянин» становится в конце 1913 года кодом 1913 года, квинт-эссенцией кубофутуризма.

В июле 1913 на даче у М. Матюшина в поселке Уусикиркко состоялся первый всероссийский съезд баячей будущего, на котором А. Крученых, М. Матюшин и К. Малевич заявили о создании нового театра «Будетлянин» и начали работать над футуристической оперой «Победа над Солнцем». Велимир Хлебников, четвертый автор спектакля, на съезде не присутствовал. Накануне он писал М. Матюшину из Астрахани: «Еду! Ждите меня и пришлите 18–20 целк<овых>, эти земные крылья, чтобы перелететь из Астрахани к вам. Здесь я напрасно что-то хотел сделать, и что-то упорно расстраивало работу, хотел вернуть свежесть, но везде ждала та же неудача, и все-таки я люблю Астрахань и прощаю ее равнодушие ко мне и жару, и то, что она вращается кругом- С/ воблы и притворяется, что читает книги и думает о чем-нибудь. Кроме того, лихоманки, знойные ночи, с особым налетом печаль. Итак, я еду. Может быть, осень осуществит желания, и я что-нибудь напишу назло лету. Пока говорю до свидания и думаю быть у Вас, увидеть Крученых, все это, может быть, через неделю. Быть понятым очень дорого»¹. Однако приехать он так и не смог, о причине чего он вскоре сообщал М. Матюшину: «Вкратце расскажу, что со мной случилось. Через два или три часа после того, как я получил Ваше письмо и перевод, я уронил кошелек в купальне. Этот совершенно неправдоподобный случай замечателен тем, что я за все это лето ни разу ничего не уронил, хотя купаюсь не в первый раз. Если б я верил в чертей, я бы охотно приписал <это> их вмешательству. Кошелек выскользнул, как оживленный, как живое существо, и исчез. Это дурное предзнаменование, и [таким образом] поездка откладывается до осени»².

В августе В. Хлебников подробно изложил Алексею Крученых новый словарь театрального языка, что было своеобразным комментарием к пониманию его Пролога к «Победе над Солнцем» и ко всему будущему театру:

- «Автор – дей, иногда [делач], словач. Литература – письмеса. Комедия – шутыня, смечрышня, плач-прочь, досмехи. Представление – созерцины. “Я был на созерцинах”. Д<ействующие> лица – особы. Театр – дейёл, играва, смотрёл или зерцог (от созер-

¹ Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 тт., Т. 6, кн. 2. – М., 2006. – С. 154.

² Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 тт., Т. 6, кн. 2. – М., 2006. – С. 154.

цать). Фарс – *скукобой*. Жизнуха – бытовая пьеса. Хор – *певава*. Критик – *судри-мудри*. Действие – *сно*: 1-е *сно*, 2-е *сно*. Иногда вообще пьеса – *сно*. Трагедия – [*роковыня, роковизна, рокована*]. Водевиль – *веселяна*. Опера – [*невучана*] *воспева*, (игрушечная) – *песнюта песника, певана, распевана, песняна*. Свистогрѣз – музыкальное сопровождение. Драма – *деюга, дееса, [деины], беседень*, иногда *говоряна*. Актер – [*рожух*], [*ликатый*] *игрец, игрица, [личар]* или *ликарь* (дикарь). Зритель – *созерцаль, зенкопьял*. Зрелище – *созерцог* [*зерцальня* – зрительный зал]. Труппа – *людняк*. Режиссер – *воляр, волхв*. Поэт – *небогрѣз, мечтистей, песниль, грезан, небеснязь*¹.

Пролог к футуристической опере «Победа над Солнцем» «Чернотворские вестучки» начинается обращением ко всем, кто пришел в зрительный зал и ко всей площади, где собираются желающие посмотреть представление или даже просто проходящие мимо, в духе народного площадного театра и балагана:

«Люди! Те, кто родились, но еще не умер<ли>. Спешите идти в созерцог (или созерцавель) «Будетлянин»!

Созеруавель поведет вас.

Созеруебен есть вождебен, сборище мрачных вождей».

Концентрация **С, З, Ж, Р, В** в обращении к зрителям в Прологе, в речи от Театра. Всё, что произойдет на сцене, - это трагедия и прелестный водевиль, это интрига и пружины действия, это перепады настроения, немыслимое количество персонажей подмостков:

«От мучав и ужасавлей до веселян и нездешних смеяв и веселогов пройдут перед внимательными видухами и созеруалямч и глядарями: минавы, бывавы, певавы, бытавы, зовавы, величавы, идуньи, судьбоспоры и малюты».

Минавы, бывавы ... – настоящая песня, ласковая и мягкая в целостной строке.

«Зовавы позовут вас, как и полунебесные оттудни.

Минавы расскажут вам, кем вы были некогда.

Бытавы – кто вы, бывавы – кем вы могли быть.

Малюты, утроги и утравы расскажут, кем будете.

Никогдавли пройдут, как тихое сновидение.

Маленькие повелюты властно поведут вас».

¹ Там же С. 155–156.

Человек от Театра обещает развернутое действие и предопределяет настроение зрителей.

«Здесь будут иногдавли и воображавли.

А с ними сно и зно.

Свируги и песноги утрут слезу.

Воин, купец и пахарь, за вас подумал грезничий, песнило и снахарь!

Беседни и двоиры-певиры пленят вас.

Силебен заменит хилебен.

Первые созеруины – тогда-то.

Созеруавель есть преображавель.

Грозноглагольные, скоропророчащие идуты – потрясут».

Человек от Театра определяет уровень катарсиса в предстоящем спектакле.

«Семена «Будеславля» полетят в жизнь.

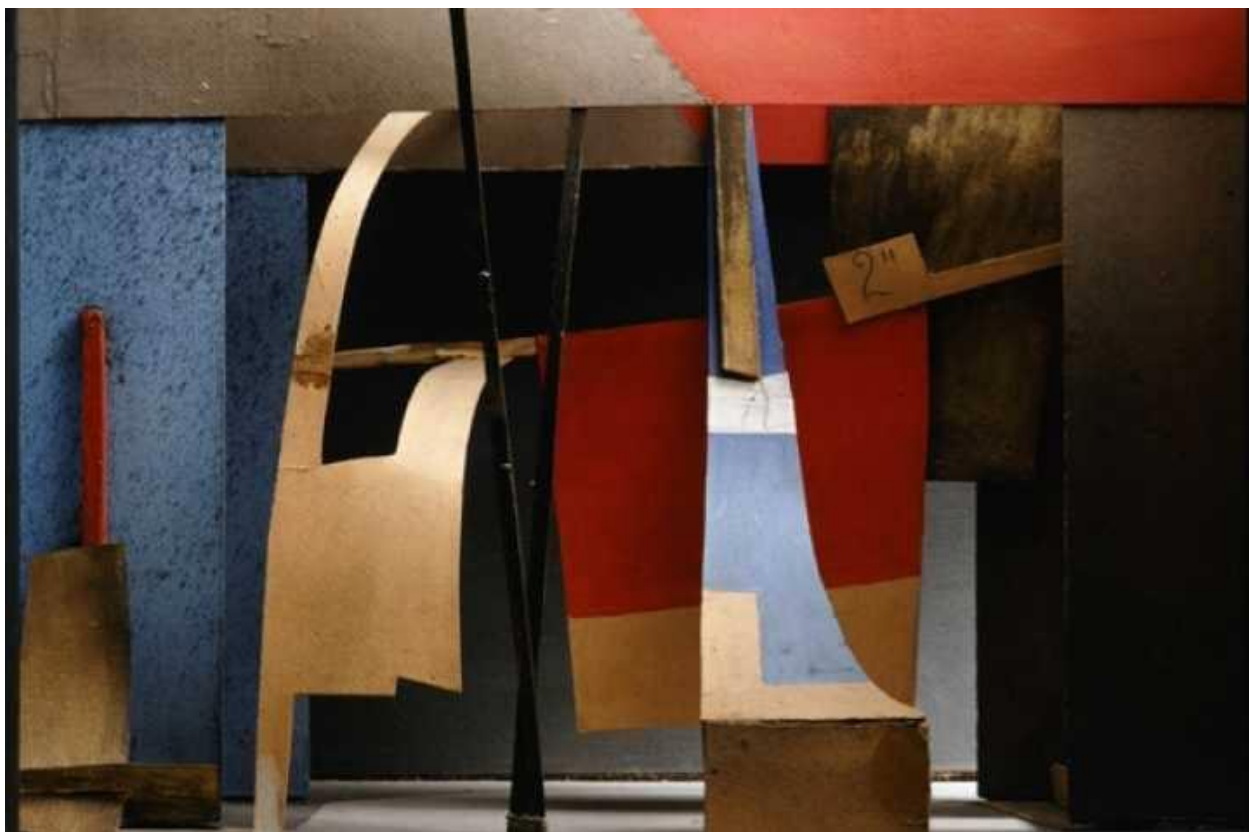
Созеруебен есть уста!

Будь слухом <ушаст> созеруаль!

И смотряка».

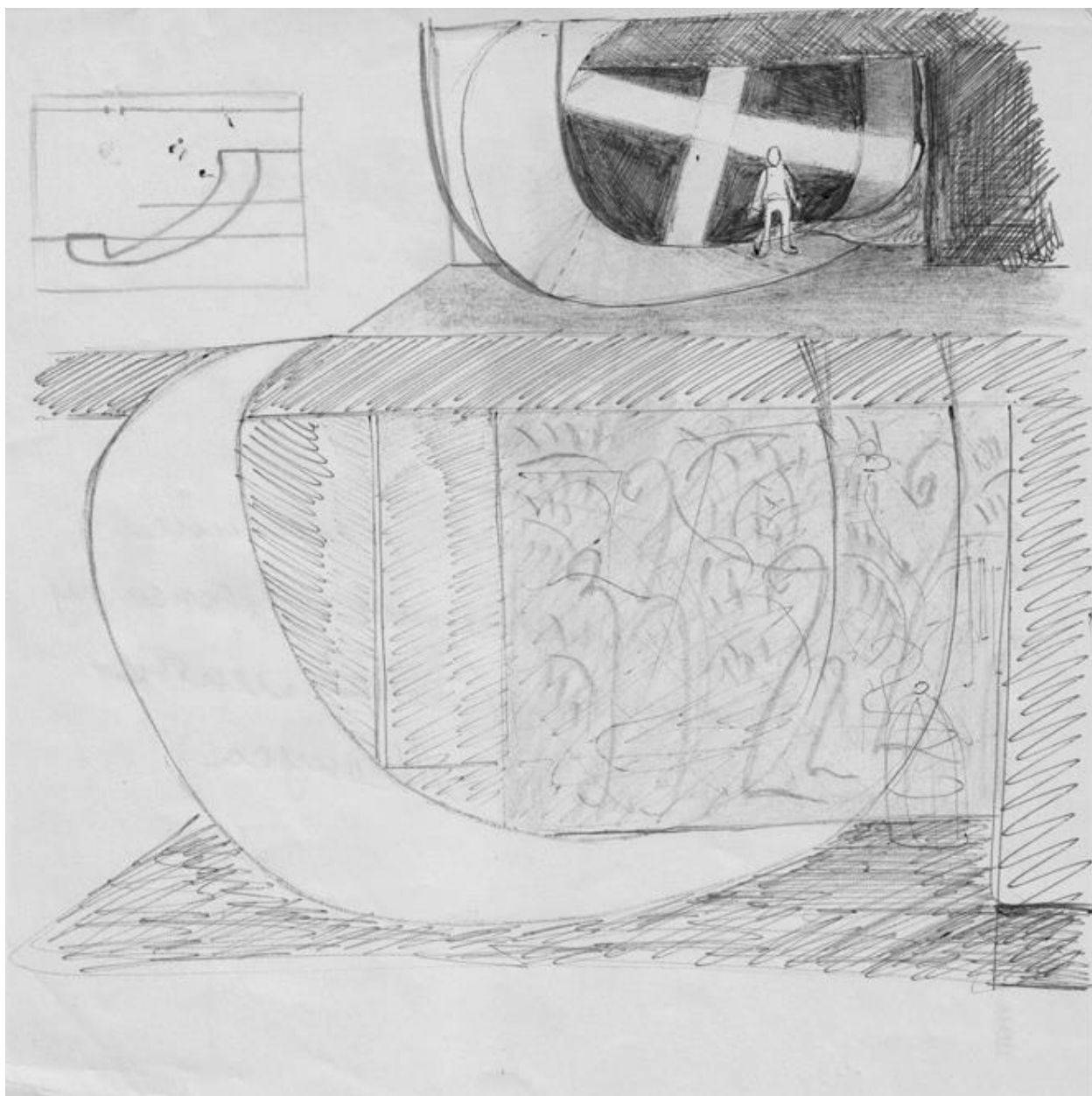
Безусловно, одной из интересных страниц актуализации творчества В. Хлебникова сразу после его смерти является постановка В. Татлиным сверхповести «Зангези» в 1923 г. Исследователь А. Стригалеv подчеркивал особенности подходов художника к тексту «Зангези» как к труднейшему и разнородному по жанру; принципиальным, на взгляд аналитика, является идея контррельефа в пространстве театральной сцены. 11, 13, 30 мая 1923 г. были показаны спектакли по хлебниковскому произведению со сложной, гибкой и многообразной конструкцией.¹

¹ А. Стригалеv. Ретроспективная выставка Владимира Татлина/ Владимир Татлин. Ретроспектива. Каталог выставки. Городской Кунстхалле Дюссельдорфа. 11 сентября – 21 ноября 1993. – Дюссельдорф, 1993. – С. 44.

Эскизы декораций В. Татлина к спектаклю «Зангези»
по В. Хлебникову. 1923. ГРМ

В 1992 г. режиссёр Хлебниковского театра «Чёт-нечет» Александр Пономарёв продублировал звукопись подлинными птичьими голосами.

Пространственное решение спектакля «Зангези»,
предложенное художнику Елене Степановой
(тема ленты Мёбиуса)

Сцены из спектакля А. Пономарева «Зангези». 1992.

В «Зангези» сочетаются прозаические и поэтические фрагменты. Текст этот представляет собой наложение отдельных «плоскостей»,

повестей, и жанр произведения – это именно такое наложение, соотношение, коллаж. Словообразование в этой работе также является своего рода коллажем: птичьего языка + разложения слов + звукописи + заумного языка/ «плоскости мысли» + языка богов + звездного языка + безумного языка, – и всё это не просто чередование «плоскостей» и разного рода звучания, это – многослойность, одномоментность, однопространственность.

Опера «Победа над Солнцем» в театре «Чёт/нечет» А. Пономарева (1999 г. Премия «Золотая маска») была не реконструкцией постановки 1913 г., а собственным авторским многомерным действием, площадно-театральным. В «Петербургском театральном журнале» М. Дмитриевская год спустя после премьеры подчеркивала:

- «Футуристическая опера А. Крученых воспринята Пономаревым не как ушедшая форма, содержание которой сегодня трудно уловить, а как органическая стихия, своеобразная «первая реальность», обладающая собственными органическими законами. <...> У Пономарева нелепые, дикие, живописные, наивно-оголтелые персонажи нереальных 20-х годов замечательно реальны и эмоциональны в своем абсурде. Они мечутся, борются, декламируют и поют с явным удовольствием, не желая быть никем, кроме самих себя. С парохода современности сброшено все, кроме театра, театральности, радости забавной игры. Пономарев не просто свободно, а, я бы сказала, лихо обращается с трудной футуристической тканью, не кроит ее, не режет, не шьет из нее костюмы другим эпохам, а размахивает ею, как полотнищем, флагом, и ветер культуры подхватывает движение этого флага»¹.

«Шаман и Снегурочка» А. Пономарева (контаминация «Снегурочки» А. Островского со «Снежимочкой» В. Хлебникова) была продолжением стилевого освоения хлебниковского слога с наложением электронных звуков и фольклорных песен. М. Дмитриевская подчеркивала: «"Шаман и Снегурочка" остроумно, весело, мастерски соединяет элементы нашей единой "языческой" культуры. Кажется, сейчас грань будут перейдена — и спектакль упадет в китч. Нет, ему не позволяет упасть туда культурная ирония А. Пономарева, остраляющая формы язычества пониманием собственно культуры

¹ М. Дмитриевская. Я шагаю по Москве // Петербургский театральный журнал. 2000. № 2 (20).

и собственно стиля. И языческие шутки дремучих берендеев оказываются мне куда ближе, чем театральные игры с христианством»¹.

Следует завершить анализ художественных событий 1913 года и его творческих последствий/продолжений в деятельности Велимира Хлебникова выдержкой из большой статьи крупнейшего исследователя хлебниковского наследия Р. Дуганова из его статьи «Жажда множественности бытия». В этом материале автор дает развернутое заключение по проблемам драматургии В. Хлебникова. Однако некоторые выводы ученого позволяют акцентировать исходные принципы русского футуризма вообще, т.е. касаются и самой поэзии, и вопросов словообразования как такового, и кубофутуризма в живописи.

- «По горизонтали, так сказать, мы как бы отдаемся течению потока сознания, по вертикали же – как будто исследуем рельеф, спускаемся и поднимаемся по его ступеням. При этом по горизонтали перед нами разворачивается внешняя картина события, по вертикали – внутренняя структура сознания <...>.
- <...> выдвигается раздельность и разногласие дифференцированных голосов. Они идут к нам из разных слоев, из разных точек сознания, создавая ощущение какого-то внутреннего драматического пространства, какого-то “сада души”.
- «Зритель как бы погружен в самую глубину, в самый центр души героини и таким образом оказывается в одно и то же время внутри и снаружи».²

Именно таковой взгляд и чувство одномоментности разных позиций, в которые поставлен один и тот же наблюдатель, создают произведение, характеризующее множественность бытия. И при этом жажда этой множественности задают и обратную тенденцию в футуризме – центростремительное движение, движение к слитности, к целостности, т.к. разложенная на элементы структура в конечном итоге представляет собой единство футуристического произведения.

Литература

1. Д. Миронов. Умная «заумь» в русской поэзии XX века: Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников и Евдокия Дмитриевна Лучезарнова (Марченко) // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 4–1. С. 109.

¹ М. Дмитревская. Я шагаю по Москве // Петербургский театральный журнал. 2000. № 2 (20).

² Р. Дуганов. Жажда множественности бытия / Театр. 1985. № 10. С. 146.

2. В. Хлебников. Время – мера мира; статьи, заметки и др. – СПб., 2018.

3. Е. Нуйкина, С. Минибаева. Поэтическая фонетика Велимира Хлебникова (На материале стихотворения «БОБЭОБИ ПЕЛИСЬ ГУБЫ...») / Перспективы развития современного гуманитарного знания. Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. Стерлитамак, 2022.

4. Х. Баран. «Сверхповесть “Дети Выдры”». Переработанный текст доклада на конференции «Возвращение авангарда. К столетию Н.И. харджиева в Литературном музее. Одесса / НЛО. 2005. № 5.

Александр Демченко (Саратов)

Восторги и разочарования Михаила Кузмина

Михаил Алексеевич Кузмин (1875–1936) родился в Ярославле, и когда ему был год от роду, семья Кузминых переехала в Саратов. Здесь он учился в гимназии, и впечатления детства время от времени отзывались в его творчестве. Притом, что впоследствии он без особого восторга вспоминал о своём пребывании на Волге, в его душе эпизодически звучали струны, настроенные в тон великой реке. Так, в сорокалетнем возрасте, в натуре, избалованной столичной жизнью, неожиданно просыпается чувство, которое могло возникнуть только у того, кто когда-то соприкасался с естеством больших просторов, вдыхал запах степных трав, слышал звучный благовест колоколов.

Исходным побуждением к написанию стихотворения «**Просохшая земля...**» (1916), конечно же, послужило время всеобщих испытаний («слякоть» и жертвенность затянувшейся Первой мировой войны), но только благодаря воспоминаниям далёкого волжского детства поэт-сибарит мог заговорить новым для себя языком и пробудить дремавшую в глубинах его души ноту русской соборности, почувствовать радость близости к земле, а через пантеистические ощущения приблизиться к единению с людским миром. И никакой иронии, которую так ценили в нём эстеты, и вера в то, что с молитвой «*отвыкнет бедная душа хромать*».

*Просохшая земля! Прижаться к ней,
Бессолнечную смену мёртвых дней
Ясней позабывать и холодней!*

*О, твёрдая земля, родная мать!
Научишь мудро, просто понимать.
Отвыкнет бедная душа хромать.*

*Как сладок дух проснувшейся травы,
Как старые ручьи опять новы,
Какой покой с высокой синевы!*

*Раскиньтесь, руки, по земле крестом!
Подумать: в этом мире, в мире том
Спасёмся мы Воскреснувшим Христом!..*

Но вернёмся к тому, что считается определяющим в поэтическом наследии Кузмина. Будучи одной из заметных фигур многочисленной плеяды творцов русского «серебряного века», он вначале примыкал к символизму, затем к акмеизму. Печататься начал с 1905 года, то есть в тридцатилетнем возрасте, что для поэтов достаточно поздно, но зато первые же поэтические сборники принесли ему широкую известность («Сети» 1908, «Осенние озёра» 1912, «Вожатый» 1913, «Глиняные голубки» 1914). Он быстро прослыл «королём эстетов», законодателем мод и тона. Александр Блок услышал в его стихах «дыхание артистичности» и «пленительное лукавство». Действительно, они подчёркнуто элегантны, в них господствует дух изящной игры и заведомого представительства.

Достаточно вслушаться в одно из его ранних стихотворений – «Где слог найду...» (1906). Сразу же обращает на себя внимание изысканный слог (пятистрочие с выдержанной перекрёстной рифмой *a a b a b*) и то, как звучно разработана система аллитераций с роко-чущим *po* в конце первой строфы (*перo, Пьерo, Фигарó*).

*Твой нежный взор, лукавый и манящий –
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьерро и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как «Свадьба Фигарó».*

*Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душных,
Весёлой лёгкости бездумного житья!
Ах, верен я, далёк чудес послушных,
Твоим цветам, веселая земля!*

Как видим, автор явно демонстрирует свою начитанность, широко раздвинутые культурные горизонты. Этот этюд-портрет полон игривости и весёлой лёгкости. Россыпью мелькают эпитеты-характеристики, нанизываемые блестящим ожерельем: *нежный, лукавый, манящий, милый, звенящий, капризное, пьянящий, прелестных, воздушных* – так возникает прихотливый веер черт и чёрточек «*бездумного житья*», ещё бóльшую легковесность которому придают определения типа *милый взор* и *дух мелочей*.

Для современников Кузмина главное очарование его стихов состояло в высоком, эстетизированном сибаритстве лирического толка. Гедония, культ чувственных наслаждений, в том числе и с оттенком эротизма – одна из соблазнительных и соблазняющих граней «серебряного века», и поэзия Кузмина превосходно удовлетворяла потребность в этом соблазне.

Причём удовлетворяла в той притягательной манере, когда обо всём говорится недомолвками, вскользь, неопределённо – как раз в подобной «невнятности» и состоит особый шарм недосказанности, загадочности. Вот, к примеру, как выглядит это в стихотворении «**В лёгкой лени...**» (1912), где можно только предполагать и догадываться, что речь идёт о неге лирического единения мужчины и женщины, о блаженстве сладостных объятий.

*В лёгкой лени
Усыпленья
Все ступени
Наслажденья
Хороши!*

*Не гадаешь,
Замирая,
Где узнаешь
Радость рая
В той тиши...*

Здесь не может не восхитить изысканная лёгкость конструкции стиха (каждая строка состоит из одного-двух слов) и его исключительная музыкальность – между прочим, Кузмин учился в Петербургской консерватории, впоследствии писал музыку к своим песням и исполнял их в сопровождении гитары.

Валерий Брюсов справедливо отмечал у него «дар стиха певучего и лёгкого». Стих этот по внешности обращён к чувственно-осязаемому предметному миру, но внутренне, как это зачастую бывало у поэтов «серебряного века», он устремлён к *нездешнему*, то есть к тому желаемому и желанному, которого так недостаёт в реально существующем мире (одна из поэтических книг Кузмина носит название «Нездешние вечера»).

Любопытно было бы проследить, как и куда могло уносить поэта воображение на примере большого стихотворения «**Вы думаете...**» (1913), где он говорит о себе именно как о поэте, назначение которого быть особого рода исследователем («*географом*») человеческих душ, потому что душа, по Верлену и Кузмину, тот же ландшафт.

*Вы думаете, я влюблённый поэт?
Я не более, как географ...
Географ такой страны,
которую каждый день открываешь
и которая чем известнее,
тем неожиданнее и прелестнее.
Я не говорю,
что эта страна – ваша душа
(ещё Верлен сравнивал душу с пейзажем),
но она похожа на вашу душу...*

И далее на протяжении более полусотни строк Кузмин вводит новые и новые ракурсы вольных витаний души, парящей в высях мечтаний. Сколько здесь блёсток подлинной поэтичности (... *там озёра и реки... // с весёлыми берегами // и грустными песнями, // с белыми облаками на небе; // там всегда апрель, // солнце и ветер... // стая журавлей в синеве*) – поэтичности, поддержанной изысканной игрой слов («*О, янтарная роза // розовый янтарь...*»), и какая влюблённость в жизнь, которая грезится! И когда он чрезмерно увлёкся, когда его голова закружилась от «*монтрашэ и шаблі*», поэт вспоминает о «здешнем» и вынужден трезво прервать себя: «*Но, тише...*».

И что не может не пленить в этом произведении, так это завидная свобода «говорения». Кузмин изъясняется поразительно легко и свободно, следуя течению вольных мыслей, в опоре на свободный стих. И надо заметить, что, наряду с обращением к строгой форме со-

нета, излюбленной поэтами «серебряного века», он одним из первых стал разрабатывать в русской литературе технику верлибра.

Новации в искусстве версификации в известной мере начали привлекать внимание Кузмина ближе к середине 1900-х годов, и он не раз откликнулся на экспериментальные веяния времени, в том числе в чём-то сближаясь с «поэтами» И. Северянина, как видно это в стихотворении «**Белая ночь**» (1917).

*Загоризонтное светило
И звуков звучное отсутствие
Зеркальной зеленью пронзило
Остекляненное предчувствие.
И дремлет медленная воля –
Секунды навсегда отстукала –
Небесно-палевое поле –
Подземного приёмник купола,
Глядит, невидящее око,
В стоячем и прозрачном мреяньи.
И только за небом, высоко,
Дрожит эфирной жизни веянье.*

К сожалению, в подобных случаях присущая Кузмину утончённость переходила в некоторую манерность, оборачиваясь самоцельным изыском. И то, что прежде могло быть милой парадоксальностью (стихотворный цикл с несколько «странным» названием «Осенний май»), теперь представало порой искусственным словотворчеством с включением надуманных алогизмов («*звуков звучное отсутствие*»).

Такого рода увлечения сопровождали Кузмина до начала 1920-х, смыкаясь с футуристическими и конструктивистскими опытами, как представлено это в стихотворении «**Косые соответствия**» из сборника с симптоматичным заголовком «Парабола» (1922).

*Косые соответствия
В пространство бросить
Зеркальных сфер –
Безумные параболы,
Звения, взвивают
Побег стеблей.*

*Зодиакальным племенем
Поля пылают,
Кипит эфир,
Но все пересечения
Чертёж выводят
Недвижных букв*

Имени твоего!

С этого времени поэтическая струна в творчестве Кузмина начинает ослабевать, и на передний план выдвигается стихотворная стилизация (цикл «Александрийские песни», ориентированный на античные размеры) и проза, столь же искусно стилизованная под позднеантичную литературу или XVIII век (выделяется авантюрный роман «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»), а также переводы зарубежных классиков (Апулей, Боккаччо, Шекспир).

Это «бегство» в прошлое во многом определялось неприятием чуждой для него яви послереволюционных лет. Она настолько ожесточила его душу, что смогла породить стихотворение «**Ангел благовествующий**» из цикла с демонстративным названием «Плен» (1919) – стихотворение, совершенно неожиданное для поэта, всегда с брезгливостью относившегося к политике.

*Бац!
По морде смазали грязной тряпкой,
Отняли хлеб, свет, тепло, мясо,
Молоко, мыло, бумагу, книги,
Одежду, сапоги, одеяло, масло,
Керосин, свечи, соль, сахар,
Табак, спички, кашу –
Отняли
Всё,
И сказали:
«Живи и будь свободен!»
Бац!
Заперли в клетку, в казармы,
В богадельню, в сумасшедший дом,
Посеяв ненависть и тоску...*

*Не твой ли идеал осуществляется, Аракчеев?
«Живи и будь свободен!»
Бац!*

Тем не менее, для нас Михаил Кузмин всегда останется прежде всего поэтом-лириком. И, может быть, особенно драгоценны у него лирические признания, где нет свойственного ему снисходительно-ироничного взгляда на вещи. Одно из них – «**Не могу я вспомнить без волнения...**» (1909), где он очень искренно, безыскусно, с душевной открытостью задаётся вопросом по поводу того, что почти невозможно объяснить: казалось бы, всё то же, что было у него и у неё, когда возникло чувство, а теперь оно куда-то улетучилось, и вместо радостных волнений осталась только печаль.

*Не могу я вспомнить без волнения,
Как с тобой мы время коротали!
А теперь печали дни настали,
Ах, печали, ревности, сомненья!*

*Как осенним утром мы бродили,
Под ногами листья шелестели...
Посмотри: деревья всё не те ли?
Эти губы, руки – не мои ли?..*

Сергей Козлов (Струнино)

Заветные письма

От редактора-составителя. Прежде, чем обратиться к авторскому тексту, прошу наших читателей ознакомиться с нижеследующим отзывом Елены Спартаковны Сенявской, авторитетнейшего специалиста именно по заявленной здесь теме – психологии комбатанта на Войне. Она же ввела когда-то сам термин новой научной дисциплины – военно-историческая антропология, а в дальнейшем в течение многих лет и вплоть до сего дня возглавляет это научное направление.

О войне написано бесчисленное множество книг самых различных жанров. Но, пожалуй, такого опыта её осмысления в литературе ещё не встречалось... Книга историка и писателя Сергея Козлова «Заветные письма» – это попытка поэтического переложения реального исторического источника – фронтовых писем двух русских офицеров периода Первой мировой войны, а через него – вживания автора во внутренний мир создателей этих писем, сопереживания их мыслям и чувствам, сомнениям и печалям, надеждам и тревогам, душевной боли и обретению мира с самим собой...

С одной стороны, такая психологическо-поэтическая реконструкция прошлого выступает как своеобразный и оригинальный образец герменевтического метода постижения истории. С другой – в самом замысле и его воплощении можно угадать раздвоение творческого «Я» автора, проследить захватывающие перипетии развернувшейся внутри его сознания борьбы художника-литератора с профессиональным историком. При этом обе грани его творческой личности проявляются в данном материале одинаково ярко. Как историк, он стремится сохранить, бережно донести до читателей первоисточник с характерными особенностями стиля и правописания начала XX век. При этом комплекс фронтовых писем одного из своих героев – Михаила Исаева – он лично нашёл в архиве и впервые ввёл в научный оборот, за что исследователи Первой мировой войны, несомненно,

будут ему глубоко признательны: ведь это действительно уникальное свидетельство эпохи, редкий по силе эмоционального воздействия рассказ-размышление непосредственного участника событий.

Что касается второй творческой ипостаси автора «Заветных писем», то, как художник, Сергей Козлов вольно переосмысливает вдохновившие его тексты, придавая им другую, поэтическую форму изложения, создавая «по мотивам» чужих переживаний и раздумий совершенно новое, своё собственное *литературное* произведение. Можно упрекать автора за подобную «дерзость интерпретации» (особенно, если учесть, что речь идёт об эпистолярном наследии людей известных – выдающегося российского философа Ф.А.Степуна и видного отечественного юриста М.М.Исаева), можно в равной мере восхищаться или возмущаться ею, но, безусловно, нельзя не уважать. Далеко не каждый исследователь прошлого способен пропустить через себя боль другого человека, давно ушедшего из жизни, разделить всю глубину его переживаний и, тем более, донести их до людей своего поколения на том «обнажённом нерве», который присущ только поэзии.

К сожалению, в поэтическом переложении нет той точности мельчайших деталей и психологических нюансов, какую мы находим в первоисточнике. Но её и не могло быть: это слишком разные жанры. Сергей Козлов стремился передать *атмосферу, настроение, дух эпохи, мироощущение человека на войне*. В значительной степени – решительными, крупными мазками – это ему удалось. А что не удалось, то читатель сможет почерпнуть из самих фронтовых писем да из пёстрой мозаики мнений других очевидцев, участников, современников военных событий прошлого века, которые щедро разбросаны в тексте, дополнив этими – во многом документальными – свидетельствами картину образно-художественного восприятия далекой войны.

Конечно, эта книга – эксперимент. И, как всякий эксперимент, она не бесспорна. Но ведь именно «в спорах рождается Истина», в том числе и истина познания и осмысления Прошлого, Времени, Истории, Человеческой Души...

*Е.С.Сенявская, доктор исторических наук,
член Союза писателей России.
Институт российской истории РАН*

В основу этой публикации легли реальные исторические источники – «Письма прапорщика-артиллериста» Фёдора Степуна 1914–

1917 гг., неоднократно публиковавшиеся как в России, так и за рубежом, а также письма с Кавказского фронта Михаила Исаева к своей жене Маргарите Исаевой и детям 1915–1917 годов (ныне хранящиеся в Центральном архиве документальных коллекций г. Москвы).

Предлагаемая Вашему вниманию *поэтическая версия* фронтовых писем – это и дань памяти российским участникам Первой мировой войны, и, вместе с тем, – попытка донести до наших современников их размышления, тревоги, радости и печали, а также атмосферу военного и тылового быта, – всё то, что определяет сущность Человека на Войне...

*«Как же слезам покаянья не литься,
как об усопших живым не молиться,
как не дарить им любовь и тоску
иве-красавице, ветром колеблемой,
воздуху стылому, птице серебряной,
дереву, камню, речному песку?»*

Светлана Кекова

*«Нам кажется, мы никогда не умрём...
Но вот призвала нас на помощь Отчизна,
И мы, опалённые страшным огнём,
Стоим уже где-то меж смертью и жизнью.*

*...Теперь уж далёко от нас все бойцы,
Теперь они там, где не слышно войны.
Но чудится взгляд всепрощающих глаз:
«Мы души свои положили за вас».*

Николай Мельников

«Поэзия... имеет дар говорить проникновенные слова. Эти слова, рисуя картину, придают ей свойства многоповторной значительности. То, что было выразительным в свою эпоху и в своём месте, делается живым и ярким... и в иной исторический час. Укоризна, направленная к давно ушедшему, направляется метким и разящим остриём к ныне живущему. Предвещание, высказанное грядущему, которое уже давно стало прошлым, применимо к нашему настоящему».

К.Д. Бальмонт «Земля Смерти»

«Но рядом с подвигами, с великими, прекрасными делами... тянутся звеньями бесконечной цепи незаметные, трагические и смешные, жуткие и трогательные “мелочи” войны...

Читатель! Вы, неведомый мне, таинственный человек, пробегающий глазами эти строки!.. Попробуйте представить себе... эту ничтожную, незаметную каплю огромного моря, всколыхнутого войною, попробуйте вообразить эту “мелочь” войны! Это – мелочь, маленький случай, прячущийся в тени великих дел, но из-за этого крохотного события, из за крохотного человека встаёт прекрасный и светлый призрак души огромного народа...»

***В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом в сердце
(На Восточно-Прусском фронте). Пг., 1915. С. 88–89, 95.***

«В современном мире техники, науки, сложности человеческих отношений, слабости традиции – дух человека необыкновенно раним.

Ему ежечасно нужна помощь, поэтическое утешение, поэтическое преобразование даже самых мелочных жизненных ситуаций... Стихи заменяют ему молитвы, примиряют его с тем, с чем нужно примириться, и, как музыка, помогают ему действовать, когда это совершенно необходимо».

***Д.С. Лихачёв. Несколько слов о лирической поэзии
// День поэзии-1981. М., 1981. С. 158.***

*«Мы прочно встали на водоразделе,
Водораздел просторен и высок,
Он перед нами прошлое расстелет
И вести будущего донесёт.
Сквозь грохот войн, сквозь взрывы в чёрной пене,
Сквозь слизь траншей и глину волчьих ям
Мы прадедов увидим в поколениях
И руки им протянем, как друзьям.
...Искания мы закрепим в ответах,
Учась друзей в прошедшем узнавать.
Мы будущему шлём, как эстафету,
Их веру, мысли, чаянья, слова»
Олег Ильинский. «Эстафета»*

«Несомненно, много доблести и крепости проявляли русские на многочисленных фронтах. Несомненно и то,

что и в тылу война пробудила в людях
много благородных чувств жалости и жертвенности»

Ф.И. Шаляпин. «Маска и душа»

«Только те, кто пережил шок от сознания своей бренности,
испытал тревогу от сознания своей конечности и ощутил
угрозу небытия – только они и могут понять,
что значит Бог»

Пауль Тиллих

Читателю...

*Забывшие дни...
Колокольчик вокзальный.
«Прощанье славянки».
Родительский кров.*

*И ветер пожаров –
тревожащий, дальний...
Он ближе и ближе, –
как пламя костров
в года лихолетья
и в дни революций,
в минуты раздумий,
мгновения сна...
Пуды – прокламаций.
Тома – резолюций.
А где – Человек?!..
Где Души письмена)?..*

*Заветные письма...
Усталая нежность.
И боли, и радости
запертый крик.
Потомок! «Тинейджер»!
Оставь безмятежность
хотя б на часок
(или даже на миг)...*

*Быть может, – твой прадед
те строчки оставил?..
...Как ласточка, вскрикнет
Забвенье-душа...*

*Здесь вымысла – нет.
Ну, а если восстанет
катарсис Надежды –
не зря,
чуть дыша...*

ПИСЬМА ФЁДОРА СТЕПУНА

«Говорить о своём, личном, не будучи защищённым объективирующей формой искусства, очень трудно; ведь читатель воспоминаний смотрит не в душу вымышленного героя, а в душу самого автора. Но всё же не говорить о своём нельзя, так как я ясно отдаю себе отчёт в том, что все понятия, в которых я мыслю мир и историю, – вина, свобода, судьба – родились в глубинах моей личной жизни».

***Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля.
2-е изд., испр. СПб., 2000. С. 117-118.***

Ф.А. СТЕПУН: СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ

Фёдор Августович Степун родился 6 февраля 1884 г. в Москве. Его отец был выходцем из Восточной Пруссии, мать – происходила из шведско-финского рода Аргеландов, живших в России со времён Петра I. Как отмечают современные исследователи, именно семейная среда во многом обусловила постоянное тяготение Степуна к двум культурам – русской и немецкой, а также наложила отпечаток на всю его последующую научную и литературную деятельность*. В 1901 г. Степун окончил Московскую немецкую гимназию.

Затем, отслужив год вольноопределяющимся, он принимает решение о необходимости углублённого изучения философии, и с 1903/04 учебного года до конца 1909 г. учится в Гейдельбергском университете Германии под научным руководством В. Виндельбанда. Там он посещает лекции выдающихся философов и историков XX в.

* Гергель Р.Е. Учёный-гуманист // Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р.Е. Гергеля. 2-е изд., испр. СПб., 2000. С. 629.

Г. Еллинека, В. Виндельбанда, Г. Тоде, Э. Ласка. В эти же годы Степун устанавливает деловые и дружеские отношения как с русскими студентами Гейдельберга (С.И. Гессеном, Н.Н. Бубновым, Б.В. Яковенко), так и с немецкими (Р. Кронером, Г. Мелиссом, А. Руге). Многие из них стали впоследствии крупными учёными. Зимой 1906/07 гг. Степун знакомится с выдающимся немецким социологом М. Вебером. Он не только ведёт научную и редакторскую деятельность, но и принимает активное участие в общественной жизни российского студенчества в Гейдельберге.

Возвратившись в Россию, Степун полностью погружается в лекторскую работу, много ездит по стране. Именно в это время он по-настоящему узнаёт жизнь российской провинции, её различных социальных слоёв. Вместе со своими друзьями Степун с 1909 г. издаёт международный журнал «Логос», который сыграл заметную роль в истории русской философии начала XX в.

В годы Первой мировой войны Степун несколько лет находится в действующей армии в качестве прапорщика 5-й батареи 12-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Этот непростой период жизни, насыщенный как фронтовыми испытаниями, 11 месяцами лазаретов Риги, Пскова, Москвы, Ессентуков, так и глубокими философскими раздумьями о войне, человеческой личности, настоящем и будущем России, Степун описал в своём эпистолярном романе «Из писем прапорщика-артиллериста». Противоречивые и многообразные «лики Войны», сильнейшие духовно-психологические переживания, приобщение своей личной судьбы к судьбам товарищей-фронтовиков и судьбе страны, – всё это наложило неизгладимый отпечаток не только на личность Степуна, но и на всё его последующее творчество.

В июне 1917 г. Степун участвует в работе I Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов. Недолгое время он работает в должности начальника политического управления Военного министерства Временного правительства. После событий Октября 1917 г. Степун полностью отходит от политики. Он становится заведующим литературной частью и помощником режиссёра Первого государственного показательного театра, в котором ставит «Царя Эдипа» – спектакль, разгромленный большевистской критикой. Степун принимает активное участие в работе созданной С.Л. Франком и Н.А. Бердяевым Вольной академии духовной культуры. Чтобы как-то выжить и прокормить семью в труднейших условиях, он «крестьянствует» в

с. Ивановке под Москвой, где родителям его жены оставили небольшую усадьбу и 14 дес. земли.

В 1922 г. Степун высылается за пределы Советской России. Поселившись в Германии, он ведёт активную научную работу, и в 1926 г. занимает место профессора социологии на кафедре культурологии Высшей технической школы Дрездена. Он публикует большое количество статей в различных зарубежных изданиях, включая эмигрантские. Степун работает в журнале «Современные записки». С 1931 г. он вместе с Г.П. Федотовым и И.И. Бунаковым-Фондаминским издаёт журнал «Новый град», ставящий своей основной задачей разработку нового христианского мировоззрения, более тесно связанного с решением социальных задач. С приходом к власти Гитлера в 1933 г. положение Степуна резко осложняется: он явно не «вписывается» в идеологическую систему Третьего рейха. Степуна увольняют с работы без права чтения лекций и публичных выступлений. В годы Второй мировой войны учёный, хотя и являлся идейным противником советского режима, желал поражения гитлеровской Германии. В результате трагической бомбардировки Дрездена британской и американской авиацией полностью погибли личный архив и библиотека Степуна.

После окончания войны исследователь переезжает в Западную Германию, где работает над различными научными проблемами и своими воспоминаниями, читает лекции; постоянно проявляет огромный интерес к России, её прошлому, настоящему и будущему. С 1947 г. Степун – профессор на кафедре истории русской мысли Мюнхенского университета. Он завоёвывает огромный авторитет и уважение в западноевропейских научных кругах.

Наиболее известные работы Степуна – «Жизнь и творчество», «Из писем прапорщика-артиллериста», «Николай Переслегин» «Мысли о России», «Театр и кино», «Большевизм и христианское существование», «Мистическое мироведение», «Встречи», «Бывшее и несбывшееся». В последние годы творчество выдающегося отечественного учёного вызывает большой интерес в России, где выходят некоторые его работы*.

На протяжении более полувека верной спутницей жизни Степуна, соратницей и другом была его жена, Наталья Николаевна (урожд-

* *Степун Ф.А.* Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000; *Он же.* Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р.Е. Гергеля. 2-е изд., испр. СПб., 2000; *Он же.* *Он же.* Жизнь и творчество. Избр. соч. / Вступ. статья, вступление и коммент. В.К. Кантора. М., 2009; и др.

денная Никольская /1886–1961/), роль которой в плодотворной научной и общественной деятельности исследователя трудно переоценить.

23 февраля 1965 г., возвратясь с лекций домой, Степун теряет сознание и скоропостижно умирает. “На протяжении всей своей жизни, – подчёркивает исследователь Р.Е. Гергель, – этот учёный-гуманист призывал к созданию общества полноценных личностей, внутренний мир которых должен покоиться не на сиюминутных интересах, а на трансцендентных ценностях. Его жизненным девизом были слова из Евангелия: “Ищите истину, и она спасёт вас”»¹.

НАКАНУНЕ

«...Но в старом Кёльне тоже есть собор,
Неконченный и всё-таки прекрасный,
И хоть один священник беспристрастный,
И в дивной целости стрельчатый бор.

Он потрясён чудовищным набатом.
И в грозный час, когда густеет мгла,
Немецкие поют колокола:
“Что сотворили вы над реймским братом?!»
Осип Мандельштам. «Реймс и Кёльн».

«И произошло то, что должно было произойти:
немецкие профессора бросили германскую армию на Россию...»
В.В. Шульгин. «Дни»

*К матери. 12-го сентября 1914 г.
Иркутск.*

...Ты, конечно, страшно огорчаешься,
но писать мне некогда, – увы!..
День и ночь в седле порой качаешься:
был дежурным, объезжал посты...

Цель войны, её немую сущность –

¹ Гергель Р.Е. Указ. соч. С. 644.

оттесняют мысли, ряд забот,
нашей службы та сиюминутность,
что в основе – быт-круговорот...

А война – ужасна: стоны, крики...
Миллионы ран кровоточат,
глядя на небо – естественно (!) и тихо,
как на нас – бледнеющий закат...

Но страшнее смерти – сдвиг в сознание
всех без исключения людей;
мир упорной лжи, что в наказанье
захватил сердца, как лицедей!..

То великое, что создал дух и гений
ныне нам враждебной стороны, –
отрицается и призрачную тенью
отлетает от проклятия толпы.

Петербург Петра и Пушкина – бездарно
и безвкусно переделан в Петроград...
Ну, к чему “демарши” эти?!.. Больно, странно...
Нац. парад, шишковский ретроград...

Впрочем, там, в Германии туманной,
всё ещё позорней, чем у нас:
и войне поётся “гимн-осанна”,
и вояки, выполнив приказ,

как на стрельбище, безумно и бездарно
расстреляли в Реймсе тот собор,
что века – светло и неустанно –
восхищал волшебной высью взор...

Но меня смущает и тревожит
та *тень правды*, что на дне войны:
взрыв любви к России нашей – Боже!..
изживанье косности и лжи...

Правду сердца, правду искупленья –
чувствует отныне вся страна,
и солдат молитва – как спасенье
от грядущих горестей и сна...

Сна души – что так бодро отныне!
Бескорыстна, – и трезва, как труд...
Эшелоны. Слезы. Боль. Волненья.
И надежды робкий парашют...

Были в понедельник на Байкале
мы с Наташей – как он бодр и свеж!..
...Краски на вершинах гор меняли
свой узор и цвет – венец надежд...

Жил бы Кант не там, а здесь, в Сибири,
написал бы Метафизику Пространств
(ключ для немцев к пониманию России,
«блиц-рецепт» – верней «боёв-лекарств»):

лишь безумцы могут, несомненно,
строить планы победить страну,
где Сибирь, Байкал – благословенны! –
растворят любую мглу-орду...

Что писать здесь о моей судьбе – не знаю.
По всему, готовимся в поход.
Вот и всё. На том – пока кончаю.
Скоро в путь...
В Россию, в быт тревог...

P.S.

«Как всё большое и страшное в жизни, война вплотную подошла
к нам неожиданно и незаметно».

**Ф.А. Степун. Бывшее и несбывшееся / Послел. Р. Гергея. 2-е
изд., испр. СПб., 2000. С. 259.**

«В довоенное время... все мы верили в “культуру” и в культур-
ное развитие человечества. ... Мы восхищались культурой Европы и

скорбели о культурной отсталости России. ...мы мечтали, что Россия скоро войдёт, как равноправный член, в мирную, духовно и материально благоустроенную семью культурных народов Европы.

...Поэтому, когда разразилась великая европейская война, она оказалась для большинства русских образованных людей совершенной неожиданностью».

С.Л. Франк. Крушение кумиров // Франк С.Л. Соч. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. Ю.П. Сенокосова. М., 1990. С. 134.

«Великий народ... может и должен воевать, оставаясь на духовном уровне. Такой народ не может и не должен мириться с тем, что война станет для него духовным падением. ...Необходимо воевать, оставаясь на духовной высоте. ...Ратная победа не должна стать для нас духовным падением, как это случилось с Германией после 1870 года. ...И особенно мы должны быть свободны от внезапно наступающей слепоты к тем духовным достижениям, которые или уже осуществлены нашими нынешними врагами в прошлом, или ещё могут быть ими созданы в будущем, когда военная буря отрезвит их самодовольство и пробудит в них древнюю глубину их духа».

И.А. Ильин. Духовный смысл войны. М., 1915. С. 45, 46.

«Если к этому прибавить жизнь в течение долгих месяцев вне каких-либо культурных условий, в вечном напряжении всего существа человека, – разгром... Реймса, быть может, найдёт себе конечно, не оправдание, а хоть некоторое объяснение... Только тут, в сфере непосредственного влияния войны, начинаешь понимать, что война – есть действительно война; это не единоборство, не поединок, не дипломатическое осложнение; это – акт стихийный: как стихия, беспощадный и, как она, властный...»

И людям, оказавшимся во власти войны, смешны и непонятны все высокие и жалкие слова, которыми так любим мы прикрывать истинную сущность вещей».

В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом в сердце (На Восточно-Прусском фронте). Пг., 1915. С. 43–44.

«Медная, лихая музыка играла,
Свеян трубачами, женский плач умолк.
С воинской платформы Брестского вокзала

Провожают в Польшу Фанагорийский полк!
Офицеры стройны, ушки на макушке,
Гренадеры ладны, точно юнкера...
Классные вагоны, красные теплушки,
Машущие руки, громкое ура.
Дрогнули вагоны, лязгают цепями,
Ринулся на запад первый эшелон.
Жёлтые погоны, суворовское знамя,
В предвкушеньи славы каждое чело!
Улетели, скрылись. Точечкой мелькает,
Исчезает, гаснет красный огонёк...
Ах, душа пустая, ах, тоска какая,
Возвратишься ль снова, дорогой дружок!
Над Москвой печальной ночь легла сурово,
Над Москвой усталой сон и тишина.
Комкают подушки завтрашние вдовы,
Голосом покорным говорят: «Война!»»
Арсений Несмелов. 27 августа 1914 года //
www.hero1914.com/arsenij-nesmelov

«...никто не представлял себе истинное значение европейской войны, не мог предвидеть последствий этого бессмысленного катаклизма, которому суждено было привести воюющие страны – и в том числе Россию – к гибели».

С.В. Рахманинов
Воспоминания, записанные
Оскаром фон Риземаном / Пер. с англ.

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

«Неподкупное небо окопное –
Небо крупных оптовых смертей, –
За тобой, от тебя, целокупное,
Я губами несусь в темноте...»
Осип Мандельштам

«Ночью в жертву человеки
Приносились, стон стоял,

Мчались огненные реки...»

И.В. Гёте. «Фауст»

К матери. 14-го октября 1914 г.

Радзивиллов.

Вот уж час шестой стоим
у австрийской мы границы.
Переправы нет – увы!
А военные – не птицы.

Здесь следы войны кругом –
как открытые вдруг раны:
опалённые кусты,
раненые, санитары...

Тень домашних очагов
догорающих селений.
И рассказов страшных вздох –
бич войны, тоскливый жребий...

Всё это – топлю в душе,
в сердце уж не принимая:
груз тяжёлый в багаже...
Легче так – не сознавая...

Бедная земля! Всю ночь
содрогалась – гул орудий,
стон израненных всю ночь,
стук лопат... Твой жребий – труден,

и не скоро, Божья плоть,
ты залечишь свои язвы:
Человеку дал Господь
в наказанье – Марса казни...

Мысль, что завтра двинут в бой, –
со дня на день всё привычней,

наполняя смыслом кровь,
новое неся обличье.

Как прирученный зверёк,
увивается повсюду;
и прикармливаю с рук
я её, доверясь Чуду...

Но войны трагичный лик
угнетает, отвращает:
и забитость серых масс –
тех солдат, что напевают

так уныло – Боже мой! –
в скотских узеньких вагонах...
И врачей-«стратегов» бред
на бескрайних перегонах...

Хамства бесконечный строй
некоторых «благородий»...
Глупых генералов рой,
кокотесс – сестёр пародий...

Впрочем, общий дух – хорош,
бодр и чист... А это – тени...
Кажется, что скоро всё ж
тронемся... Кончаю.

Федя.

P.S.

«Никогда и нигде смерть не была так бессильна над душой человека и властна над его брэнной оболочкой, как в этой войне. Мелькающие по сторонам дороги бугры и бугорочки, местами уже осевшие и растрескавшиеся, местами украшенные наскоро сделанными крестами, показывают это. Но бывают моменты, когда она вдруг вплотную приблизит лицо своё к человеку, и человек смущённо втягивает голову в плечи, внезапно замирает, и на лице его проступает выражение растерянности и тоски».

В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом в сердце. С. 18.

«Страшно упорная и кровопролитная война. Такой войны не бывало от сотворения мира. Вот действительно, чортово поколение, – эти немцы. Дай бог одолеть союзникам этого вероломного кайзера. ...Ах ты, окаянные немцы, они действительно страшно высокомерны и горды».

*Запись из дневника вологодского крестьянина
А.А. Замараева от 9 февраля 1915 г. –Цит. по:
Дневник тотемского крестьянина
А.А. Замараева. 1906 –1922 годы / Публ.
подготовили В.В. Морозов и Н.И. Решетников.
М., 1995. С. 122–23.*

*«Пушками землю вспахали,
Пушки её взборонили,
Лютное семя из стали
Севом в неё заложили.*

*Близятся всходы посева
С нивы, вспоённой скорбями:
Надо ждать мести и гнева,
Схваток, расправы с царями»
1915*

*Авенир Ноздрин. Война // Дмитрий Семёновский
и поэты его круга. Л., 1989. С. 236.*

В ПОХОДЕ

*К жене. 8-го ноября 1914 г.
Карликово (Галиция).*

*...Пишу тебе из горной дереушки...
Мы, тронувшись из Лисок, из тепла,
все собирали рыжики-веснушки
и жарили в сметане их – да-да! –*

*от собственной, представь себе, коровы,
что следует за нами по пятам.*

Но вот – подъём, и снежные чертоги
накрыли нас, как в детстве – Божий храм...

Мы вышли рано утром, в шесть часов,
и шли двадцать четыре ровно часа –
без хлеба, без воды, лишь лошадям раздав
охапки сена из последнего запаса.

Поднялся страшный ветер к ночи. Снег
глаза слепил. Дорога – круче, круче...
Запряжку каждую вверх тащим что есть сил
на десяти конях и на себе – туда, где тучи...

При этом – масса воинских частей,
обозы чьи-то и автомобили...
Скопление страшное, шум, брань, «скорей, скорей!..»
Упорное стремление – быстрее,

во что бы то ни стало, но вперёд,
вне очереди (в основном, начальства...),
поэтому – заторы, и исход
стояния на месте в час ненастья...

В конце ж мучений – отвратительный ночлег
в избе крестьянской (ладно, что некурной):
Одно окно, печь, лавки, древний «дид»,
три кошки, куры, запах (как в уборной),

Шесть шелудивых хнычущих детей,
нас четверо, две женщины... – картина,
конечно, неприглядная, поверь,
но крыша есть – что ж, и на том спасибо!..

Я рано встал, умылся, сел писать
(пока все спят, и стол ещё свободен).
Когда уйдём, мне трудно предсказать.
Хотелось бы скорей,
но Бог войны – упорен...

ГОРОДОК

*К жене. 20-го ноября 1914 г.
Мезо-Лабордж (Галиция).*

...Всё по-старому – горы, снега,
переходов тяжёлая ноша,
но откуда-то – лёгкость, звеня,
вдруг осыпала чудо-порошей...

Есть – почти перестал, ибо все
здесь едят постоянно бифштексы;
ну, а я – мясо есть не могу.
Вот такие, Наташа, «рефлексы»!..

Почему – не готов объяснить.
Вероятно, – от здешнего «быта»:
Сами режем коров, и дрожит
вся скотина пред нами... Забита.

На снегу – лужи крови, кишки,
и глаза, и желудки повсюду,
А скотина, бедняжка, лежит
с перерезанным горлом... Не буду

продолжать – тяжело, но привык...
Мы недавно ещё в один город,
наступая, вошли... Что за вид!
Всё завалено скарбом повсюду:
платья, муфты, кровати, бельё...
Всё разграблено, всё перерыто;
и повсюду, как вороньё,
бродят... призраки?.. тени?.. бандиты?..

Нищих жителей горстка и мы –
казаки, офицеры, солдаты.
Трупы павших австрийцев... Увы,
их карманы – наружу: все злата

жаждут... Снова – гримаса войны...
Казачи здесь – «наводят порядок»,
разгоняя людские ряды,
что дерутся за скарба огарок.

И у многих уже в поводу –
по второй иль по третьей лошадке.
Восседают на бархате – мзду
как не взять при лихой-то ухватке!

Каковы те вояки в бою –
лгать не буду: пока что не видел.
Не щадят они здесь никого,
мародёрствуя в загнанном мире.

И солдаты, конечно, берут
«задарма», – но лишь нужные вещи.
Казачи же – как галки, снуют,
вмиг сметая всё, сея увечья...

И признаюсь, что строго к тому
не могу я сейчас относиться:
человеку средь смерти к врагу
(даже к жителю) – трудно смягчиться!..

Если камень насилья над ним –
как не стать тут насильником тоже?!..
Вот Кутузов наш – так же считал.
Эта тема большая – и всё же...

Мы живём вот уж целых два дня
замечательно: мягкая мебель,
из гранёных графинов вино,
фисгармония даже (в обедни)!

Дорогие чужие ковры
топчем грязными мы сапогами,

а «анфасы» и «профиля» –
в зеркалах отражаются сами...

Вот пришёл уж приказ выступать
нам на место второй батареи,
ну, а ей – прямо в город въезжать...
Говорят, что была уже в деле...

P.S.

«Вид нашего лагеря был замечателен. В множестве костров, вокруг которых сидели люди, варя картофель и кипятя чай, в смешанном говоре людей и ржании коней было что-то сказочное.

Весь следующий день мы отдыхали.

Солдаты разбрелись по селу – “доставали” гусей и кур.

Говорю “доставали”, потому что никто платить за гуся или курицу не был в состоянии и старался поймать курицу, а не купить. На разложенных в изобилии кострах варилась и жарилась пойманная добыча. Слышны были споры и скандалы с крестьянками, защищавшими свою птицу от прожорливого солдатского желудка. Надо сознаться, что кухня приготовила обед вовремя; недостатка в пище не было, но тем не менее солдаты предпочитали есть гусятину вместо солдатского борща и каши».

Д. Оськин. Записки солдата. М., 1929. С. 111.

МИНОРНЫЙ ПОДГОЛОСОК

«Была война. Когда-нибудь подберут эпитет
“великая” или “малая”, чтобы сразу отличить её
от других войн, бывших и будущих.

Для людей, живших в тот год, была просто война».

Илья Эренбург. «Трубка солдата»

К жене. 26-го декабря 1914 г.

Хыров. Галиция.

Живём мы в маленькой халупке,
на дне оврага, среди гор,

отрезанные бездорожьем жутким
от всей бригады... «Коридор»

к ней занесён по грудь снегами,
и мирной жизни забытьё
нас осеняет явью-снами
уже с неделю... Впрочем, всё

рассказываю по порядку.
Десятого числа, уж в ночь,
приказ мы получили краткий:
сменить позицию. Точь-в-точь

под утро в шесть мы вышли в горы.
Злой ветер, темнота кругом...
Команды наши, крики, споры –
всё тонет в мареве сплошном...

И вот уж каждое орудье
по десять лошадей влекут –
с солдатами, в грязи по пузо, –
как у Сизифа, тяжкий труд!..

Но вот втянулись мы в могучий
сосновый лес... Ружейный треск,
оборванные толпы пленных
да санитарных склянок блеск.

А командир полка – седой, спокойный, –
в канаве сидя, отдавал приказ,
одну из рот своих бросая «в лоб» убойно,
другим – в обход идти, и, значит, – не сейчас

им умирать, а лишь чуть-чуть позднее...
Ну, что же... «A la guerre com a la guerre!..»*

* «На войне, как на войне!..» (Пер. с фр.).

И вот к передовой ведёт уж нас быстрее
не знающий дороги офицер...

Стреляли по австрийским арьберггардам...
Вокруг же – дивный, яркий Божий мир:
ущелья, скалы, и старинный замок...
И – трупы, трупы... Чудно-страшный тир!..

У каждого в душе чуть бился луч сознания,
что в этот тяжкий день убит не он – другой...
И эта радость-стыд была и наказаньем,
и неосознанной надеждою хмельной...

И вдруг – обстрел!.. Жестокий и неожиданный.
Когда мы начали в том узком дефиле
спускать орудия под гору, подустали, –
шрапнели рваться стали, словно в жутком сне.

Во время боя ратный труд – невольно
громоотвод для страха умереть,
а здесь, в пути, обстрел – совсем иное:
бессильна личность, тело – словно клеть,

и всё внимание – на *личную* опасность...
Вмиг – замешательство, и лошадей испуг.
Одно орудие – завязло в буераках,
другое – с мостика свалилось прямо в пруд!..

Едва-едва мы хаос оседлали
и чуть укрылись сбоку от шоссе.
А в полночь – снова в путь, хоть страшно
все устали...
Въезжаем в Змигород... Не Гоголь, а Мюссе

с его меланхолическим напевом!..
И пустота – в душе, и тяжесть-гирия – тел...
Не ангел Миргорода – змигородский демон
колонну в саван облачить успел...

А город пах и коньяком, и ромом
(как видно, не предвидя в Рождество
вторженья нашего, и вот – невольно *домом*
повеяло, и словно Божество

спустилось с неба – там, в соборе древнем,
где мы легли у ксендза отдохнуть...).
...И вновь – шрапнель!.. И сильное раненье
двух лошадей, и снова – в долгий путь...

Мы, Слава Богу, сильного ущерба
не понесли в тот тяжелейший день,
зато другую нашу батарею –
накрыла Смерти призрачная тень:

их командир на наблюдательном был пункте,
и – пуля снайпера смертельная в живот.
Ужасно мучился в сибирской он двуколке
и умер, не доехав пару вёрст

до Красно... И о нём скорбит бригада наша.
Покойный был особый человек:
на первый взгляд – увы, космополит, Наташа,
и циник, что нередко в новый век...

На деле ж это был ярчайший представитель
простой России, капитан-солдат –
с душою детскою и детским светлым смехом,
за Родину свою готовый жизнь отдать.

Всем сердцем предан воинскому долгу...
Заботливый к солдатам, как к родным...
Далёк от нац. вражды... Его я не забуду.
И холмик низенький, сосновый крест над ним...

Вот так мы и живём, с минорным подголоском...
И каждый – вспоминает о своём.

И каждый иногда не понимает просто –
зачем он здесь и *где* наш милый дом?..

P.S.

«Бомба взорвалась в кипящем котле,
С рёвом взметнула солдатскую пищу.
Трое остались хрипеть на земле,
Десять ушли к неземному жилищу.

Вечером в поле туманно-нагом
Ухали выстрелы русских орудий,
Долго куски собирали кругом
И навалили на мёртвые груды.

В яме дорожной в версте от огня
Их забросали землёй прошлогодней,
Гасли осколки осеннего дня,
Фельдшер сбивался в Молитве Господней».
*Глеб Анфилов. 18 октября 1914 года // Глеб Анфилов.
«Курок заржавленный чернеет строже...». Публ.
И.Г. Анфилова // Наше наследие. 1990. № 14. С. 88.*

«Там, где человек в условиях постоянного изменения условий и ситуаций обладает инициативой, он может преодолеть страх лишь в... самосознании свободы. Страх следует принять. Он – основа надежды».

Карл Ясперс. Истоки истории и её цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1991. С. 164.

НОВЫЙ ГОД

«Даже праздничные огни причиняют ожоги»

Генрих Манн

«Человечеству незачем отрекаться от своих мечтаний,
ибо они лишь непознанная действительность».

Он же.

*К жене. 31-го декабря 1914 г.
Теодуровка. Галиция. 8 ч. вечера.*

...Мы выбрались на днях из нашего оврага,
стоим в большой деревне у шоссе.
Изба – просторна, даже чуть нарядна
(и чистая, – что отмечают все!)...

Хозяйки – мать и дочка, одеты очень ярко.
На полках – разноцветье кружек, блюд.
А ты б сказала: «Декорация театра,
Художественного...». Вот такой этюд!

На улице стоит прекрасная погода:
морозец – лёгкий, ветер, крупный снег
задумчивый... – как раз пред Новым годом!..
Везде огни, веселья бодрый бег...

Стук топора давно – то мастерят нам сани:
поедем скоро Новый год встречать
в шестую батарею – нас позвали
и будут там по-братски угощать.

...Ты знаешь, как люблю я Новый год,
и чувство это – здесь гораздо глубже,
полно глубокой скорби, милый друг,
когда кругом – армейский быт и стужа...

Мне очень трудно в здешней суматохе
всё объяснить, но знаю – ты поймёшь...
Поэтому – так коротко, «на вздохе»,
пишу... Бессвязно, видно? – Ну и что ж...

Ведь Новый год – не просто праздник сердца,
в нём Чуда ожидание живёт,
а Чудо – дар небес и Вечность детства;
отсюда – трепет, зов, тревоги поворот...

Отсюда – романтизм всей новогодней ночи,
боль Вечности, её печальный вздох.
Романтики – до жизни жадны очень.
И, мучаясь, ей мстят, отринув прочь...

Здесь, будучи в общении со смертью, –
постигнешь недостаточность мечты,
и романтизм философов поблекнет
пред ликом Жизни, взором Красоты...

Ну, что ж, пока... Пора и мне уж тоже
“лоск наводить”. И бубенцы звенят
сибирских пристяжных... И мой приятель всё же
готовит речь свою – наш праздничный обряд...

ИНАЯ ЛЮБОВЬ

«Мне тридцать лет. Мне тысяча столетий.
Мой вечен дух – я это знал всегда.
Тому не быть, чтоб не жил я на свете, –
Так отчего так больно мне за эти
Быстро прошедшие года?»

Владимир Пяст

*К жене. 1-го января 1915 г.
5 ч. утра.*

Только что ввалились мы гурьбой,
из гостей вернувшись, из веселья...
Погуляли славно, но с тобой
разделить хочу я мысли бденье...
Ты, конечно, помнишь Новый год,
что вдвоём с тобою мы встречали.
О возможности другой любви
мы тогда, Наташа, рассуждали...

И сегодня, в ужин, за столом
вспомнились те давние беседы.

Зал представил – странный, без колонн...
Маски, музыка, – и незнакомок тени...

Церковь – откровение о Лике.
Маска – отрицание Лица.
Потому для Церкви – бесов крики
маскарада звуки, сон слепца...

А у нас стремленье к маскараду
в Новый год – рождается, поверь,
из обремененья ликом старым –
образом бессилья и потерь...

В Новый год мы страстно ожидаем:
может, Вечность-Время разобьёт
волны нашей памяти-печали
и сверкнёт вдруг *новый поворот?!..*

Но мой лик, Наташа, – лишь эпоха,
и моя любовь, и тридцать лет;
форма Вечности – и затаенного вздоха,
целый мир – и лишь песчинки след...

Вечность Духа – протестует против Формы,
против Тела... (Как же – без него?!..)
Вот поэтому – хочу *другого* шторма:
жизни, сна, любви, утрат, – всего!..

В сердцевине же людских стремлений –
спит желание *иной любви*:
грех соблазна, смутное виденье,
боль мечты (не сбыться ей – увы!..).
Сбывшееся чувство – виновато
(пусть мистически), что *претворило* лик
Эроса стихией и закатом,
умертвив *возможный* дивный миг...

Вот о маске, о мечты соблазнах –
говорил я в новогодний час,
и прекрасных, чуждых и усталых
чудился мне трепет чьих-то глаз...

Загрустили молодые офицеры
от подобной речи в Новый год,
а полковник N. – огромный, чуть дебелий –
тост скомандовал за женщин – и вперёд!..

Знаю, спасена ты в милом лице,
и тебе мой романтизм – далёк...
Но люблю голубку-Эвридику...
Подними ж бокал за Новый год!..

P.S.

«Нам в бытии отказано. Всегда
И всюду путники, в любом краю,
Все формы наполняя, как вода,
Мы путь нащупываем к бытию.

...Осуществить себя! Суметь продлиться!
Вот цель, что в путь нас гонит неотступно, –
Не оглянуться, не остановиться,
А бытие всё так же недоступно».

Герман Гессе. «Игра в бисер».

«Всё круче поднимаются ступени,
Ни на одной нам не найти покоя;
Мы вылеплены Божьею рукою
Для долгих странствий, не для косной лени.
Опасно через меру пристраститься
К давно налаженному обиходу:
Лишь тот, кто вечно в путь готов пуститься,
Выигрывает бодрость и свободу».

Там же.

«С необычайной остротой и силой я пережил страшную болезнь времени. Расставание мне было мучительно... Я, очевидно, принадлежу к религиозному типу, который определяется жаждой вечности. “Я люблю тебя, о, вечность”, – говорит Заратустра. И я всю жизнь это говорил себе. Ничего нельзя любить, кроме вечности, и нельзя любить никакой любовью, кроме вечной любви. Если нет вечности, то ничего нет. Мгновение полноценно, лишь если оно приобщено к вечности, если оно есть выход из времени, если оно... атом вечности, а не времени.

...Совершенство достижимо лишь в бесконечном. Стремление к бесконечному и вечному не должно быть пресечено иллюзией конечного совершенства. Всякое достижение формы лишь относительно, форма не может претендовать на окончательность. Всякая реализация здесь есть лишь символ иного, устремлённости к вечности и бесконечности. ...дух революционен, материя же консервативна и реакционна. Но в обыкновенных революциях мир духа ущемлён материей, и она искажает его достижения. Дух хочет вечности. Материя же знает лишь временное. Настоящее достижение есть достижение вечности».

Н.А. Бердяев. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 36-37.

«Мужчина тянется к женщине, как к празднику, феерии, исступлению, сокрушающему монотонность бытия, а обнаруживает в ней существо, счастье которого составляют повседневные занятия...»

Хосе Ортега-и-Гассет

РАТНОЕ БРАТСТВО

«Раза два я останавливал автомобиль и подходил к этим крестам. И на одном прочёл торопливую надпись, сделанную химическим карандашом: «Hier ruhen 4 Deutschen und 1 Russe».

Больше ничего не было помечено. Но эта немая, местами расплывшаяся по сырому дереву синяя надпись долго стояла у меня в глазах. Четыре немца и один русский, – и все вместе, закопанные спешной рукой, как братья.

И опять-таки, кто знает их, безвестных,
ушедших, имя же их Ты, Господи, веши, –
возможно, что в отчаянной смертной схватке
этот ein Russe, дорого продавая свою жизнь,
уложил этих vier Deutschen и лёг сам.

28 октября 1914 г.»

***В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом
в сердце. С. 19.***

К матери. 21-го января 1915 г.

Яслиска. Галиция.

День сегодня солнечный и ясный.
Под окном – блестящий снежный холм...
Так вчера задумчиво-прекрасен
голых веток был узорный дом!..

Мы пришли в Яслиску с Воли Вышней,
где шесть дней бои трепали нас.
Вот об этом, бодро и неспешно,
поведу короткий свой рассказ.

Ночь морозная. Бледнеющие дали.
Ветер. Предрассветный мутный час.
В этот миг глубокими снегами
мы крадёмся под прицелом «глаз»

лишь холмов, оврагов, перелесков...
Вот и наблюдательный наш пункт!
А в душе – то бодрость-плеск бурлеска,
то вдруг – пустоты немой маршрут...

Нас на днях прескверно обстреляли
разрывными пулями. Теперь
я довольно чётко представляю
разницу переживания: поверь,

пуля – зло ранений и убийства,
издали её не чуешь свист,

а услышал – воля злая вышла,
жалуется, будто слабый писк...

А шрапнель – напротив, словно рыцарь:
издали напомнит о себе
и даёт секунду-две, «град-птица»,
чтобы подготовиться вполне...

Роем сноровисто мы окопчик.
Маскировка. Карта. Телефон.
И до вечера, а иногда до ночи –
здесь наш новый беспокойный дом.

Предо мной в окопах неприятель
(австрияков головы видны),
и, азарта боя наблюдатель,
корректирую огонь... И – рок Судьбы

для кого-то этим выбираю...
Силюсь в сердце драму воссоздать,
что несут мои команды – и не знаю...
Не выходит... Чувства – словно вспять
повернулись. Радуюсь я чаю,
сваренному в дымном котелке,
и жую сухарь, и повторяю:
«Так... правее... хорошо... вполне...»

Вечером с позиции мы едем
вниз, домой. Могучий лес кругом.
Радость обнимает словно терем,
а война – как будто за углом!..

И в душе – уж прославление Бога,
что помог достойно поддержать
нам *свою* пехоту – пусть немного! –
и вселил Надежды благодать...

Да, такую же «*свою*» пехоту
мы расстреливаем – Боже мой! –

в стане вражьем и от нас далёком:
тех, кого не видим пред собой, –

тех не знаем – значит, и не любим.
А увидим – всё наоборот:
общность судеб воинских и буден
примирает отчужденья взвод,

дикую расстрельную команду...
Это не схоластика, поверь;
не мечте слагаю я «осанну» –
Братству человеческих потерь.

Всякий раз я это наблюдаю,
видя, как беседует солдат
с проходящим пленным... Понимают
вмиг они друг друга: может, «снять»

только что с передовых постов стремились
Фриц – Ивана, ну, а тот – его...
Страшной тайной Смерти породнились, –
той, что Жизни нашей естество

давит, душит, но противна всё же
человеку, что ни говори...
И сквозь тень её угрюмой ложи –
луч добра, участия и любви...
В этом ***тождестве твоей судьбы и вражьей*** –
ахиллесова пята войны:
единение людской и Божьей стражи –
всё ж сильнее розни, боли, лжи!..

Здесь ***никто ведь никого не ненавидит***
(лишь в минуты штыковых атак).
Убивают – чтоб самими быть живыми;
иль в неведеньи того, чего творят...

Или из спортивного азарта...
Ненависть к врагу – ищи в тылу:

среди корреспондентов, ренегатов,
гимназисток... Что ж, устал, и сну

можно ночь уж целую отдать мне:
утром не вставать, идём в резерв.
Тяжело нам было, но солдатам,
что в атаку шли в глубокий снег
и в мороз двадцатиградусный – конечно,
было тяжелее во сто крат.

И святой пехоты нашей вечно
будет сниться мне
усталый взгляд...

P.S. ...

«Крест Христов – это крест того, кто преодолел смерть
экзистенциального отчуждения»

Пауль Тиллих

«Непрерывно крепнущее братство и единение народов соглашения, их круговая братская помощь в настоящей войне естественно рождает идею братского поминовения воинов, павших за общее дело»

А.Д. Кастальский (1916)

«И пришла война. Неожиданно грозная и кровавая, и захватила все слои населения и подняла все возрасты. Старых и малых поставила в смертоносные ряды, и офицера и солдата смешала в общей великой и страшной работе. И являлись герои Долга и высокой Христианской любви.

Легендарные подвиги, запечатлённые на картинах для воспитания солдатского, повторились с математической точностью».

П.Н. Краснов. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. М., 1992. С. 21-22.

«Немецкая армия, спаянная жестокостью железной дисциплины, – враг серьёзный. ...По существу противник силён, очень силён, он готовился к войне долго и упорно, и в том-то и слава, великая, неза-

бываемая слава нашей армии – всей армии, начиная от командующих и кончая последним обозным солдатом – вечная слава тем, кто упорству противопоставил выносливость, силе – свою мощь, знанию – умение».

В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом в сердце. С. 4.

«...Никогда не унывают. ...На всё у них оправданье, всё смягчают и не пожалуются. Дерутся с немцем – страшны и беспощадны, а отошли версты на две от своих окопов, перевелись в резервы, либо на временный отдых – зла не помнят.

– Когда в атаку идёшь или видишь, немец высунулся и на тебя лезет – света не взвидишь, а раненый – кому он страшен».

А. Ксюнин. Народ на войне (Из записок военного корреспондента). Пг., 1916. С. 239.

«Они – русские солдаты. Имя их свято, как свята Россия, великая и убогая, могучая и слабая... Кто не любит и не плачет над ней, не радуется её чистой радостью, кому не дороги и святость её, и убожество, и простор необъятный, – тот не поймёт и солдата, какой он есть».

Там же. С. 238.

«Вот, скажем, солдат нашей двенадцатой роты, ...епифанский мужик, совершенно не представляющий себе ради чего собственно он страдает, ради чего убивает неприятельского солдата, такого же мужика, происходящего из галицийской деревни. С какой яростью старается он убить его во время боя! А встречаясь с пленным австрийцем, этот же мужик начинает видеть в нём не врага, а такого же, как он, человека, такого же крестьянина или рабочего...».

Д. Оськин. Записки солдата. М., 1929. С. 281-282.

«Они прекрасно дерутся и в отваге никому не уступят. Недавно они атаковали деревушку Оберив, заняли её, переколов защитников, численно превосходящих. Они колют, рубят, стреляют. Ещё – просто и тихо они умирают. Но, убивая вражью плоть, они не ненавидят душу его. Врага уважают, побеждённого жалеют».

Илья Эренбург. На чужбине // Труд. М., 1917. 20 авг. (2 сент.).

«Путеводителем на Первой мировой войне для простого мужика, крестьянина, было Евангелие».

С.П. Шлыкова

«Во время войны я всегда стремился относиться к противнику без ненависти и оценивать его соответственно его мужеству. Моей задачей было преследовать врага в бою, чтобы убить, и от него я не ожидал ничего иного. Но никогда я не думал о нём с презрением. Когда впоследствии к нам попадали пленные, я всегда считал себя ответственным за их безопасность и старался сделать для них всё, что было в моих силах».

***Эрнст Юнгер. В стальных грозах / Пер. с нем.
Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб., 2000. С. 77-78.***

«На всё Божья воля – таково единственное утешение для души во время войны».

***Манфред фон Рихтгофен. Красный истребитель.
Воспоминания немецкого аса Первой мировой
войны / Пер. с нем. И.И. Сиснева. М., 2004. С. 76.***

«Войны XX века, небывалые по своей разрушительной силе и катастрофичности для человечества, выкристаллизовали феномен покаянности... В экзистенциальном мире человека страдание становится главной причиной рефлексивной работы сознания, источником и центром становления личности. И поскольку страдания обостряются во времена войн, которые на Руси шли непрерывно, постепенно стал формироваться феномен покаянности, являющийся отличительной особенностью русской ментальности, сотканной из противоречий».

С.П. Шлыкова

*«Сколько воинов верных час свой смертный нашли
в развороченных недрах материнской земли.*

*Кто отпет и оплакан и Всевышним прощён,
кто невидимым знаком – красной кровью – крещён»*

Светлана Кекова

«Россия как православная страна в години испытаний всегда высоко поднимала стяг христианской веры, и Первая мировая война не стала исключением. Слова библейского пророка Исайи – «замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!» (Ис 8:10) – приобрели символично-мистическое звучание и стали знаменем веры и надежды».

С.П. Шлыкова. Христологический аспект в художественной интерпретации Первой мировой войны // Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. Т. I / Редактор-составитель А.И. Демченко. Саратов, 2018. С. 196.

«...отголоски войны в возникавших тогда композиторских опусах пока трудно оценить, так как само это наследие ещё не вполне учтено. Но становится очевидно, что в отличие от своих зарубежных коллег, русские композиторы очень редко создавали непосредственно пропагандистские изделия.

Автором плакатных призывов был старец Кюи, а кроме него лишь немногие известные композиторы или же создатели прикладной музыки. Но вполне возможно, что увеличение количества траурных сочинений, равно как и в общем и целом меланхолических, пессимистических и трагических произведений (как например, в творчестве Рахманинова), пусть и без прямых аллюзий на военные события, явилось затаённым эхом этого трагического периода».

***Кристоф Фламм. Забытая война, забытые звуки?
Русская музыка в Первой мировой войне // Искусство музыки: теория и история. 2022. № 26. С. 229.***

«Иное время, иной мир человеческих отношений нашли отражение в «Братском поминовении» – художественно выраженных последствиях апокалиптической катастрофы. В поле жанровой конструкции, синтезирующей православную Панихиду и католический Реквием, Кастальский подвёл смысловой итог событиям той великой и страшной войны. Этот итог позволяет нам перекинуть событийную арку на жесткие и беспощадные реалии всего XX столетия.

А их осознание лежит в далекой от оды «К радости» плоскости: «Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь... и всё одушевлённое умерло в море. Третий Ангел вылил чашу свою в реки

и источники вод: и сделалась кровь» (16, 3–4). Пророческое видение «и сделалась кровь» стало лейттемой существования человечества».

Шиндин Б.А. А.Д. Кастальский. «Братское поминовение». Жанрово-стилистический ракурс воплощения военной темы // Идеи и идеалы. Новосибирск, 2015. Т. 1. № 2 (24). С. 124.

«Начиная с 1914 года Рахманинов – главный русский артист-благотворитель. В 1916 и 1917 годах все московские благотворительные концерты проходят при его участии.

Конечно, в основном это концерты, сбор с которых предназначен для армии и раненых. Сергей Васильевич даёт концерты в пользу Союза для снабжения действующей армии тёплой одеждой (8 декабря 1914 года), общедворянской организации на приобретение тёплых вещей (21 декабря 1915 года), Всероссийского Союза городов 14 (18 января 1916 года и 26 февраля 1917 года, в последний день самодержавия в России), Союза артистов-воинов 15 (13 марта 1917 года). Передавая гонорар в 1000 рублей от этого, состоявшегося спустя всего две недели после победившей буржуазной революции, концерта Союзу артистов-воинов, Рахманинов писал: «Свой гонорар от первого выступления в стране отныне свободной, на нужды армии свободной, при сём прилагает свободный художник С. Рахманинов».

Шабшаевич Е.М. «Он любил делать людям добро...»: Рахманинов – участник московских благотворительных концертов // Научный вестник Московской консерватории. 2014. № 1. С. 44–45.

РЕКА ВОСПОМИНАНИЙ

«В такие дни усталые, издёрганные нервы отдыхают. Большая мягкая примирённость охватывает душу, и мысли наплывают такие спокойные, такие большие, как круглые облака по синему небу.

Ну что ж, я знаю – война, и это ужасно. ...Но жизнь во всей подавляющей стремительной силе своей прекрасна... И, несмотря на вчерашний бой, на длительную, тяжёлую войну, может быть, на завтрашнюю смерть, все чувствуют, что жизнь – чудесная вещь».

В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом в сердце. С. 90.

*К жене. 25-го января 1915 г.
Ладомер Вагаза. Венгрия.*

...Я сотворил себе подобье кабинета:
постель-диван, стол, коврик, блеск свечей...
На сердце хорошо: спокойно... Нега света,
и – воздуха простор, а мысли – с якорей
снимаются легко, и медленно – как парус! –
плывут к тебе (и чувств заветный строй)...
Как телу весело и бодро! Наслаждаюсь
я этой передышкой «отпускной»...

Сегодня утром я с Романычем проехал
позиции (противник не стрелял).
Домой вернулся, пообедал, выпил (кроме смеха!)
чайку с халвой и пастилой! Нисколько не устал.

И вот уж, выкурив привычно папиросу,
сел в кабинет писать тебе письмо.
Хотя ещё январь, уже яснее просинь
весны, её лукавое лицо...
И было так тепло, что мчались без шинелей.
Я был в рубашке бобриковой – ты
её в ту ночь иркутскую всё шила,
а утром – помнишь? – встретились в пути...

Широкая река, река воспоминаний
так медленно течёт... Туманны берега.
И, как всегда, над ней, меняя очертанья,
задумчиво витают облака

из снов души... О, тайна жизни вечной,
как сущность наших дней ты озаришь
и властью дивною *ино*го света
нам собственную суть невольно объяснишь!..

Вся власть искусства – в этом лишь, Наташа:
понять мир и принять, но – Тайну не спугнуть.

Как странно: только в ней, в загадке – Счастье наше,
венец судьбы, а, может, – долгий Путь...

Прости, что вновь и вновь, как прежде, повторяю
я мысли эти, но и здесь они –
правдивы, как нигде: ведь на войне, я знаю,
любовь (пусть давняя) –
всей Вечности сродни...

ПЁС ТОСКИ

«Весь день, как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывёт»

Александр Блок

«Воскресали в воскресенье,
В понедельник умирали.
Длинной ночи тёмный лик
Болью сердца измеряли»
Валентин Соколов

27-го января.

Как скучно... В дни боёв, в тревожном ожидании,
ты весь в делах, в привычной суете,
и всё же – радость бьётся в подсознании,
а жизнь – наполнена, в походной чехарде.

И первый, и второй день отдыха – приятны.
Но дальше – пёс тоски на глубине души
ворчит всё громче, и его «объятыя»
так трудно мне унять, и в конуру глуши

бросаю, подлому, куски воспоминаний,
нежнейших грёз и трепетных надежд...
Напрасно – лай сильней, и цепи громыханье.
Ослабь внимание – и кровь, и треск одежд...

Лишь внешней фабулы дубина успокоит
минорный подголосок, злую тварь.
Устал я что-то, и ко сну уж клонит.
Снега здесь тают – даром, что январь!..

И ветер западный отчётливо доносит
гул перестрелки, скверный наш симптом:
не подняли бы ночью, чтобы бросить
в час утренний вперёд (а время – час притом)...

Тогда уж спать придётся мне немного,
а потому – прости, я отложу письмо.
У нас здесь тьма мышей... Скребётся... В изголовье...
Надеюсь, утром выловят её...

ЛОГИКА ВОЙНЫ

«Посылать людей на войну, не обучив, –
значит предавать их».

Конфуций

28-го января.

Слава Богу, ночь прошла благополучно.
Мы на месте, вновь пишу тебе.
«С добрым утром, мой весенний лучик!..» –
говорю Надежде и Судьбе.

Под окном шумит многоголосье:
новобранцы пополняют строй.
Жалко молодых парней-колосьев:
мало кто вернётся в дом живой –

ведь полки редеют ежедневно,
и в победоносных тех боях,
что описывал самозабвенно,
половину потеряли. На костях

молодых все держатся успехи...
Если б кто-нибудь, кто чтит войну
и в её ужасные доспехи
призывает всю облечь страну,

должен был *своею личной волей*
заморозить этот звонкий хор, –
я уверен, в мире не нашлось бы
ни единого, кто б вынес приговор...

Ведь война и стала вдруг возможна
по безликой сущности своей:
ужас Смерти не осознан всё же
как *своя вина*, лишь – «иже с Ней...»

Логика абсурда, шовинизма
торжествует, разум чувств поправ,
и в защиту стона-альтруизма
шепчет только Личность, подустав...

Немцы – обвиняют в бойне русских,
ненавистный чуждый Альбион;
мы и англичане – их, безумцев,
кайзера Вильгельма пушек звон.

Нации Европы жаждут мира,
а не крови лучших сыновей.
Вот противоречия картина –
как у Босха, только пострашней!..

Умные же люди – Боже правый! –
в основном, защитники войны:
ум – услужлив по природе здоровой,
но с трудом выносит тяжесть лжи...

Твёрдо верю – «Бог судил иначе»,
но назавтра, если в бой пойдём,
то стрелять я *буду*, однозначно,
и без всяких угрызений в том...

Сам себе я здесь противоречу?
Иль забило «рацио» Мечту?..
Но на это только лишь отвечу,
что не продал душу, а храню
отблеск Духа, христианской Веры...

А причина – в том, что я – как все –
отрицаю призраки-химеры...

Личная ответственность – ты где?!..

Нет тебя в душе – и всё возможно,
смерть и горе – можно оправдать,
лишь порой на сердце так тревожно,
что невольно вспомнишь дом и мать...

И тебя, мой нежный друг, Наташа...
Знаю, что письмо к тебе дойдёт:
едет в Харьков нижний чин, и наша
встреча мыслей –
будет в свой черёд...

ШЕСТАКОВ И БЕТХЕР

«Истинная Россия есть страна милости,
а не ненависти»

Борис Зайцев. «Слово о Родине»

20-го марта.

День моего дежурства пролетел,
как тихий лист осенний, разноцветный...
Всё замерло. Шёл снег. Господь с небес смотрел
на нас, враждующих, – и шторой-круговертью

два стана разделил в Страстной четверг,
чтоб на душу не взяли грех убийства...
Приехал я, смотрю – в окопе уж сидят
телефонисты, два антагониста:

печальный человек с огромной бородой
(его я знаю, Шестаков, – известен
как старовер), высокий, уж седой;
а рядом – Бетхер (ум остёр, но пресен,

как у любого немца...) Он блондин,
голубоглазый, юный и красивый.
И разыгрался спор. Что ж, поглядим,
что интересного, и каковы мотивы

и аргументы каждой стороны...
А спор, меж тем, был крайне любопытен:
схлестнулись мнения о сущности войны,
и жизни в целом... Пусть и без «открытий»,

но так отчётливо, типично... Шестаков –
отстаивал заветы христианства
о том, что нужно даже за врагов
молиться кротко... Ну, а государство,

«цивилизация» – уже потом...
Ведь главное – спасти свой Дух (не тело!).
И каждый виноват за всех, за всё, а сном
стыда и совести – не избежать удела
раскаянья...

Вот, вкратце, такова
типично русская «войны и мира» тема.
А Бетхер – он всецело за «права»
цивилизации машинной, до предела...

И – отрицанье полное **своей**
ответственности, личного участия...
Начальству, мол, как водится, – видней,
и всё – в его (не в нашей), в общем, власти...
А наша область – та, куда пошлют.
«За рамки» выход – ни к чему: опасно!
Таков немецкой мысли блиц-маршрут.

Что ж, каждому – своё;
лишь плоть – всегда несчастна...

...Пока дела у нас, пожалуй, хороши;
но если что не так, то будет оправданье:
там, в глубине сердец, народной той Души –
Россия выше войн, ей ближе Созиданье...
Лишь подгулял – увы! – интеллигентский стан:
кадеты, «патриоты», борзописцы, –
все те, чьи так «воинственны» уста
(сюда бы их, на место очевидцев!)

Отнюдь не пораженец я. Не понаслышке знаю,
как не хватает нам порядка и узды.
И тяжело в душе, и очень я страдаю,
но государству **все** вручить бразды
и **всю ответственность** –
весьма, весьма чревато...

Но главное – готовы **оправдать**
мы страшный яд войны, и все её утраты
на «тех» списать, а не **с себя** начать...

И пафос войн мне Бетхера – противен,
а Шестакова скорбь – как дом, теплей.
...Идём на батарею. Солнце – стынет,
а дали – вширь и вглубь сдвигаются, как тень...

«И в небесах я вижу Бога». Тихо, грустно...
Но дело – выполняю: «A la guerr...»
Приказов чёткий строй. И призрачные чувства –
застыли, как «в отставке» кавалер...

ВИЛЬЗАР

«От скорби по умершим не защитит нас ни естественная наша привязанность к жизни, ни мужество перенесения страданий, ни житейская мудрость, ни даже вера, как бы ни была она велика. ...Но для

христианина заказан путь беспросветной скорби, мрака и уныния; он не должен отступать перед страданиями; ...он должен всем напряжением своих духовных сил пройти *сквозь* страдания и выйти из него укреплённым, углублённым, умудренным.

...Напряжением нашей любви переступим и мы тот роковой порог, который переступили они. Войдём усилиями нашего воображения в тот мир, в который вступили они, дадим в своей жизни больше места тому, чем они сейчас живут, – и постепенно, незаметно наша печаль обратится в радость, которую никто от нас не отнимет».

Александр Ельчанинов.
Записи. М., 1992. С. 88–89.

К матери.
28-го октября 1915 г.

Случилось страшное несчастье.
Убиты Калиняк, Вильзар.
Как бесконечно грустно... «Страсти»
все наши – лишь Судьбы удар,
но Смерть всегда – как потрясенье...
Отчаяньем душа полна.
Ну почему коснулось тленье
его прекрасного лица?!..

Не знала ты его, но если б
вам познакомиться пришлось,
я знаю, дух его чудесный
тебя бы покорила... И – злость
опять на Рока силу злую
меня охватывает... Да,
он не был настоящим русским,
но немцем – тоже...

Как всегда,
уходят *лучшие* – до срока...

Горит свеча в том блиндаже,
где – в памяти моей, далеко –

мы спор вели и о *вине*,
что *каждый* чувствует, – но редко...

О долге – пред собой, страной...
И сердца горестные метки
встают безмолвно за спиной.
Он не был и космополитом – напротив, он принадлежал
к тем европейцам (иль – элите?..),
которым ясно, что кристалл
Культуры, Знания и Веры –
для *всех* народов высший свет:

быть русским – значит, в полной мере
служить Германии...

Не бред
всё это, ибо означало:
быть немцем – значит, долг стране
той отдавать, которой *мало*
своей вины –
стране-весне,
России,
светлой и прекрасной;
единственной, как Благодать;
таинственной и гордо-властной;
наивной, как ребенок-мать...

И это страстное служенье,
двойное (как людская суть,
где Янус – доля поколенья) –
естественно, как речки глубь...

Он видел в этом лишь служеньи
свой долг, а нации лицо
рассматривал как озаренье
вселенской жизни; как кольцо,
что украшает, но, конечно,
не заменяет сердца стук...

А сердце – *общечеловечья*
душа, а не границ недуг...

...Извечная российская проблема
«интеллигенция – народ» порождена
сожительством структур –
различных и бесценных! –
в едином нашем организме... Да,

и в этом
кроется как раз Пути загадка:
«Умом Россию не понять...» Увы,
не в Вере тоже Истины разгадка,
а в синтезе (О, Господи, – прости...)
Души – и Тела,
«Рацио» – и Страсти,
Культуры – и могущества машин...

Но в нашей ли все это будет власти,
когда кругом – бессилие руин?!

Как часто с ним я говорил об этом...
Высокий образ,
милый, добрый друг...
Теперь уже
лишь тихим ясным Светом
придешь ко мне
душевный снять недуг...

...И в нем, Вильзаре, русском немце,
слились начала двух ветвей:
славянской широты вселенской –
и воли, «орднунга» корней.

Что ж, инженер, скрипач и физик,
собою он объединял
как практицизм реальной жизни,
так и кастальский луч-кристалл
искусства...

Физика – наука...
Три лика. А Судьба – одна...

И, отсияв своё до срока,
беззвучно падает Звезда...

Лицо его прекрасно было:
высокий лоб и умный взгляд,
и Доброты святая сила –
Надежды свет... (Иль – тот закат,
который эра Возрожденья
предвосхитила?...

Может быть:
ведь гуманистов озаренье –
прошло, как луч... *Куда ж* нам плыть?..)

Не признавая войн враждебность,
Вильзар сражался как герой
и – умер так же... Повседневность
его настигла и – косою...

И нежной женственности мягкость,
и воли мужества черты
в нём совмещались благодатно,
как в роднике живой воды.

Язык бесед, полупризнаний
он глубже понимал, чем мы, –
весь воплощенье благородства
и строгой, чистой красоты.

А если *смысл война имеет*
и гармоничный человек
рождается в её потерях,
опережая год и век,

то *в нём* война как бы убила
и цель свою, и идеал...

Безумная, слепая сила...
Как тяжело жить. Каков финал...

Часовня в Риге. Станный, жуткий
какой-то лживый ритуал...
Немецкий пастор. Предрассудки?..
Но, *немцами убитый*, пал
Вильзар наш, русский полунемец...
И Господа благодарят
за то, что *удостоил чести* (?!..) *за царя*...
пасть смертью храбрых *за царя*...

...В «Войне и мире» «Запад» – символ брани
на поле боя, а «Россия» – «мир»...

Как мы – о, Боже!.. – от войны устали,
как ждем мы близких взор,
спокойствия квартир...

Но вновь уходят лучшие –
до срока...
(И *с той*, и *с этой*, впрочем, стороны).

...Тупая боль безумного «урока».
Страданья *Мира*
от атак Войны...

P.S.

«Не понимаю, какая это может быть новая счастливая жизнь после войны, если после неё освободится на волю такое огромное количество зла. Зло – это рассыпанные звенья оборванной цепи творчества. А сколько во время войны рассыпалось творческих жизней!».

М.М. Пришвин. Из дневника от 8 дек. 1915 г. // Пришвин М.М. Дневники. 1914 – 1917 / Предисл. В.Д. Пришвиной. М., 1991. С. 212.

«...надвигалась эра жестоких испытаний человеческого духа, более того – в немалой степени эра бездуховности и даже антидухов-

ности. Вот почему казалось столь необходимым напомнить человеку о нетленных нравственных ценностях».

А.И. Демченко

«Конечно, во многом это были всего лишь мечты, однако мечты, вдохновляющие на позитивные изменения в России и мире... Какими же наивными оказались российские либералы. В недалёком будущем человечество ожидали куда более масштабные испытания».

В.В. Шелохаев. Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сент. – 3 окт. 2014 г.). отв. ред.: А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014. С. 170.

«Мёртвые молчат. Бесчисленная их армия не встаёт из могил, не кричит на митингах, не составляет резолюций. И всё же эта армия мучеников есть великая политическая сила всей нашей жизни, и от её голоса зависит судьба живых, быть может, на много поколений. Для слепых и глухих, для тех, кто живёт лишь текущим мгновением, не помня прошлого и не предвидя будущего, для них мертвых не существует, и напоминание о силе и влиянии мёртвых есть для них лишь бессмысленный бред суеверия. Но те, кто умеет видеть и слышать... знают, что мёртвые не умерли, а живы.

Какова бы ни была их судьба там, за пределами этого мира, они живут в наших душах, в подсознательных глубинах великой, сверхличной, народной души. Их души внятно говорят об одном – о родине, о защите государства, о чести и достоинстве страны, о красоте подвига и позоре предательства. В этой глубине народного духа они глухо ропщут против умышленных и неумышленных измен, против демократизированного мародерства..., против расхищения родной страны, обогрётной их кровью.

Мёртвые молчат. Но наш долг – чутко прислушиваться к таинственному, то благодетельному, то грозному смыслу их молчания».

С. Франк. Мёртвые молчат. М., 1917. С. 5.

«Рождение мистично – к нам приходит вестник из другого мира. Смерть близких ещё сильнее будит в нас мистические чувства – уходя от нас, они из ткани нашей души протягивают за собой длинный

провод, и мы уже не можем жить только этим миром – в наш тёплый, уютный дом поставлен аппарат в бесконечность».

А. Ельчанинов. Записи. М., 1992. С. 34.

ПИСЬМА МИХАИЛА ИСАЕВА

М.М. ИСАЕВ: СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ

Михаил Михайлович Исаев родился 4 июля 1880 г. в г. Вышнем Волочке в семье мещан-старообрядцев. В 1890–1898 гг. учился в Реформатской гимназии Санкт-Петербурга. Один год (1898–1899) пробыл на военной службе вольноопределяющимся. Осенью 1899 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

В 1903 г. окончил его с серебряной медалью за сочинение по уголовному праву и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. С осени 1903 г. по осень 1905 г. занимался научной работой в Берлине, затем вернулся в Санкт-Петербург. С 1909 г. – приват-доцент Санкт-Петербургского университета. Активно занимается наукой, преподаёт, руководит кружком уголовного права. Летом 1907, 1912 и 1914 годов выезжает с научными целями за границу. После начала Первой мировой войны М.М. Исаеву с большим трудом удалось вернуться из Италии через Германию и Швецию в Россию. В 1915 г. он пошёл добровольцем на Кавказский фронт. Вскоре был произведён в подпоручики; затем ему было присвоено звание штабс-капитана, однако бумаги затерялись, т. к. началась Февральская революция 1917 г. Во время войны М.М. Исаев участвовал в 12 боях, имел четыре боевые награды (Анну 2-й и Станислава 2-й степени; Анну 4-й и Владимира 4-й степени).

Находясь на Кавказском фронте в составе Отдельной вьючной пулемётной команды, прапорщик М.М. Исаев записывает местные легенды – «Чья вера лучше», «О Фархаде верном и Фатиме прекрасной»; пишет собственные рассказы. В 1917 г. в литературном приложении к газете «Воля народа» – «Россия в слове» (под ред. М.М. Пришвина) публикуется записанная им 8 февраля 1917 г. легенда «Крест белый, из тополя срубленный».

В апреле 1917 г. М.М. Исаев возвращается в Петроград. Затем он переезжает в Москву, где преподаёт уголовное право в Социалистической академии, МГУ, Всесоюзной правовой академии, Всесоюзном юридическом заочном институте.

М.М. Исаев являлся автором ряда учебников, статей и докладов в области уголовного права. Его научные заслуги получили признание общества и власти: он становится профессором, доктором юридических наук, принимает участие в разработке проекта Уголовного кодекса СССР, а в 1946 г. становится членом Верховного суда СССР. Награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалью «В память 800-летия Москвы».

М.М. Исаев был человеком высокой культуры, эрудитом; постоянно работал над собой. Он увлечённо изучал иностранные языки – английский, немецкий, французский, итальянский, болгарский, а также украинский язык. Он живо интересовался литературными процессами – в их доме часто бывали писатели А.М. Ремизов, В.Б. Беклемишева, историк литературы Р.В. Иванов-Разумник, организатор издательства «Шиповник» С.Ю. Копельман.

Его жена, Маргарита Борисовна Исаева (1879–1956, урождённая Дагмара Фон-Фик), окончила Бестужевские курсы, преподавала в школе. Дочь Вера (1905–1994) окончила общественный факультет МГУ, Гнесинский институт. Она выступала как певица на радио, в Москонцерте и филармонии. С 1945 г. преподавала в Гнесинском институте.

Сын Алексей (1908–1971), на формирование личности которого большое влияние оказал отец, принимал участие в строительстве Магнитогорского металлургического комбината, Запорожстали, Тагилстроя, Красноуральского медеплавильного комбината; стал выдающимся конструктором авиационных и ракетных двигателей, Героем Социалистического Труда (1956), лауреатом Государственных (1948, 1968) и Ленинской премии (1958); был награждён многими орденами. Он участвовал (совместно с А.Я. Березняком) в создании первого советского истребителя с жидким реактивным двигателем – БИ-1 (1942). Под его руководством была создана серия жидкостных реактивных двигателей типа РД-1, РД-1М, У-1250, СУ-1500, У-400-10 для самолетов, а также для зенитных ракет и баллистических ракет длительного хранения; серия двигателей для космических кораблей «Восток», «Восход», и «Союз», ракеты-носителя «Космос», а также для автоматических межпланетных станций серий «Луна», «Венера», «Марс», орбитальной станции «Салют», космических аппаратов «Полёт», «Зонд», спутника-ретранслятора «Молния»¹.

¹ См. также: Михаил и Алексей Исаевы. Отец и сын (к 100-летию главного конструктора

В материалах современной виртуальной выставки, посвящённой А.М. Исаеву и его отцу, отмечается: «Высшая аттестационная комиссия присвоила ему учёную степень доктора технических наук, причём, без защиты диссертации, с учётом его уникальных разработок. При всём этом Алексей Михайлович всегда оставался чрезвычайно скромным человеком. На предложения баллотироваться в Академию наук СССР он отвечал отказом, мотивируя его тем, что самое высокое звание для него – быть инженером. Основным своим достижением он считал не звание, не высокую премию, а удачно выполненную конструкцию или оригинальную идею»¹.

Второй сын М.М. Исаева, Борис (1913–1989), физик по образованию, был директором Сухумского обезьяннего питомника, работал в Международном агентстве по атомной энергии.

М.М. Исаев скончался в 1950 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

«ДЕТНЫЕ»

«Но теперь война, и всё обычное, мирное, и неторопливое теперь представляется чем-то далёким, похожим на прекрасный сон давно минувшего детства»

В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом в сердце. С. 25.

Письмо жене от 9 марта 1915 г.

Как приятно было накануне,
спать ложась, осознавать, что – вот,
воскресенье завтра, и «досуги»
безмятежные – стоят уж у ворот.

(Можно долго спать – спокойно, славно,
не колеблясь, **что** избрать в сей миг:
выпить чаю – или генерала,
в штаб придя, чуть-чуть опередить.

Алексея Михайловича Исаева): Виртуальная выставка / подготовлена Л.П. Вершининой.
URL: <http://mosarchiv.mos.ru/downloads/vystavki/isaev/arhiv.htm> (дата обращения: 18.07.2015).

¹ Там же.

Ибо есть закон военной службы:
подчинённый – *раньше* должен быть,
даже если хмур иль занедужил, –
чтоб «карьеру» вдруг не загубить...)

Но все планы – ухнули внезапно.
Вызов в штаб. Бег, спешка, суета.
Узнаю, что предстоит посадка
наших ратников – трёхсот! – на поезда.

Что же – в тесноте, да не в обиде!..
Пополненья требует война.
И уже трясусь в автомобиле.
Предо мной – равнинные поля.

Голые – ни кустика, ни травки...
«Строй» казарм. Вершины диких гор.
Никакой Природа здесь загадки
не даёт – унылый зов-простор...

Как тоскливо тут
душе российской:
отгорожен камнем Божий свет;
сердце – уж не бьётся вольной птицей,
а в темницу заперто...

Привет шлют ему лучи-воспоминанья –
о раздолье Волги, тихих рек;
о лесах, о дивном разнотравье,
о конях, что продолжают бег

там, «в ночном»

(иль – в недрах подсознанья?)...

Образы заветные – найдут,
растревожат искоркой-свиданьем, –
и опять куда-то вдаль уйдут...

Свыкнешься ль с гористым, диким краем?..
Неизвестно: ратный путь суров.
Грусть-тоска – «О, наша Русь святая!» –
охватила, выстужая кровь...

Вдруг услышал звуки бодрой песни, –
и колонна ратников-солдат
показалась. Хорошо одеты,
без винтовок. Так – за рядом ряд –

предо мной проходят... Молодые –
25 иль 27 им лет.
Все веселые, довольные, *живые* –
и России вспыхнул яркий свет!..

“Вы откуда будете, ребята?”
“Чистопольские... Казанские, Ваш бродь...”
Улыбаясь – ласково, приятно, –
волнами плывут... *Родная* плоть...

Каждый ратник – искорка России.
Что *за поворотом* ждёт ее?..
Растворится в необъятной сини?
В отчий дом вернётся? Что ж, – *своё*
каждого солдата ожидает...
«Молоды вы больно...». «Да, Ваш бродь,
молоды – да детные!». И тает
ручеек России, *Божья* плоть...

Да, *таких* солдат – рождать умеет
лишь российский пряный чернозём!..
И тоска уж больше не синееет,
не вползает в душу липким сном.

Началась разбивка и проверка
вновь прибывших. Станция – в пыли,
ну, а рядом – словно стон-насмешка –
высь вокзала. Неокончен он внутри,

но красив, просторен, *светоносен*...
Вот два символа: дремота-нищета
настоящего («унылого оконца») –
и *Грядущей Мощи* высота...

P.S.

«В природе русской мне больше всего дороги разливы рек, в народе русском – его подъёмы к общему делу – и как бывало на покосах, и в первое время войны... Как вспомнишь про это и оглянешься вокруг себя – слеза прошибает».

М. Пришвин. Из дневника от 16 апреля 1918 г. // Михаил Пришвин. Леса к “Осударевой дороге” 1909-1930. Из дневников / Публ. В. Круглеевской и Л. Рязановой // Наше наследие. 1990. № I (13). С. 68.

«Презрение к власти у русского крестьянина было так велико, что при малейшей попытке начальника выйти из своего начальственного положения крестьянин так радостно встречал в нём человека, будто вот закончилось какое-то обязательное неприятное представление и стало жить хорошо».

Он же. Из дневника от 30 марта 1933 г. // Там же. № II (14). С. 63.

«Переходя из офицерской землянки в солдатские, я всегда чувствовал, что не только спускаюсь в мир необразованности, но одновременно и поднимаюсь на какую-то высоту. Очень далёкий по своему воспитанию как от православнофильского, так и от левоинтеллигентского народничества, я на войне всё же пришел к убеждению, что “варварство” русского мужика много ближе к подлинным высотам культуры, чем среднеинтеллигентская образованность».

Ф.А. Степун. Бывшее и несбывшееся / Послел. Р. Гергеля. 2-е изд., испр. СПб., 2000. С. 281.

«А ведь русский народ – это такой народ мира, который менее всего приемлет принуждение. Военная дисциплина всегда казалась ему дьявольской выдумкой... У русского народа острое чувство трагического характера этой войны, которой он не желает, которая аб-

сурдна, которой не должно желать человечество, не способное из неё выпутаться».

Из воспоминаний французского лейтенанта Пьера Паскаля. Цит. по: О.С. Данилова, Л.В. Слуцкая. Западный фронт Российской империи в воспоминаниях французских участников Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 24.

«Что такое родина? Да вот этот, например, колокольный гул, слышимый издалека.

...Вот за что умирают: за этот малиновый звон, за свежие вербы с беленькими барашками, за огоньки Чистого четверга, за вечную красоту родного уклада жизни, слагавшегося тысячелетиями. Вовсе не за выгоды, которые трудно взвесить, не за корысть, а за поэзию, за красоту, и иначе было бы трудно, почти невозможно воевать. Корысть слишком разумна, это предмет мирной войны – торговли. Чтобы лить кровь без расчёта..., нужно очарования и влюблённости в то, что родина. Здесь, в России, мы часто не замечаем России... Глубокое своеобразие её быта кажется страшно обыденным, плоским. Но стоит... попасть в дальние края, тотчас загорается пламенная, страстная любовь к родине, и память неволью, неотступно, как магнитная стрелка к полюсу, тянется в сторону России».

М.О. Меньшиков. Родина и герои // Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1908. С. 298.

О «ЕРЕСИ»

«Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных»
Осип Мандельштам

«Быть мудрым – это значит прежде
всего быть внимательным к душе
близкого человека»

Из дневников М.М. Пришвина

Из письма к жене от 28 апреля 1915 г.

...Пишешь ты, деточка, *«ересь»* – увы!
Дико звучат подозренья, упрёки...
Знаю, – тоскуешь, тревожные сны
видишь нередко, – но *как же жестоко*

ты обижаешь меня... Боже мой! –
«молодость» заново переживаю?!
Будь даже это кокетством, игрой
(что нам не свойственно – я это знаю),

но и тогда – *что* за этим письмом
кроется, Мара?.. Сомненья?.. Неврозы?..
Как я хочу, чтоб растаяли сном
страхи твои всё ночные и слёзы...

Знай, что люблю я – *тебя лишь одну*.
Десятилетье прожили мы вместе –
разве не мало на то, чтоб вину
не громоздить на пустом, в общем, месте?

А наши дети? Они ведь идут
в церковь, к Спасителю, – *ставя две свечки*, –
страстно желая наш дом и уют
снова увидеть... Два светлых сердечка!..
Знаешь ведь, Марочка, – *сам я пошёл*
и на Кавказ, и на ратное дело,
став пулемётчиком... Выбор такой –
сделан осознанно, твёрдо и смело.

Должен был сделать серьёзный тот шаг
и *не могу* поступить я иначе:
нас призывает андреевский флаг,
словно походную роту на марше!

Помню о вас я – поверь мне, – *всегда*.
Кто и понравится – это ведь *чувства*,

а за спиною – родные глаза...
Дети... Артек... Даже то захолустье,

где мы так счастливы были – в Тверской
славной губернии... Помнишь всё, Мара?..
Жду с нетерпением писем. Порой
даже не верится – как это странно! –

что *уже скоро – увижу тебя...*
Где телеграмма? В пути запоздала?
Крепко целую, родная моя,
и ребятишек. Ну, всё. До свиданья.

P.S.

«Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре,
О, не грусти, ты всё мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе,
Мою любовь, широкую как море,
Вместить не могут жизни берега».

А.К. Толстой

«Любовь – это история личности.
Война – история общества».

*Из дневника М.М. Пришвина
от 22 октября 1943 г.*

ВЕРУШЕ

«Наши дети старше нас,
потому что им дольше, дальше жить.
Старше нас из будущего»

Марина Цветаева

Письмо к дочери от 14 июня 1915 г.

Здравствуй, милая Веруша!
Скоро день рожденья твой.
Мне без вас здесь очень скушно –
так и хочется домой!

Девочка большая стала:
10 лет – не 10 дней.
Расскажу тебе, пожалуй,
про свои дела теперь.

Скоро мама уж приедет
(мне так скушно без неё!),
и уже на той неделе
мы отпразднуем его,
праздник *твой* – и *наш, совместный*.
А обратно – привезёт
вам *подарки*: как известно,
папа любит вас и ждёт,
чтобы чаще вы писали
про свое житьё-бытьё.
Может, вы писать устали? –
Не поверю ни за что!

Вот сию – а под рукою
книжка Анненской лежит –
мой подарок – и строкою
о тебе мне говорит,

вся большая-пребольшая...
Лето целое читать
будешь ты – июль и август –
и *меня* с ней вспоминать!

«Пинчик младший, Пинчик старший» –
я Алёнушке пошлю,
крестик золотой – Алеше
(знак, что и его люблю).

Вы рисуете, конечно?
Нарисуйте поскорей
нашу дачу – сон сердечный –
и пришлите мне. Теперь,
как рассказывает мама,

там всё очень хорошо:
и цветов палитра-гамма,
и грибы пойдут ещё...

Здесь у нас погода – прелесть.
Лето чудное стоит.
И в походе я надеюсь
не пешком весь день ходить,
а верхом, с удобством ездить.
И лошадка тут как тут –
рыженький дружок чудесный,
дарящий тепло, уют...

Есть походная здесь кухня:
два коня, котёл и дым.
Через час вода вскипает –
ну а мы уже стоим!

Что ж, кроты мои, целую.
Мама всё расскажет вам:
про страну эту чужую,
как живу здесь. Дома ж, там –
чур, – *не ссориться друг с другом!*
Булю зря не обижать.
Старших слушаться – проверю!
Папу чаще вспоминать...

P.S.

«Почему так важны впечатления детства? Почему важно торопиться наполнить сердце и ум ребёнка светом и добром с самого раннего возраста? В детстве – сила доверия, простота, мягкость, способность к умилению, к состраданию, сила воображения, отсутствие жестокости и окаменённости.

Это именно та почва, в которой посеянное даёт урожай в 30, 60 и 100 крат. Потом, когда уже окаменеет, очерствеет душа, воспринятое в детстве может снова очистить, спасти человека».

Александр Ельчанинов. Записи. С. 132.

«Самое глубокое наше и самое заветное – это наше детство, в нас живущее, но от нас плотно завешанное. Мы забыли о нём, об этой изначальной близости со всем бытием...; забыли, но оно продолжает жить в нас и в известные времена неожиданно объявляется».

П.А. Флоренский. О кукольном театре Ефимовых [Неопубл. предисл. П.А. Флоренского к книге: Симонович-Ефимова Н.Я. Записки петрушечника. М.-Л., 1925] // Ефимов И.С. Об искусстве и художниках. Художественное и литературное наследие. Сост. А.Б. Матвеева, А.И. Ефимов. Коммент. А.И. Ефимова. М., С. 171.

«...Общение с детьми учит нас искренности, простоте, умению жить данным часом, делом – основному в православии. Дети каждый день как бы снова рождаются – отсюда их непосредственность, неосложнённость души, простота суждений и действий. Кроме того, у них незаглушённое чувство добра и зла, свобода души от плена греха, отсутствие суда и анализа. Всё это мы имеем от рождения, как дар, который мы легкомысленно растериваем в пути и потом с муками и трудами собираем по крошкам растерянное богатство».

Александр Ельчанинов. Записи. С. 132–133.

ПО ПУСТЫНЕ...

«Опять войны разноголосица
На древних плоскогорьях мира...»

Осип Мандельштам

«Неистощим, беспощаден
Всепроникающий зной.
И путь, мимо круч и впадин,
Слепит своей желтизной.

...И белая церковь глядится
Из клёнов и лип – сюда,
Как белоснежная птица
Из мягкой листвы гнезда»

Даниил Андреев

Письмо к жене от 13, 15 августа 1915 г.

Уж полдень минул, на часах – четыре.
Жар солнышка. Прохладный ветерок.
Одна беда: вода в пустынном горном мире –
за две версты от нас, – солёная, как пот.

Коньяк и то отбить его не в силах, –
тот привкус в чае... Очередь солдат
к двум бочкам с влагой – солоно-постылой,
но позволяющей нам жажду утолять.

Кругом – безводная, чуть призрачная местность.
Идём по ней, – как древний тот народ,
который, проблуждав, – не впал в безвестность,
а закалил дух Веры – тот оплот,
без коего не жизнь – существованье...

Мы вышли поздно. Вечер, мстя за то,
что одного его вдруг оставляем
в пустыне дикой, – нам послал «циклон» –
слепящей пыли облако-лавину...
Мост хлипкий над широкою рекой.
Представь себе умильную картину:
усталых ратников – вмиг подтянулся строй,
и – громкое «ура»: мы перешли границу,
и новая Империя встаёт, –
древнее нашей... Радостные лица.
Но что там – *впереди*,
какая участь ждёт?..

Безжизненный простор. Когда-то здесь потоком
неслась огромная и бурная река.
Иссяк давно источник «кровотока»,
и вместе с ним – равнина замерла.

Час полнолуния. Луна – всё выше, выше...
Свет призрачный «дорогу» освещал.
«Рязанско солнышко...», – я от солдат услышал,
и образ родины – увы, на миг! – предстал...

Идём вёрст пять – и краткий отдых-вспышка.
Быть может, *так же* сотни лет назад
кочевники здесь шли, и лагерь-передышку
разбили на камнях?.. Кто может это знать...

Качаюсь на лошадке. Ритм – и думы...
О Прошлом, что пред нами вдруг встаёт.
Виденья наплывут – и облачком бесшумным
в пыли растают... Путь-круговорот...

Воды достигли, Марочка, лишь в полночь.
Горячий чай. Блаженный отдых. Сон.
А через час – вновь в путь. И, в полудрёме,
я забираюсь в кочевой свой «дом».

И вот прошли мы 90 трудных
и долгих вёрст. Как город X. на нас, –
весёлых, бодрых, *внутренне спокойных*, –
глядел чуть изумлённо!..
Словно *в первый раз*
сюда войска нагрянули – ей Богу!..

Да, *много* видели те башни древних стен,
то возвышались – грозные чертоги! –
и не сдавались в чуть позорный плен
ни кочевому племени, ни сброду
разбойников... Высокая стена.
Глубокий ров. Должно быть, «воеводы»
персидские спокойно здесь себя
и в безопасности полнейшей ощущали.

Но та эпоха – минула давно.
И вот – *сыны России* здесь.
Не знали нас, не ждали?..
Что ж, познакомимся.
Теперь вам – всё равно,
усталые и мёртвые руины...
Вы осыпаетесь, и тления узор –
не красит ваши древние седины...

Как и монархия, вы опустили взор –
как «очи долу», говорят в России...

И снова – бытовых забот полон.
Уже не так здесь жарко и постыло.
Сады кругом. И ветра тихий стон
всё время за спиною раздаётся...
И – пыли нет! Стоянка – хоть куда...
А, главное, *вода* – в источниках, колодцах –
вкуснейшая амброзия – да-да,
не смейся, Марочка, на это ты сравненье:
Вода (не Солнце!) – вот источник сил,
а нет Её Величества – мученье,
и белый свет нам кажется не мил.

Сейчас велю седлать я лошадь – еду
послать вам телеграмму. Может быть,
и от тебя я получу. К обеду
готова будет баня – можно жить!..

Как видишь, Миша твой не унывает.
Пошлю теперь я новое письмо
уж в Питер, на Фонтанку... Дорогая,
целую крепко всех. Пока. Хорошего всего.

P.S.

«Как далеко мы уже уехали... Не на сотни и тысячи вёрст, а на много сот лет, на целую вечность в прошлое. Здесь ведь скалы, пески и ущелья – как вчерашний, едва истекший день – помнят Тамерлана; и скрип его диких повозок...

...Здесь не может быть истории, этого искусства мёртвых. Всё относительно на куске земли, где песок смешан с солью и солнечным светом.

...Ни проблеска нового творческого начала, на одной книги на тысячи вёрст. Упадок, прикрытый однообразным и великолепным течением обычаев. Ничего живого...».

Лариса Рейснер. Афганистан // Рейснер Л. Избранное / Вступ. ст. И. Крамова. М., 1980. С. 108–110.

«АЗИАТСКИЕ ТРУЩОБЫ»

«Хищный язык городов глинобитных,
Речь голодающих кирпичей»

Осип Мандельштам

Из письма к жене от 18 августа 1915 г.

«Азиатские трущобы»!
Вот и я увидел вас
(Ратник? Путник? Гость случайный?..) –
жаль, что в «неурочный» час:
дни «кампаний» и «баталий» –
всё ж, *стоят особняком*
(как и дни бичей-восстаний,
сотрясающих весь Дом
человечества, в эпоху
крови, пота, слёз и Тьмы...
Далеко нам до Истока
милосердия – увы!..).

Мара, деточка родная!
«Град» персидский – словно клад
в сказке-сне Шахерезады
(что понятней для меня
стало после посещения
«экзотических» сих мест...).
И Востока притяженье –
как магнитом душу-крест
завало в свои лачуги
(здесь *они*, а не дворцы
задают свой тон повсюду).

...Звуки – словно бубенцы,
мчатся, падают лавиной,
заглушая сердца стук:
завыванья муэдзина,
шум базара...

«Тук-тук-тук!» –
это лавка, где жестянщик
занят важным ремеслом.
Там – сапожник (бес-обманщик),
здесь – кузнечный грохот, звон...

Продавцы (мужчины-персы)
величаво – о, Восток! –
восседают, повсеместно
попивая чай – “урок”,
в чём спасение от зноя...
Курят, Марочка, – кальян.
Здесь народ – красив, не скрою
(женщин, правда, не видал).

И повсюду – и в кофейнях,
и в цирульнях – шаха взгляд
нас преследует с портретов,
что без счёта здесь висят.

Ну, а рядом – *русский* профиль
(государь наш – кто ж ещё?).
Мало пьют *в кофейнях* – кофе:
как и мы – лишь чай. Вино –
здесь, конечно, под запретом:
«Иншалла!»* –таков закон.
Лишь евреи – нарушают,
а попался – крик и стон...

За базар чуть отошёл я,
вижу – виселица. Казнь –
тут нередкое явленье.
Впрочем, «мягче» стала власть
под влиянием России.
Спорить нечего – внесли
мы *культуру* в те чужие
местности, куда дошли.

* «На всё воля Всевышнего!» (Пер. с арабс.).

Платит армия деньгами
за фураж, еду, – *за всё...*
(даже в Горном Курдистане!).
Лишь марксист – грустит: его
так тревожит, бедолагу,
пролетария судьба,
что «свободы наций» ради –
не заметит и врага!

Видел беженцев армянских.
Возвращались все домой, –
истощённые ужасно...
«Строй»? Нет, – горестный «конвой»

женщин и детей, бредущих
в отчий край... Среди мёртвых тел, –
(словно Совесть стерегущих), –
кто нашёл уж свой Предел...

И какое счастье, Мара,
сознавать, что ты – идёшь
на защиту Детства стана,
Материнства... Да, – и всё ж
сердце *радо*, даже видя
эти страшные Пути
(что тебе – о, Совесть, стыдно!):
нашим детям – не идти
по дорогам каменистым,
не страдать, не голодать,
и под небом скорбно-мглистым
смерти мзду – *не отдавать...*

Что же, деточка, родная, –
будь спокойна за меня.
Верь – *всё это так и надо.*
Значит, – такова Судьба...

P.S.

«Созревают в сердце всходы,
ты судьбою награждён.
В неизбежности – свобода,
в неизбежности – закон.

...В каждой страсти – отзвук боли,
в каждой жертве – рок.
Ты же стой, как воин в поле,
За тобою – Бог».

Ирина Яссен

ПЕРВЫЙ БОЙ

«Смерть, кто это – мужчина или женщина? Аллах ведаёт...

...Сила смерти не в целенаправленных ударах и не в победных атаках; она то побеждает, то терпит неудачу... Способность Смерти к победе проистекает из того, что она действует в одиночку, ни с кем не вступая в союз. ...Смерть – хитра, непостоянна, изменчива, способна к перевоплощениям! ...Она может появиться в виде пешего, бесстрашного бойца или превратиться в змею.

...в большинстве случаев Смерть терпит поражение, когда она появляется с развевающимся чёрным знаменем среди поднятой над полем боя пыли... В этом своём обличье она предстаёт смелым воином, с которым следует биться до конца, и сопротивление ему в большинстве случаев заканчивается победой».

Мааммар Каддафи. «Смерть»

*«Он душу мне залил метелью
Победы, молитвы, любви...
В ковыль с пулемётною трелью
Стальные легли соловьи...»*
Иван Савин. «Первый бой»

Из письма к жене от 5 октября 1915 г.

...Сидел я с пулемётами на горке –
и ожидал... Чего? – Снаряда дерзкий свист:
ещё не пережил я «чувства-катастрофы»,
что я – мишень («солист», – а не «статист»)...

«Сосать» вдруг стало – это ожиданье
невольно заявило о себе...

**Груз неизвестности! Любого наказания
страшнее он**, – теперь уже вполне

«со знанием дела» заявляю, Мара.

Страх смерти иль раненья? Нет, – скорей
боязнь, что «попадёт» в тебя... Как странно.

Уже ловил себя на мысли: побыстрее
подранило бы, что ли, – и наступит
конец тоски, когда чего-то ждёшь...

Но длилось это около минуты:

всё ж усмирил себя: «Решенья – не найдёшь,
и думами себе ты не поможешь...

Пускай уж – будь что будет!..» Чудо-сад –
меж тем своё показывал мне «ложе»,
гордясь убранством праздничным...

Наряд

его осенний – живо мне напомнил

России дальней милый уголок...

Опавший лист шуршал, кружась проворно...

Казалось даже – гриб сверкнул разок

под жёлтым золотом, – но где ж ему здесь взяться?..

Природа тихо сделала своё –

волненье унялось, и, – не стыжусь признаться, –
ей **благодарен** был – хотя б за то...

Ночь провели спокойно. День – и снова
событий не случилось никаких.

Все ждали подкреплений, и готовы
принять их были, ратников своих.

Но – «Ваше благородие, вставайте!..».
Проснулся мигом, слышу – близко свист
простых пуль, разрывных...
Предчувствие атаки...
И треск шрапнели – словно дикий визг...

Ну, думаю, ворвались с ходу турки,
подкрались незаметно к нам сюда.
И стало страшно весело. Минуты
слились в единый миг – бывает так всегда

в минуты «роковые», «боевые»...
(Читай Толстого, милая моя).
И радость где-то в глубине души бурлила –
надежды жизни мощная волна...

...Приказ на выдвижение. Слава Богу!
Вперёд пошли. Команды. «Залпом... товсь!..»
Перекрестился я – да, Марочка, не скрою –
вот побывать и «в деле» довелось!..

Бежали турки. Мы за ними – следом,
беря в прицелы их, как на ученьи – цель.
Вдруг чувствую – фуражку точно шилом
проткнул мне кто-то (говорю теперь

уже спокойно, сиясь разобраться,
как чувствовал себя – ведь в первый раз).
Пробита туля. «Под огнём – смеяться?!..» –
наверно, не поверишь мне сейчас,
но стало, Марочка, – *мне даже веселее...*
Так *все вели себя* – не только Миша твой.

И настроенье *праздника* (в той мере,
как позволял Войны лихой конвой...)
весь день, ей Богу, нас не покидало!

А вот и солнце – прямо туркам в глаз.
Засел в садах противник, непрестанно
обстреливая нас, а мы – в дневной и светлый час,

удобный для обнаруженья «целей», –
стреляли тоже, близко подойдя.
Могу сказать, в душе не лицемеря, –
моя команда проявить себя
смогла прекрасно... Здесь же – и дружина
армянских ратников. Я быстро разъяснил
им, что к чему. Отрадная картина
(прошу, чтоб Бог за «похвальбу» простил):
единство пулемётов и пехоты
(и страха меньше стало у людей!)...

Что, – чересчур мажорные здесь ноты?
Но так и было – ты уж мне поверь!.

Стрелял и лично – три я раза, Мара.
Спускал курок лишь (наводил – солдат).
И чувство радости, «сердечного пожара» –
не унималось, и в душе – не «гладь»,
«не тишь» свои накладывали метки,
а близкая к молитве сила-дух...
Её я вспоминаю силуэты
и гимны ратные... Довольный сердца стук...

Как время удивительно летело!
5 – 6 часов сидели, бой ведя,
и неожиданно – в задоре, бодро, смело! –
прошли они, – как будто полчаса!

И ни о чём не думалось, лишь только –
о турках, о патронах, о воде
(***для пулемётов*** – не себе): настолько
забылись мы в настойчивой стрельбе...

Но вот приказ: идти вперёд. Решили
для безопасности людей – переползать.
Но – грянуло «ура!» И всех вдруг подхватила
атаки вдохновенная волна.

Идём вперёд. Хорошие «секунды» –
открыта местность, беззащитна плоть, –
но духа торжествующие трубы
зовут вперёд, как родины оплот!

Бегу, кричу «ура»... Но – держат пулемёты:
тяжёлые они, и нужно отдых дать
команде нашей, взмокшей всей от пота.
По новым целям снова здесь стрелять.

...Когда бежал в открытом чистом поле, –
вдруг, словно в сказке, ветер впрямь затих.
Исчез и посвист пуль. Душе – одно раздолье.
И бой закончился для нас, – как «лейтмотив»

часов прошедших (может, *целой жизни?*..).
Что ж, день сторел дотла, и *на сегодня* – всё.

...Кому-то – праздник, для кого-то – тризна
по павшим за Отечество своё...

P.S.

«Впрочем, давно уже идут между смертными споры, что важнее в делах войны – телесная ли крепость или достоинства духа. Но прежде чем начать, нужно решиться, а когда решился – действовать без отлагательств. Стало быть, в отдельности и того и другого недостаточно и потребна взаимная их поддержка».

Гай Саллюстий Крисп. Заговор Катилины / Пер. С. Маркиша // Антическая литература. Рим: Антология / Сост. Н.А. Фёдоров, В.И. Мирошенкова. 2-е изд. М., 1988. С. 247.

«Местом моего боевого крещения были Ростоки Горные, временем – второй и третий день Рождества 1914 года.

Я стоял со своим взводом на хорошо пристреленной австрийцами открытой позиции всего только в пятидесяти шагах позади наших передовых пехотных окопов. ...Охватывая душой и глазом всех этих вверенных мне людей, я испытывал новую, выросшую за ночь связь с ними, новую любовь к ним, своим батареям, и ответственность за них.

...— Началось, ребята, – весело сказал я фейерверкеру и наводчику и тут же вполголоса скомандовал: – К орудиям.

Сообщилась ли моя весёлость солдатам, или, поднявшись в их душах, она переселилась в мою, я сказать не могу. Знаю только, что первый бой остался у меня в памяти одною из самых звонких, весёлых и возвышенных минут моей жизни.

...Для меня нет сомнения в том, что древний восторг боя... наполняет нас не ненавистью к врагу, не жаждою победы и даже не любовью к родине, а чем-то возносящим нас над жизнью и смертью”.

Ф.А. Степун. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергея. 2-е изд., испр. СПб., 2000. С. 286.

«От войны осталась в душе молитва, чтобы в страшный час последнего боя со смертью Бог даровал бы мне силу и самую непобедимую смерть ощутить залогом бессмертия».

Там же. С. 287.

«Кто был на войне, тот знает эту короткую, бессвязную, немую молитву – **“Господи помилуй”**, что гвоздит в мозгу, когда уши оглохли от грохота лопающихся тяжёлых снарядов, от рвущихся шрапнелей, когда всё бесформенно, дико и так непохоже на жизнь и на землю. Кто не шептал эти два таких простых и таких великих слова, что лучше их ничего никогда не придумаешь, кто не имел их в своей, тогда пустой от других мыслей голове?»

В старой, православной, великой России вера отцов трогательно говорила нам о бессмертии души...

Воин Христов не боится смерти. “Он чаёт Воскресения мёртвых и жизни будущего века”. Он прозревает дивную красоту этой вечной жизни, перед которою так ничтожна жизнь земная.

...Верующий – фаталист. Он верует в Промысел Божий, в предопределённость судьбы своей и в Божье милосердие. Кто не повторял в часы боя, в минуты трепетного волнения ожидания смерти великолепный 90-й псалом Давидов?

Живый в помощи Вышнего, в крове Бога небесного водворится, речет Господеви: Заступник мой еси и прибежище мое, бог мой и уповаю на Него... Падёт от страны твоя тысяща, и тьма одесную тебе... На аспида и василиска наступиши, и попрещи льва и змия”...

Великий полководец наш, Александр Васильевич Суворов... не расставался в походах со священным писанием. 90-й псалом был его любимейшим псалмом и, когда хоронили Суворова, певчие пели этот псалом в бесподобной музыке Бортнянского”.

П. Краснов. Душа армии. Очерки по военной психологии. Берлин, 1927. С. 66–68.

КУРД ИБРАГИМ*

«И тем печальнее, тем горше нам,
Что люди-птицы хуже зверя
И что стервятникам и коршунам
Мы поневоле больше верим»

Осип Мандельштам

Письмо к жене от 14-го марта 1916 г.

Милая Марочка! Три дня назад
к нам приходила курдянка, с ней – мальчик.
Мужа её – осудили на казнь.
...Видно, волнуясь, – плохой я рассказчик!..

Казнь состоялась вчера поутру.
Мне не забыть эту дрожь Ибрагима,
стыд наш, глядящую жадно толпу,
глаз-угольков его малого сына...

Как целовал кроху пылко отец!..
Пестовал нежно в минуты свиданья...
Плача, шептал что-то...Ну, а птенец –
так растерялся вчера... Наказанье

* Письмо частично опубликовано в российской печати в 2001 г.: Казнь курда / Публ. Николая Курносова // Общая газета. 2001. 19–25 июля. № 29 (415). С. 9.

Ей-то за что, этой юной душе,
не понимающей, что происходит?!..

...Ждут все. Кого ж? Губернатора нет.
Нет никого, кто бы смерть подготовил...

Ждёт и солдат. Стоя в круге, дрожит...
Вот уж верёвку намыливать стали...
Руки вязать... Приговор говорить.
Нервная спешка – глаза б не видали!..

Тут я ушёл и на казнь – не смотрел.
День был по-прежнему – солнечный, славный...
Просто шагнули за Жизни предел –
и отобрали, легко и бездарно...

Так вошёл в мою жизнь пленный курд Ибрагим,
и от ужаса Смерти – не скрыться...
Ну, а мы?! – Чуть вздохнём, постоим, поглядим...
Тень привычки – застыла на лицах...

Но ведь казнь – не убийство на страшной войне,
это дело – конечно, другое...
...Ну, а, может, вся наша «культура» – слетит,
словно маска, – и выйдет *иное*:
лёгкость жечь и казнить, простота убивать –
словно звери, а вовсе не люди?!..

...Мысли – бродят, снуют, не дают отдыхать,
словно щепки в проточной запруде...

Может, всё это – скажется после войны,
когда ужас и боль осознаем?..
А сейчас я уверен: *в суровые дни
смертной казни – не нужно... Бог с Вами!..*

P.S.

«Преступники, через смертную казнь выгнанные за врата видимой жизни, возвращаются в мир ещё более страшными преступниками».

К. Бальмонт. Мысли Словацкого // Бальмонт К.Д. Где мой дом: Стихотворения, худож. проза, статьи, очерки, письма / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1992. С. 235.

«Я не выносил холодной жестокости государства. Я никогда не мог переносить жестоких наказаний. Отрицание смертной казни всем моим существом было так велико, что я склонен был делить людей на смертную казнь защищающих и смертную казнь отвергающих. К защитникам смертной казни я начинал относиться враждебно и чувствовал их своими врагами. Думаю, что это русская у меня черта».

Н.А. Бердяев. Самопознание

(опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 60.

«На развалинах мира, который ещё недавно казался “новым”, а ныне стал “отжившим”, мы все – европейцы, азиаты, американцы – должны одуматься, сосредоточиться на нашем внутреннем душевно-духовном укладе, произнести над собою честный и искренний суд и распространить это самоосуждение на все области культурного творчества. ...То, что совершается в мире за последние полвека, есть *крушение нашей культуры*... Крушение это выражается, во-первых, в том, что она предоставила в своих собственных недрах сложиться, окрепнуть и победоносно выступить новому *духовному варварству*; во-вторых, в том, что она сумела противопоставить этому духовному варварству только *формальную цивилизацию, чувственное разложение и хозяйственную жадность*. Нам нельзя отвёртываться от этого печального зрелища и замалчивать его; напротив, мы обязаны поставить честный диагноз, выговорить правду и приступить к отысканию новых жизненных путей...».

И.А. Ильин. Путь к очевидности // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 1994. С. 535-536.

СОН И ЯВЬ

«Бог говорит, в основном, посредством снов и видений...»

Карл Густав Юнг

Письмо жене от 25 марта 1916 г.

Милая Марочка! Сон мне приснился –
будто бы ты поступила в отряд
(в Красный наш Крест)... Подсознание – боится:
как же там дети – одни, без тебя?..

Рад был я очень, «сестра милосердия», –
только во сне! – что ты рядом со мной.
А наяву – отступают виденья,
и недоволен: военный «конвой» –
лишь для мужчин, не для вас – предназначен.
женщинам – там, где тепло очагов,
дети, уют, **кров** людской – однозначно
следует быть... «Ретроград»? Что ж – таков,
и не жалею об этом нисколько...

Мокрый здесь снег беспрестанно идёт.
Грязь – как классический “эпос”, и только!
Ждём, когда солнце – отрадой сверкнёт...

Скоро исполнится три уж недели,
как мы покорно на месте сидим.
Глянь, – там и Пасха весенней свирелью
нам пропоёт, – словно родины дым
вдруг озарит чудом праздника, света...
Будем встречать её здесь – иль в пути?..
Сердце – не знает, не ищет ответа:
что суждено – то и нужно пройти.

Почта вот-вот к нам поступит, надеюсь.
Жду с нетерпением книг. Чёрт возьми,
все офицеры – почти что за «ересь»
запас их иметь почитают – увы! –

но так, «на часок», – очень многие просят:
ведь время сейчас просто некуда деть.
Как рад, что привёз сюда шахматы! Сносен
лишь с ними «досуг» мой, и дальше «сидеть» –
пускай и с трудом – набираюсь терпенья...
Нас четверо стало уж здесь игроков.
Игра интеллекта, дитя озаренья, –
Верушу в тебя научу – будь здоров! –
играть я, –но *после* военной рутины,
когда с «захолустного» фронта вернусь...
И в сердце всплывают немые картины
артекских видений, и облачко-грусть
слегка напозёт на них – и упорхает...

Как с дачей решила? Пиши поскорей.
Целую тебя и ребят. Не хватает
мне вас, как и прежних безоблачных дней...

КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Письмо к жене от 7 апреля 1916 г.

Милая Марочка! Ты уже знаешь –
наше «сиденье» сменилось – ура! –
новым походом... Меня понимаешь?
Радость огромная – словно волна –

в сердце трепещет: и впрямь, «засиделись»...
Что же – пора, знать, «размяться» в горах.
Знаем, что ждёт нас: не ангелов прелесть –
варварство курдов (простит их Аллах!).

...Наша «прогулка» – напомнила мне
стычки времён покоренья Кавказа:
та же природа (как в призрачном сне...);
тот же противник – как рак-метастаза:

кто этих горцев из нас разберёт,
«мирный» – «немирный»... Читай Льва Толстого;
сделай поправку *на время* – и вот
вмиг впечатление будет готово...

Самое лучшее – курдам войну
всем объявить, и не делать им скидок,
чтобы набег – отрядов «чуму» –
раз навсегда прекратить... Без ошибок
здесь, разумеется, не обойтись,
но эти выводы – жизнь порождает...
Две-три недели назад родились
взгляды, что нынче – уж *все* разделяют:
каждый солдат здесь, казак, офицер...

...*Сотни* тогда в наступленье шло курдов.
Наш авангард – казаков-«гренадер» –
стойко держался – до самой минуты,
как подкрепленье к нему подошло.

Что же, – ты спросишь, – там дальше случилось?
Курды *исчезли как дым* – вот и всё.
Нам не сдались, уповая на милость,
просто в селенья – как дым! – разошлись,
спрятав винтовки свои и патроны.
С кем воевать? Те, кто здесь родились,
непобедимы в горах, и «притоны»
эти разбойничьи – в каждом углу;
в саклях, что нищенски в скалах ютятся...
Пусть даже «мирные» курды живут
(выглядят, Мара, – как те оборванцы
в пьесе «На дне»), – то готовы всегда
помощь «немирным» представить братьям:
пищу, приют... Разве в том *их вина*?
В этом – их долг пред своими... Проклятье! –
сколько за нами шпионит здесь глаз!
Каждый пастух, даже малый ребёнок...
Мы же не немцы, которым «указ» –
всех регистрировать чуть не с пелёнок...

...Хорошо восторгаться *лишь дома*
партизанской «спартанской» войной.
Здесь же, Марочка, – *это иное*:
страх, что вечно висит за спиной;
тень жестокости – варварской, дикой;
ожиданья набега волна...
А порой – местных жителей крики,
отчужденья глухая стена...

Только здесь, на войне партизанской,
понимаешь *свободу равнин* –
дорогих, среднерусских, крестьянских...
Но кругом – лишь развалины... Дым...

Непривычный разреженный воздух
да крутой каменистый маршрут...
«Слишком поздно... Да-да, слишком поздно...» –
клочья мыслей проносятся тут,
словно местные дикие ветры...
И трещит шкура русских солдат.
Перевалов отроги-кюветы.
Ледников пламенеющий скат.

Ну, а главное, – *дьявольский холод!*
И шинель здесь – одна! – не спасёт.
Тяжелей, чем обстрелы и голод...
Но мечта – продолжает полёт,
ей всё грезится тёплое море...
Ласка солнца... Улыбка твоя...
И горячих стаканов «колонна»
на столе (чай – отрада моя)...

Ну, а стычка – была *лишь однажды*.
День. Ущелье. Засада врага.
Но держались мы чутко, «на страже»,
вмиг – развьючили груз свой, – и я
поразился, как слаженно-быстро –
и спокойно! – солдаты мои
выполняли команды (в Тифлисе,

видно, были учения дни
не напрасны)! Потерь – *не имеем*.
Это важный, признаюсь, итог.
Постреляли... Точь-в-точь на ученьи!
(Да и сам я стрелять уже смог).

Курды тотчас, конечно, бежали.
Снова – путь. Мрачный горный ландшафт.
Мы изрядно, признаться, устали.
Голод грыз, –но какой интендант
здесь за нами угонится, бедный?..
Деревушка. Разбили ночлег.
Под угрозой засады-обстрела –
утром снова в поход (иль – в набег?)...

...Наконец, – путь назад. День *последний*.
Результаты: немного скота
мы отбили, сожгли две деревни,
больше сотни убито – да-да! –
этих горцев, разбойников-курдов.
Так что *признан удачным* поход.
Но *иного* я здесь не забуду:
«эпизода», что сердце берёт
за живое... Казак наш пропавший –
вдруг нашёлся! Представь лишь на миг:
переправа... И ратник уставший
оступился, – и в реку... Был крик,
или нет?.. – Всё вода заглушала.
Тело найдено *не было*. Скорбь.
Но и время нас всех поджимало –
продолжался тот горный поход.

Он же – *жив был!*.. Потеря сознания.
Больше суток лежал среди камней.
Три версты до деревни случайной
полз... Но нас – *уже не было* в ней...

А *к своим* – он с трудом, но добрался,
только первое время молчал...

Шок глубокий: в живых, знать, остаться, – он, наверно, уже не мечтал...

Закалённо кавказское войско!..
Повоюешь с природой – *вот так* –
поневоле тепличные свойства
растворятся, как в радугу – мрак.

Привыкаю к войне понемногу.
Первый раз, как на курдов ходил, –
столько я обо всём передумал,
а теперь – *так спокоен* вдруг был!..

Может, курды лишь в том «виноваты»?
Всё же это – не турки. Как знать...
Но душа – ни скорбеть об утратах,
ни грустить – *не желает*... Вот так.

Самочувствие – было прекрасным
всё то время, что длился поход.
Ну, а бой?.. – спросишь. – Всё же ужасно...”
Вовсе нет: пулемётный мой взвод
весь держался спокойно и браво...
И *задор боевой* охватил,
когда выстрелы грянули... Странно –
Божий свет был особенно мил!..

Было жалко, что всё прекратилось
слишком скоро. Довольно о том.
Напиши мне скорей, – сделай милость, –
как готовится к Пасхе наш дом...

Завтра буду писать поподробней –
о различных домашних делах.
Ну, целую. Бегу уж проворней
на дежурство в предгорных местах...

P.S.

«Трагизм Первой мировой войны состоял в том, что смерть перестала быть сакральным явлением. Убивать оказалось возможным просто так, из-за ничего, безнаказанно, с одобрения и благословения церкви. Убийство стало технизированным. Убивающий больше не видит своей жертвы, не переживает сакральность свершаемого и перестаёт соответственно ощущать и сакральность жизни».

В.В. Налимов. В поисках иных смыслов. М., 1993. С. 190.

«Стариннейший народ. Все кочевники. Многочисленные стада овец, немного рогатого скота, несколько верховых лошадей – это всё их богатство.

В своём внутреннем обиходе живут жизнью каменного века. ...Живут они древними своими обычаями. Турок недолюбливают.

...В общем, курды – народ хороший, и мы их даже полюбили. Из них получились бы отличные конные полки, наподобие казачьих. Да таковыми они и были в Турецкой армии – как иррегулярные конные части.

И вот к такому народу в Турцию с началом войны пришли русские войска. Мы заняли их земли, разрушили их жилища «на топливо», забрали всё их зерно на корм многочисленной коннице, резали овец и коров себе на пропитание, почти ничего не платя за это. А главное – заняв достаточно обширную территорию, мы не дали им никакой местной администрации. ...При таком положении побеждённого даже европеец взялся бы за нож для защиты своей семьи, чести. А ведь курд был самый настоящий... воинственный человек... Вот почему он и стрелял в русского солдата при удобном случае. ...Первобытный человек гораздо глубже любит свою родину, чем культурный человек. Но родина, своя семья, нажитое хозяйство – всем дороги. И мы психологическое состояние курдов поняли остро лишь тогда, когда Красная Армия и советская власть пришли с севера в наши казачьи края и поступили с казаками так, как мы поступали с курдами...».

Ф.И. Елисеев. Казаки на Кавказском фронте 1914 – 1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 143, 144.

СМЕРТЬ КЕРИ

Письмо жене от 29 мая 1916 г.

Милая Марочка! Жарко – всё так же.
Местность, где нынче стоим биваком, –
словно те крымские сказки-пейзажи...
Помнишь? Как счастливы были – *вдвоём!*..

Горы – уж выцвели. Высохли травы.
Тускло желтеют заплатки-поля
на «одеяниях» гор, и забавно
сверху рассматривать крошки-дома...

Ездил сегодня опять к пулемётам.
40 минут лишь езды – уже там!
Ну, а турецкие цепи, окопы –
дальше намного, и «вражеский стан»,

в общем, не слишком-то нас беспокоит:
редко стрельба вдруг усилится вновь.
Как-нибудь там заночую – не скрою
планы свои (что поделать – таков

мой уж характер, и ты это знаешь).
Но *не волнуйся – опасности нет.*
Просто *прохладнее там* – представляешь?
Скучно, конечно... И – грустный сюжет

здесь же хочу рассказать тебе, Мара.
Слышала, верно, *о Керри*? Его
многие знали. Известью-удару –
я не поверил вначале...

Лицо –
вмиг предо мною *живое* предстало:
добрых и ласковых глаз глубина,
нежность улыбки... Увы, – не пристала

мне, офицеру, должно быть, слеза, –
но незаметно она навернулась...

Кери – *душевный* был, мудрый старик.
Широкоплечий, высокий, сутулый.
Строг и суров, но – *ни разу* на крик
он не сорвался, с дружиной своею
долгие вёрсты в походах пройдя.
Как описать мне его? Не умею
слов подобрать – скорбных, словно земля
древняя эта...

Он *воин* был, Мара.

Жизнь – лишь в сражениях, стычках с врагом.
Пламя армянского гнева-пожара
в нём бушевало, – но, странно! – и Дом
мне почему-то не раз он напомнил –
Дом, где Покой и Согласье живут
под соломоновой мудрою кровлей...
Где – и очаг, и тепло, и уют...

Сам он повёл всю дружину в атаку –
наш «патриарх» (образ – в сердце храню).
Две пули в лоб. Смерть мгновенна. Но страху –
он не поддался и в этом бою.

Мы уважали его – и любили,
словно заблудшие дети – отца.
Стало мне грустно, и вмиг осенили
мысли, что, вот, – не увижу лица,
с лаской мужицкою и добротою
молча глядящего (русский – не знал
он совершенно), – и снова, не скрою,
я вдруг подумал: «Да, скорбный финал
жизни достойной – и столь быстротечной!..»

Всё же мне радостно – умер в бою,
славною смертью, оставшись навечно
«гарибальдийцем» в огромном строю

ратников, павших *за нашу свободу* –
не за свою лишь... Ведь *общая боль* –
быть человеком... Задача порою
страшно трудна – это вам не покой!..

Часто в походах с армянами вместе
быть мне пришлось – молодцы, чёрт возьми!
Наши лишения общеизвестны:
недоедая, всё «прём» – как волы
(скарбом навьючены ратники жутко).
И – хоть бы что! Умиляли меня
и вдохновляли – упорством и шуткой...
Что ж, – не любить их, как русских? – Да-да,

равной любовью душа вдруг «накрыла»
русских солдат и армянских бойцов.
Знать, фронтовая незримая сила
нас *породнила* – столь разных! – как зов...

Слышу его я с тех пор постоянно
(с майских тех дней, что к закату бегут):
общие судьбы у нас, как ни странно –
общий и враг, и тревоги, и путь...

...Троицын день завтра. Как-то неожиданно
он подступил – и забыл бы! – но вот
батюшка новый в отряде... Как славно!
Вот уж полгода живём без того,
кто нам так нужен и кто нам так важен:
павших отпеть; причастить – перед тем,
как заберёт Поднебесная Стража
всех умирающих – в Дальний Предел...

...Скоро ли вас, дорогие, увижу?
Будет возможность, – воспользуюсь я
правом на отпуск (пока – не предвижу).
Крепко целую, родная моя.

С «ЗАХОЛУСТНОГО» ФРОНТА

Из письма к жене от 8 – 9 июня 1916 г.

Милая Марочка! Снова бежит день за днём.
Сколько исхожено в это короткое время,
что нахожусь уже здесь!.. Видно, действует некий «закон»:
вмиг *убыстряется* жизнь, когда чувствуешь ратное бремя...

Впрочем, это *ничто* – по сравнению с *западным* фронтом,
где события мчатся и горной лавиной шумят.
Взяли там Черновицы, и похоже, что скоро «за горизонтом» –
нити новых успехов, как в ночь Рождества, заблестят...

Вся Россия, наверно, теперь облегчённо вздохнула:
дело сдвинулось... «Мёртвая точка», – прощай!..
Наступает *начало конца*... Свежим ветром как будто подуло,
и душой мы – на западе, где горит наступленья пожар.

...А у нас, как ты знаешь, – фронт, увы, глубоко «захолустный».
Изнываем от зноя, воду возим в цилиндрах своих
(слава Богу, что близко!)... Иногда мне становится грустно,
когда вспомню о детях, о милых глазах дорогих...

Занимаюсь хозяйством, как собственник-землевладелец:
вот корова моя – снова стала давать молоко,
и примусь пить какао. Похоже, мы вновь «засиделись»,
но когда перейдём – неизвестно. ...Должно быть, смешно

тебе станет порой, когда «письма-отчёты» читаешь
о корове, верблюдах, о поисках свежей травы?

Но и в этом война – ты ведь, Мара, теперь понимаешь...

Здесь сражения – редки, а *быт* – раздобыть бы воды,
да набить бы чуть-чуть опустевший урчащий желудок,
да быстрее управиться с тьмой дежурством,

– *всегда пред тобой.*

Из таких «мелочей» и слагаются целые сутки.

Дни, недели летят, – словно листья ложась за спиной...

Почему-то сегодня обеда не будет – лишь ужин.
Утром мяса не выдали. Видно, придётся «стрелять»
у знакомых своих пограничников: с ними я дружен,
и по-братски поделятся... Что-то – никак не унять
мне призывов желудка. Мечтаю быть снова в Тифлисе,
ресторанчик «Аннона» (где дымится мангал!) посетить.

Как же низко я пал!.. Эти горные, мрачные выси –
давят бич-подсознание... Ты, надеюсь, готова простить
мне подобную слабость, но я принял такое решение:
буду деньги копить, и проем их в «культурных местах».
Только где они, Мара?.. Какое-то прямо *затмение*
«захолустного» фронта,
где наш Бог и не жил – лишь Аллах...

...Покупаешь кротам нашим что-либо сладкое? Сразу
я при первой okazji пришлю тебе 10 рублей
на подобные нужды: умильна отцовскому глазу
(пусть не видит воочию) – радость довольных детей...

В БОЮ

Из письма к жене от 8 – 9 июня 1916 г.

Марочка, как интересно вдруг стало
управлять мне стрельбой артиллерии нашей – да-да!..
Рань. Туманный рассвет. И из нашего ратного стана
одна рота спустилась в низину, что окутана дымкою сна,

и – подъём затяжной на «их» горы, тяжёлый и жуткий...
Скоро турки, очухавшись, взяли *в такой* оборот
наших ратников, что стало нам всем не до шутки –
плотный-плотный обстрел! Артиллерия наша – и бьёт,

но стреляет неточно, и мне это видно покуда
из окопов моих. Я – вперёд. Наблюдательный пункт,
где два прапора охают-ахают – им невдомёк, что отсюда
можно (*нужно!*) снарядов направить движение-маршрут

на позиции турок... И мой темперамент, конечно, не позволил бесстрастно мимо факта такого пройти. Провозился весь день – он, казалось, то мчался беспечно, то на миг замирал (когда турки молчали и мы)...

Вдруг открыл страшной силы огонь неприятель!.. Наши ратники держатся, турок напор – всё сильней. Всё дрожало внутри: ведь задавят всю роту, проклятье!.. Дозвонился с трудом. Передал. Слышу в трубке (душе веселей!)

я команды слова, и – «Огонь!..». Наблюдаю разрывы. Корректирую... Слышу пулемётов моих голоса. Наконец, остановлены турки. И – милые сердцу картины: роты *целой* отход... Наконец, – *в безопасности... Вся!*

Ну, а турки, – норовили пробраться на гребень и позиции наши (что оставлены были) занять. Пулемёты мои – вмиг открыли стрельбу и сумели двух подрезать аскеров, остальных же – чуть-чуть отогнать.

Что ж, не «косим рядами» мы (как в газетах нередко читаем), но *не в этом* суть дела, – а, милая Марочка, в том, что трём раненым ратникам нашим (бедняги отстали) – *помогли мы вернуться*, снова встать в общий воинский строй...

А могли – не вернуться, и навеки в земле здесь остаться... И вот это сознание, что *приносишь ты пользу своим*, страшно дорого, должен тебе я признаться... Сколько раз я вздыхал, когда шли мы в обход (помнишь ты ?) –

и *на выручку* тоже – «Ну, зачем я стремился в пехоту?!...». Знать, не ведал тогда я, что буду здесь лазить *вот так* – в диких скалах, – где только одна лишь забота: не упасть самому от усталости, дрожью в костях

подающей сигнал... И *других* поведу за собою... И тогда же вдруг вспомнил томительный ужас секунд, когда слышишь злой посвист шрапнели... Порою позавидуешь *воинам прошлых времён*... Да, зовут

нас нередко те давние были-картины,
когда треск рукопашной – *единственный* бич фронтовой...
Когда легче сражаться, наверное, было,
лишь холодным оружием, а «мина»
ожиданья Судьбы – не висела, как груз, за спиной...

...Когда *сам* что-то делаешь, – дело, конечно, *иное*:
и на сердце полегче, и бодрость приходит сама.
Вот и нынче: в заботах о нуждах солдат, о конвое –
постепенно тревога *растворилась*...
Словно ратник, – «в дозор» отошла...

О «СЛОВАХ» И «ФРАЗАХ»...

Письмо к жене от 17 июня 1916 г.

Шестой уж месяц, милая моя,
Как мы расстались! И полгода жизни
(злым ветром унесённая волна) –
уж в прошлом, в памяти –
печальной нашей тризне...

Как ты в Артеке чувствуешь себя?
Купаться ходишь? От жары страдаешь?
Должно быть, сразу кучу писем я
здесь получу (когда – не угадаешь)...

У нас тут под запретом отпуска.
Как хорошо, что я *успел*, и с вами
увиделся, любимая моя...
Сейчас же – отказался б, если дали:
по-моему, недоедать – *так всем*,
томиться от жары – так уж *командой*.
Но *бодрость духа*, мой венец-удел, –
не покидает всё же, как ни странно.

Мне даже интересно стало знать –
чем кончится «сидение» здесь наше.

Природа победит – иль благодать
людского духа, воли (пусть уставшей)

одержит верх? Склоняюсь я к тому,
что *русский ратник* победит, надеюсь.
Привыкнуть уж пора мне к смерти, боли, злу,
и вместе с тем – к отваге («Что за ересь?..» –

быть может, спросишь ты, но *здесь*, увы, «секрет»:
Война – смешала, словно в море сети,
и «плюс», и «минус»...). Неплохой сюжет,
но в «пьесе» *Жизни все мы* – словно дети...

И поражаюсь, Марочка моя,
я тихому, чуть видному геройству
солдата русского, которого судьба
забросила сюда – и все людские свойства

вдруг *обнажились*... Проявляет он
нечеловеческое, адское терпенье:
походы, холод, голод – долгий строй
тех испытаний, что, как озаренье,

лишь закаляют силу, волю, дух...
Конечно, много ратников – болеет.
Но, Боже упаси, вдруг пожалеть! «На слух» –
не «милосердые» сердце лицезреет,
а «диссонанс» – всей жизни фронтовой...
Нет, эти «нежности» – нелепы и обидны.
Вот *шуткой* подбодрить, пусть даже озорной, –
другое дело, это сразу видно.

«Пройтись» о горном воздухе – что он
полезен для здоровья человека...
Что доктора советуют притом
нам *мало есть* в жару... Раскаты грома-смеха –

воочию мне говорят о том,
как эффективны эти «мини-шутки»

(пусть незатейливы, просты они порой,
но груз усталости – снимают «прибаутки»).

И *ругань* – тоже действительна порой.
Ты знаешь, раньше в ней был не замечен
твой добрый Миша; здесь же – стиль иной:
порой рычу как лев, как только трусость встречу,
иль лень, нерасторопность... Здесь – не дом:
Война ошибок, в общем, не прощает,
и если *каждый* замечать здесь стон,
«миндальничать», – не уцелеть, и знает
об этом каждый ратник, офицер.

Ещё отмечу я: *наш* человек – не любит
излишних «фраз» и «слов»... Хотя б такой пример:
писакни праздные (пусть жизнь сама рассудит,
но *как* иначе их теперь назвать?) –
нас величают «горными орлами».
Наверно, «мокрой курице» под статью
воображенья их... Здесь, в Горном Курдистане,
мы только выполняем ратный долг,
и слог высокопарный – не обиден,
а лишь смешон – как фиговый листок,
вдруг заменивший амуницию... Постыдно
должно быть *им*, не знающим войны,
её тяжёлой, будничной *работы*...

Но на себя взглянуть со стороны –
не всем дано. ...И снова – пулемёты,
сторожевых постов ночная темь,
рытьё окопов, и пустой желудок.
Общенья радость, слухов дребедень,
и красота волшебных «незабудок» –
минуты любованья под луной
чуть нами растревоженного края...
Но как мне хочется, оставшись *лишь с тобой*,
в Артеке очутиться, дорогая!..

Целую крепко-крепко – и тебя,
и всех кротов моих. Легко сейчас на сердце.
Прочту я про «орлов» соратникам-друзьям –
пусть посмеются, как в далёком детстве...

P.S.

«Об офицерах говорят, а о себе ни слова, и сколько раз я ни пробовал выпрашивать у солдата, как ходили в атаку или в разведку, ничего, кроме односложных ответов, не получал. Не любят они о себе распространяться. Не знают своих подвигов, а что каждую минуту могут с жизнью расстаться, так на то и служба. Настоящий солдат, смотревший в глаза смерти, переносивший все трудности и лишения походной жизни, никогда не станет бахвалиться. Глубоко сидят в нём долгие думы и только разве глаза, просветлённые, не скроют затеплившегося в душе огня».

А. Ксюнин. Народ на войне (Из записок военного корреспондента). Пг., 1916. С. 118.

«...солдаты, наряженные всевозможными народностями, зверями... задали нам целый ряд спектаклей, танцев, состязаний, фокусов, хорового пения, игры на балалайках. Смеху и веселья было очень много. И вся эта музыка, шум и гам прерывались раскатами вражеской артиллерийской стрельбы... А среди солдат и офицеров... царило беззаботное веселье...».

А.А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1946. С. 170-171.

«Герой у нас обозначает не личность, а момент стихийного действия. ...солдаты называются героями, поскольку они сами себя не признают, вернее, не сознают героями, условие любования нашего ими – молчание о собственных заслугах, их смирение, непонимание совершённого ими великого подвига».

М.М. Пришвин. Из дневников в Августовских лесах, 15 фев. – 15 марта 1915 г. // Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917 / Предисл. В.Д. Пришвиной. М., 1991. С. 222–23.

ЧУЖИЕ СТРАДАНИЯ

Из письма к жене от 25, 29 июля 1916 г.

...Теперь, когда настали дни затишья, –
анализу усердно предаюсь,
и голос совести – негромко, еле слышно, –
всё вопрошает (даже чуть стыжусь

его – вопроса, *своего* – ответа):
«И *до каких пределов* ты дойдёшь
в том равнодушии к чужим страданиям?..»
...Эхо «вердикта»-фразы – словно в сердце нож...

13-го мы окопы взяли.
Валялись там убитые везде.
И курд полулежал – в какой-то пыльной яме,
за бруствером, в кровавой борозде...

Я обошёл, взглянул – тяжёлое раненье,
кишка из живота – уж на земле.
Ни слова и ни стопа. Лишь мученье,
да отблеск разума на простыне-лице...

Приспособлять мы начали окопы
уж для себя. А курд – всё не умрёт.
То полежит, то приподнимется. И стопы
так дёргались...» Не вышел, знать, черёд...»

Когда «скапутится», – все *терпеливо* ждали.
Но вот – так через час – затих и курд.
Велел я оттащить его (хоть ратники устали).
Тем всё и кончилось – за пятьдесят минут

(иль – шестьдесят... Не всё ль равно, как будто?..).
Но вспоминаю «сцену» вновь и вновь.
Воды – и то не дали... Зябко, жутко.
Хотя – лукавлю: ведь *чужая* кровь

давно привычна, – как и смерти близость,
как стоны, крики и увечий боль...
Ну попроси воды он, сделай милость, –
мы *дали бы*, конечно, – пусть и с «той»
он стороны... Но нет – не догадались!..
Умрёт и так – «возиться» нет нужды.

...Сейчас, в затишье, чувства – «растерялись»...
О, голос сердца, – правду подкажи!..

Убитых мы оттаскиваем, Мара,
на их же поясах. Закрутят, волокут.
И бой быков мне вспомнился. Гитары.
Азарт толпы в Виши – и скорбный тот «маршрут»,
когда быков убитых вывозили
с арены праздной... «Сцена» – пронеслась
перед глазами, словно вдруг накрыли
вспоминанья-шторы, и – о, власть
игривой галльской памяти-страницы! –
так весело вдруг стало и *смешно*.
Средь «варваров» мы – «римские патриции»!
Забавно? Да, но, в общем-то, – *грешно*...

Ведь курдов мы – *за дикарей* считаем,
но далеко ль ушли от той черты,
перед которой тихо замираем, –
от милосердной Божьей Доброты?!..

Курд умирал... Людская жизнь катилась
к Пределу, но трагический Исход –
был *недоступен* мне, и «обустройство», «дело» –
важнее было, чем страданья вздох,
который – пусть негласно – раздавался...

Но *человека* – я не видел: *червь*
лишь на земле беззвучно извивался...

Так кто же я?!.. «Интеллигент» – иль «зверь»?..

«Культурный человек» – иль тоже «варвар»?..

*Недалеко ушёл я от того,
кто не читал Флобера, Мопассана,
но **человек** был – «только» и всего...*

***В чём** равнодушие к судьбе чужой таится?..*

*Быть может, – в равнодушии **к своей**?..*

*А курд ночами – продолжает сниться
(то человек, то червь он – верь не верь...).*

*Но я – не зритель в этой долгой драме,
зачем-то именуемой «войной», –
я – **исполнитель** в Жизни смертном стане:
в той жизни, что чревата и бедой,
и счастьем, и довольством, и увечьем...*

*Огромн, жуток наш «репертуар»!..
Решать – актёру: «манной» – иль «картечью»
встречать **других**; ударом на удар –
иль жестом, взглядом, словом Милосердья...*

*Война – лишь отраженье Бытия,
и в ней найдёшь и бездну Лицемерья,
и луч Надежды, и исчадий Зла...*

*И здесь же – Состраданье, о котором
я поздно вспомнил, к своему стыду...*

*Ну, Марочка, –уж хватит с нас «итогов»,
довольно грустных сердцу моему...*

*Ведь «исповеди» духа – крайне редко
услышишь здесь от тех, кто на войне
так много пережил. Лишь схема – «птица в клетке» –
всем преподносится в унылой простоте:*

«пошли в атаку», «снова обстреляли»..
Унылый перечень «реляций» фронтовых.

А жизнь души – там, за семью замками,
надёжно спрятана, и редко – *для своих* –
она покажется – лучом-воспоминаньем
о самом близком, милом, дорогом...
А, может, – самом страшном испытании...
Кто знает?.. Там, – *в потёмках*, – Память-Дом...

И часто слышишь здесь: «Убили Н. Покойный
прекрасный был, я знаю, офицер...».
Всё – *с точки зренья воинского долга*...
Да, верно, – есть с кого нам брать ещё пример,

но «человек» и «семьянин» – так редко
слова звучат, и Молох – зверь Войны –
на всех свою накладывает метку,
и некогда взглянуть «со стороны»...

P.S.

«Я не знаю ничего более величественного и скорбного, чем поле сражения на другой день после боя. ...Я ходил между рядами трупов, и мысль странно раздвоилась, отупела как-то – и эта гора исковерканных человеческих тел не связывалась с представлением о самоодвлекющем человеческом существовании.

Передо мной была трагедия, величайшая из всех трагедий – трагедия человеческой жизни, а чувство было такое, как будто кругом не трупы, а восковые фигуры... Было неловко, даже стыдно чего-то, и мысль настойчиво говорила о ужасе войны, о тоске последней минуты, но чувство молчало, и холодно и бесстрастно ловил глаз подробности страшной картины».

***В.В. Муйжель. С железом в руках, с крестом в сердце.
С. 33–34.***

«Нас учит страдание. Война не является неизбежностью, она – выражение нашего грубого и глупого способа обретения опыта. Она приходит, как рок... Вспыхнувшая ненависть сводит в смертельной схватке тех, кто противостоит друг другу, восхищение, сострадание,

любовь идут по пятам смерти. Момент понимания, момент истины наступает, когда принесена последняя жертва».

*Генри Миллер. Вспоминать, чтобы помнить:
Эссе. / Пер. с англ. М., 2001. С. 158.*

НАКАНУНЕ

«Как знаем мы жгучую ненависть толп,
К тем, кто настежь души не раскрыл...»

Глеб Анфилов

«Свершается страшная спевка, –
Обедня ещё впереди.
– Свобода! – Гулящая девка
На шалой солдатской груди!»
26 мая 1917

Марина Цветаева

Письмо дочери от 28 марта 1917 г.

Милая дочка Веруша! Письмо от тебя получил –
с рассказом про оперу.

Рад я,

что «Каменный гость» – тебе мил,
что ты любила искусство.

Приеду теперь в Петроград
(*уже насовсем*, а не в отпуск), –
пойдём мы с тобою в театр,

и будем ходить постоянно...

Алешу с собою возьмём,

когда подрастёт. Ах, как славно
нам будет в театре втроём!

Ты только *учись хорошенько* –
ещё раз об этом прошу.

(А то наши планы *испортишь* –
не зря ведь я, дочка, пишу!..)

О пении. *Голос – дар Божий*,
не всякому послан он – знай!
Нас с мамой всё это тревожит –
и радует... Но, – понимай,
что нет здесь *твоей лишь* заслуги,
и нужно – свой голос *беречь*,
и делать его *ещё лучше*:
как память развить, и как речь)...

Приеду – spoёшь ты мне песню.
Как хочется к белым ночам
вернуться мне в город чудесный
(ещё не понять это вам)!..

Четыре-пять дней – и я буду
стоять на горах, высоко...
У нас здесь цветы уж повсюду,
трава зеленеет, и всё
так радо и солнцу, и свету!

В палатке – уютный покой.
Встречать в ней закаты, рассветы –
уже полюбил я. Со мной
по-прежнему – Бердников славный
(ты помнишь, конечно, его) –
заботится он неустанно
о быте, лишениям назло.

Кроты мои милые! Плохо
теперь стало нам воевать.
Наверно, такая «эпоха»,
иль время сменилось – как знать?..

Солдаты – *не те уже стали*.
Расхлябанность, трусость кругом.
Мы *все здесь*, конечно, устали, –
но *как* воевать, если «дом»
армейский – порушен, заброшен,
никто никому не указ?

Солдат – никого не боится.
Но дело – не в этом: **приказ** –
основа любого маневра,
любого решенья войны –
кому выполнять, если строго
попросит Отчизна?

Лишь сны
остались от армии нашей...
Рабочий – жалеет солдат,
а нас, офицеров уставших, –
никто не жалеет... Вот так!
А нет офицера – конечно,
и армии, в общем-то, нет...
И тяжко, кроты, безутешно –
смотреть мне, как рушится свет...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА...

*«Если ты просветлил свою кровь,
Если ты о надзвёздном грустил –
Сну Грядущего не прекословь,
Чтобы он твою мысль обольстил...»*

*Далека его цель, далека!
Через мглу пепелищ и пустынь,
Донеси, птица-сон, седока
До невиданных веком святынь...»*

Даниил Андреев

«Опыт стилизации»? – Конечно...

Но веками так заведено:

***постиженье Жизни быстротечной
всякий раз – «открытый лист», своё
у эпохи, года, поколенья,
у людской изменчивой судьбы...***

*Лишь Истории уроки-сновиденья
с этим дивным опытом – на «ты»...*

*Нам теперь ярлык наклеить легче:
«пацифизм» иль «национализм»...*

*Им, взвалившим груз войны на плечи,
был страшнее тот «анофигизм»
бездуховности, бесстрастного безволя,
выползающий из души на Божий свет...*

*Это всё – для нас, увы, не ново:
евразийской мощи сонный след...*

*Офицеры прошлого столетья
(и тысячелетия – увы!..)
в годы Смуты, войн и лихолетья –
размышляли о судьбе страны,
месте Человека во Вселенной;
о Культуре, что давала сбой...*

*И заветных образов нетленных
слышался пленительный гобой...*

*Образов России – и Европы,
милых ликов – и чужих краёв,
странствий одиссеевых... И ропот,
крик души, печальный отчий зов...*

*Что возьмём из этого наследья?
Силу воли? Веру? Высоту
нравственную эха-поколенья, –
иль прозрений Духа глубину?..*

*Опыт выживания извечный?..
Что ж, ответ – давай, Читатель, сам...*

*...Здесь – и Муза в платье подвенечном;
и Война, её шрапнельный гам;*

*и Любви кристальные истоки,
что не знают Обручей Времён...*

*И звенящий трелью сна далёкой
клич России, колокольный звон...*

*Той войны жестокие уроки...
Тех заветных писем строгий ряд...
Опыт сердца. Жизненные сроки.
Доблесть офицеров и солдат.*

*«Вечные находки и утраты,
личный долг и крестный путь страны –
в недрах нашей памяти, ребята...» –
словно завещают нам они.*

*...На дворе – эпоха Интернета,
технологий марафонский бег,
но всегда – отныне и вовеки –
сущность не изменит человек...*

*И странички пожелтевших писем,
волны нашей памяти земной, –
не ковер хрустящих мёртвых листьев,
а заветов офицерский строй...*

P.S. ...

«...как ни ужасна, как ни грандиозна эта война, и она под ногами Высот Человеческого Духа. И как бы ни хотелось ей его подточить и разрушить, поставить на его месте кровь и ненависть, только временными могут быть её победы, стряхнет с себя всё это наносное, хоть и ужасное, рвущийся ввысь Человеческий Дух».

*Из дневника саратовского адвоката Н.Н. Мясоедова
(начало 1915 г.). Цит. по: Семёнова Е.Ю. «...Как ни ужасна,*

как ни грандиозна эта война, и она под ногами Высот Человеческого Духа»: Первая мировая война в письмах и дневниках жителей тыловой провинции // Человек и общество в условиях войн и революций. Материалы III Всероссийской науч. конф. Вып. 3. Самара, 2016. С. 40.

«Не оставляли позора в наследство
Детям и внукам любимым,
Твёрдо усвоив со школьного детства:
Мёртвые сраму не имут.
И осознать, вероятно, несложно
Лет через сто или двести:
Всё воссоздать из развалин возможно,
Кроме утраченной чести».

Александр Городницкий

«Как во все дни на войне шла своя война, театром её действия была душа каждого человека, и бились меж собой извечные враги зло и добро. Весь хаос человеческих чувств и помыслов выявился с особенной яркостью и мощью. Взбираясь на самые неизведанные высоты человеческого духа, люди потом падали в бездну. На войне можно было научиться любить человека, но и возненавидеть его новой ненавистью. Пали внешние покровы, открылась изумлённым очам нагота души, но она оказалась загадочнее и сложнее всех былых облачений».

Илья Эренбург. Лик войны (Во Франции). С. 4.

«...Но пройдут года – дотлеет последняя искра пожара войны, исчезнет кошмарная быль, и тогда только ясно увидят потомки, как много послужили родине славные теперешние наши защитники. Летопись великой войны увековечит память героев и дети будут гордиться делами отцов! Теми делами, которые послужили к славе и величию, к покою и счастью нашей святой, нашей прекрасной отчизны!»

Цит. по: Из записной книжки воина. (Рассказ о жизни на позициях). / сост. М.Миронович. Книжка первая. Пг., 1916. С. 6, 5.

М.М. ИСАЕВ.
ПИСЬМА С КАВКАЗСКОГО ФРОНТА 1915–1917 ГГ.

«Человек есть непрерывное усилие
стать человеком»

Мераб Мамардашвили

*Письмо к жене от 8 марта 1915 г.**

«Милая моя деточка, получил от тебя первое письмо. Неожиданно быстро.

Очень обрадовало меня. Знаю, что скучаешь, но, если проникнешься в моё препровождение времени – то за настоящее, и за ближайшее время была бы спокойна. Расположился так, как будто бы на всю войну приехал сюда. Конечно, я не теряю надежды, что выступим рано или поздно в поход (и лучше раньше, чем позже), но сейчас как-то не думаешь, да и не можешь думать о будущем, да и настоящее свелось к узкому, узкому горизонту. Вот, например, сегодня провёл на службе 9 часов, утром с 10 – 3, и вечером с 6 – 10. Вечером обязательно, но не успеешь иначе, по кр. мере, первое время. Я исполняю обязанности и адъютанта по хоз. части, на мне и деньги и денежная отчётность. Всё только налаживается. Но, слава Богу, мои заботы не только бумаги. На моих руках 13 – человек, и, скоро будет ещё – 8 лошадей. Писаря народ развитой и себя не забудут – но есть и от сохи. Сегодня назначил осмотр медицинский своих людей. ...Сегодня нам всем привили оспу, от генерала до вестового, и мы разгуливали все в фуфайках, с засученным рукавом. Отправил 4 солдат за лошадьми... Чернозёмная сила, славные ребята, молодые, 25–27 лет. Все ратники. Станешь спрашивать о семейном положении – сейчас расцветут. Все женатые. Один только за неделю и женился, тут и забрали. А все молодцами. На таких-то Русь и держится. Когда-то предки их шли в Сибирь и заселили её, а теперь они пришли на далёкий Кавказ – прикажут, пойдут и в Малую Азию и принесут с собой охрану несчастным армянам, коих теперь режут турки. Я уже

* В текстах (публикуемых впервые) полностью сохранены их стилистические, орфографические, грамматические и синтаксические особенности. – С.К.

прочёл одну интересную книгу о присоединении Грузии – с богатыми документальными данными. 115 лет тому назад – такие же Ерошкины, Малеевы, Радаевы – числом слабые, но сильные духом, в полном смысле этого слова спасли Грузию от истребления персами и другими дикими народами. А что делалось в самой Грузии: “князей раздоры”, интриги царевичей, взаимное истребление, повальные грабежи простого народа, князьями и дворянством. Грузины-имеретины были не лучше персов. Нет, наша (здесь и далее – подчёркнуто в тексте. – С.К.) государственность на тысячу лет выше стояла, чем грузинская, и таковой она является и теперь, по сравнению с Персией и Турцией. Аннексия – как Имеретии, так и всей Армении – величайшее культурное завоевание. Достаточно прочесть известие о зверствах турок и курдов, что я прочёл сегодня, чтобы сказать, что все формулы – вроде того, что пусть армянский и курдский пролетариат сговорятся между собой – не только жалкие, но и преступные слова. Я же этих курдских “пролетариев”, наполнявших колодцы детскими трупикам – с спокойной совестью, при случае, приказал бы беспощадно истребить. И, я знаю, что вот ради этих несчастных, такой Ерошкин бросил свою семью из четырёх душ детей в далёком барнаульском уезде, сам не сознавая, какое великое дело он делает. Как же не любить эту безымянную, старую, но, воистину, святую Русь! И ради Бога, расскажи ты детям, об этих Ерошкиных, имя... которым миллион. И я знаю, такой Ерошкин не выдаст меня, сам пропадёт, а из беды вытащит. И у нас – во всех наших дружинах – все великорусы. Сибиряки, оренбуржцы, уфимцы. Да, велика Русь и “порядок” в ней есть – внутренний, духовный. И едина она – ибо нить крепкая связывает меня с полуграмотным Ерошкиным, а все остальные народы и народности сольются с нами. “Вы, русские”, говорил с грустью Хотисов, “страшные ассимиляторы, против Толстого, Достоевского, Чехова – никто и ничто не может устоять. Вы ассимилируете нас духовно”. А такой Ерошкин – тот же толстовский Каратаев.

...Вообще же нашим писарям жаловаться на житьё нельзя. Даже наш генерал им говорит “Вы”, помещение прекрасное, из хозяйственных средств отпускаем на усиленное питание по 20 к., а нормально – 40, так что 60 к. в день на брата. ...Одеяла им завёл 8-рублёвые, в баню гоняю каждую неделю на казённый счёт. Днём свободны 2-3 часа. В воскр. отпускаю до поздних часов, до 12 и позже, жалованье 9 и 6 рублей (2 разряда). На службу свою, конечно, не жалуются. Одного только ещё нужно привести мне в пристойную ме-

ру: распущенности и некоторую дозу нахальности, или развязности. Надо искоренить. Сам вижу, да и Нач. Штаба (Вл. Д.) требует искоренения оных пороков.

...Пишу тебе, а уже первый час ночи. ...За отсутствием пока моих двух верховых лошадей – их корм буду есть я, ибо премудрый закон разрешает получать овёс, сено и ячмень не только “натурой” – но и деньгами. Вот, когда интересоваться стал справочными ценами на овёс и т. п., ибо по ним и отпускается. Для меня фуражные – мелочь, но для всего нашего штабного хозяйства – обозные лошади поильцы и кормильцы. Средств на канцелярию отпускается страшно мало – и только лошади и могут нас вывезти – в буквальном смысле слова. Благодаря им только Ерошкину и можно купить одеяло в 8 рублей, и накормить его на лишней двугривенный. Не относись, поэтому, к фуражным свысока, и не думай, что это житейская мелочь.

...А детям накажи, чтобы писали. Вот Вл. Дм. каждый день от своих получает. Наши ещё малы, чтобы каждый день писать. Но хоть раз в три дня. Мне и строчку от них получить радостно. Маме кланяюсь. Шурка, наверное, звонит к тебе. У мамы страховка в конце марта, так я решил ей послать из “тепловых”... Пока что, через несколько дней прибудет... лошадь “ремонтная”, и я, купив... казацкое седло, предполагаю по воскресеньям ездить в окрестности города... Надеюсь, что через воскресенье состоится первый торжественный выезд мой, с вечным Санча-Пансо из Барнаульского уезда, Томской губ. Целую тебя, деточка, крепко, не забываю и постоянно думаю о тебе и о детях...

Твой Миша».

(Центральный архив документальных коллекций г. Москвы / далее – ЦАДКМ / . Ф. 69. М.М.Исаев (1880–1950). Оп. 1. Д. 80. Л. 8-9 об.).

Письмо к жене от 9 марта 1915 г.

«...Приятно было накануне ложась спать, сознавать, что завтра воскресенье, что можешь спать до какого хочешь часа, что не будет колебаний: выпить мне один стакан чаю и выкурить ещё одну папиросу или же немедленно идти в штаб, чтобы наверняка придти раньше генерала. Ибо один из основных законов военной службы: подчинённый должен быть на месте раньше своего начальника. В воскресенье мне нужно было пойти к генералу к часу с визитом, а с этого

времени можно было вдоволь насладиться как чаем, так и папиросами. ...От 3–4 обычно сижу с моим полковником, а в восемь вечера... мне предстояло познакомиться с интересными представителями армянского общества. И всё это ухнуло. Когда я уже собрался уходить от генерала, появляется писарь Газарьянц и докладывает, что их Высокобл. Прислали за его Благородиём, т. е. за мной. Надо немедленно ехать в штаб, так как сегодня в пять часов предстоит посадка на поезда трехсот ратников, присланных на пополнение наших дружин. Нечего сказать, снимают с якоря. В штабе уже идет спешка, заготавливаются документы всякого рода. ...Надо спешить. Трамваи переполнены, приходится нанимать автомобиль, и зато путь в семь верст... в какихнибудь 15 минут.

Какое унылое место, голое – ни кустика, ни травки. На поле разбросаны казармы, постоянно здесь квартирующих полков. Кругом горы – какие-то скучные: как должно быть тоскливо здесь человеку из России, точно в тюрьму посажен, и от света Божьего отгорожен каменными стенами. Где-то далеко осталось раздолье Волги реки, раздолье полей, зелень лесов, ласковые, тихие речки и ручейки. Может быть свыкнешься с местом, если прослужишь два-три года. Но как должны скучать те, которых тысячами привозят... сюда из глубин России – и которые ... разливаются по ущельям “погибельного” Кавказа. И стало мне грустно за безымянную Русь... – как вдруг раздалась бодрая, веселая песня – и, огибая казарму, показалась голова колонны пеших солдат. “Соловей, пташка канареечка...” пели они, дружно отбивая ногу. Бодрые, весёлые, молодые – 25–27 лет. Хорошо одетые, с лихо пригнанными мешками на спине, скатки через плечо, без винтовок, но с шанцевым инструментом. Ряд за рядом проходят они передо мной – все на подбор, рослые – прямо хоть в гвардию посылай. “Откуда вы, ребята, такие будете”. “Мы казанские, Ваш Бл-дь, ...да чистопольские”. “Какие молодые”. “Молоды, Ваш бл-дь, да почитай все детные”. И идут – улыбаясь – так хорошо, ласково – ...безконечно, как безконечна сама Русь.

...А все-то они солдатами какихнибудь два месяца, да из них месяц в пути. Нет, только русский чернозём родит таких солдат, для которых всё... работа – ходить ли за сохой или маршировать с винтовкой.

Началась разбивка и проверка людей, а я пошел к коменданту станции. ...Станция старая, пыльная. А рядом, неоконченный внутри, просторный, светлый вокзал – точно символ настоящей и грядущей

Руси. Дежурный чин надрывается по телефону, в комнату то входят, то выходят, накурено, и тут же, в уголку анемичная девица простукивает свою мелодию на телеграфном аппарате.

...Раздача “кормовых” денег произошла без всяких недоразумений. ...Да что ему гривенник в день пропитания. “Время военное – в окопах и совсем неемши приходится иной раз сидеть».

Там же. Л. 12-13 об.

Письмо к жене от 10 марта 1915 г.

«Милая моя деточка!

Сейчас на дворе идет дождь... Пасмурно. Облачно. Весна 15 года – не пережил я тебя, не чувствую ее пробуждения. Сижу в штабе один. Что-то взгрустнулось. Не стану скрывать своих мыслей, подумал, увижу ли тебя и моих милых кротов. И как-то само собой поставил ударение могу не увидеть. Но странно за три тысячи вёрст – я чувствую и твою близость и детей, словно все вы сидите в соседней комнате. Для психологии война, нет различий и близость и дальность измеряется иными величинами. И в особенности, письма детей, невыразимо трогают. Если бы ты знала, как дороги эти строчки, написанные детской ручонкой, ты бы приложила все усилия, чтобы они писали чаще. ...я как будто знаю, что не вернусь домой, не побывав в огне, и что дальнейшее мое счастье и вся моя будущая жизнь должны быть получены ценою смертельной опасности. Только теперь в тридцать пять лет я познал светлую тайну – что “сладко умереть за отечество”. Почетно – даже говорили римляне – но меня... не трогает и не увлекает. “Или грудь в крестах или голова в кустах” – говорят солдаты – но первое меня не трогает. Мне не надо крестов – мне надо сознание, что моя жизнь могла бы погибнуть. И случись завтра, что заключат мир – мне, кажется, я добровольно не пережил бы долго его. Но, к счастью война скоро не окончится. В этом я больше чем убежден. Странно, что же сидит во мне – русский ли интеллигент 60–70 – и далее годов, которому важно было жертвовать собой – или же русский... – человек божий, бросавших семью и детей во имя божие. Наверное – человек божий – перевоплотился в интеллигента, и мы недалеко ушли в своих чувствованиях от времен крещения Руси. Не так уж важно за что, а *как*. О власти земли писал Глеб Успенский – я написал бы о власти земли русской. Тяга ее влечет меня тысячами нитей, я весь ее, весь, без остатка. ...принял ее в свою добровольную

разлуку с тобой и детьми. Но мое добровольчество дает мне невероятную силу и опору. Разве оправдание в моих глазах, что человек может (бежать) с эшелона, чтобы повидаться с семьей “может быть в последний раз”. Ведь, если так будут делать миллионы солдат – что же это будет? Вчера... привели ко мне 6 немцев-беглецов. Надо было отправить их на гауптвахту. Ночь они провели в вагоне... “Вы хотите своих детей когданибудь увидеть? Так смотрите – от вас зависит, увидите их или сгниете в карцерах... если не переменитесь. За вашу провинность меньше... ареста не будет (а арест... состоит из двух недель карцера...)”. Много говорил им о страданиях наших русских мужиков и о благоденствии немцев в России – всё в присутствии своих русских ратников. Спрашиваю старшего конвойного (вели их за семь вёрст): говорили по-немецки? Никак нет, не говорили. “Молодчина!” “Рад стараться, Ваше благородие”. Доложу генералу о деле. Из 6 – пятеро – это я видел по глазам – восчувствовали всё и несомненно искренне желали загладить свои ошибки. Но шестой смотрел как волк и знаю, что меня он не забудет. Но выучку я всей партии дал хорошую! Сегодня, когда я их загружал в вагоны – уже по русски *между собой* лопотали. Вообще поняли, что они на театре военных действий, что не шутят. Всеми этими (и другими) мерами мы добьёмся, что немец-ратник не взорвет моста, стоя на охране его – а это уже великое дело. Ну, а для положительного воспитания тоже принято мер много. Лучше бы всего, конечно, было их всех перестрелять. ...А тут еще в Закавказье целые гнезда колоний немецких. Ведь вот один из самовольно отлучившихся – ...побывал в городе у знакомых! А приехал из Самарской губернии! Ну горе с немцами. Не могу я их любить, а это плохо. Я знаю, что мои солдатишки меня любят. И не от того, что я о них забочусь, а чувствуют, что я их люблю. Да, нельзя быть любимцем, если не любишь сам. Мне Вл. Дм. Рассказывал, как раз, когда он заметил в шкафу у одного писаря беспорядок, тот взмолился, чтобы только он не говорил старшему адъютанту, дал клятвенное обещание никогда не допускать беспорядка, лишь бы только мне не говорил и тем самым не доставил мне огорчения. Это было как раз в четверг на Пасху, когда у нас были гости. Вл. Дм. мне сказал только... по секрету. И я и виду не показал, что знаю. ...уверяю тебя, когда я расточал наказания в страстную субботу, то самое ужасное было то, что они в *такой* день довели меня и заставили их наказать.

И здесь, среди азиатов, конечно, ближе ещё чувствуешь свою общность с народом. Ведь мы точно маленькие островки в океане. ...Дух же нужно иметь бодрый, весёлый, жизнерадостный. Ведь на тебя глядят и по тебе действуют другие. Вот у нас почти все ратники “детные” – 6–8 месяцев оторваны от семьи, а несут службу безропотно и весело.

*...Кончаю. Настроение другое. Лучшие отошлю то, что есть. Целую тебя и ребят.
Твой Миша».*

Там же. Л. 27-а–27-г.

Письмо к жене от 22 марта 1915 г. Пасха.

«Милая моя Лорочка, милая моя Марочка. Вчера посылал тебе телеграмму, пот. что только на не надежда, что дойдёт во время. Как ты провела вечер пасхальный. Детишки готовились к Пасхе, наверное, красили яйца. ...вечер подкрался незаметно. На службе время летит. ...Так вот и вчера. Настроение только испортила мне моя команда. За беспорядок в помещениях и на кухне пришлось наказать сразу семь человек. Усмотрел беспорядок случайно утром... Вл. Дм., произвел потом уже полную ревизию и послал... за мной. Действительно свиньи – стали сушить портянки на плите рядом с кухонными тряпками, развели вообще сор и грязь, курили... в помещении, где это запрещено, и мало того бросали окурки на пол. Проспали и в десятом часу ничего ещё не убрали. ...Велел выстроить всю команду и действовал так внушительно, что В.Д. остался доволен. Старшему писарю – строгий выговор и (что более существенно) обещание не представить к пр-ву в... 2 писаря: на 7 дежурств, 1 на 3... Словом, настроение в нашей команде было не веселое. ...мое настроение вчера было в конец испорчено. И сегодня оно не из сладких. Вот через полчаса пойду в штаб, буду христосоваться с тем, кто сегодня ночью дежурил, будучи мной наказан.

Вчера... один писарь, к кому недавно приехала семья, и кого я почти каждый день отпускаю с вечера на дом, даже не рискнул спросить моего разрешения в отпуск. Хорошо, что я вспомнил сам, вызвал его и отпустил до понедельника. От такого счастья он чуть не задохся от восторга.

...в части такая банда, что только отпусти вожжи – устроят кабак и помойную яму. И спрашивать можно, ведь не на позициях, да и

в поход... пойдём, своей башкой рисковать не будут. Ведь за каждой мелочью нужно следить. ...На пасхальный стол отпустили по рублю на человека. ...Недаром хочется идти в поход. Там уж иные проступки, но зато и подвиги увидишь, а не мелкие человеческие душонки. Там уж трусости не простим, а Вл. Дм. – по своему х-ру – беспощаден.

...О студентах, не идущих в армию, он не может вообще спокойно говорить и раз я у него заметил, на глазах проступили слезы. Николай Николаевич – для него прямо кумир – с его кровожадностью, прямолинейностью и другими качествами полководца. Слова “противник”, “неприятель” – из нашего официального языка выброшены – суц-ет только “враг”. Не случайно мне официально запрещено говорить Питербург – все это из ненависти к немцам. Лишь бы пойти в поход – ...в грязь лицом не ударим.

...Надо идти, а то меня ищут – подписывать увольнительные записки.

Вчера дождался на улице колокольного звона – стало на душе легко. Такой весёлый – русский звон. Ну целую... Привет няне и всем домочадцам...».

Там же. Л. 18-20 об.

Письмо к жене от 27 марта 1915 г.

“Милая моя деточка!

Давно не писал тебе – но уже по последним письмам чувствуется, что ты спокойно относишься к тому, что я здесь. Конечно пот., что мы имеем несчастье сидеть... в тылу. Дай бы только, чтобы не дольше, чем до июня. ...Сегодня вечером провожал генерала и Вл. Дм. Уехали на... смотр... дружины. ...Скучать не придется, пот. что работы будет много. И то сделай и другое и бумагу составь и о лошадях подумай – так и вертишься всё время. Сегодня принимали партию ратников – немцев-колонистов из Самарской губ. в 75 человек. Какое резкое различие с теми русскими ратниками! Вёл их совсем юный прапорщик – лет 19 – удивительно милый и красивый мальчик с конвоем в 11 человек.

...Вот, когда помотришь на эти тупые, неприветливые лица, ...когда восчувствуешь всю их неприязнь... к России – тогда поймёшь, каких мы змей согрели на своей груди. “Идут наши солдаты на запад – к подводам никто не приходит из нем. колонистов, ведут пленных – всё им волокут”.

...2 месяца как уже призваны – и благ. сентиментализму в обращении с ними – никогда совсем не говорят (и что всего хуже демонстративно не желают говорить) по русски, как нам рассказывал прапор. Вообще приняты меры, о кот-х не буду, конечно, здесь распространяться.

Обнаружил при приеме, что не хватает 6 человек. Трое спустя нек. время явились – самовольно отлучились в город. Вызвал трёх сибиряков и тут же велел их арестовать. Просидят под строгим арестом 10 суток. Остальные трое – если явятся – 15, а то и 20. ...Лучше же всего... всю эту сволочь перестрелять – ибо они худшие враги, чем настоящие немцы. Враги за спиной. Если ты находишь, что я слишком жесток, то представь хоть на минутку картину боя – в котором бьют (подло и безнаказанно) офицеров – “свой” же. И подумай только, что можно погибнуть от руки предателя-колониста. Там, в Петербурге и Москве – в либер-х и демократических кружках – они не жалят. Поэтому очень хорошо и приятно (какие мы гуманные!) говорить там и нарушении элементарных начал справедливости! ...и т.д. и т.д.

...На военной службе более чем где либо чувствуешь, что убежденность в своей власти и силе – парализует психологически... возмущения со стороны других. ...И я знаю, что не только 75, – 750 у меня не пикнули бы. Лишь было бы самообладание и отсутствие какого бы либо страха за себя. Вот этого то страха у меня и нет. Назавтра дам распоряжение, чтобы занялись строем до и после обеда. Психол-ски очень хорошо действует, сразу почувствуют себя солдатами. ...Первые немцы – но, увы, не последние. Расплодили змей.

Ну, 2 часа ночи. Здесь я мало сплю. Но чувствую себя очень здоровым. Нервов совсем не знаешь.

Целую тебя и моих кротов.

Твой Миша».

Там же. Л. 25-27 об.

Письмо к жене от 27 апреля 1915 г.

«Милая моя деточка, милая моя Марочка!

Я долго колебался, писать ли тебе... Но, получив от тебя вчера письмо, где ты говоришь о том, что хотела бы приехать, повидаться со мной, я решил тебе и телеграфировать и написать обо всём.

Я – пулемётчик. Вышло и для меня это совершенно неожиданно. ...может быть и ты поймёшь, и, если не одобришь (это исключаю), то

и не осудишь слишком сурово. На второй месяц службы здесь у меня уже созрел план – если не будет движения вперед – в конце мая уйти в один из Кавказских полков. Только при таком решении я и мог со спокойной совестью жить и работать здесь, не краснея за своё существование. Я знал, что сейчас здесь все равно тихо, я уналаживаю нужную, необходимую работу, до сентября я успею еще навоеваться. Если же паче чаяния двинемся, я остаюсь на своем месте. Влад. Дм. уехал – я исправлял его обязанности – как в одно утро является ко мне штабс-капитан Е. (это было в пятницу 17 апреля). Заявляет, что его прислал начальник штаба округа, как именно в ту часть, кот-я стремится уйти в бой, и что ему нужно 15 ратников для укомплектования... пулемётной команды. Я ему отвечаю, что могу доставить не 15, а 30, 45 – но при одном условии – возьмите меня. Я не могу посылать людей на смерть, оставаясь сидеть в безопасности. Пулемёта я не знаю, но я научусь этому делу. Принципиально Е. согласился. ...в субботу же вечером была у нас получена телеграмма, предписывающая командировать меня и 15 человек исключительно из числа желающих, по моему выбору. И нач-у штаба я говорил, что в пулемётах я святой человек – и тем не менее, как видишь, нашли возможным назначить меня в команду. Ты скажешь, ну какой же Миша пулемётчик! Мне многие говорили, ну какой же вы будете адъютант, вы ничего не знаете. И что же, за полтора месяца я развил такую энергию и работоспособность, и так вошел в курс дела, что после получасового разговора со мной, генерал, назначенный инспектировать все... части на Кавказе – предлагал мне стать его адъютантом. Ты скажешь, что, мол, юристы, а тут все законы, да циркуляры. Но не в них соль. Всё в энергии и желании работать. К Магометам, как мы – горы никогда не подходят, это мы знаем, и потому всюду ходим и ходим, завязали тьму лично-служебных отношений, пустили во всех штабах и управлениях корни – и добиваемся скорее, чем другие, своих целей. И, если моя прежняя часть и двинется с места... – то этим она будет обязана опять таки нашей энергии. Но, конечно, всё это не так интересно для тебя, т. е. вопрос, буду ли я сносным пулемётчиком или нет. Я только хотел бы выразить ту мысль, что вовсе не иду с этим чувством, что всё равно нужен офицер, отчего мне не пойти. Я уже все силы приложу, чтобы не быть хуже других специалистов дела.

...Что же влечет меня туда и непременно туда, где есть опасность? Я уже писал тебе в прошлый раз о необходимости для меня, неодолимой потребности своё личное будущее – искупить настоя-

щим. Ты, наверное, меня не поняла – когда говорила “ во имя чего, будущего? Да пропади оно пропадом. Слишком дорого это стоит человечеству!” Я имел в виду не будущее России, но будущее человечества.

Я говорил о своем и о себе. Я знал, что для меня психологически невозможно вернуться в мирную обстановку из мирной же. И я... предпочел бы не возвращаться. Ты говоришь, “ты не имеешь права быть лучше других”. Но я же имею право, быть самим собой?

...Мне так глубоко безразлично сейчас, что наступит после войны. Если бы был убежден и твёрдо знал, что будет худшая, чем когда либо, реакция, это не могло бы повлиять на мое решение. Когда защищаешь своих детей, разве думаешь о том, и разве можно думать об этом, какие они вырастут. Может быть, во мне говорит моя кровь, моя связь с родной землёй; я не могу поступить иначе...

...Обращаясь к прошлому – я могу сказать, что всё у меня шаг по... поднимающейся линии. Я с самого начала – говорил, что хочу воевать, что я не могу быть культурным работником. ...никогда меня не покидала тайная, не высказываемая, уверенность, что рано или поздно, я всё равно буду на войне.

Ещё раз – иду не от плохой жизни. Мне так хорошо и счастливо жилось и живётся. Я не забыл и не бросил тебя и детей. Я здесь, ближе и нежнее к вам, чем дома.

...мрачные мысли все таки оставь. У меня такое сильное предчувствие, что я вернусь и к тебе и к детям. Мне всегда везло, и звезда моя счастливая, и рука моя легкая. А это не только я, и другие видят.

...Твой Миша».

Там же. Д. 80. Л. 30-34.

Письмо к жене от 28 апреля 1915 г.

«Милая моя деточка!

Сегодня получил твоё письмо, написанное после поездки в Торжок. И завидно же мне стало! В настоящей русской деревне! ...А здесь мы в Азии, и, пользуясь выражением моего денщика, должны по совести сказать, что все азиаты, будь они армяне или грузины: “одной свиньи мясо”. Грузин я правда мало знаю, но армян за два месяца изучил достаточно: от девиц – до общественных деятелей, и осадок от них горький.

...Пишешь ты, деточка, ересь. Думаешь, что я “вторую молодость” переживаю. Закавказье – не Италия. Из последней ходят экс-

прессы – взял и уехал. А отсюда – долог путь до Tripetary – как поют английские солдаты. И раз на всегда – не обижай меня, не оскорбляй меня, подозрениями и упреками, что я забыл тебя и детей. Для меня они звучат прямо дико.

...Я люблю только тебя и хотел бы прожить с тобой ещё такие же десять лет, как первые. А наши дети? Веруша и Алеша, которые идут к Спасителю и ставят две свечи, за папу и маму!

Я знаю, что своими действиями я причиняю вам неизбывное горе, но при чём тут моя вторая молодость? Неужели ты думаешь, что я забыл о детях. Пускай кто понравится, но это чувства, понимаешь ты, чувства.

...Понимаешь, то, что я делаю – м. б., не по разуму, но по чувству, по совести.

Я иначе не могу сделать. Другого выхода для себя я не вижу. Студентом я ходил на сходки – в эту войну я пошёл в пулемётчики – но ведь причина – одна и та же!

“Кающийся дворянин” – и Алексей – человек божий – не так далеки друг от друга, как это, м. б., кажется, с первого взгляда. Ты поняла, что меня необходимо отпустить на Кавказ. Неужели, ты не поймёшь, что я должен был пойти в пулемётчики.

...Жду с нетерпением твоей телеграммы. ...Неужели я тебя увижу через две-три недели? Как то не верится.

...Пока же, до свиданья. Целую тебя и ребятишек.

Твой Миша».

Там же. Д. 80. Л. 35-36а об.

Письмо к дочери от 14 июня 1915 г.

“Милая моя дочка Веруша!

Через три дня твоё рождение – 10 лет тебе исполнится, большая девочка стала.

Мне так хотелось бы в этот день быть со всеми вами – и утром, когда ты пришла бы к нам, отдать тебе самому подарки. Но что делать: война и даже мама приедет уже после 16 июня, и тогда уже справят твоё рождение. А здесь мы будем его праздновать. Мама потому и осталась, чтобы мне одному не было скучно.

Мама привезёт тебе мой подарок: “Зимние вечера” Анненской, тебе этой книги хватит читать на целое лето. Книга большущая. Алешушке тоже посылаю книжку: “Пинчик младший и Пинчик старший”.

Кроме того вам мама везёт и другие подарки. Алеше золотой крестик от меня, пусть и у него будет свой.

Рисуете ли вы? Нарисовали бы нашу дачу и прислали бы мне. Как мама рассказывает, у нас на даче очень хорошо. Гулять вам есть где, цветов много, будут и грибы.

Учится ли Алеша, хотя бы немного? Мама адреса Марьи Георгиевны не знает.

Погода у нас здесь хорошая, настоящее лето. В походе мне будет хорошо. Я буду не пешком ходить, а ездить верхом на лошади. У меня славная рыженькая лошадка. У нас есть и походная кухня. Её возят две лошади. В котел входит 16 вёдер и вода вскипает через час.

Ну, милые мои кроты, приедет мама и расскажет вам, как я живу. Только бы вели себя хорошо, не ссорились бы друг с другом, не обижали бы Булю.

Веруша, голову от твоего петуха я берегу и съем её в твое рождение.

Целую вас моих кротов крепко, прекрепко.

Ваш папа».

Там же. Д. 87. Л. 2-3 об.

Письмо к жене от 25 июня 1915 г.

«Милая деточка!

Сегодня всё ещё нет от тебя известий. Думал уже телеграмму посылать, но решил, что напрасно тебя обезпокоил бы. Но, если завтра не будет, пошлю.

Сегодня целый день ветер и холодно, точно осенью. Вот и сейчас, пишу, а за окнами воет, как на море. Знай я, что ты уехала вполне благополучно и что дома всё в порядке, на душе было бы легче. Сижу один. Как то не хочется ни с кем видеться. Да, положим, и не с кем. ...Оставалось бы только пойти к Вл. Дм. Но, кажется, всё переговорено. ...Вот и июнь на исходе, и всё тот же постылый Тифлис.

Пожалуй, и тулуп не придется здесь оставлять. Но, каково было бы настроение, если бы я остался в штабе! Безнадежно сидеть в тылу, чуть ли не до окончания войны.

...Думаю и вспоминаю много о тебе. И нет худа без добра. Мне кажется, что никогда за время нашей совместной жизни мы не жили

так хорошо, как этот месяц. И он для меня останется навсегда такой светлой полосой. Хотелось бы теперь только повидать ребятишек.

Слежу по газетам за внутренней жизнью России. Очищение Львова для Тифлиса даже прошло незаметно, как и взятие Перемышля и потеря его. Я думаю, тем было приятней вновь очутиться в подлинной России, вместе со всеми и радоваться и печалиться. Вот Алексей Иванович согласился со мной в команду поехать, послушать гармонику – Россию вспомнить. В понедельник Петров день – чисто личный праздник, и праздник русский.

Ну, деточка. Кончаю. Целую тебя и ребятишек. Кланяйся Зайцевым. Пиши.

Твой Миша».

Там же. Д. 80. Л. 43-44.

Письмо к жене от 29-30 июля 1915 г.

«Милая моя деточка!

Вот и познакомился с походной жизнью. В четыре дня прошли 120 верст – 120 верст по палящей жаре, по горам. Лично я перенёс все переходы прекрасно, хотя большею частью шёл пешком. ...В четвертый день мы легко сделали 50 верст – благодаря тому, что мешки и шинели солдат были сложены на воза. ...И солдаты вместо ужина просили кипятить воду. Пили мы за поход чаю – невероятное количество раз... Три ночи провели в палатках – расчудесно. ...Но затем приказано было отправить часть вещей в обоз второго разряда и вот уже третий день, как он не может до нас добраться. Спим на сене, под двуколками. На ослике я привез спальный мешок и бурку. ...Вообще же, в спальном мешке великолепно себя чувствуешь.

...Здоров, не беспокойся.

...Целую тебя и детишек.

Твой Миша».

Там же. Л. 93-94.

Письмо к жене от 1 августа 1915 г.

«Милая моя деточка!

И беспокоилась же ты, наверное, за эти недели, как получила мою телеграмму, что я уезжаю из Тифлиса. Надеюсь только, что те-

леграмма... дошла до тебя. А завтра пойдёт от нас писарь в культурные места и тоже пошлёт телеграмму.

Вот уже неделя завтра, как мы стоим на месте, и, бог один знает, ск. времени простоим ещё здесь. Опять не повезло, обошлось без нас.

...И вот, когда идёшь, или едешь по такой жаре, или вообще, когда устаёшь – то совершенно не думаешь о предстоящем бое, смерти или дне. Эти “думы” выливаются в следующую форму. Может быть завтра тебя и убьют – но это не важно. Главное же – это дойти сегодня – и так, через часик-другой, до привала и попить чайку. Я нарочно говорил с солдатами потом и выяснил, что у всех почти такие “психологические” переживания. Отсюда и вывод: накорми и напои солдата как следует и за благо тебе будет.

...Вчера была слышна отдалённая канонада, верстах в двадцати пяти – это били по отступавшему неприятелю, сегодня и эти отзвуки войны перестали до нас долетать и мы всецело погрузились в идиллическое бытие».

Там же. Л. 97 об.

Письмо к жене от 9 августа 1915 г.

«Здесь, видно, Ваше благородие, бог на ночь убирается» – обратился ко мне третьего дня вечером один солдатик. И действительно, простой человек может придти к выводу, что на ночь бог покидает эту долину, в которой мы стоим уже четвертый день. Стоит только солнцу зайти за хребет гор (а горы точно... из фантастического ландшафта Богаевского), как поднимается сильнейший ветер и дует всю ночь без перерыва, изредка переходя в вихрь. Поднимается пыль и нет от нея спасения, забираемся в палатку, под одеяло и подушку. К утру всё занесено пылью... А ночью жалобно стонут телеграфные провода – точно духи тьмы вырвались из ущелий гор и кружат над долиной, оглашают их своим визгом.

Так хотелось бы отдохнуть от дневной жары – ждёшь прохладного вечера – и вместо этого ветер, потрясающий палатку, душащий тебя ночью.

Но иногда “бог убирается” и на день, как было это вчера. И старожилы говорят, что это тут и составляет общее правило, а тихий день – исключение. Сегодня, слава богу, мы имеем опять такое исключение. Жить можно.

Часов в десять вечера сюда приходит поезд из Александрополя. Все европейское население – местное и приходящее собирается на вокзал – для освежения своих впечатлений и купить свежие газеты. События на своем фронте, конечно, куда меньше интересуют, чем судьбы Варшавы, Ковно, Ново Георгиевска. А затем лично меня – думския прения. Сегодня мне сон приснился: будто я читаю, что фабрика, изготовляющая швейные машины стала вырабатывать автомобили и изготовила их за несколько дней 25 тысяч штук. Я был во сне приятно поражён такой быстротой.

Чхенкели, наверное, и во сне опечалился бы, потому что увидел бы в этом “милитаризацию прибылей”. Жалкие люди! Не могут и в эти дни занять хоть мало мальски примирительную политику. Ведь несомненно такие люди, как Поливанов, Щербатов, Самарин думают прежде всего о войне, как бы её успешнее провести, а... Чхенкели и Кореневич говорят, как будто бы никакой перемены не случилось. Зачем я все искал в умах ответа на вопрос, что же надо вести войну дальше (с их точки зрения) или же нет. Так ничего и не нашел! Возмущаются, что их речей не позволяют печатать в провинции. Да радоваться этому должны. Меньше народа узнает о их глупостях.

Наблюдая солдат я пришел, пока что, к тому выводу, что среди них распространено, т. сказать, “политическое безкорыстие”. Никто не думает о том, а что “будет ли нарезка земли” и тому подобныя блага. Да оно и понятно, спасая жену, детей, не будешь же вычислять, а какое вознаграждение я за сие получу.

До сих пор нет ещё от тебя телеграммы. Очевидно, моя... не дошла. Вчера опять послал тебе. ...Было бы так хорошо получить от тебя известие. На счет писем я не мечтаю. Получу, наверное, сразу целую кучу.

Здесь простоим еще несколько дней. Времени не теряем.

Ну, деточка, всего хорошаго. Целую тебя крепко и ребятишек. Скоро надор будет уже в Питер тебе писать.

Твой Миша».

Там же. Д. 81. Л. 4-5 об.

Письмо к жене от 13, 15 августа 1915 г.

«Сейчас четыре часа дня. Солнце светит довольно милостиво, а ветерок, пролетающий через нашу палатку, дает даже некоторую прохладу. Одна беда, вода от стоянки за две версты и то на вкус какая

то солёная. Даже коньяк не отбивает этого неприятного привкуса в чае. Но солдаты жадной чередой тянутся к двум бочонкам, а много ли в них влезет: 3–4 ведра. Нашей то команде хватило бы, но ей для охраны придано сто дружинников – и они, как незваные гости и сами вдосталь не могут получить, да и нам, хозяевам, мешают.

Мы сейчас идём по безводной местности. Нужно было пройти 20 верст до первого родника. Вышли из Д. в семь вечера. Днём идти невозможно: зарежешь и людей и лошадей. На прощанье вечер, точно сожалея, что мы уходим, разсвирепел окончательно. Пыль тучей неслась на нас и слепила глаза. Подошли к мосту над широкой и бурной рекой. Проходя через него, мы грянули “ура” в честь перехода через границу.

Ветер дул уже со стороны, и, наконец, стал попутным. Постепенно он стихал. Мы вступали в безжизненную равнину, коридором выющуюся между невысоких, голых хребтов. Когда то здесь неслась бурная горная река. Источник её жизни – изсяк и вместе с ней замерла вся равнина.

Было полнолуние. Луна поднималась всё выше, становилось всё светлее.

“Рязанское солнышко”, бросил на ходу солдатик и вспомнил поди свою деревню, как там луна всходит – и потянулась у него нить воспоминаний.

Через каждые пять-шесть вёрст отдых, на 10-15 минут. Наверное, так же, на придорожных, пыльных камнях сотни, а может быть, и тысячи лет назад, отдыхали кочевники, проходя по ночам эту мёртвую равнину.

Многое передумашь, покачиваясь на лошадке. Но усталость берет свое. Когда в полночь мы достигли воды – и удалось, наконец, выпить кружку горячаго чаю, заворачиваешься в бурку и тут же засыпаешь. Через час будят.

15 августа.

Мы пришли в Х. еще в 11 часов утра, пройдя 90 верст в 40 часов, на сутки раньше, чем полагается. Вторую ночь шли по этой пустыне. Но не было уже того очарования и волшебства первой ночи. ...выступили мы сразу после обеда, очень поздно, люди не успели напиться чаю, до воды дошли только через четыре часа. На берегу солёной реки дружинники, занимающие здесь пост, отыскивали источник пресной воды. Была установлена строгая... очередь, чтобы не замутили воду, набросившись на неё. Вот где нужен офицер. Только он

и сможет заставить терпеливо стоять сотни людей и дожидаться той блаженной минуты, когда можно зачерпнуть... водицы. Наша то команда вообще дисциплинирована – но нашу “охрану” приходилось охранять от соблазнов. Поэтому, когда проходили около арыков и вообще около нездоровой воды – то мы всегда несли “караул”, и предупреждали, кто будет пить, того пристрелим. Надо же мотиву “лучше умереть напившись, чем ненапившись” противопоставить более сильный мотив: умрёшь – а не напьёшься. И что же, благодаря принятым мерам у нас за переход от Д. до Х. не было ни одного случая желудочного заболевания.

Бодрые и весёлые пришли мы вчера в Х. Место оживлённое. Кругом обработанные поля – тянутся до самых гор, замыкающих равнину. Ее оживляют сады. Мы уже тысячи на две футов поднялись над Д. – не так жарко. Ночью – одно очарование спать в палатках. Лагерь разбит верст за пять от города на холмах. Пыли нет, всё время легкий ветерок. Лучшая стоянка за всё время.

Старый город окружён глинобитной стеной, сажени в две высоты, и глубоким рвом. Когда то за этими стенами и башнями спокойно чувствовали себя персидские воеводы. Грозно возвышались они перед всякими кочевниками и разбойничьими глазками. Теперь они осыпаются, дали трещины – как сама персидская монархия.

Сейчас велю седлать лошадь, поеду в город. Пошлю там телеграмму, может быть и от тебя получу. ...В четыре – готова будет баня с паром и с веником. А после этого, наверное, попьём чайку в штабе. Видишь, как хорошо мне живётся.

Следующее письмо пошлю уже в Питер. К 30 ты, наверное, уже переберёшься.

Ну, пока всего хорошаго.

Целую тебя деточка, крепко и кротов.

Твой Миша».

Там же. Л. 8-10.

Письмо к жене от 18 августа 1915 г.

«Милая моя деточка!

Это письмо пойдет в Питер уже. Когда его получишь, будешь уже на зимних квартирах, а я буду, наверное, сидеть в какойнибудь турецкой или вернее курдской деревушке, где даже не будет такого развлечения, как перестрелка. Очевидно, нам суждено скитаться по

азиатским трущобам, быть отрезанным от всего света. ...Я не получил то, о чем мечтал. Войска времен завоевания Кавказа. Небольшие отряды, бивуаки, походы и переходы. Каждый солдат здесь единица, небольшая часть – нечто серьёзное.

Будем пребывать на 5000–6000 футах высоты. Жару тропическую перетерпели, с жаждой хоть немного да познакомились. Полагаю, что не минует нас рано или поздно голод и холод. На этом фронте необходимо недюжинное здоровье и, слава богу, я приберёг его для войны. ...Дай бог всю кампанию быть таким здоровым и бодрым и жизнерадостным, как весь первый месяц наших походов.

...Третьего дня мне удалось побывать в самом персидском городе. Сказки Шахерезады стали сразу ближе и понятнее. Базар – длинная улица с переулками, крытая. Прохлада в самое жаркое время. Безчисленные лавки и мастерские. Тут сапожники, там посудники, здесь кузнечники. Все лавчонки занимают крохотное место. Продавцы (все персы) спокойно, даже более, величаво восседают на корточках, курят кальян или попивают чай (влияние России) из маленьких стаканчиков. Народ (я, конечно, видел только мужчин) очень красивый, в особенности дети. В кофейнях – скорее, чайных, в цирюльнях висят русские лубочные картинки, портреты шаха, и почти везде наших царей.

...На следующей же улице за базаром – стоит виселица. Последняя казнь была четыре месяца тому назад. Вокруг нея ходят, сидят, как ни в чём не бывало. Вообще же под влиянием русских – уголовное право значительно смягчилось. ...Тут не может быть и спора – мы внесли в занятые нами местности культуру. Очень многие переходят в разряд т. н. состоящих под нашим покровительством. Таких уже местные власти, т. е. персидские, не смеют обижать. От наших войск толпа только богатеет. ...за все расплачиваются деньгами. Прибавь ещё к этому добродушие, свойственное нам, и ты согласишься, что только уж очень строгий марксист станет печалиться, что персидским пролетариям не дают “самоопределиться”. Необходимо заметить, что север Персии... вообще мало интересуется политикой.

Прошлым днем увидал и армянских беженцев. Они возвращались уже обратно. Немногие – с кое каким достатком – ехали на фурах, арбах, но громадное большинство пешком. ...Женщины и дети. Шли и по дороге падали от истощения. Когда третьего дня возвращался... из города – то тут, то там – видишь лежат пластом – точно мёртвые тела – а иные – такими и были. Столько должно было по-

гибнуть детишек – в эту жару – голодая... столько матерей надорвались... И какое счастье сознавать, что и ты созидаете в будущем условия, когда матери будут рожать детей и не думать, что им может грозить нож курда или смерть от истощения.

Какое счастье – знать, что твои дети в безопасности, что они сыты, одеты, не страдают от жары и холода.

Ну, деточка, будь спокойна за меня. Поверь, ничего не случится. Всё это так и надо.

Целую тебя и кротов моих.

Твой Миша».

Там же. Л. 12-14 об.

Письмо к жене от 2 сентября 1915 г.

«Милая моя деточка!

Ничего не смог сделать за это время, чтобы известить тебя по телеграфу. Телефонная проволока бежит отсюда по горам и ущельям за 100 верст до Х., там телеграф – и связь с внешним миром, но отсюда передавать частные телефонограммы почему то запрещают. До 15 авг. Можно было; и всё кажется из-за того, что прапорщик заведующий телефонной станцией поссорился с одним ротмистром, жившим здесь. Может это и не так – но ведь это похоже на российскую нашу действительность. Ужасно любят у нас “не пущать” всякие прапорщики.

...Стоим здесь уже вторую неделю. Этого с нами еще ни разу не бывало. Высота изрядная, тысяч около семи футов... Уже в часа четыре дня солнце светит, да не греет. Ночи холодные, и теперь бы хорошо солдатам иметь тёплое белье. Ефремов и сейчас бы послал за ним в Тифлис, но от жел. дороги мы в 2000 верстах!

Это бы ещё ничего. Но одна сотня верст – горная “дорога”. Наша часть первая за эту войну прошла по ней с обозом – с колесными повозками. Зато один участок – 8 верст – стоил целого дня. Двухколки везли на руках – разгруженные, провизию, всякое хозяйство в несколько раз на возках переправили...

Я раньше ужасно любил перевалы. Ты поднимаешься – а кажется, что постепенно горы делаются всё ниже и ниже. Это уже не горы, а мягкие холмы – они становятся какими то близкими, даже дружественными. Но когда 23-го августа мы ходили в “экспедицию” на курдов, к сожалению оказавшихся мирными – то я разлюбил мои пе-

ревалы. Тут я понял, что плохая дорога куда лучше тропы, а тропа имеет все свои преференсы перед “безтропьем”. Взбираться ночью на “мягкие холмы” оказалось делом далеко не идиллическим.

Кавказский фронт – главный враг его не турки, и не курды, а природа. И когда покрутишь на этом фронте не одну сотню верст – поймёшь, почему русский солдат прозвал его и “погибельным” и “проклятым”. Сколько маеты должен он был перенести и от жары и от холода – и от подъемов и от спусков. Когда я смотрел, как втаскивали двуколки – то от этого зрелища мне буквально жарко стало, в пот бросило, не в переносном, а в настоящем смысле слова (это явление я тогда же заметил).

Да, сюда к нам ни одна дама-патронисса, ни один уполномоченный с подарками не появился*. Пожалуйста верхом! Хотя бы посылками пересылали. Ведь ничего не достанешь. Случайно у обозников купили несколько фунтов карамели, три коробки сардинок. Мяса бараньяго вдоволь – но зелени никакой. ...Масла конечно нет, всё на сале. ...Есть слух, что мне идут две посылки, они уже недалеко отсюда, что то в них заключается? Когда будешь посылать – непременно пошли сухих плодов, кофе и капель, ...лимонной кислоты, сдобных сухариков. Из другой области – свечей. Табаку не нужно. Его пока всегда доставали. Хорошо бы книг. Но мне не присылай беллетристики, купи через Зайцева какуюнибудь криминалистического характера книгу.

Вот уже 43 дня ни одного письма. Если бы я только встретил чиновника, который путает..., то, даю честное слово, я изругал бы его... и с удовольствием дал бы в морду.

...Ну, пока всего хорошаго.

Целую тебя и детишек.

Миша».

Там же. Л. 17-19 об.

Письмо к жене от 17 сентября, 2 октября 1915 г.

«Милая моя деточка!

Хочется в этот день набросать хоть несколько строк. Когда же письмо отправится и когда ты его получишь – не знаю, наверное не скоро.

* Зато и поминаем мы их! – Прим. М. Исаева.

...Я пришел к выводу, что главное на войне – желудок. Помыслы всех направлены всегда на то, чтобы как можно плотнее набить его. Есть хочется каждый день, и аппетит появляется по нескольку раз – не всегда удаётся удовлетворить его своевременно. А уж раз выпала такая возможность – то стараются наверстать и прошлое, да и за будущее успеть.

А “ужасов войны” до сих пор не переживал. Помню первого убитаго-курда. Это было в экспедиции из Кочура на две деревни... 23 августа. Экспедиция в том отношении неудачная, что курды оказались “мирными”, и мы зря проходили. С нами увязались айсоры (христиане). Разрешено было идти 2 вооружённым, но когда мы уже шли (выступили в 12 ночи) – в темноте мимо нас безумно стали скользить айсоры. Долго я не мог вспомнить, кого они мне напомнили. Знаешь кого? Старух из Андреева “Жизни человека”. Они тянулись за нами, как шакалы, чуя добычу. Лично я был в “мечтательном” настроении, был твёрдо убежден, что буду в перестрелке. А запах горных трав был такой сильный, что тогда же думалось, что никогда не забудешь его и этой ночи.

Мы пришли на “позиции”, когда уже совсем рассветало. Выяснилось, что никакого “дела” не будет. Через несколько минут говорят, что на поле сзади нас лежит зарезанный курд. Его подрезали айсоры, шедшие за группой разведчиков, но впереди нас. Конечно сейчас же поднялся посмотреть “перваго убитаго”. Это был старик-курд – труп лежал за снопом пшеницы, тут же валялся серп. Перерезано было горло, окровавлены руки.

2 октября.

18 сентября так в бой и не попали. Зато с 27 по 30 находился в боевой обстановке, а самое 30 был в жестоком бою: с 5 утра до часа дня находился под жестоким обстрелом и сам стрелял из пулемётов. Бог молитвами ребятишек спас от явной гибели: пуля невредимо пробила верх фуражки. Масса наблюдений, интереснейших переживаний. Как устроимся, буду писать. В команде никто даже не ранен. Наши пулеметчики оказались молодцами действительно. Начальник отряда, похвалив все части, сказал, что мы действовали выше всякой похвалы.

Основное чувство: было весело и радостно, в особенности идя по открытому полю. В экстаз не впадал, не думай. Зря ни собой ни людьми не рисковал. Бой был настоящий: с турецкими регулярными войсками, у них была и артил. и пулемёты.

Целую тебя крепко, крепко, ребятишек.
Твой Миша».

Там же. Л. 21-25.

Письмо к жене от 5 октября 1915 г.

«Милая моя деточка! Начинаю тебе писать после боя и о бое – но смогу ли всё тебе передать, что пережито?

При первой возможности я послал тебе телегр., о том, что был в бою и остался невредим. Я упоминал о бое “30 сент.” – но по настоящему этот день стоит в тесной связи с тем, ...что было несколько дней раньше. 27 утром нам стало известно, что наступают турки. С бивуака, что был расположен в лощине, мы выбрались на гору. Вдали были слышны только ружейные выстрелы – и мы спокойно ещё успели отдохнуть и выпить чаю. Так часа в два ночи мне было приказано двинуться и занять с моими пулемётами круглый окоп на правом фланге. ...Засели и стали ожидать. Перестрелка приближалась. Тур. орудия палили по отходящим казачьим цепям – но все попадали в озеро. Я стал, наконец, уже простым глазом видеть своих турок: постепенно выползали они и “накапливались”. Пули уже летали над нами, но никакого особенного впечатления не произвели. Да и обстреливались не мы, а это были случайные гости. Стало темнеть. Передовые цепи отошли и тут я почувствовал первый раз, что между мной и противником уже более никого нет, что я действит. на передовых позициях. Стало совсем темно. От нас, занимавших крайний правый фланг, до озера было шагов 1500-2000, если не больше. Что турки пойдут в обход нас по берегу – мы ожидали. И действительно – мы различали турецкие голоса – где то внизу. Наконец все стихло. ...Сидели и думали: с рассветом начнется. И через час – послышалась руж. перестрелка где то справа – сзади от нас. Так и подумали: “де-сант”. Но сидим совершенно спокойно. И вдруг через некот. время приказ: отходить. Вот при этом случае мне и удалось проверить моих пулемётчиков. Психология у всех, сидящих в круглом окопе, была, что турки лезут к нам и находятся в каких нибудь 150 шагах. Часть, бывшая в окопе (не хочу ее сейчас называть) – поспешила удалиться, как можно скорее. Каждый норовил поскорее убраться. А у меня ведь целое хозяйство: пулемёты, по два цилиндра к ним (катить цилиндр: так будет треск, а нести одному невыносимо), повозки с водой, “принадлежностями”, с патронами, вёдра, запасные стволы – и всего на

всего 12 человек и я 13-й. Без посторонней помощи очень трудно. Абсолютная темнота – лиц не видно: мое вполголоса: “братцы”, “сволочь вы эдакая” – не приводило к цели. Кое кого задержал и остановил – но в конечном результате такая картинка: круглый окоп вымер, остался в нем один из моих пулемётов, наводчик и его помощник и я. пулемёт привели наконец в надлежащее для переноски положение, я забрал пулеметное ведро, ...в другой руке лопатка, топор (зачем отдавать их туркам) и шведская куртка. Помощником наводчика был как раз Зарешный. “Ну, что” говорю, “Зарешный, видишь друг друга мы не оставили”. Так мы последние и потянулись в гору, и только через некоторое время догнали ту часть, кот-я нас бросила – буквально на произвол судьбы. Тут я их обругал – сволочью и г... ми, навьючил пулеметы на лошадей и потянулся по горам – по долам.

...Весь день у меня и не поднималось чувство, что я в бою. Но сожаление, что мне не удалось “побывать” в нём, уравнивалось тем, что мои то люди – в минуту (воображаемой – но для психологии – это безразлично) опасности – нисколько не растерялись. Ни одной коробки, ...ни лошади не было брошено, оставлено, или забыто. Каждый думал только о своих специальных обязанностях – как будто это было на ученьи. Вот где сказалось воспитание солдата! Полное хладнокровие, полнейшее самообладание решительно у всех “номеров”. И тогда же я понял, что и под выстрелами они останутся такими же (так это и оказалось).

О чём они беспокоились, чего боялись, – вдруг не успеть вывезти и вынести чегонибудь – единственно. И о себе отчетливо и ясно помню: забота была только об этом. О том же, что тебя могут убить-ранить – да как то и не думалось, так что я и не сказал бы, что здесь была “храбрость, смелость” – здесь была какая то “деловитость”, забота о своем маленьком хозяйстве.

Как ни как отход нашего отряда совершился вполне благополучно (Никола Угодник). Турки, как оказалось, не решились идти ночью на наши окопы (хотя и зашли во фланг)... Мы дошли до след. позиции... и мне удалось таки у костра поспать часа два – так что к утру я был свеж и бодр.

...Я сидел со своими пулемётами на каменистой горке и всё ожидал. Пули я уже испытал – но вот, чего я не знал, какое на меня впечатление произведет шрапнель и вообще артил. снаряд – поскольку он направлен в нас. И от ожидания этой неизвестности чувствования – стало “сосать”. Не то что тебя убьют или ранят – я бы опреде-

лил скорее боязнь, что в тебя “попадет”. И ловил себя на мысли: подранило бы тебя, что ли, скорее – избавишься от чувства ожидания... Но тут же ловил эту мысль за хвост и заставлял себя думать так: раздумыванием одним не поможешь, будь что ни будет. А прогулка в то место, где “устроился” со своим взводом... настроила меня совсем хорошо. Фруктовый сад, чудесный, листва в осеннем убранстве – уголок России и так и кажется, что под опавшим листом скрывается гриб.

На ночь залегли, в наскоро сделанных окопах. Ночь прошла спокойно.

29 – весь день ничего не было. Выяснилось, что мы будем ждать подкреплений дня три и тогда перейдем в наступление. На ночь мы даже ушли с передовой линии... и вдруг “Ваше благородие – вставайте!” Моментально просыпаюсь и тут уже слышу: выстрелы – как будто в 10 шагах – свист пуль, щелканье в воздухе разрывных пуль, треск шрапнели где то близко... Ну думаю, ворвались турки в селение, подкрались таки незаметно. Стало страшно весело и радостно, что вот без всяких ожиданий и напряжений попали в кашу. Картина же была весьма оживленная. Я... оделся “молниеносно”, нагрузил на себя: мешок, бурку, тулуп (шашка, револьв., сумка и пояс у меня всегда хранятся около пулемета и мне их нечего искать...) и потащил всё свое богатство через площадку... Сдал все ординарцу... и стал дожидаться событий. Появилась на коне фигура начальника отряда полк. Н. – ингуша – “нашего лысого деда” – как его зовут казаки. ...Вот молодчина: ни капли растерянности: осипшим голосом (у него ещё накануне голос пропал) он уговаривал не бежать, говорил, что наши держатся, ругался крепко. Меня послал навстречу... роты...

Приказ выдвинуться и мы пошли... Мне докладывают, что турки отступают. “По отступающему неприятелю...” через головы наших... и, наконец то, заурчал наш пулемёт. Я от радости, что “довелось” даже перекрестился. “Цели” удалились – надо было идти за ними. Мы стали сдвигаться с горы на равнину. Тут я почувствовал, что мою фуражку точно кто то шилом проткнул: снимаю – вижу: пробита туля. Ну думаю, – ...был под огнем, и стало ещё веселее. Тебе, наверное, трудно поверить – но у всех у нас было праздничное, радостное настроение.

...Стало совсем светло. Появилось и солнце – туркам в глаза. Левый фланг вёл весьма оживлённую перестрелку. Турки, добравшись до опушки садов, прочно засели и весьма энергично отстрели-

вались. Вот тут то и надо было ловить цели: стреляли на довольно близкие для пулеметов расстояния: 1500-1800 шагов. Подошел и второй мой пулемет. Цепь лежала за естеств. небольшим валом, до моего подхода стреляли много. ...У нас дело хорошо наладилось. Я разъяснял дружинникам, что им не зачем стрелять, раз есть пулемёты – нечего зря патроны изводить: лежи и жди, если есть, что курить – не привлекай на себя огня. Вскоре вся цепь... прониклась сознанием, что с пулемётами им “полк не страшен” – но зато братцы – и вы нас не бросай.

Лично я стрелял три раза – по 20 и 30 патронов – пулемёт был наведен, а я только спускал курок. Мои увидели, что у меня были попадания – но это я отношу к тому, что они мне хотели оказать приятность. В крайнем случае уступал им, что у меня “легкая рука” – ведь не я же наводил.

Время удивительно быстро летело: мы просидели на одном месте не меньше 5–6 часов, а показалось, какихнибудь полчаса. И потом вспоминая, я пришел к заключению, что ни о чем другом, кроме как о турках, целях, патронах, воде для пулеметов – я не думал. ... Надо и нам идти дальше. Решено было “переползать” – тут где то слева крикнули “ура” – и как то вышло само собой, что все у нас встали... на вал... И пошли. Вот были хорошие “секунды” – идти прямо, открыто: разве это не торжество духа над плотью! Бегу, кричу “ура” – и тут же решил: нельзя пропускать момента: обнажил шашку. А за плечом турецкая винтовка (трофей дня), над поясом... заткнут штык. И как жаль, что нельзя с пулемётами... во всю прыть бежать: надо останавливаться, роздых, кстати стрелять по туркам (А они уже дрогнули, побежали, и тут я их угостил сразу двумя лентами, а то стреляли по 20 и 30 патронов – “очередями”) – надо следить, чтобы всё хозяйство было в целости.

...И тут, когда бежал и по открытому полю – пережил точно, как в сказке говорится: “вдруг улётся ветер, буря” – так и знай – вдруг перестали летать пули, и я понял, что бой для нас – пулемётов кончился.

...Позиции у турок были великолепные – победила психология и ура.

Пора кончать. Написал одним духом 16 страниц. Целую тебя и ребятишек.

Твой Миша.

Не думай только печатать это письмо. Это всё материал для будущего».

Там же. Л. 26-33 об.

Письмо к жене от 18 - 19 октября 1915 г.

«18 октября.

Милая моя деточка, не писал тебе довольно уже продолжительное время – но зато послал целых пять телеграм. Это благодетельное учреждение находится теперь всего каких нибудь в 40 верстах. ...Надеюсь, что моя подробная реляция о бое теперь уже дошла до тебя. Как летит время!

Мы сидим все на том же месте, и, наверное долго еще просидим. “Передовья позиции” на Кавк. фронте тоже добраго старого времени. Здесь не приходится сидеть нос к носу с неприятелем, как на западе. Турецкия орудия стреляют на 5–6 верст (в горной войне и немцы не придумали бы чемоданной вьючной артиллерии). Аэропланы для нас не существуют. Т.о., раз неприятель находится в 15–20 верстах можешь ходить по биваку в туфлях. Теперь мы ходим в сторожевое охранение. Сутки дежурю со своим взводом – сутки отдыхаю, затем дежурю ещё сутки и отдыхаю двое суток. Так и живу уже с 8 октября. Со 2 по 7 случайно был в штабе отряда – в военно-полевом суде в качестве свидетеля по делу о том, как армяне-дружинники вырезали 44 курдских женщин и детей. Лично резни не видел – но присутствовал при опознании оставшимися в живых... дружинников. Об этой резне – при случае – напишу тебе – это действительно из числа ужасов войны.

(Пока было ещё не кончено, в.-п. суд приговорил к каторге 8 и 10 лет...)... Впервые за два месяца, попав в штаб-квартиру, спал в комнате – вообще отучился в сравнительно культурной обстановке, но должен признаться, что она меня постоянно не притягивала. Прежде всего угрызала совесть, что другие то там – на “позициях”, а ты тут “роскошествуешь”.

...Вообще я здесь понял “солнцепоклонников”. С таким ужасом смотришь, как закатывается солнце, проходит короткий день (хорошо ещё, когда луна есть). Темнеет и с темнотой спускается на землю холод. И вот сидя на своем “Малаховом кургане” в сторожевке вглядываешься на восток – когда то он потемнеет. Наконец солнышко выкатится из-за гор. Тогда начинаешь согреваться – ночь прошла, прошла

и опасность ночного нашествия. В сторожевку одеваю... тулуп, хожу теперь в кожаных штанах, ношу фуфайку – и то иногда холодок пробирает. Хорошо что можно костры раскладывать. Без них было бы очень плохо солдатам. Теплых вещей ещё нет, за ними поехали за 150 верст... Счастье, что ушли из Сарая. Теперь уже там снег и вообще гораздо холоднее.

...Стоишь так в сторожевке и думаешь: мне холодно – каково же должно быть солдатам. ...При отступлении 17-го сент. из Вана многими курдами было побросано добра: одеял, ковров, клубков шерсти. Вот солдаты и вяжут носки, варишки.

Сидишь в сторожевке и думаешь: забытые мы Россией люди. Зброшены за 300 верст от железной дороги. Какой герой отыщется приехать на наши позиции! И так горько и обидно становится за солдат. Из всех кавказских “направлений” мы совсем на отшибе. Везде 60-100 верст от базы, ...а к нам шагают “корабли пустыни”, да ишаки. Местность кругом разорённая – селения поставляют только топливо. Жителей нет, даже как то трудно представить, что есть города и села, где живут люди, работают, торгуют; проезжаешь по Вану, напр., длинные улицы в развалинах, бродят одичалыя собаки и кошки. Вечером одиноко горят огоньки в домах, где стоят солдаты или обосновались офицеры. Настлана солома, шинель, затем спальный мешок. ...И я нисколько не прикрашиваю: действительно великолепно спать и вообще жить так. И, сидя в сторожевке, мечтаешь о том, как хорошо живется на биваке. Но и вообще мне жить легко: это истина: я самый жизнерадостный человек в отряде. На душе так легко от сознания, что ты “В стану погибающих”, что ты вместе с народом терпишь его лишения.

19 октября.

Солнце закатилось вчера и писание моё прекратилось, так и не закончил своей мысли. А сущность ея та, что “дух” греет меня лучше всякаго тулупа. Ему то я обязан, наверное, что не чувствую себя утомлённым, что до сих пор даже насморка не захватил.

Возвращаюсь к подаркам. Прочел вчера случайно, что в конце сент. из Москвы привезли для Кавк. ф. целых 23 вагона... Что то до нас доедет? Вчера мне жаловались артиллеристы, что как то из подарков получили меховые куртки штабные отряда, а им шиш с маслом. И поэтому, если действительно хотите иметь уверенность, что подарки дошли до тех, кто в них наиболее нуждается, то надо доезжать до

позиций, а не сдавать в штабы. Неужели наша команда не заслужила доли внимания со стороны общества? Три месяца походной жизни, без какого бы то ни было отдыха. Правда, только и есть, что один бой, и, слава богу, нет раненых и убитых. Но за то: за 3 месяца из 72 нижних чинов – перебывало на госпитальном лечении 18 (10 и сейчас в госпитале), из них один умер от тифа.

...А за бой мы получили больше всех: на 43 нижних чина... нам отпущено нач. отряда 5 крестов и 5 медалей! Ты только не подумай, что я за себя печалюсь. Ничего подобного. Это я всё за солдат. Хочется, чтобы они воочию, ощутительно убедились, что и они не забыты. ...Здесь и офицеры, действующие в нашем “направлении” совсем не имеют представления о том общественном подъёме, который царил в России, о той помощи и заботливости, которая проявляется в отношении солдат и офицеров в России. Да и не только на этом “направлении”. Здесь вообще на Кавказе, как сама знаешь, нет ничего подобного, что переживают в России. Тем более общественным организациям следовало бы обратить на этот фронт внимание, да, главное, не останавливаться перед трудностями путей сообщения. Ведь наши то солдаты по ним... шли, да амуницию на себе волокли. Нельзя упускать из виду и того, что громадное большинство ушли из дому уже больше года, и среди них чувствуется известная душевная усталость.

И чему я не перестаю удивляться, это бесконечной терпеливости и выносливости рядового нашего солдата. Пришли из сторожевки, на другой день на рытье окопов, а на следующий опять в сторожевку и т. д., и т. д. Едят борщ, в котором от борща кроме названия ничего не осталось, так как два месяца не получается ни капусты ни картофеля. И не жалуются” “раз нет”. О белом хлебе нечего и мечтать: для офицеров это лакомство, – а между тем мнение, что “простой” человек “не любит” белого хлеба – следует отнести к числу предрассудков. В Тифлисе... солдаты всегда покупали белый хлеб.

...Обо мне ты не тужи. Я вовсе уже... не так плохо питаюсь. Бежавшие 17 сент. курды побросали по дороге много добра. Мы нашли около трёх пудов масла, перетопили его и у нас теперь всё готовится на прекрасном масле. ...Затем с 18 числа сент. у нас есть и корова, даёт 3 бутылки молока. Несколько дней был и лук и картофель. Да, забыл сказать: поели винограду вдоволь. Весь Ван в виноградниках, ну и истреблялся же он в несметном количестве. ...ловили рыбу (не я) и ели.

Мяса всё время вдоволь, хлеба тоже.

...Посылаю тебе цветок со своего “Малахова кургана”. Эх, если бы я мог срисовать вид с него. Почти у подножия расстилается голубое озеро, глубокое, как море. Береговые цепи гор... посеребрены снегами и надо всем ясное, лазурное небо. Налево... сады – в “осеннем уборе”, как в России. И сколько же погибло столетних орешников (пошли на замки, на окопы). Бедные детишки. Вернутся назад когданибудь в своё село, в свои развалины домов – и где был сад – увидят пни!

Сегодня буду писать ребятишкам. Моя военная муза не успокоилась ещё. ...Из штаба отряда получил сегодня запрос, желает ли автор “при широком распространении песни в отряде и печати остаться неизвестным” или огласиться. Ответил, что предпочитаю неизвестность. Подобного рода песни, по существу, должны быть безымянными. Пошлю песню детям. Поётся на мотив “Степана Разина”

(“Из за острова – на стрежень...”). Научи мотиву.

Целую тебя, деточка.

Твой Миша».

Там же. Л. 35-40 об.

Письмо к жене от 22 ноября 1915 г.

«Милая моя деточка!

Как то не верится, что, м. б., уже через месяц я буду дома. Дней через десять мы перейдем на зимнюю стоянку верст за 200 отсюда, ближе к базе – в сутки пути от жел. дороги. Это вышло совершенно неожиданно. То то можно будет откормить и солдат и лошадей.

...Ну, привел бог, и во втором бою побывать. Мы все боялись, что наступит зима, операции кончатся, а нам пострелять больше не придется до весны. Но судьба сулила иное. Турки стали нас задирать... 8 ноября турецкия орудия даже стали палить по нашему охранению. Ну, и решили их наказать за дерзость – и наказали.

Выступление было назначено утром 15 ноября. Со своим взводом я был в сторожевке. Спать почти не пришлось, конечно. И должен сказать, самое тяжёлое – это не бой, а ожидание его. Ходишь взад или вперёд или лежишь в шалашке и не можешь отделаться от мысли: “что день грядущий мне готовит?” Совсем иное, если знаешь или уверен, что вообще будешь в бою – через месяц, два – или хотя бы через неделю, через три дня. А тут уже сознаешь неизбежность боя и уже должен думать о том, что то с тобой будет через 24 часа в

это время. Возможно, что когда уже несколько раз побываешь в бою – так будешь уверен в благополучном исходе его, что и мысли о “грядущем дне” не станут лезть в голову. Теперь, когда я постепенно набираюсь опыта боевого – мне легче спрашивать участников сражений. Сами мне офицеры об этом не рассказывали. То ли не привыкли к самоанализу, то ли нежелание раскрывать себя. Может быть и пребывание постоянное в боях приучило их иначе чувствовать. В эту ночь и утро я наблюдал своих солдат. Внешне, ну никакого волнения. Обычные разговоры, шутки. Но я видел, как часто стали они “оправляться”. Это полагаю верный признак некоторого душевного волнения. “Подойти” к солдатам спросить их, конечно, труднее, чем производить опрос офицеров. Я помню, ты спрашивала солдат – “страшно ли” – и они говорили, “как же не страшно, сестрица, конечно, страшно”. Но, слово “страшно” или ничего или означает очень многое... Личный мой опыт: сам бой (я все время имею в виду Кавк. фронт) – не страшен. Об этом ещё дальше.

В восьмом часу мы достигли праваго фланга нашего сторожевого охранения. Шли по берегу озера. Гора подходила к самой воде. Огибая гору, мы выстраивались в боевой порядок – разсыпались в цепь. Тут уже стали летать пули – но видно было, что турок против нас было очень немного, что это отступало их слабое – в этом месте – сторожевое охранение. Через какие нибудь полчаса стрельба прекратилась, и мы шли дальше совершенно спокойно, как дома. И тут уже зашевелилась подлая мысль, что, быть может, всё уже кончилось, предстоит дальше простая прогулка. Мы прошли ещё несколько верст и расположились на отдых, не доходя одной деревни... Мы были, почему то, уверены, что турки, завидев наши силы, предпочли уйти, бросили Черную гору. Иначе я ничем не могу объяснить того, что наша батарея остановилась на отдых целой колонной, на видном месте. Прошел какой нибудь час. Мы прошли деревню и расположились на опушке ея, в цепях. ...Мы мирно разговаривали. Черная гора безмолствовала. Вдруг – с нея – раз-два-три – один орудийный выстрел за другим. Затем высоко, в воздухе – послышалось ж-ж-ж-у – и далеко от нас разорвалась шрапнель. Мы думали, что турки плохо стреляют, но потом выяснилось, что они стреляли по резервам. Постепенно разрывы приближались, шрапнель летела уже не так высоко. Влево от нас выехала наша артиллерия и её то нащупывала и прекрасно нащупала турецкая батарея. Снаряды рвались уже над ней – ранили

двух лошадей, двух коноводов*. И тут я мог полюбоваться выдержкой и хладнокровием наших артиллеристов. Ими командовал капитан Гронов, уже имеющий Георгиевское оружие. Его батарея работала точно на ученье. Ни разу не переменила позиции. Конечно, здесь и то обстоятельство имеет значение, что офицеры и солдаты имеют дело с машиной (как и в пулемётах) – а это отвлекает внимание, становится некогда думать об опасности. Наконец, артил. дуэль окончилась. Я перешел на правый фланг... Там был наш второй взвод – поручика Рожд. Им было хуже, так как шрапнель била и по ним... Думали, что всё кончилось для этого боя. ...Наши вестовые принесли холодец, котлеты. Стали угощаться... – и очевидно турки нас заметили. ...вдруг с Черной Горы – выстрел, второй, третий – опять характерное – ж-ж-ж-у – низко низко над головами. Мы, конечно, в рассыпную и прижались к земле. Заботишься, конечно, только о голове, её бы укрыть – известная страусова психология. Десятка два три снарядов пролетели над головами – и всё успокоилось.

...С наступлением темноты нашему отряду приказано было занять “дом каталикоса” по берегу озера. Идти надо было какуюнибудь версту. Но мы так устали за день, да и прошлую ночь как провели – что как толпою останавливались, так и ложились на землю и засыпали. ...Я всё таки немного за ночь выспался.

...Ранним утром мы заняли гребень возвышенности, кот-ая скрывала дом каталикоса от Черной Горы. ...Начался жестокий обстрел... Шрапнелью угощали нас турки с полчаса, ...но никого не задело. Это уже счастье – потому что мне стрелять нельзя было. Вообще турецкие артиллеристы вызвали в нас искреннее восхищение. Какая тут ненависть к врагу. На Кавказе добрыя старыя времена. Сказать “аскер” – все равно что джентльмен. Никакой злобы. Да, с большим уважением у нас относятся к противнику. Ты знаешь, что по отношению к турецким пленным – в отличие от всех других – Высочайше разрешено оставить в силе прежний, гуманный режим – за то, что они относятся к нашим пленным также хорошо.

Так вот, под этим шрапнельным огнем и пришлось “выпячивать” пулемёты: обогнуть возвышенность и идти по над-озером, у самой воды – где уже было “мёртвое” (недоступное обстрелу) пространство.

* Тут же был контужен в голову «батя» – замечательный священник одного казачьего полка. Всегда впереди. – Прим. М. Исаева.

...Мои пулемёты шагах в ста друг от друга, но голосу у меня хватает, как ты знаешь. Как затрещали мои пулемёты, так я готов был плясать от радости. Издавал, во всяком случае, радостные вопли. А стреляли мы по группе черных скал, где засели турки с двумя пулеметами. Через какихнибудь 10 минут – турки перестали стрелять... А до этого! ...Да и трудно выдумать пулемётный гонг. Ружейные пули – это отдельные звуки (как лис в Снегурочке), а тут точно огненным веником по воздуху хлещет. Раз так хлестнули около нас.

...Затем у меня уже правило. Если лежит цепь: не смеет стрелять, прячется, не обнаруживай себя. Прикрытие (это рабы, кот-ые тащат мне патронные коробки) загоняю в скрытное место. У пулемётов остаются только мы: унтер-оф., наводчик – его помощник и ещё два-три номера. И то на виду только унт.-оф., да наводчик (прикрыт щитом)... Вообще со мной ходить “прикрытию” довольно безопасно. (Кстати у нас в команде... – ни одной потери).

...Через какихнибудь полчаса... казаки пошли на ура. Один пулемёт мой они на рысях тащили... Когда шли, со мною случился “казус” – побил одному пограничнику морду. Надо тебе сказать, что среди солдат находится сволочь (конечно, не во всех частях), которая трусливо идет позади, время от времени даже ложится, и стреляет *сзади* своих. А то бегут – опять таки не в первых рядах – и стреляют на ходу. Бежит, орет как оглашенный ура и шпарит из винтовки! Этим сам себя успокаивает. И при наступлении боишься не пули противника, а вот этой сволочи. И офицер прямо хоть разрывайся. Кричу им, ругаю (только не по матушке) – ничему не внемлют. Заприметил я тогда одного, припустился за ним, догнал. Ты, что сволочь, делаешь. Да, как то, неожиданно для самого себя – раз в морду, два, с другой стороны и еще раз. И что же: очухался. Пошел спокойно. А мои пулеметчики потом рассказывали: “ну, и смеху было. Видим, Ваше бл., из себя вышло. Да, как припустится бежать, шашку под мышку, догнал, да как стал “крестить”. Ну, и смеху было!”

В этот же день ещё пришлось “крестить”. Из моего прикрытия не оказалось, когда пришли к Черной горе, нескольких пограничников. Залегли бы гденибудь, сволочи, в кустах, а у них коробки с патронами. Я уже выгнал таких троих, когда шли в деревню. ...А ведь ты можешь себе представить, что значит остаться без патронов... Являются, уже когда мы с полчаса отдыхали. ...И ругал я – боже мой – и сволочью, и мерзавцами, и трусами, и подлость их поведения разъяснял. ...Ну, одному ткнул в морду два раза, другому в зад ногой – от

презрения. ...Ну, что ты будешь делать. Ведь надо то рапорт – за трусость растрел. А так, ничего не сделать, разврат.

...Вся цепь – на полверсты замолкла, а я призываю грома небесные на эти трусливые, подлые головы. А Скобелицын, оказывается, семерых пограничников во время наступления нагайкой отхлестал!

Наблюдал различные элементы войска (подчеркиваю, не обобщаю, а имею в виду свой опыт) в бою – пришел к заключению, что русские – лучшие в войсках. Есть трусы – но это исключение. Среди грузин и армян исключением являются храбрецы. ...видишь ли, под храбростью я понимаю самообладание, хладнокровие. А, если глаза на лоб лезут, это экзальтация, это отчаяние. Он тебе и стрелять будет не целясь...: этим он себя одобряет. ...Немцы-колонисты (есть в дружинах) так и норовят спрятаться и не обнаруживать себя. А в русских сидит какая то двужильность, и раз офицеры на месте, даже с необученными ополченцами прекрасно можно драться. ...Поэтому, вполне правильно, в пулем. команды (это вообще, не только в нашей команде) берут только русских. Да что бой, а переносить все лишения походной жизни, сторожевок – ведь какая тут двужильность нужна.

Вот меня сунженцы умилили. Поэтому, после боя, я и решил, если уж сочинить стихотворение – то посвятить им. От меня ждали вообще стихов – я стал каким то “отрядным поэтом”. Что делать. Я говорю: за поэзию не взыщите – в стихах вообще больше добрых чувств, чем хороших рифм. Стихотворение посылаю тебе. После письма, может быть... будет тебе понятна “психология” его.

Еще хотел сказать несколько слов о значении офицера. Между ним – и унтер. оф. страшная разница в следующем. Солдат знает, что у унтер. оф. не поднимется рука – не хватит духа – убить труса. А по меня он твёрдо знает, что я не дрогну и хвачу его из револьвера. Мне приходилось беседовать на эту тему. “Позвольте, – да ведь и они могут вас убить”. “Друзья, – говорю им, – никогда”. Именно потому, что они трусы. Я свободно подавлю ропот хотя бы двухсот человек, не то что справлюсь с одним трусом. Солдаты чувствуют, что я их не боюсь, что мне безразлично, убьют ли они меня или нет, а им каждому в отдельности это далеко не безразлично.

И вдруг я именно его то – и подстрелю. Прибавь к этому, вколачивание с самого начала – сознания – что офицер – это категория высшего порядка, вообще навыки дисциплины – да, как же не спра-

виться с людьми! ...Но только и ты будь на месте. Солдаты – это школьники, наблюдающие учителя.

...Миша».

Там же. Л. 60-67 об.

Письмо к жене от 23 ноября 1915 г.

«Милая моя деточка!

Перечитал сейчас предыдущее письмо, показалось мне бледным, лучше не перечитывать, а то расхолаживает. Добавлю всё таки несколько слов о бое. Вообще то я стараюсь вскрывать тебе психологию его, а не внешнюю сторону, я знаю тебе она не интересна, да и меня она особенно не пленяет. После того, как мы заняли Черную Гору – казалось уже несомненно, что бой кончился. Состояние духа великолепное: остался жив, а в розовом будущем отпуск, дом, ёлка, ты, дети. Но оказалось, что по нас ещё стрелять стала тур. арт. – это она “огрызалась” отступая. ...Тут была и наша вина – слишком заметно стояли – хотя и отгонял от пулемётов. (На будущее – заметка. Я теперь воочию вижу, что значит опыт, мне сбережь людей – по разуму уже, а не по счастью). Теперь мне было бы интересно поговорить с “западными” офицерами. Какое чувство они переживают после боя. Ведь у меня сегодня один бой кончился, завтра другой, и вообще дерись... пока из строя не выйдешь. Отвозят, конечно, на отдых – но что там – неделя, другая. А здесь перерывы месяцами. После конца июля на всем Кавк. фронте ведь только у нас были бои... А зимой, по общему правилу, на всем фронте затишье. Горы – проходы и перевалы занесены снегом.

...А у нас “позиции” не то, что на западе, где сидят нос к носу, и головы высунуть нельзя.

...Размышляя вообще после боя, я стал разбирать вопрос о наградах. Чем малым довольствуются люди! Просто даже удивительно! Ну, какой может быть знак равенства между Станиславами, Аннами и т. п. и тем, что переживал человек в продолжении многих часов, до боя, во время боя. Я говорю, конечно, о тех, которые действительно подвергались опасности смертельной, а не о тех штабных и всяких уполномоченных, кот-ые в погоню за “мечами” как коршуны слетаются на бой. ...А между тем – награды – это, как я здесь говорю:

“чем люди живы”. “Повезло” – повесили ему 3-4 креста и он счастлив бесконечно. Награды в виде крестов – надо сказать тебе (кроме Георгия) – никаких преимуществ не дают почти. Но, если ты их имеешь... до Влад. – то дальше уже надо к чинам представлять. А следующий чин – ведь это чорт знает что. Получивший его за боевые отличия “перегнал”, “сел на шею” – своим товарищам по выпуску. У него “старшинство”. В будущем он скорее получит роту, а там и батальон. А раз дают награды вообще – то, ежели ты почему либо не получаешь, то выходишь каким то ошельмованным.

И вот разговоры о наградах – любимейшая тема у пехоты и кавалерии. (Артил. и саперы гораздо меньше говорят о них, вообще у них уровень образов. гораздо выше). “Довольных” в тысячу раз меньше, чем “недовольных”. ...Один “род” оружия ревнует к другому.

...То, что пехоте предоставлены большие преимущества – имеет основания, главным образом, для западного фронта. Здесь, кавалерия сражается почти везде в пешем строю и рискует больше, чем пехота (разведки!). ...Легче всего служба здесь в артиллерии – сторожевой не несут, след. все ночи спят, на работы (рытьё окопов) не ходят... – только и знают, что бой (а бои довольно редко). От руж. и пулемётного огня в полной безопасности. Да и вообще у них почти нет потерь.

...во всех профессиях, на всех должностях – только и слышишь: “Ну и жизнь каторжная, ни отдыха, ни просвета”. ...И должен, по совести, сказать. Нет, и не может быть сравнения с военной службой на войне. Там “завтра” – твоё, там у тебя семья – а здесь – сегодня есть, а завтра нет. ...Можно ли сравнивать “эпидемию самоубийств” – с теми “самоубийствами” – из чего состоит вся война.

Ведь ты идешь под пули, прекрасно сознавая, что эта “пчелка” – разом все прикончить может: надежды, радость, горе. И, поэтому, как бы мне не жаловались люди на свою жизнь – буду говорить им: “друзья – благодарите Господа Бога за то как и чем вы живёте”. “Цены крови” нет и не может быть её установления. И осыпайте вы военных золотом, чинами и орденами – вы всё равно останетесь перед ними неоплаченными должниками.

Пускай меня причисляют к “милитаристам”. Я думаю и пишу по совести, по человечеству. И это мне тем более легко, что я то не военный.

Не уверен, интересно ли тебе всё это? Но видишь ли, припоминная всякаго рода корреспонденции, мне начинает казаться, что они не совсем верно рисуют “жизнь” войны. По общему правилу, офицеры

не умеют рассказывать. Заглянуть же в траншеи – или приехать на позиции на день, на два – это ведь не то, что прожить месяца самому с пулевыми офицерами. Ты “свой” – те “гости”. Каждому хочется казаться лучше, благороднее, храбрее, умнее, чем он на самом деле является. Да что других, как много самих себя обманывают. Затем – помнишь еще из психологии Введенского: наблюдение идет путем самонаблюдения. А для этого надо самому пережить и переживать. Вот только теперь мне стали вырисовываться вопросы, кот-я можно и должно задавать участникам войны. И то только начало вопросов.

Разве Толстой написал бы Севаст. рассказы и Войну и мир – не воюя сам. ...Почитаешь газеты – сплошной героизм, сплошной идеализм. А где мелкая забота: о капусте, картофеле, хлебе, о сапогах и полушубках. А отчетность, а... переписка всякого рода, идет своим чередом. Это только “газетчики” могут думать, что на войне только и имеют дело с полевыми книжками. А всякие дровяныя: на отопление, пищеварение, а “справочные цены”. Сколько разговоров, надежд, сомнений, размышлений. Я ведь тоже представлял себе, что на войне – только война. Нет, тут есть и мир – прогляди его, и “война” то у тебя выйдет кособокая. Подчеркиваю – все это пишу про свой – “захолустный” фронт – но чувствую, что многое относится и к западу.

Заканчиваю письмо стихотворением.

***Бой под Черной Горой 15 – 16 ноября 1915 г.
Посвящается сунженцам.***

В глубоком сумраке отряд наш занял
Сады каталикоса. Себя открыть боясь,
Мы в эту ночь холодную костров не разводили
И спали на сырой земле, походом утомясь.

Светал ноябрьский день. Цепь залегла в скалах.
Ждала, когда придет ей наступать пора.
А впереди угрюмо возвышалась
Враждебная нам Черная Гора.

Всё было тихо. И казалось,
Что в этот день не будет литься кровь.
Вдруг прозвенел снаряд над головами
И ахнул в воздухе: бой разгорался вновь.

И смело Сунженцы пошли вперед.
Немного было их, но всё народ лихой:
Товарища не выдаст, хоть пришлось бы
Своею поплатиться головой.

Напора нашего не выдержали турки,
И Черная Гора досталась нам.
Врага мы гнали по ущелью,
По горным кручам и скалам.

И стих двухдневный бой. Скорее
В тесный круг, кто жив и невредим.
Помянем павших, и за чашею вина
Союз наш боевой на веки укрепим.

Посылаю тебе безсмертник. Это с тех скал, что скрывают дом каталикоса».

Там же. Л. 69-74 об.

Письмо к детям от 30 января 1916 г.

«Милые мои ребятишки!

Сижусь я пятый день на берегу Урмийского озера и дожидаюсь, когда пароход

“Казак” потащит на буксире баржу, на которую сяду со своими подарками.

Озеро большое, красивое: кругом него снежные горы. Но здесь не особенно холодно. Спал эти дни в “юрте” – войлочная палатка в роде кулича. Раскладывал свою постель и залезал в спальный мешок. Отсюда виден “Шахский остров” – он гористый и покрыт снегом.

(Рис.).

А вот вам и пароход “Казак”.

(Рис.).

Так как пароход военный, то на корме развивается Андреевский флаг.

Накупил себе папирос 50 коробок по 25 папирос в каждой. Сколько будет?

Встретил здесь двух своих солдат пулемётчиков, они теперь стерегут мои ящики, которых уже стало 15.

(Рис.).

Солнце здесь светит ярко, как у нас в апреле.

Пишите мне, как учитесь. Веруша, не забывай записывать уроки в дневник.

Вспоминаю вас, моих кротов, каждый день.

Ведите себя, как хорошие дети, и не огорчайте маму. Помните, что ей тяжело, что я на войне.

Целую вас и Булю крепко, прекрепко.

Ваш папа».

Там же. Д. 87. Л. 6-7 об.

Письмо к детям от 19 февраля 1916 г.

«Милые мои деточки! Я вам еще не всё путешествие описал. Тогда я рисовал пароход “Казак” с берега, а когда приехал на него в лодке – то увидел, что на “Казак” есть скорострельная пушка и пулемёт.

(Рис.).

Пушка на корме, а пулемёт с большим щитом посередине. Спал я в маленькой каюте под лесенкой.

На пароходе ехала матросская собака “Цыганка”. Утром она все прыгала по палубе – да и свалилась в воду. Мы уже думали, что она утонет. Матрос вскочил в лодку, которая привязана к пароходу, пароход остановили, но Цыганку стало уносить течение. Но, какая умная собачка. Она всё старалась зацепиться лапами за канат, на котором пароход тащил две баржи.

(Рис.).

Матрос подъехал и подхватил её.

...В Урмии я прожил несколько дней, а затем около 100 верст ехал верхом, до своей команды, где теперь и живу. Наша деревушка лепится по холму солнцепоклонников.

(Рис.).

А вот и наш дом. Мы живём в левой половине. В середине вход и что то вроде прихожей. Там живут наши денщики – там и камин, в котором жарят и варят.

В правой половине живёт хозяин дома – мулла. (Рис.). Наш дом один из лучших, а то всё больше на хлевы дома похожи».

Письмо к жене от 23 февраля 1916 г.

«Милая моя Марочка!

Сейчас накрапывает небольшой весенний дождь. 20-го я отметил появление первой травки. Ещё несколько теплых дней и дождей, и всё кругом будет зеленеть.

Довелась судьба встречать весну в горах. Куда лучше себя чувствую, чем в прошлом году в Тифлисе. ...Как много воды утекло с тех пор, и какой для тебя тяжёлый год вышел, бедная ты моя. Ты писала, что ещё больше тоска на тебя напала, как я уехал. Но мне гораздо лучше, что я повидал всех вас.

Обо мне сейчас не беспокойся. Живем, как у Христа за пазухой. Едим лучше, чем вы. Про мясо нечего и говорить – целое стадо баранов.

...Решил завести собственных кур. Есть уже четыре..., велел купить ещё шесть штук и петуха. Стоит курице снести только 10 яиц – и она уже окупила себя. Сейчас велел купить и пару гусей. Буду откармливать. Вот видишь, я не даром говорил, что во мне сидит земледелец.

А почту не привезли. Эти почтари – чорт бы их брал – потребовали от солдата доверенности на простую почту! Это надо быть ограниченной тупицей, чтобы не выдать простых писем, за которые вообще нет ответственности, солдату, у кот-го есть документы устанавливающие его принадлежность к команде.

На масленице – присутствовал на торжестве персидского правосудия. Попался в тайной продаже водки солдатам местный еврей. Суд и исполнение приговора здесь, можно сказать, сливаются во единое целое. ...Видим – старый еврей с библейской наружностью. Без всякого ропота сел на землю, стал снимать туфли и чулки. По обычаю ему полагалось 100 палок по пяткам. Мы с адъют. упросили смягчить наказание – ну хотя бы до 30 ударов. “Губернатор” согласился, хотя это было очень неприятно. Затем еврей растянулся на земле на спине – ноги... закрутили веревкой, чтобы пятками не мог двигать. Четверо молодцев вооружились длинными палками в палец толщиной и началась работа. Отвратительное зрелище – пальцы шевелятся. Точно живые, концы палок ломаются; еврей слегка стонал и повизгивал. К счастью, всё очень быстро окончилось. Кровоподтеков и вообще крови

не было. Как только перестали бить, и еврей перестал стонать. Стал, обулся, и как ни в чем не бывало, поплелся к себе домой, находя, что он, по какой то счастливой случайности, отделался необычайно дешево. Отвратительно было, что старого, на вид такого почтенного человека, подвергли позорному наказанию, и ещё хуже было думать, что он сам то не чувствует позора этого наказания.

...А персидский Курдистан всё таки мы здорово разгромили. ...Всё мужское население было истреблено. Ну, да и женское пострадало.

...А мы всё стоим. Взят Эрзерум – теперь и Тифлис. Багдада нам, наверное, не удастся брать – на долю других выпадет эта задача. Просто обидно и досадно. Забросила судьба в Курдистан – не особенно велика честь его завоевать. ...Ну, поживём – увидим. Бог даст, чтонибудь и нам выпадет.

Читал газеты от 16 февраля – как немцы под Верден поднапёрли. Авось отбоярятся французы, а то совсем позор. ...Что бы англ. и франц. делали на Кавказе?

Ну, деточка, всего хорошего. Целую тебя и детей. Пиши.

Твой Миша.

(Не забудь баночку какао в посылке)».

Там же. Д. 82. Л. 28-31 об.

Письмо к жене от 27 февраля 1916 г.

«Милая моя Марочка!

Написал письмо Вере, прочти и передай ей его. Надеюсь, что ты отправила мне кое какие посылки – по части литературной. Счастливые люди, кот-ые медленно читают.

Не знаю, не начать ли мне уже теперь – “воспоминания о захолустном фронте”. Хотя нет – мои “материалы” в письмах к тебе – большею частью, и мне напомнить их, имея перед собою. Ты их только береги.

Не забудь: выпиши мне из паспорта, что я тебе оставил: “отношение к воинской повинности”. Я забыл списать, когда я уволен в отставку.

С грустью предвижу возможный отъезд Садикова. Тогда не будет лучшего моего собеседника, останутся одни шахматы. Хорошо, если будут книги.

Пиши обо всех мелочах жизни. На “сейчас” кончаю.

...Ну, милочка, целую тебя.
Твой Миша».

Там же. Л. 33-33 об.

«Сказка. О казенных миллионах и солдатских грошах»

Вечер. На дворе темь. Бусенит дождь, с обеда. Весеннему солнышку не под силу ещё было высушить дороги, а тут непогода. Стала совсем грязь непролазная. Не хочется выходить из дому. Хорошо сидится в комнате: печку затопили, засветили лампу. Примостился на кровати, газеты читаю: В Думе. Говорит министр: “каждый день стоит нам война 31 миллион рублей!” Задумался я, стал рассчитывать, сколько это придётся на час, на минуту... Стук в дверь. “Ваше благородие, разрешите взойти”. “Входи”. Вижу, дежурный фельдфебель, помощник мой, мокрый, в грязи. “Что скажешь?” “Так что, разрешите, Ваше бл., доложить, в караульных помещениях нема свету”. “И у курдов нет?” “Так тошно, В. б., и там, где курды сидят, тоже нету. Было раньше у солдат сало, да всех баранов поели, не с чего свет делать”. “Плохо, брат!” “Ну, ладно, напишу записку, отнесёшь в штаб, начальнику штаба, понял?” “Так тошно, В. б.” Достая полевую книжку. Так и так, пишу, погибаем во тьме. Окажите божескую милость и содействие... “На, иди, а потом мне доложишь”. “Слушаюсь, В. б.”.

Проходит час. Кончил одного министра, принялся за другого. На дворе стало еще темнее, а дождь всё бусенит. Стук в дверь. Опять мой фельдфебель, мокрый и в грязи. Подает мою же записку. На обороте читаю: “Срочно. Начальнику таких то сил: На распоряжение”. Подписано: “Начальник штаба”. А дальше: “Весьма срочно. Полицмейстеру на распоряжение”. Подписано: Начальник таких то сил.

“Ну”, спрашиваю, “а что же полицмейстер?” “Так што, В. б., их Высокоблагородие сказали: “Что я, керосин рожу, что ли, нет у меня керосину!”

Стал я молить своего капитана: Выручайте. Отпустите от своих щедрот керосину. Задумался. “Так и быть. Берите осьмушку. Больше не могу. Сами знаете, не промыслы у нас нефтяные”.

Выходим с фельдфебелем. Тьма непроглядная. Не лужи, омота глубокия. Одну ногу вытащишь, другая о помощи зовёт. А сверху – дождик как из мелкаго сита. Идти с полверсты, а устали точно воз в гору втаскивали. Наконец и караулка. За дверью, слышно разговари-

вают, песню мурлыкают. Входим: глазам не верится: в караулке то свет! В углу мерцает плашка, а точно большой огонь горит: так уютно в караулке. Лежат на полу два курда, черных. Пречерных, глаза сверкают. Только что зубами не постукивают.

“Братцы, да откуда же у вас керосин?” “Так что, В. б., на свои гроши купили. Больно уж скучно сидеть в потемках, да того и гляди курд от тигрой бросится”.

Помолчал. “Ну, а чем курды-то живы?” “Еще вчерась, В. б., у них деньги свои были. Последний двугривенный проедали”. “Ну, а сегодня то, что же, светом сыты?” “Никак нет, В. б., мы своего хлеба им давали. Станем чайничать – и им по стаканчику. Што же, не по своей воле сидят..”

Вышли. На дворе ночь ещё темней. Сверху бусенит. Не дорога, омота глубокая.

28 февраля 1916».

Там же. Д. 87. Л. 53-54 об.

Письмо к жене от 29 февраля 1916 г.

«Милая моя Марочка! Написал сейчас детям, приложил им сказку. Мораль этой сказки (главная) – добродушие руссаго солдата. Незлобивость даже к таким врагам, как курды. Ты им это растолкуй.

...Идёт мокрый снег. Настала, видимо, полоса дождей, о чем тебе сегодня даже телеграфировал, взывал о книгах.

...С ужасом думаю о предстоящих дежурствах. Уже третий день дождик, или мокрый снег. Все работы по очистке местечка пошли даром. М..б. от этого персы и предпочитали до нас оставлять все на волю Божию? Садиков от непогоды совсем раскис. До отъезда и не встаёт. Ефремов принялся за «Любовь к трём апельсинам». Ничего! Нравится. Я думаю на фронте – в таких условиях как мы живём – Апельсины могли бы иметь успех. Шахматам посвящаю по несколько часов в день.

Думаю сегодня позвать вечером Зарешнаго, он хорошо сказки рассказывает. Запишу и пошлю, м. б., детям.

...Последние газеты у нас были от 19 февраля.

...Вот, милочка, и все – право, новостей нет. Какой то мертвый сезон. А главное погода, ну никуда не выйдешь, ни проехать, ни пройти. А ты всё ещё удерживала книги покупать. Когда то теперь

твои посылки придут. Это очень хорошо, что ты уже собралась одну посылочку “на днях” отправить. Значит, уже идёт.

Ну, Марочка, рука даже устала писать. И детям, и Лизе и тебе. Детям – это отчасти и тебе.

Целую тебя, милая.

Твой Миша».

Там же. Д. 82. Л. 35-36 об.

Письмо к жене от 6 марта 1916 г.

«Милая моя Марочка!

Эти дни не писал. 3-го пришлось поехать в обоз, производить небольшое дознание. Будто бы наши обозные, пойдя за сеном, притесняли жителей, отнимали у них имущество и т. п. Я вынес убеждение, что наши не виноваты. Но тем не менее пришлось мне пересмотреть теорию свою о преимуществах ведения войны в нейтральных странах. Преимущества, во всяком случае, не на стороне “нейтральных”. Не проходит дня, чтобы персы не приходили жаловаться, что у них солдаты и казаки отнимают сено бесплатно, отбирают деньги, обижают даже женщин. Дыму без огня не бывает. Отправляющимся на фуражировку дают деньги. Так соблазнительно оставить себе 4-5 рублей. Наши солдаты рассказывали мне, что жители по вопросу, есть ли у них сено, всегда отвечают “нет”. Приходится отыскивать запрятанное сено, отбирать его “нахалом”, и затем платить. Так вот, всегда ли производится последнее? И не от того ли прячется сено, что обычно за него не принято платить.

...Своим то я уже сколько раз объяснял положение этих несчастных персюков, что они и без того крепостные. Но сказать, что и наши никогда не злоупотребляли бы – я бы... не смог. Зная отдельные личности – за своих смог бы поручиться, за других нет. А вместе тем, как и станешь особенно обвинять. После разгрома С.-Б., обозы некоторых частей были прямо набиты коврами и другим имуществом. Врач Краснаго Кр. мне говорил третьего дня, что старший врач этого транспорта оставил ему 40 больных, потому что его двуколки были заполнены коврами. А ведь это врач! А сколько иногда и золота досталось победителям. На обиду женщин смотрим сквозь пальцы. Все эти “уроки” не проходят безследно для солдат, конечно. Распустить то легко, а как потом подтянуть?

...Вчера возвращался, наслаждаясь природой. Был тихий день, немного облачно. Люблю я эти плоскогорья. Дышится свободно. Горы не давят, они только обрамляют широкую равнину. В воздухе весна, кое где пробивается зелёная травка. Заливаются жаворонки. Такой покой нисходит на душу. Войны точно нет и не бывало. Мир кругом и в душе.

...Думал о тебе и детях. Думал, что ты беспокоишься, тоскуешь, а мне так хорошо. И хотелось ехать безконечно.

Посылаю тебе наши первые цветы.

...Целую тебя, моя милая и детишек.

Твой Миша».

Там же. Л. 38-39 об.

Из письма к жене от 11 марта 1916 г.

«...Всё больше и больше укрепляюсь в своем оптимизме. Надо непрестанно удивляться тому, что как хорошо идёт дело при нашей всеобщей халатности.

...Нет у нас людей на “малыя дела”. Откуда же взяться на “большия”?»

Там же. Л. 43-44 об.

Письмо к жене от 16-17 марта 1916 г.

«Милая моя Марочка.

Сейчас получил твоё письмо. Опять ты пишешь о деньгах. Главное, вернуться бы живым и не полным инвалидом, а во время войны ты всегда проживешь, “протянешь”.

...Не приучай себя к мыслям, что я не вернусь. Только в этом случае – денежный вопрос встанет остро. Раз я вернусь – всё наладится.

...Ужасно расстояние и время, кот-ое нас отделяет.

...Себя только не хочешь распускать, потому что знаешь – как легко “ослабнуть” и как тебе тогда жизнь будет сладка. Всё таки должен сказать: трудно представить себе наши переживания, их нужно пережить самому. Наши нервы должны сказаться после войны, и я знаю тем я уже не вернусь, каким поехал. И виной, право, не эти турки и курды, что перед нами – а свои российские турки и курды кото-

рые своим равнодушием и безучастием наносят нам в спину – удар за ударом.

Вместе с тем – ни на минуту не сожалею, что пошел на войну. Совесть лучшее мерило наших поступков, а она у меня спокойна. Знаю, что ни тебя ни детей не “обезпечил” – но всё таки это не так мало оставить своим детям сознание, что их отец поступил честно.

До чего я всегда с вами в своих мыслях. Я так рад, когда получаю от детей письма. Я знаю, что ты не сумеешь сделать так, чтобы они чаще писали. Пожалуй, только хуже выйдет.

Сегодня чудный день. 17° в тени. Природа такая веселая – на душе немного грустно. Какая же будет жара в июне или июле? Чисто африканская поди!

Вчера ездил за 15 верст, в качестве члена следств. комиссии. Поступила жалоба на армян-друж., что изнасиловали восьмил. куртинку и женщин, грабили. Пришли к заключению: факт изнасилования 8 летней и 3 женщин установлен..., грабёж был, но исключительно единичные случаи, были ли виновны армяне – с положительностью нельзя утверждать, тем более нельзя отыскать отдельных виновников.

...Но, какая быстрота. В несколько часов разобрали такое сложное дело. Следователям хватило бы на несколько месяцев, и право, не лучше нашего сделали бы. Девочку было жалко, а женщин несколько. Трое пришли к трём арваткам (арватка – женщина)... в село. Кто их знает, может быть это и было почти добровольно. Во всяком случае, не носило зверского характера.

К курдам опять закипела злоба. Третьего дня верстах в двадцати от нас, ночью (а теперь ночи безлунная), к казачьему посту подползли трое курдов и выстрелом смертельно ранили часового. Вчера его у нас хоронили, на холмике который служит магометанским кладбищем. Теперь белеет крест среди их могил. После казака осталось четверо детей. На войне, конечно, без убитых не обойтись. Но у всех такое чувство: казак погиб зря. В четырёх верстах от поста деревня, в кот-ой живут “мирные” курды. Утром, следы вели в эту деревню. Сотня, конечно, выступила. Командир донес – “жители наказаны достаточно”. Потом подробнее – объяснил, что зарублено до 30 курдов, скота пока что не забрал, нет чем кормить Вот подлость курдов в том и заключается, что не знаешь, когда он мирный, когда нет. А оружие у них так запрятано, что не найдешь. Казаки так и разсуждают: кур-

дов-мужчин надо убивать, пот. что они разбойники, женщин, потому что они родят разбойников, детей, чтобы не выросли разбойники.

Ну относительно женщин и детей в настоящем особой опасности нет (хотя мне сообщен один случай Садиковым, когда курд, его жена и 12 л. сын отстреливались в сакле несколько часов).

17/III. Надо послать в штаб, на почту. Сегодня еще напишу. Целую тебя и детей».

Там же. Л. 52-55 об.

Письмо к детям от 21 марта 1916 г.

«Милые мои детишки, Веруша, Алёша и Буля!

Христос Воскресе!

Далеко я от вас в эту Пасху, и не придёте вы в этот праздник ко мне утром с поздравлениями и подарками. Но милые мои детишки, я сердцем и мыслями со всеми вами и целую вас и обнимаю моих дорогих.

Милые мои кроты, не беспокойтесь о том, что то будет ваш папочка есть в этот день: у меня и кулич и пасха и яйца и ветчина – нет у меня только вас и мамы. Но не грустите, я всё таки на елке был с Вами, а другие и тот праздник встречали на войне.

Милые мои кроты, как то вы учитесь, пишите мне больше, я очень люблю ваши письма. Как понравилась вам моя сказка о солдатских грошах, если вы только её получили.

У нас погода всё еще не наладилась, по три дня идёт дождь, потом несколько дней солнце. Только что высохнет – опять пойдёт дождь целых три дня. Нам то – пулеметчикам хорошо, мы сидим дома, а вот бедным казакам надо каждый день в разведку ездить: дождь ли, снег ли, всё равно седлай лошадь, одевай винтовку, шашку и кинжал, и поезжай в горы.

Вы вот спали под Пасху в теплых своих кроватках, а в это время сколько и солдат и казаков стояло на часах. Стоят и всматриваются в ночную темь, прислушиваются, не подползает ли враг. А сами думают, что где то далеко, далеко в их селах и станицах их близкие молятся в храмах, поют: “Христос Воскресе”. Вспоминают солдаты, как они когда то вместе со своей семьёй встречали Пасху, и теплится в их сердце вера, что придет время и вернутся они к своим.

Милые мои кроты! Сейчас вы ещё малы, чтобы понять, сколько сделал для вас простой русский солдат, но любить его вы и теперь

можете. Сохраните любовь к нему и к русскому народу на всю жизнь. Любите свою Россию.

Напишите мне подробно, что вам подарили на Пасху, где вы были в гостях, как провели первый день Пасхи.

Постарайтесь вести себя так, чтобы маму поменьше огорчать. Помните, что ей очень тяжело, что меня нет с ней. Ты, Веруша, уж большая девочка, ведь уже тебе летом 11 будет. Да и ты, Алёнушка: ведь уж тоже восьмой год! Ну Буля то мал ещё, да, пожалуй, он меньше вас маму огорчает.

Ну, кроты мои милые, целую вас крепко, прекрепко. Помню вас всегда, а на Пасху вспоминаю вас особенно. До свидания.

Ваш папа».

Там же. Д. 87. Л. 10-11 об.

Письмо к жене от 25 марта 1916 г.

«Милая моя Марочка! Видел тебя сегодня во сне. Будто бы ты, с помощью консула... проникла в Персию и теперь поступаешь сестрой милосердия в наш передовой отряд Кр. Кр. Я и рад был, что ты со мной, и недоволен вместе с тем, потому что я против того, чтобы жёны на войне были с мужьями и вместе с тем за детей беспокоюсь, как то они теперь одни остались.

Вчера весь день шёл мокрый снег. Грязь стала прямо классической, и в штаб, в гости, я отправился верхом. Сегодня опять безоблачное небо.

...Живу по прежнему. Вот уже скоро три недели, как здесь. Не заметно и Пасха подойдет. Где её будем встречать? Здесь или по дороге в страну финиковых пальм – неизвестно. Да я не беспокоюсь особенно, знаю что и здесь и там много будет интереснаго. Весна во все свои права к тому времени вступит.

...Не сегодня, завтра должна придти почта. Главное – удивительно приятное сознание, что можно посылать телеграммы тебе. Надеюсь, что они доходят до тебя. Жду с нетерпением “литературы”. И чорт знает что такое. Все офицеры просят “почитать” – но, чтобы самому иметь запас книг, об этом никто не позаботится. Дальше... чем до покупки книг на вокзалах никто не подвинется. А можно как было бы использовать время, кот-го сейчас некуда девать.

Очень рад, что привёз шахматы. Нас уже четверо игроков. Надо будет после войны Верушку научить шахматам.

...Интересно, как то у нас гуси выкормятся. И сколько времени их нужно выкармливать?

...Как то ты, наконец, порешила с дачей? Ну, пока довольно. Должны же придти твои письма и дать мне материал для писем. Пока что, его нету.

Ну, милочка, целую тебя и ребят.

Твой Миша».

Там же. Д. 82. Л. 61-63.

Письмо к жене от 7 апреля 1916 г.

«Милая моя Марочка! Как ты уже знаешь, наше долгое сиденье на месте сменилось небольшой прогулкой по горам. Этому мы все были чрезвычайно рады, пот. что сильно уже засиделись.

Наша прогулка – полна сходства с теми стычками и боевыми картинками, которыми так богата история завоевания Кавказа. “Минувшее я вновь переживаю”. Возьми, перечитай, хотя бы “Рубку леса” Толстого. Сходство и в противнике, с кот-м имеем дело. Курды тоже делятся на “мирных” и “немирных”. Но самое лучшее было бы вообще объявить войну всем курдам, не делая никаких исключений. К этому выводу приходишь волей не волей. Недели три – две тому назад, напр., в 20-30 верстах от нас наступали несколько сот курдов, пока против них была одна сотня казаков: когда подошли подкрепления – курды исчезли как дым. Разошлись по своим селениям, а винтовки позапрятали. Подобным путем исчезали и более крупные отряды курдов – до двух тысяч. Далее. Если курд сам и “мирный” в полном смысле этого слова – то нельзя же от него ожидать, чтобы он не оказывал помощи своим соплеменникам – в виде приюта, пищи, указаний о расположении наших войск и т. п. Туркам, на случай действия в Курдистане нечего заботиться о провианте и перевозочных средствах: все это может быть доставлено им “мирными” курдами. Наконец, мы не немцы, и не станем фотографировать всех жителей. Поэтому нет ничего легче забраться и жить среди нас нашим же врагам.

...Хорошо восторгаться партизанами – но совсем другое, когда партизанская война против тебя ведется. А война с курдами и есть такого рода. Это война не видная, не заметная, на ней не отличаются, но только проделывая ее, можно понять как от нея трещит шкура русского солдата и офицера. Ведь дело то происходит в горах – и

этим всё сказано. За 11 дней мы сделали 102 версты, на долю ровного места выпало верст 20, не больше.

...Высота 7000 футов, а только одна шинель. Это переносить труднее, чем когда тебя обстреливают курды. Вспоминаешь, что живут же теперь другие в изобилии, спят сладко, а у нас одна мечта – стакан горячаго чаю.

...Наша команда удивительно вымуштрована. Сняли пулеметы и вьюки под огнём – также быстро и спокойно, как это проделывали в Тифлисе, на ученьи. Под одним патронным вьюком была убита лошадь. (Единственная потеря за всю операцию: никого больше не убили и не ранили во всем отряде). Постреляли в своё удовольствие, было точно как на ученьи. Я менял людей – таким обр., и Бердников мог пострелять, сам стрелял. Путь к перевалу шёл ущельем – эхо было громоподобное. Курды, конечно, бежали.

...В жизни я не видел такого мрачного ландшафта горнаго. ...массивы гор, река течет в отвесной скале. На деревушку со всех сторон надвигаются горы – оставаться до утра нельзя было. Силы небольшие – и глядишь утром со всех сторон тебя будут обстреливать.

...Отбили немного скота, сожгли две деревни, убили больше сотни курдов – так что экспедиция считается удачной. Казак, кот-го считали пропавшим, нашёлся. Он перебирался через реку у “трубы”, и ища дороги свалился... Тела не видно было, а рев реки все заглушал. Да он, наверное и сознание потерял сразу. Пролежал больше суток, а потом дополз три версты до деревни (мы уже из нея ушли 1 апреля, как вышли из горнаго мешка). Уже только 3-го апреля на него наехал казачий разъезд: видят едет казак на ишаке. Стали спрашивать – ничего не говорит, точно немой. Можно себе представить, что он пережил, очнувшись, один, в скалах, а курды ведь шныряли кругом!

Не мудрено, что Кавказские войска отличаются заколенностью, повоюешь так с природой, так по неволе закалишься. И ведь такая экспедиции не считаются за что либо особенное.

Начинаю видно привыкать к войне. Сколько я передумал, когда в августе из Котура первый раз ходил на курдов, и как спокойно шёл этот раз – никаких дум о “грядущем дне” не было. Может быть оттого, что это все таки курды, а не регулярное войско. Как бы то ни было, чувствовал себя прекрасно, а уж во время стрельбы так прямо было весело. Было жалко, что скоро так прекратилось.

Ну довольно обо всем этом. Завтра буду писать. Надо затронуть ещё некоторые домашние вопросы.

Сегодня уже великий четверг. Готовимся к Пасхе. ...Целую тебя и ребятишек.

Твой Миша».

Там же. Л. 68-72 об.

Письмо к дочери Вере от 21 апреля 1916 г.

«Милая моя дочка, любимая моя Веруша!

Пишу тебе, далеко-далеко от тебя, а когда получишь, буду еще дальше, и успею побывать в четвёртом бою с турками. Не думай, что это страшно. Это так кажется только гимназисткам, да и вообще тем, кто сидит в “тылу”. В бою бывает очень весело, и ни о чем ты не думаешь, даже своих забываешь. Гораздо хуже до боя, когда думаешь, а ну ка, как тебя ухлопают. Но и то так думаешь первые бои, а потом привыкаешь, и почему то уверен, что увидишь ещё свою Верушу, и не раз она успеет еще и огорчить тебя и порадовать тоже.

Милая моя деточка, как ты успеваешь в гимназии. На счет арифметики у тебя, наверное, не важно, да и по русски пишешь, поди, с ошибками – судя по письмам. Мама очень огорчена твоей арифметикой.

Милая моя деточка, если любишь меня – занимайся ты, как можно лучше. Хотя ты, кажется, и так после Рождества стараешься.

...Мама писала, что... Нина с тобой поедет в Крым – это будет очень хорошо.

Пожалуйста, в Артеке, не забывай музыки. У тебя есть “слух”, и бог даст, будет голос. Так пишет мама, а у нас она в этом понимает.

Что ты мне так мало пишешь, Алеша, и то больше. ...Понравилась ли тебе моя сказка о солдатских грошах и казенных миллионах? Ах, Веруша, пиши побольше.

Через месяц, наверное, буду сидеть под финиковыми пальмами. Послал бы тебе листочек ея, да уж очень он велик.

Попроси свою класную наставницу, чтобы она написала мне, как ты училась и как ведешь себя.

...Ты карту уже знаешь. Можешь узнать, где находится северная Мессопотамия. Не найдешь, спроси наставницу. Как там будет жарко! – даже и представить себе нельзя. У нас здесь в 12 дня - 22° в тени, что же будет там? Я приеду совсем арабом.

...Целую тебя крепко, прекрепко. Всегда думаю о тебе. Учись, как следует, порадууй своего папочку.

Ещё раз целую тебя.

Твой папа».

Там же. Д. 87. Л. 16-17 об.

Письмо к жене от 24 апреля 1916 г. Страстная суббота.

«Милая моя Марочка! Ты, наверное, мало читала Джека Лондона. А право стоит. Замечательная, напр., книга “Белый клык” – ну так психология собаки изображена, что как мы здесь говорим, не был ли Лондон сам собакой. Но видишь ли, почему я заговорил о Лондоне. Удивительно этот писатель умеет связывать наше настоящее – с самым отдаленным прошлым. И вот, настоящая война и заставляет меня размышлять о вопросе, насколько же в нас сидит первобытный “человек”. Но прежде всего маленький случай из жизни.

В ночь на 28-е мы стояли в одной деревушке. Кругом, конечно, сторожевое охранение. Около 12 часов ночи на один из постов “нарвались” пробиравшиеся в деревушку трое курдов. Были схвачены, при попытке бежать одному хватило прикладом по брови. Я еще ночью узнал, что их поймали. Был сделан выстрел. Спросил, что такое, узнал, тогда же подумал, что их ожидает, и с чувством удовлетворения заснул в своей соломе.

На утро увидел этих курдов, молодые, здоровые. Солдаты, по обычаю, окружали с любопытством разглядывая курдов. Глядел и я, с некоторым чувством злорадства: что мол, попались, голубчики. Я знал, что им не долго жить, что по дороге в штаб они несомненно будут делать попытки бежать, хотя их всех связали вместе, но что двое казаков, кот-ые их повезут – зарубят их. Так, конечно, и случилось.

Но не в этом дело, а в моем отношении ко всему происходящему. Я ведь не только не протестовал, напротив, я с одобрением относился ко всему происходившему. Вместе с тем, я прекрасно сознавал, что ведь это же люди – что у них не меньше, чем у нас, стремление жить и наслаждаться жизнью, что у них есть семьи – но это меня совершенно не трогало. Тут ведь никого их близких не было. Я равнодушно смотрел вслед, как эти курды перешли в брод реку и вскоре скрылись за холмом. Сзади их два казака.

Что же это за равнодушие к чужой жизни? Ведь это не оттого, что мол собственной рискуешь, так что же жалеть чужую. Ведь, сво-

их то убитых мне жаль – а к этим полнейшее безразличие. Общего у нас с ним никогда ничего не было. Может быть десятки тысяч лет тому назад мои предки дрались с предками курдов, и то удовольствие и радость, кот-ю они испытывали, видя побеждённого врага, переживаю до некоторой степени и я, их потомок. Но злобы к курдам у меня нет Я и до сих пор не согласен с Влад. Дм. К чему на войне “злоба” – она может ослепить, помешать, а при хладнокровии можно больше истребить своих противников. Вот, между прочим, поэтому и надо едаёт сидение на одном месте, что ты никого не истребляешь, а цель войны – истреблять, как можно больше и как можно скорее.

Одно для меня – в настоящие минуты, кажется несомненным. Во мне очень силён первобытный человек. Бой доставляет мне удовольствие. Я теперь знаю, я не трус – но не в силу каких либо головных соображений – но мне просто интересно драться; это так захватывает, что тут и нет места чувству страха. Тяжело быть под обстрелом, когда сам обречен на бездействие – ну тогда на помощь являются “головные” соображения. А когда ты стреляешь, идешь в атаку, только удивительно весело и такое “подъемное” состояние духа в мирной обстановке редко когда придётся переживать. Не даром я с детства любил военные картины, описания битв и т. п.

А культурный “налёт”? Да он остался. Благодаря его наличности я не менее ценю искусство, чем до войны, поэзию и литературу, науку. Более того – жалость к женщинам и детям прежняя. Но как переходишь к взрослым врагам – просыпается первобытный человек, с стремлением к уничтожению, разрушению и т. п. Знаю, что такие как Илья Ильич покачают головой и скажут или подумают: какое падение: человек науки дошёл до исповедания таких взглядов! Но прежде всего, я не “исповедую”. Я стараюсь, прежде всего установить и уяснить, что делается в моей душе. Затем, судьями могут быть только те, кто здесь с нами. А затем: ах, сколько можно было бы привести примеров и обвинений в безчувственности к ближнему находящихся в тылу. И вот здесь сказала наша общественная отсталость. В Рус. Вед. была помещена корреспонденция Осоргина из Рима, вызванная статьей московского корреспондента одной итальянской газеты. Итальянец прямо поражён равнодушием Москвы к войне, широкой жадностью наслаждений и т. п. Осоргин спрашивал, неужели это правда? Ну, редакция, конечно, говорит, что обобщать нельзя, что Москва как никто работает на войну, но что следует всё таки признать... В Англии – классической стране скачек – их нет теперь, во Франции почти нет

театров – а у нас “пир во время чумы”. В старину купцы мазали физиономии “человиков” горчицей и платили. Теперь у нас с аукциона покупается за 400 р. последний бокал шампанского, и серьезные газеты считают своим священным долгом оповестить об этом всю Россию с упоминаниями имени патриота-жертвователя.

Конечно, знаешь, что не этими любителями зрелищ и тонких аукционов – исчерпывается Россия, но всё же обидно и горько за “верхи”, за “цвет” нашей страны. А простой народ продолжает свое дело. Я думаю, что глубокий инстинкт сидит в нем, что надо воевать, что им принадлежит в будущем Россия, и ея судьбы. Но им легче, у них нет интеллигентской психологии. Да многое им и не видно и непонятно.

Вот какими мыслями занят в страстную субботу. Ещё два года тому назад в это время собирались на улицы, к Казанскому, к Исакию. Бог даст, придет время, буду вспоминать, как проводил эту ночь. А теперь ты, если уехала, сидишь в Артеке, думаешь обо мне. Дети, поди, уже легли спать. Половина девятого.

...Ну, милая моя Марочка! Целую тебя и детишек. Бог даст, следующую уже Пасху будем встречать вместе.

Христос Воскресе, дорогие.

Твой Миша».

Там же. Д. 82. Л. 80-83 об.

Письмо к жене от 9 мая 1916 г.

«Милая моя Марочка!

Итак, позавчера я получил от тебя три письма... Пришли также номера Р. Вед.

Благословляю тебя, что выписала. Хоть изредка, а всё таки, как будто беседуешь с умными людьми. А то очень уж трудно плыть по течению. Разговоров же на общия темы – сам избегаешь, потому что тогда приходится выслушивать истинныя пошлости или пошлыя истины. Т. о. Разговоры всё время вертятся вокруг текущей жизни, текущих событий. Критике начальства, во всех его видах, отводится, конечно, всегда виднейшее место. И я задаю себе вопрос, есть ли страна и народ, где так бы жестоко занимались критикой начальства, как в нашей богоспасаемой родине?

Наверное, незаметно для себя грубеешь. Правда – скверно не ругаешься, но уши хладнокровно выслушивают всякия словца и оборо-

ты, от кот-х в мирной обстановке волосы под мышками дыбом бы встали. Да и ловишь себя на грубых выражениях. Веруше нашей написал, что хуже перед боем, когда нет-нет и подумаешь, а ну как тебя “ухлопают”. Нине на переводном бланке черкнул, что не пишу..., пот. что всё равно не ответит, как Лиза, кот-ая даже “не чихнула”. Отправил, а потом спохватился. Для Веруши выражение невоспитательно, а Нина, пожалуй, обиделась, чего бы я не хотел. Видишь ли, я не думаю, чтобы у меня появилась “распушенность”, – я, как положил себе не ругаться скверно, так и не ругаюсь, вопреки всем предсказаниям, что вот “подождите, придёте к заключению, что иначе нельзя” и т. п.

Это скорее огрубление чувств. Может быть, даже спасительное для психики? Что бы ты почувствовала, увидев человека, у кот-го затылок снесён и мозг вылетел куда то. А я посмотрел, и через пять минут мне кипятили чай. Вспомнил только сейчас, а это зрелище видел 30 апреля, при занятии города Р.

...Кругом нас каждый день перестрелка. Вчера была даже так наз. усиленная разведка. Пошло несколько рот, два орудия. Через несколько часов стали привозить раненых, всего семь человек. Мы... завтракали. Завтрак продолжался, как ни в чем, не бывало. Наверное, в этом равнодушии и состоит “закалённость”. Что же из себя представляли ландскнехты и вообще воины по ремеслу старых времен?

...Жара – по прежнему. Но удивительно, мы северяне, лучше переносим жару, чем уроженцы Кавказа. Я даже аппетита не потерял, как опасался этого заранее. Пью чай, как впрочем и все, в невероятном количестве.

Бодрости душевной не теряю. Психологически навоспитал себя так, что глубоко безразлично, идти ли вперед, оставаться на месте, или отойти назад. И когда, какое движение последует – совершенно безразлично. Пользуюсь только случаем, чтобы писать письма.

...Верушка мне прислала целые чертежи бобкинаго сапога. Это целое сооружение. Бедный Буленька, как то он будет справляться! Я очень рад, что ты в первый день Пасхи получила сразу целых две телеграммы, так что в эти дни могла быть спокойной за меня.

...Теперь твоя жизнь, наверное, вошла в колею. Следующия письма будут уже из Артека, поди. Как бы мне хотелось в нём побывать. Моря здесь не хватает.

Второй год, как я уже в строю, а 21 июля второй, как в походах пойдёт. Когданибудь кончится и война и походы и заживём самым мирным образом.

Ну, милая моя Марочка, авось через месяц письмо дойдёт. Подходят и Верушины именины.

Целую тебя, моя милая и ребятишек.

Твой Миша».

Там же. Д. 83. Л. 13-16 об.

Письмо к жене от 18 мая 1916 г.

«Милая моя Марочка, Бог помогает. Есть оказия послать и письмо и телеграмму – но времени писать мало, да ещё и не в психол. состоянии.

С 11 мая походы, бои. Последний 15 – был труден. Сразу совершили подъем с 2? тыс. футов до 9 тысяч. Без воды. Как мало или совсем не спал эти дни. Но ничего. Нарочно просил осмотреть доктора, сердце как у быка.

Главное – такое счастье, такое удовлетворение. Обходная колонна, где я был, спасла отряд, спасла сотни жизней. Ты знаешь, я никогда не преувеличиваю. Никакого геройства с моей стороны нет – это счастье.

Взвод Рождеств. был в главных сечах отряда. Рожд. ранен в обе руки и ноги. Но чувствует себя молодцом. По поводу ран острит так, что нельзя передать.

...Сознание, что пришли на вырочку – самая лучшая награда. Подумай только о раненых, кот-ые остались бы.

Это уже не секрет. Мы отошли с 1? ротами и двумя пулемётами и ударили в тыл и фланг – целому полку, пришедшему из Дарданел с 3 орудиями и 4 пулемётами. Для меня и моих был не бой, а триумф, спуск с гор. Так было весело. А знаешь, в эти бои я заставил себя вспоминать тебя и детей.

...Когда выпадет отдых, напишу. Теперь благодарю судьбу, что могу послать весточку.

Целую тебя и детей. Привет Нине и всем артекским.

Твой Миша».

Там же. Л. 23-24.

Письмо к жене от 22 мая 1916 г.

«Милая моя Марочка!

...После боев 13-15 мая я надеялся посидеть несколько дней в покое, но уже 16 в ночь был двинут с одним взводом пулемётов с карательным отрядом. Наша задача – была очистить наш тыл от курдов. ...Курды ушли, не дожидаясь нашего прихода. ...Ушли со стадами, с семьями куда то за снежные хребты. Брошены села, деревни, покинуты поля. Мы забирались в ущелья, карабкались через горы и где только не проходили, уничтожали деревни огнем. Подстрелили за всё время около десятка оставших курдов, или вернувшихся в свои селения, взять чтонибудь, оставленное ими. ...Я надеюсь, что курды поймут, что там, где пройдут они, проходит и русский солдат. Больше, он тащит на себе, если не горное орудие, то пулемёт.

...Я, конечно, чуть ли не единственный человек здесь, кот-ый держится того мнения, что курды не так некультурны, как о них думают. В этом Курдистане... я увидел обработанные поля, тянущиеся вверх, к вершинам гор. До 6000 ф. земля безусловно обрабатывается. Только в Финляндии я наблюдал такие старательно сложенные кучи камней – чтобы очистить почву. Здесь имеется культура винограда. Сеется пшеница, ячмень, горох. О скотоводстве нечего говорить. Сильно развито пчеловодство. Словом виден упорный, тяжёлый труд.

Мы пришли в их страну. Отчасти по наущению турок, отчасти по собственному своему желанию они встретили нас враждебно. Но когда мы наступали на Р. мы не трогали их селений. ...Нам и некогда было заглядывать на лево и на право в долины и ущелья. Но как только мы прошли начались нападения на этапы, на транспорты. ...Потребовалось крайнее напряжение сил – в конце концов вышли победителями мы, а не турки с курдами.

При такой обстановке не до того, чтобы разбираться в причинах отношения того или другого курдов к нам. Нам в сто раз было бы приятнее воевать среди действительно мирного населения. Конечно, невозможно подружиться, были бы отдельные случаи насилия, грабежа – но в общем курды могли бы сидеть на своих местах. Ни у кого нет ни времени, ни охоты лазить по их трущобам. Но... мы принуждены пройтись... мечом и пожаром. Язык, им, во всяком случае, понятный.

Если бы я сочинил прокламацию, то написал бы так:

“Курды! Я убил уже тысячи вас, я сжѐг десятки ваших селений. Ваши поля я оставил на корм лошадям. Всё за то, что вы помогаете

туркам, что вы предательски нападаете на наши транспорты, убиваете наших солдат.

Знайте, что, если вы не успокоитесь, то я огнём и мечом пройду всю вашу страну – истреблю весь ваш народ. Нет таких гор, через кот-я не проходил бы русский солдат. В этом вы могли уже убедиться. За каждого руссаго ответят сотни курдов своей жизнью. А у русских больше полков чем во всем Курд. гор. Точка.

Беда в том, что у курдов племенное устройство, их беки и ханы всегда сумеют набрать себе “дружинушку хоробрую”, а прочих принудят взяться за ружье.

...Целую тебя, милая моя и детей.

Твой Миша».

Там же. Л. 26-28 об.

Письмо к жене от 27 мая 1916 г.

«Милая моя Марочка!

...По приказанию Ник. Ник. нам (как и во все передовыя части) сообщено о блестящей победе армии Брусилова... Возможно, что это начало конца. Теперь мы бьем уже не австрийцев, а немцев. На нейтральныя страны это подействует. Немцы должны призадуматься. Ну, а нам до конца войны турок хватит.

...По официальным сообщениям видно, что турки стараются сами нас оттеснить, что у них новыя формирования. Но видно такая уж туркам “планида”. Как то выходит, что мы их бьем. 13-15 против нас действовал – это можно смело сказать – цвет турецкой армии. Помилуй, батолыоны, отбившие у Галиполи и англичан и французов со всей их техникой. Раненый турецкий офицер хвастливо говорил (пожалуй хвастовство тут уместно) “задали мы им перцу”. “Что нам ваши горныя орудия – в нас стреляли из морских орудий”. Ну, у англичан нет Николы Угодника, а у нас он есть, заступник и молельник. План нападения на наш отряд был турками задуман великолепно, во всём чувствовалась опытная рука. ...Но какой же стратег мог предположить, что ему в обход через сплошныя горы пойдут – и кто же полторы роты и два пулемёта! Это на целый полк с орудиями и пулемётами. В реляции командиру корпуса наш генерал писал “о безпримерном по трудности и отваге обходе”... Трудность то была – это я признаю, ну а насчет отваги, право, ничего особенного не было. Знали, что против нас большия силы, но мы на них ударили сверху и ка-

залось естественным – что они удерут. ...Вся штука в психологии. У них что-то надломилось и тут уже не удержаться. И кто же разбил “дарданельцев” – мальчишки последнего призыва – впервые попавшие в бой. Психология у них хорошая была.

С удовольствием – перенесся бы сейчас на недельку, хотя бы в Тифлис. Приятно было бы поест в мирной обстановке – лечь спать и знать, что никакой тревоги ночью не будет. Люблю воевать – но с небольшими перерывами, чтобы можно было на покое написать тебе побольше писем, поделиться впечатлениями, поест как следует. Я как верблюд стараюсь упитаться себя и на будущее.

Целую тебя, милая моя, ребятишек, привет всем Артекским.

Ну, родная целую тебя крепко, прекрепко.

Твой Миша».

Там же. Л. 30-33 об.

Письмо к жене от 29 мая 1916 г.

«Милая моя Марочка!

...Продолжаем жариться. Местность, где стоим биваком, напоминает холмы, что вокруг Севастополя... Горы, что вокруг нас, за месяц успели выцвести. Поля пожелтели, трава высохла.

...Я сегодня ездил к пулемётам. Один взвод стоит на позиции – в 40 минутах езды от нашего бивака. Турецкие цепи и окопы находятся далеко – 2400-3000 шагов. Стрельбы почти нет. Поеду какнибудь туда ночевать, там прохладнее. Только там скучно, надо сидеть одному, хотя, м. б., недурно уединиться дня на два, хочу еще раз заняться Историей Тураева.

Я все собирался тебе сообщить... о смерти Кери. По имени ты его, конечно, знаешь. Андронник, Амазас, Кери – наиболее известные имена начальников дружин. Кери убит 15 мая. Он вёл свою дружину в атаку сам на турецкие окопы. Его упрашивали не рисковать собой, но он пошел с обнажённой головой – и сразу был поражён двумя пулями в лоб. Смерть была мгновенная.

Кери было уже за пятьдесят лет. Высокий, широкоплечий старик – с мужицким лицом. Глаза добрые и ласковые. Он по русски не говорил. ...Кери провел полжизни своей в стычках и боях. Я не знаю, представлял ли он себе жизнь в мирных условиях. ...Дружинники его страшно уважали и любили... И мне стало грустно, что нет уже

больше этого “гарибальдийца”, и вместе с тем некоторая радость за него, что умер славной смертью. Умер, как жил – воином.

За апрельския и майския дни мне пришлось бывать вместе с дружинниками-армянами и я вынес очень хорошее впечатление от них. Подавляющее большинство – простонародье – очень много турецко-поданных. По жаре. По тяжёлой дороге – они безропотно “прут” вперед. Часто недоедая, в оборванной обуви, навьюченные, как вообще пехотинцы, они невольно умиляли меня и я любил их равной любовью, как и своего солдата.

...Завтра Троицын день. Я забыл бы про него, но у нас в отряде появился батюшка. Молодой – всего 25 лет. Личная жизнь сложилась тяжело – потерял жену. Поступил в Казанскую духовную академию, теперь уже на втором курсе. Потянуло на войну и непременно в строевую часть. Хотелось на запад, но попал сюда и очень рад. Наш отряд полгода не имеет священника и батюшка чувствует, как он необходим. Отпевает павших, причащает умирающих... Завтра будет служить молебен, а потом поедет по окопам. Сегодня ездил со мной к пулемётам.

...Скоро ли теперь увижу вас, моих дорогих? Конечно, не буду ожидать окончания войны – а как только представится возможность ехать в отпуск, воспользуюсь ею.

Ну, милая моя Марочка. Как видишь – даже и теперь удаётся не оставлять тебя без писем. Слава богу, оказии не переводятся.

Целую тебя и кротов.

Твой Миша».

Там же. Л. 35-40 об.

Письмо к жене от 8 - 9 июня 1916 г.

«Милая моя Марочка! Нет у меня сейчас “письменного стола” – единственное неудобство, кажется, моего пребывания на “левом боевом участке”. Бежит день за днем. По сравнению с жизнью в Ногаде – изрядное разнообразие: сколько исхожено, излазено за это время. За такой короткий промежуток времени никогда не приходилось так часто бывать под обстрелом. Конечно, это ничто, по сравнению с западным фронтом, да и на других кавказских направлениях боевая обстановка – более значительных размеров. По существу, я глубоко прав, называя наш фронт “захолустным”. Газеты, правда, стали придавать и нашему направлению большое значение – но как это всё

меркнет, по сравнению с тем, что сейчас развёртывается на западном фронте. Ещё 70.000 пленных, взяты Черновицы. С нетерпением жду газет... Полагаю, что вся Россия облегченно вздохнула: сдвинулись с мёртвой точки, и наступает начало конца.

...Термометр утерян. Сколько градусов, не могу сказать. Знаю только, что... стоит пройти полчаса, чтобы возить потребность выпить стаканов пять. Наша команда хорошо обеспечена водой. Возим ее в пулемётных цилиндрах. В четырёх помещается 10 ведер, хватает на 20 человек в сутки. ...А вот другим частям хуже. По тропинке, ведущей из “боевого” участка постоянно тебе встречаются солдатики... Тянутся к реке за 2, 3 и 4 версты под гору, оттуда, конечно, в гору подымайся.

...9 июня.

...Милая моя Марочка. Цени мое благородство: всё считаю за одно письмо.

Благодаря принятым мною героическим средствам корова опять стала давать молоко, и я сейчас примусь пить какао. Послал лошадей и двух верблюдов за травой за 10 верст, ближе нет. А лошадь была близка к издыханию: что то прихворнула, а тут ещё безкормица, её и подкосило.

Сегодня обеда не будет, а прямо ужин. Утром почему то мяса не выдали. Дадут вечером. И то хлеб. Пойду вниз, “стрельну” где нибудь. Знакомых у меня много: и батарейцы, и пограничники, и дружинники. Если у них, конечно, что нибудь есть. ...Ах, Марочка, как я низко пал! Я мечтаю о Тифлисской “Аннине”! Больше не буду посылать тебе денег, буду копить их, и, попав в культурные места, проем.

...Покупаешь ли ты детям что либо сладкое. При первой okazji пришлю тебе для этой цели 10 рублей – а нет, затрать свои, слышишь, Марочка!

...Здесь у нас и фаланги и скорпионы и сороконожки. Фаланг приходилось убивать, скорпионов ещё не видел. Но укусы всех этих гадов не смертельны, так что я думаю о них с равнодушием.

...Знаешь, Марочка, как интересно управлять артил. стрельбой. 5 июня одна рота с разсветом стала наступать на турок. Спустилась с “наших” гор и стала подниматься на их горы. Вскоре роту взяли в оборот. Стали обстреливать и слева и справа и с фронта. ...Артил. наша стреляет – но не всегда, куда нужно, мне это видно из моих окопов, а с артил. наблюд. пункта – нет. ...Я туда. Вижу сидят два

прапора (это участок их роты), охают, ахают за роту, что наступает, и невдомек, что можно (и даже – должно) артилл. направлять. Мой темперамент, конечно, не позволил остаться равнодушным. Сейчас же стал трезвонить и одному и другому. Так и провозился весь день. Временами турки замолкали, молчали и мы. Но около 4 они... приволокли и второй пулемёт, и открыли страшной силы огонь... Нам прекрасно видно. Как наши... не желают отползть назад, а турки все больше и больше наседают. Пока добьешься еще телефонного соединения – время проходит, просто дрожишь – задавят роту. Наконец, соединился. Передал. И слышно в трубку: “прислуга к орудиям. Прицел столько-то, трубка столько. Огонь!” И через несколько секунд “бу” – и несётся снаряд выше и правее нас. ...Наблюдаешь разрывы и говоришь: “великолепно! Голубчик Всеволод Владимирович! Благословите еще раз”. Пулемёты мои, конечно, уже не спят и, по очереди, татакуют. Слава богу, удалось остановить турок, огонь их смолк. Рота отходит, спустилась к реке, перешла её, и находится в безопасности. ...А турки норовят пробраться на гребень, где только что была рота. Когда окончательно убедились, что это турки, а не наши-отсталые, открыл стрельбу из пулемётов. Расстояние удалось определить точно – 1200 шагов. Конечно, на захолустном фронте где уж “косить рядами”. Но двух подрезали аскеров: одного потащил товарищ на спине, а другой заковылял, опираясь на винтовку. (В бинокль превосходно видно). Во всяком случае аскеров отогнали дальше... Но видишь ли – дело не в двух-трёх подстреленных аскерах, а самое главное то, что нашим трём раненым, кот-ые отстали, удалось благодаря пулемётам выбраться с той стороны.

...Вот это то сознание, что безусловно приносишь пользу своим, страшно дорого. Помню, когда 14-го лез на скалы в обход – столько раз вздыхал про себя. Господи, и чего это я пошел в пехоту. Ведь мука мученическая так лазить. Порой, кажется, не дойдешь, ни за что не дойдешь до верху. Так бы лег, да и не вставал. А тут, не только иди, а и других веди. Или те томительные секунды, когда слышишь приближение шрапнели: где то она разорвётся? Насколько легче было воевать в старину, когда только и была, что рукопашная схватка. Когда, всё таки, сам стреляешь, вообще что то делаешь – тогда совсем иное. Вот и пятого. Четырьмя орудиями заворачивал, да своими двумя пулемётами. Раз 15 бегал с наблюдат. пункта в окоп. ...Выскочишь и бежишь во весь дух, да не по прямой линии. И других учил так делать. А то, если постоять на виду, или тихим шагом

пойти – сейчас пули около завизжат. Бердников сидел со мной. То бегал к пулеметам – то приносил обед, чай... Денщик в полном смысле этого слова.

...Заключение: и “окопные сидения” у нас захолустные. Только люди с очень уж слабыми нервами могут жаловаться на жизнь в них. Восьмой день “сизу” в них и чувствую себя прекрасно. Бога нечего гневить.

Целую тебя, милая и ребят. Привет Нине. Не забываю вас всех и тебя в особенности.

Твой Миша».

Там же. Л. 50-55 об.

Письмо к дочери от 16 июня 1916 г.

«Милая моя дочка, моя Веруша!

Сегодня ты проснулась весёлая, довольная. Знаешь, что ждут тебя подарки, и страшно любопытно, что то подарят. И от меня тебе будет подарок. Ты ведь знаешь, что никого из своих кротов не забывает папа.

С утра, как проснулся, вспомнил о тебе. ...Знаю, что и вы все обо мне вспоминаете и жалеете, что я не с вами.

А я сейчас лежу в палатке. Полы ея подняты, чтобы хоть немного продувало. Жарко. ...Нет десяти часов. Ещё ничего. А вот с 11 до 3 очень уж жарко делается. Одно спасение: лежать так, как я в палатке, никуда не ходить. А местечко у меня чудное. На горке.

(Рис.).

В 200 шагах мои окопы с двумя пулемётами. Если турки и стреляют, то пули летят выше палатки. В самих окопах тоже безопасно сидеть. Но, конечно, нельзя на долго из них высовываться, ходить вдоль их. Турки сейчас станут щелкать. К окопам тоже нужно идти умеючи: прокрадываться по кустикам, а по открытому месту быстро, быстро перебежать.

В нашей команде народ опытный – за месяц никого не подранили, а вот в пехоте, что рядом с нами стоит одно время дня не проходило, чтобы когонибудь не подранили. Теперь ничего – научились, как нужно сидеть в окопах. Мы тоже стережём турок, как кто покажется – бух из винтовки. Так и охотимся друг за другом. А когда закатится солнце – тогда все выползают из окопов.

От турок можно убережться – куда хуже их мухи. С разсветом от них житья просто нет. Какие то враги рода человеческого. Закрыться – душно, раскроешь лицо – кусают. К тому же разносят болезни. Нет – это вредное насекомое.

Хотел в твою честь выпить какао – но увлекся чаем с молоком, и не из чего варить. Корова то моя уж очень мало молока дает.

Перебились все мои стаканы. Бердников приспособил мне теперь жестянку из под турецкаго консерва. Этот “стакан” теперь уж и не лопнет – и не разобьется.

Какой у меня теперь курдинский кинжал! Серебряная ножна и ручка с серебром. Куда лучше, чем я привёз на Рождество. И больше.

Ну, деточка моя милая, будь здорова, расти паинькой и умницей. Целую тебя, Алёшу, Булю и маму, и тетю Нину. Напиши, что тебе подарили и как провели день твоего рожденья. Няне поклон.

Целую тебя крепко.

Твой папа».

Там же. Д. 87. Л. 21-22 об.

Письмо к жене от 17 июня 1916 г.

«Милая моя, шестой уже месяц пошёл, как мы растались! Еще полгода жизни. Боже, как летит время.

Как ты себя чувствуешь в Артеке? Ходишь ли купаться, изнываешь, поди, от жары? Если получу – сразу кучу писем. А когда двинемся – трудно сказать. Отпуски пока что запрещены. Как хорошо, что я успел воспользоваться во время. Но сейчас, если бы мне и предложили – я не поехал бы. Изнывать от жары – так вместе, недоедать – так уж всем. И, по совести могу сказать, ты мне поверишь, настроение у меня бодрое. Мне даже интересно --чем окончится наше “сидение”. Победит ли природа – или мы её победим? Склонен думать, что возьмёт верх русский солдат. Его, действительно, мало убить, надо ещё повалить. Уж кажется пора бы привыкнуть, а все ещё продолжаешь поражаться этому... незаметному геройству. На пустой желудок идёт за водой, так примерно от Кизимташа до моря, иным приходится... в гору от 1? до 3 ч. ходить – и ничего. Ну где бы англичанину или французу это выдержать. ...Конечно – болеют. Но оставшиеся, по прежнему сторожат, роют окопы, ходят за водой.

Но избави бог, подойти к солдату и пожалеть: ах ты бедненький, ах ты несчастный! Это был бы самый нелепый педагогический прием.

Шуткой нужно его подбодрить. Пройтись на счет пользы горного воздуха, необходимости мало есть в жару и т. п. Иногда хорошо действует ругань. Мне “по специальности” часто приходится иметь дело с проявлениями крайней усталости (нести, напр., коробки и пулемёты часами по горам). Состав этих “кули” не постоянный – это не наши пулемётчики. Только офицер с ними и справится. Тут я рычу иной раз, как лев. Однажды, когда, не смотря на отданное мной приказание, один солдатик мешкал подняться, так я сгрёб за шиворот – и сам удивился – откуда у меня такая сила – встряхнул человека. Ну солдаты и видят – с этим не шути. Суди меня Бог и великий Государь. Думаешь, мне не жалко солдата – да иначе то нельзя. Я и дело и его сгублю, если буду “миндальничать”.

Правила трудно преподавать: нужно иметь чутьё: когда пошутить, когда поругать, когда так подбодрить.

Замечено мною: “фраз” и “слов” наш солдат и офицер не любит. Особенное удовольствие нам доставило титулование нас “горными орлами”. “Ну, как поживаете, г-н горный орёл!” Или: “чудо-богатырь, Иван Иванович, когда вы последний раз из дому письмо получили?” все это относится к низшему начальству. Высшее только хвалит, а хвалит и распекает низшее, ближе к тебе стоящее. Сегодня “земно кланяюсь”, а завтра из-за трех пар сапог распинается: “только, принимая во внимание прежнюю безупречную боевую службу, ограничиваюсь поставлением на вид”. Вот тебе у “горного орла” крылья и пощипали.

Так то, милая моя Марочка. Есть юмор и в русской жизни.

Целую тебя, милая и ребят. Написал про “орлов” и прямо весело на душе. Прочту этот кусочек своим “соратникам”

Твой Миша».

Там же. Д. 83. Л. 59-60 об.

Письмо к жене от 20 июня 1916 г.

«Милая моя Марочка! Вчера вечером неожиданная радость – куча писем. От тебя целых 8, от 11 до 27 мая..., от Веруши – записка, от Алёши и от мамы письмо.

Было уже темно. Луна только что народилась. Серп посверкал на небе (увидев, пожелал увидеться с тобой и детьми) и скрылся. Велел Бердникову разжечь костер, и стал читать. “Перематывая” вашу артекскую жизнь страницу за страницей, я совсем забыл, что нахо-

жусь в 1500 шагов от турок. От яркого света костра все кругом стало еще темнее и не различишь даже палатки своей. Перенесся в Артек – точно с вами сижу на балконе или в гостиной. Окончил, с сожалением, последнее письмо и пошел спать, мечтая о встрече когда нибудь, и о возможности пожить и в мирной обстановке.

...Из наших окопов нет-нет щелкает винтовка. Турки тоже временами забавляются. Вчера немного стреляли по нас из пулемёта. Рой пилоток пролетел над палаткой. Препротивная машина, надо отдать справедливость. Бросил читать и пошел в окоп ходом сообщения. Где согнувшись, где на животе. ...В окопе невероятно пахло потом. Но стрельба прекратилась и я “уполз” обратно в свою палатку. Пишу тебе, как видишь, не преуменьшая и не преувеличивая опасностей. По крайней мере знаю, что ты веришь мне. Бережёного и бог бережёт. Зря я собой рисковать не буду и другим – не дам.

Дожил, т. о., и до “позиционной” войны. Но, конечно, какое может быть сравнение с западным фронтом, где тебя “чемоданят”. Там всё ушло в землю, и я согласен с Ильиным, что у нас безопаснее в 300 шагах от противника, чем на западе в 3 верстах от него. Разве можно было бы жить там в такой дачной обстановке в 200 шагах (я вымерял) от окопов? Да там забыли, что существуют палатки. А тут у меня вблизи и коровка пасется. Конечно, известное нервное напряжение и здесь имеется, этого нельзя отрицать. Вообще “критиковать” наш фронт, говорить, что это за война – предоставляю только “западникам”.

В сборнике “Вопросы мировой войны” прочел статью Бехтерева “Война и психозы”. Как мало материала у него. Говоря о психологии боя – опираться на впечатление, полученное от одного офицера в турецкую войну 77 года. Думаю, что, если, приведет бог, написать мне мои “воспоминания” – то право труд будет не бесполезный. Не знаю, м. б., это преувеличение, но мне кажется, что у меня достаточно проявилась способность наблюдения и самонаблюдения. Но, все это разсуждения. Оставим их. Многия “наблюдения” сейчас нельзя было бы и опубликовывать.

Ты уже знаешь, что у нас – первое правило: беречь здоровье. На этот счёт можешь быть спокойна. Сырой воды я глотка в рот не взял с 24 мая. Не пью даже родниковой воды, зная, что вода – даже чистая – является “хорошей” средой для бактерий. У меня во взводе и солдаты пьют только чай. При позиционной войне совершать переходов не

требуется. ...Т. о., сил не затрачиваю. А от жары – я не знаю, есть ли кто в отряде из офицеров, кто бы так мало страдал от нея, как я.

...Ты, конечно, понимаешь, что всё это я пишу, чтобы, по возможности, вселить в тебя некоторое спокойствие за меня – “доказательно”, а не голословно. Уравновешенность духа – ведь это такая необходимость на войне.

...Эх, тут оказия, а я было расписался. Ну, деточка, целую тебя и детей.

Твой Миша».

Там же. Л. 62-64.

Письмо к жене от 24 июня 1916 г.

«Милая моя Марочка! Бумага на исходе – приходится “стрелять”. Исписал за время отъезда из Петерб. цельную пачку. 9/10 приходится, конечно, на твою долю.

Положение “без перемен”. По прежнему сижу на своей сопке. Солдаты, в том числе и Бердников в своих письмах немного рисуются: “пули так и визжат...” Это сильно преувеличено. Сидишь в палатке часами, а пролетит за это время – две-три. Да и те, по условиям местности, никак задеть не могут. Но все таки лучшее время дня – сумерки. Прекращается стрельба, и наступает “мир и благоволение в человецех”. Наши, наверное и турки, больше уже не прячутся по окопам. На землю опускается прохлада. Ещё лучше, когда наступают лунные вечера. Я уже стал чувствовать, как меня начинает немного угнетать темнота вечеров и ночей. С нетерпением дождался нарождения новой луны. При месячном освещении легче сторожевка. Нет такой необходимости людям так напряжённо вглядываться и вслушиваться в темноту. Меньше вероятия ночных нападений – меньше тревог. Может быть в этом чувстве нелюбви к темноте – примешено подсознательно чувство ночных страхов и ужасов – наших далёких пещерных предков. И, когда в Артеке ты будешь любоваться лунной дорожкой на море – вспомни обо мне.

...Так постепенно обогащаюсь впечатлениями войны. ...уже десятый месяц пошел моей походной и боевой жизни. Срок не маленький. Порой кажется, что я давным-давно воюю. Условия мирной жизни где то остались далеко – как у моряка, отправившагося в дальнее плавание – его родные берега.

Только бы причалить к ним – рано или поздно. Тогда все испытания, все лишения будут только – отдельные воспоминания.

Пока всё это живая действительность: и окопы, и турки, и тот маленький уют, что создал себе в палатке. День за днем – проходят как зёрна четок похожи один на другой. Иной раз кажется, что время остановилось в своём течении, что мы будем сидеть бесконечно, не двигаясь ни вперед ни назад. Позиционная война вносит видимо новые черточки в психол. переживания. Я страшно рад, что хоть отдалённо и приблизительно могу судить о настоящей позиционной войне.

Ну, Марочка, пока всего хорошаго.

Целую тебя и кротов.

Твой Миша».

Там же. Л. 73-74 об.

Письмо к жене от 25, 29 июля 1916 г.

«Милая моя Марочка!

Вторую неделю сидим на наших “захолустных” позициях, и всё у нас без перемен. Так что офиц. сообщения не должны тебя тревожить. За эти дни... чувствую, как вливается в “жилы” физическая бодрость.

Вчера ездил к начальнику участка, верхом, за 6 верст. Ехал и наслаждался чувством здоровья, душевной уравновешенности, и настоящее и будущее рисовалось в светлых красках. И так хотелось, чтобы мог передать тебе хоть частицу своей бодрости. Но видно, такие характеры “счастливые” как у меня, рождаются, и война меня потреплет, наверное, меньше, чем тебя. И не хотелось бы, как ты впадаешь в уныние в одном письме, думать, что и эту зиму мы будем проводить врозь. Во всяком случае – осенью более чем рассчитываю побывать в Питере. Господи, как много дают эти отпуска! И как они психологически необходимы. А сейчас, как немного нужно, чтобы себя чувствовать хорошо. Меня радует мой аппетит и возможность до некот. степени удовлетворять его. Третьего дня я был у генерала, обедал в Кр. Кр. Пил шоколад. У меня есть сгущенные сливки, мне обещаны из Кр. Кр. пирожки. Недели через две придет капуста и картофель и лук. Письма и газеты я могу получать часто, отсылать свои и телеграммы.

...Сегодня утром Т. был у меня и протолковали несколько часов о будущем России – и возможных итогах войны. Уехал Т. из Питера в июне и рад, что ушел от петерб. впечатлений и переживаний. Не радостные они. Внутренние дела не веселят. Я твержу Т-у, что российскому обывателю, как паспорт, нужна вера, что “могло (или может) быть хуже”, что без этого спасительного догмата нельзя прожить на белом свете. Что в жизни страны 10 – 15 лет! Конечно, это плохое утешение для современников – но в смысле заботы о будущем страны должно успокаивать. Третья предпосылка душевного спокойствия – это вера в руссаго человека – носителя – в своей совокупности – “20 томов истории Госуд-ва Российскаго”. Если бы я даже раньше и сомневался в том, что русский человек “всё вынесет” – то одно... двухмесячное “сидение” укрепило бы меня в этой вере в Россию. Солдат оказался куда выше офицера. В этом следует признаться. Нытье, сетования на “безуспешность” сидения – большая и очень большая склонность к эвакуации. Наш генерал пирамидой возвышался на этом фоне. К редким исключениям надо отнести и нач. штаба – Ивана Вас. ...Благодаря общему офиц. фону – солдат редко мог слышать слово ободрения, разъяснения разумности нашего сидения. Ах, как следует воспитать офицерство приучить себя всегда думать и предполагать, что высшее начальство поступает разумно целесообразно. Зная только ничтожный уголок театра войны – как можно судить о тех задачах, которые “там” наверху, предназначено выполнить тебе.

Никоим образом нельзя судить и обсуждать положение отдельного отряда, как такового. Да, м. б., в расчеты высшего командования входила возможность гибели и полного уничтожения его. Но этим достигались несравненно более крупные успехи в другом месте. Лично я считаю наше сидение, наш отход – одной из героических страниц русской военной летописи. Такое безропотное перенесение лишений, недоед в продолжении почти двух месяцев. Какой то инстинкт гражданского долга точно всё время шептал солдату – это так нужно, ничего не поделаешь, надо “сидеть”.

Один день выдали вместо хлеба – по 15 золотн. муки. Выходило – три галушки. Это вызвало остроты, шутки – но ни одной жалобы. ...Солдаты отлично понимают, что “отпуск” всякаго рода пищевого довольствия в эту войну более чем достаточен (“лучше едим, чем теперь в тылу”) – но могут возникнуть затруднения в доставке. “На то мы и на позициях”. “Это тебе не Тифлис”.

Вот и хотелось бы, чтобы офицерство так же легко переносило лишения, как и солдаты. Не говорю уже о том, что и лишения то у них меньше. ...Да, чувство гражд. долга вообще ни одному военному не помешало бы.

Я, конечно, не думаю “идеализировать” – “солдата”. Я прекрасно знаю, что среди них есть прохвосты, лишённые всякаго гражданского “инстинкта”, которые под любым предлогом увильнут из строя. Я имею в виду общий солдатский “тон”. Наоборот, и среди прапорщиков-скороспелок встречаются и встречались мне хорошие граждане и офицеры.

Теперь, в дни затишья, предаюсь анализу и воспоминаниям. До каких пределов, дойду в равнодушии к человеческим страданиям?

13 июля мы взяли окопы. Валялось несколько убитых аскеров и курдов. Тут же за окопом полулежал курд. Обошёл, заглянул, вижу живой, ранен в живот, двенадцатиперстная кишка вывалилась на землю. Ни слова, ни стона. Стали приспособлять окоп уже для себя. Работаем, а курд то полежит, то приподнимется. Мы “терпеливо” – это пожалуй точнее всего – ожидали, когда курд “скапучится”. Наконец – так через час – курд умер. Велел оттащить его шагов за 500. Тем всё и кончилось. И сейчас, не могу припомнить, приходило ли мне в голову тогда – дать ему воды. Я знаю, попроси он – мы бы дали. Но ведь тогда не догадались!

И не думай, что наше отношение определялось тем, что это был курд. Нет, и к аскеру так же бы отнеслись. Вижу, положение безнадежное – все равно должен умереть: так и не стоит “возиться”.

Оттаскивали убитых на их же поясах. Закрутят за ноги и волокут. Мне так и вспомнился бой быков, что я видел в Виши. Там убитых быков четверка лошадей вывозила с арены. Пронеслась эта сцена перед глазами и стало весело и смешно.

Далеко ли, таким образом, в основных свойствах своей “человеческой” природы, ушел от курда, кот-го мы считаем за дикаря? Правда, курд не станет поглощать романы Флобера – но ведь чтение “Сантиметального воспитания” не помешало мне видеть в умирающем человеке – что то вроде извивающегося червя.

Думаю, что равнодушие к чужой жизни, к чужим страданиям, некоторое объяснение, а м. б. и оправдание находит в “равнодушии” к своей собственной жизни. Ведь я не закрываю глаза на то, что я, я лично, могу стать таким извивающимся червем. Я сознаю какое то

“равенство” – в возможности хотя бы. Я не зритель – я действующее лицо в драме, именуемой войной.

Отсюда, может быть, и “равнодушие” к мнению “света”. Это вовсе не стремление разлечься “голым”. Нет, я просто, предъявляю “отвод” против тех, кто стал бы судить и осуждать меня – не побывав на войне, кто не заглядывал в глаза смерти. Но – ты не поверишь, как редко, почти никогда – не встречаешь у лиц, принимающих участие в боях – “исповеди” подобно моим. Рассказы участников – это частные “реляции” о боях и сражениях. “Пошли в атаку, разсыпались в цепь, обстрелял, залёг” и т. п. Так хотелось бы узнать “переживания”, а тебе преподносится голая схема. ...И от этого становится скучно и уныло.

Хочется отметить для памяти фразу одного подпоручика-грузина, недавно перекочевавшего с запада на наш фронт. Рассказывая об одном бое – воскликнул: “Каких шикарных офицеров у нас тогда убили”. Часто слышишь: “убили такого то – прекрасный офицер”.

И всегда ударение здесь слышится на слово офицер. Как человека, семьянина – оценки редко встретишь. Всё с точки зрения профессиональных интересов войны. Да и где было время узнать его как человека.

Ну довольно об этом.

29 июля.

“Без перемен”. Отправляю письмо на почту и телеграмму. Скоро примусь писать в Питер на свою милую Фонтанку.

Целую тебя крепко и ребят.

Твой Миша».

Там же. Л. 93-97 об.

Письмо к жене от 8 августа 1916 г.

«Милая моя Марочка!

Сегодня с утра идет бой, но я нахожусь в резерве с двумя пулемётами... 2 и 3 августа много стрелял, но даже не знаю, могу ли назвать боем – лично для себя. По мне стреляли очень уж редко.

...В одном из последних писем ты затронула чрезвычайно сложный психологический вопрос о любви к двум. Думаю, что это явление психологически возможно. Но, видишь ли, думается, что в громадном большинстве случаев “старая” любовь крепче. Ибо, если человек не переходит к “новой” любви, значит она не настолько сильна,

она не в состоянии порвать старья связи. А не порываются они потому что сознаешь или чувствуешь, что, порвав со старым, с новым счастлив не будешь. А мы инстинктивно стремимся к счастью, а не к страданию. И посмотри, разве П. был “несчастен” эти пять лет, когда Н. казалась ему желанной? Ведь не “крест” же он несёт. Возможно, что в этом случае – не простое увлечение, как бывает в других, а более глубокое чувство. Но мне кажется, что это чувство более “головное”, стремление какое то к смутному идеалу. Любят не то, что есть, а что себе представляют или наделяют свойствами и качествами котми наделен твой идеал. Так, думаю, и с П. “Что он нашел в Н.?” Да, м. б. он ничего и не отыскивал. Сразу всем наделил. А, если только подумать, что, м. б., мы жили когданибудь раньше, любили – то не смутное ли воспоминание в этих случаях о прежней любимой. М. б., черты “новой” пробуждают и томят чувства, глубоко отражённые в нашем подсознании. Кто знает?

...А м. б. и “старая” любовь в этой жизни есть ни что иное, как переживание вновь любви, которой жил тысячу лет тому назад. Ведь почему же сойдёшься и полюбишь именно этого, эту, а не других. Ведь в любви нет вопросов ни “почему”, ни “зачем”. Не сошлись, значит не было “сродства” душ, не было какого то взаимного “тяготения”. Чего то не было в одном случае и что то было в другом. “Идеализируют” не только на “утро” любви – “идеализируют” все время, пока любят, потому что... “влекутся” друг к другу, не думая о том, зачем и почему. Любовь есть нечто иррациональное и подсознательное. В разлуке я больше и думаю и вспоминаю о тебе. Здесь должно быть больше даёт себя знать наша подсознательная жизнь. И то, что ты думаешь и чувствуешь – невидимым путем доходит до меня, и я чаще с тобой и ближе, чем, если бы сейчас находился рядом с тобой. А так жалко, что не условился с тобой, по вечерам взглядывать на Полярную звезду и знать, что и ты смотришь на неё. Я столько раз всё хотел об этом написать, но как то забывалось. И вот я – эти месяцы – люблюсь звёздным небом, уже один отыскивая нашу милую северную звезду и глядя на неё вспоминал и думал о тебе... Ведь небо так приближает. Не разделяют ни горы, ни пустыни. Ты точно “рядом стоишь”.

...Марочка моя милая, как непоколебима во мне уверенность, что мы вместе переживём войну. Я знаю, что мать божия Ровандузская не даст мне погибнуть. Сколько раз это могло случиться и бог спасал.

И чем дальше, тем опытнее делаешься. И себя сберегаешь и других.

Надо кончать это пятидесятое – “юбилейное” письмо. Уже скрывается солнце за горами, бой стихает.

Мечтаю об отпуске. Уж какнибудь улажу. ...Если война кончится – то и отпуск пропадёт, а если нет – то кто может поручиться, что не будет на Рождество очереди?

...Целую тебя, милая моя, крепко. Остаюсь, как и был, всегда твой».

Там же. Д. 84. Л. 1-4 об.

Письмо к жене от 28-29 ноября 1916 г.

«Милая моя Марочка!

Получил сегодня Рус. Вед. – сразу десять номеров. ...А в общем, не знаю – что лучше – читать газеты и вообще следить за русской жизнью или быть отрезанным от нея. Так мало утешительного даёт она. Поневоле, читая Ключевского, думаешь не относится ли и к настоящему, чту он писал о прошлом, отмечая “неестественное отношение внешней политики гос-ва к внутреннему росту народа: народные силы в своём развитии отставали от задач, становившихся перед государством вследствие его ускоренного внешнего роста...” Правда, это звучит страшно современно? Как легко выносят – сравнительно, конечно, Англия и Франция эту войну. Германии не легко... но все таки она справляется со всеми затруднениями. И как мучительно всё протекает у нас!

...Не пора ли России, начинаешь думать – остановиться в своём внешнем росте, чтобы тем успешнее развить свои духовные силы. Ты знаешь, я всегда был жаден до земельных приобретений. Но вчитываясь в историю России – вижу, каким духовным и материальным “недоедом” отражалось это на нашей стране.

...Но все мои размышления – не должны для тебя являться чем то неожиданным. Я прекрасно помню, что прошлой зимой и весной... я писал, что осень 16 года должна быть “показательной” в смысле развития дальнейшего войны. Подводя итоги – вместе с тем “провидишь”. Всматриваясь в итоги – взвешиваешь и представляешь “слагаемые”.

...Внешняя жизнь моя, даже, как она сейчас сложилась – почти полное духовное одиночество – опять таки не может не благоприят-

ствовать размышлениям. Удовлетворение можно получить в области мнений, в споре. Но о чём будут со мной “спорить” Алимбазов или Партикевич? По неволе уходишь в книги, в самого себя.

...Ну, пока всего хорошаго. До почты ещё напишу. А пока целую тебя и кротов.

Твой Миша».

Там же. Л. 67-70 об.

Письмо к жене от 4 декабря 1916 г.

«Милая моя Марочка!

...Мир много даёт и много может дать для понимания... настоящей войны. Приходишь к заключению, что основные начала ведения войны – извечны. Ну, возьми хоть принцип “единоначалия”. – У нас заговорили об “объединении” сил и задач союзников чуть ли не в середине только второго года войны. Но это ведь не то, что “единоначалие”. Вильгельм распоряжается всеми своими союзниками, как хочет. А у нас, в печати, уже отмечалось, что Румыния в начале её вступления немного увлеклась своими национальными стремлениями и залезла в Трансильванию. А тут то в Добрудже и поприжали.

А такой шанс – как сообщение по “внутренним линиям”. Немцы могут сколько угодно перебросить войска с одного фронта на другой. ...Для нас – для союзных армий – это невозможно. Этот шанс – даже и при “единоначалии” – для нас не существует.

...Прочёл томик Чехова. Завез Партикевич от Сунженцев. Пахнуло так всё знакомым, близким и милым.

...Целую тебя, милая. Не верится, что близко Рождество. Как то у нас нет зимняго настроения.

Твой Миша».

Там же. Л. 75-76 об.

Письмо к детям от 4 января 1917 г.

«Милые мои детишки!

Мое письмо передаст вам мой денщик – пулемётчик Бердников. Он вам расскажет о наших походах, боях и вообще о нашей жизни в Турции и Персии.

В Петербурге Бердников первый раз. Покажите ему музей Александра III, Казанский Собор, съездите в Петропавловскую церковь, вообще туда, куда мама отпустит.

Посылаю вам камней, солончаковую землю, миндальные орехи. Других подарков отсюда не могу вам переслать.

Напишите и пришлите с ним письма. Что то мало пишете мне. А мне всегда интересно знать, что вы делаете, как занимаетесь.

...На счёт очковых змей, что вам дядя Виля рассказывал – конечно, это ерунда. Что касается огнепоклонников, то это верно – но и огнепоклонников часто называют солнцепоклонниками. Поклоняюсь “огню” – поклонялись солнцу – от солнца идет на земле все живое. Солнце – огонь – это животворящая сила. Не поймете – спросите маму.

Ну, деточки, мои милые, буду ждать от вас известий. Бердников расскажет о вас.

Напишите, как понравятся вам мои камни.

...Целую вас всех троих моих милых кротов.

Ваш папа».

Там же. Д. 87. Л. 32-33.

Письмо к дочери от 28 марта 1917 г.

«Милая моя дочка Веруша!

Получил вчера от тебя предлинное письмо – рассказываешь про оперу “Каменный гость”. Очень рад, что тебе понравилось. Вот погоди, может быть, приеду теперь в Петроград – совсем на житьё – тогда буду с тобой ходить (если будешь хорошо учиться в гимназии) в театры. Алёшу тоже возьмем – если ему будет интересно это. Всё таки он еще немножко мал...

А на счёт пения – Лосев совершенно прав, голос надо беречь – это божий дар, не всякому он посылается. Заслуги в этом у человека нет, если у него уродился хороший голос. А заслуга в том, чтобы не только сберечь голос, но развить его, сделать его ещё лучше. Приеду – ты мне споешь песенку... Вы уже, кроты, знаете, наверное, что я могу приехать в Петроград и уже не в отпуск, а на совсем. Мне бы хотелось попасть к началу мая в Питер – к белым ночам. Вы еще о них не имеете настоящего понятия, не выросли.

А через четыре-пять дней я уже буду стоять на горах, на высоте семи тысяч. Полюбуюсь звёздами. Теперь у нас тепло, тепло и там на

горах. Жить в палатках сейчас уже лучше, чем в домах. А на горах появились уже цветы, зелёная трава.

Вот встречу здесь горную весну, а затем приеду на вашу петербургскую.

Плохо стало теперь воевать, мои милые кроты, солдаты уже не те стали. Хотели сделать солдат гражданами, а они ими не сделались, и солдатами настоящими быть перестали.

Солдату теперь лучше живется, чем офицеру. Ни за что не отвечает, начальства не боится. Какие это воины, каждый думает о своей шкуре, а об отечестве, об России только на словах говорит. Солдат рабочие пожалели, а нас офицеров не пожалели, а что армия без офицеров сделает?

Ах, кроты мои, тяжело стало воевать. Легче было прошлое лето в Ровандузе сидеть, чем то переживать и видеть, что происходит».

Там же. Л. 34-35.

Сведения об авторах

Демченко Александр Иванович (Саратов) – доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского и Тамбовского музыкально-педагогического института имени С.В. Рахманинова, главный научный сотрудник и руководитель Международного Центра комплексных художественных исследований, заслуженный деятель искусств России, лауреат премии имени Д.Д. Шостаковича и Международной премии имени Николая Рёриха.

Козлов Сергей Алексеевич (г.Струнино Владимирской области) – доктор исторических наук; почти три десятилетия работал в Институте российской истории Российской академии наук старшим научным сотрудником, затем ведущим научным сотрудником; автор ряда стихотворных публикаций (литературный псевдоним – Сергей Кондратьев).

Котович Татьяна Викторовна (Беларусь) – доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Хренов Николай Андреевич (Москва) – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа Отдела зрелищных и медийных искусств Государственного института искусствознания, председатель Комиссии междисциплинарного исследования художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры».

Содержание

Александр Демченко (Саратов)	
Пять десятилетий трудов Максима Горького	3
Николай Хренов (Москва)	
Роман М.Горького «Жизнь Клима Самгина» и фильм В.Титова по этому роману	38
Александр Демченко (Саратов)	
Третий из Толстых	103
Татьяна Котович (Беларусь)	
Велимир Хлебников, 1913	126
Александр Демченко (Саратов)	
Восторги и разочарования Михаила Кузмина	156
Сергей Козлов (Струнино)	
Заветные письма	163
Сведения об авторах.....	343

Научное издание

Диалог искусств и арт-парадигм

Статьи. Очерки. Материалы

Том 59

По материалам XI Международного форума
«Диалог искусств и арт-парадигм» «SCIENCEFORUM PAN-ART XI»
2 апреля 2023 года

Время Шаляпина и Рахманинова

Редакторы В.Н.Алесенкова, С.П. Шлыкова
Компьютерная вёрстка С.П. Шлыковой

Подписано к печати 10.05.2023 г. Гарнитура «Таймс». Печать «RISO».
Усл.-печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 50. Заказ 35.

Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова
410012, Саратов, проспект им. Петра Столыпина, 1